

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

2015. Выпуск 8(1)

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, доктор технических наук, профессор, и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель, главный редактор) (г. Улан-Удэ, Россия); *А. В. Номоев*, доктор физико-математических наук, доцент, и. о. проректора по НИР (зам. председателя) (г. Улан-Удэ, Россия); *С. Н. Васильев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Института управления им. В. А. Трапезникова РАН (г. Москва, Россия); *Г. Ц. Дамбаев*, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН, член-корреспондент РАН (г. Томск, Россия); *Ван Ямин*, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, Китай); *М. Р. Бакланов*, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник межуниверситетского центра ИМЕС (г. Лёвен, Бельгия); *А. Л. Асеев*, доктор физико-математических наук, академик РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, Россия); *Оде Сесилия*, профессор, Амстердамский университет (г. Амстердам, Нидерланды); *П. А. Минакир*, доктор экономических наук, академик РАН, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск, Россия); *О. В. Матыцин*, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК (г. Москва, Россия); *К. Цецура*, доктор философии по коммуникации и связям с общественностью, профессор Университета Оклахомы (г. Норман, США); *П. Ю. Саух*, доктор философских наук, профессор, ректор Житомирского государственного университета (г. Житомир, Украина).

Редакционная коллегия выпуска

Д. И. Бураев, д-р ист. наук, проф. (гл. ред.); *Л. Е. Янгутов*, д-р филос. наук, проф.; *О. Д. Тугулова*, канд. филол. наук, доцент; *Ж. Б. Бадагаров*, канд. филол. наук; *Д. В. Дашибалова*, канд. филол. наук; *В. В. Дашеева*, канд. филол. наук, доцент; *А. А. Базаров*, д-р филос. наук, проф., *А. Ш. Кадырбаев*, д-р ист. наук, проф.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: vestnik_econom@bsu.ru

Адрес издателя
670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на англ. яз. *Д. И. Бураев*

Редакторы статей на китайском
языке *О. Д. Тугулова*

Редактор *Ж. В. Галсанова*

Компьютерная верстка
Н. Ц. Тахинаевой

Подписано в печать 20.10.15.
Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 26,62. Уч.-изд. л. 20,26.
Тираж 1000. Заказ 288.
Дата выхода в свет 30.11.15.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

© Бурятский государственный университет, 2015

УДК 821.581

«ЛИТЕРАТУРА РОДНЫХ КРАЕВ» НА ТАЙВАНЕ. ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ И ТЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

© *Аюшеева Наталья Гармаевна*

преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: ayoush@mail.ru

В статье даются краткие биографические сведения и анализ произведений писателей, творчество которых составляет основу популярного на Тайване направления «Литература родных краев», или, как ее называют некоторые критики на острове, «националистическая» литература. Главная тема писателей данного литературного направления — проблема сохранения традиций, языков коренных народов острова. Произведения через бытописание, вкрапления диалектных слов, выражений передают национальный колорит Тайваня.

Ключевые слова: современная китайская литература, тайваньская литература, этнопроза, тайваньский вопрос, патриотическая тема.

«NATIVIST LITERATURE» IN TAIWAN. THE MAIN REPRESENTATIVES AND THEMES

Natalia G. Ayusheeva

assistant of the Department of philology of Far East countries Oriental Institute
of Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article provides brief biographical information and analysis the works of the writers whose works form the basis of the popular Taiwan literary movement «Nativist literature» or «nationalist» literature. The main theme of their works is preserving the traditions and languages of indigenous peoples of the island. Works through description of the way of life, dialect word and expressions convey Taiwan's national colour.

Keywords: modern Chinese literature, Taiwan literature, ethnic prose, Taiwan question, patriotic theme.

Термин «литература родных краев» (этнопроза) появился благодаря так называемым «рассказам о родине» Лу Синя, таким как «Моление о счастье», «Снадобье» и др. Местом действия этих рассказов становятся маленький уезд, небольшой город, а главными героями являются простые жители, как правило, с очень непростой судьбой. Публикация этих рассказов в 20-е гг. прошлого столетия вызвала большой общественный резонанс и породила огромное число последователей. «Вслед за Лу Синем писатели в своих произведениях описывают деревенскую жизнь, полную трудностей жизни крестьян. Позже произведения с похожей тематикой оформились в литературное направление, которое стали называть «Литература родных краев» (乡土文学). Видными представителями являются такие писатели, как Пэн Цзяхуан, Шэнь Цунвэнь, Цзя Пинва, Сяо Хун, Чи Цыцянь и др.» [3, с. 27]. Основной проблематикой произведений является индивидуальное стремление авторов к национальному самосознанию, национальной идентификации, не случайно среди писателей этого литературного направления много представителей национальных меньшинств.

Именно благодаря своей проблематике «литература родных краев» получила широкое распространение на Тайване, где вопрос национального самосознания всегда стоял остро и является актуальным по сей день. Особый политический, экономический статус Тайваня, исторические процессы, там происходившие, оказали глубокое влияние на самосознание тайваньцев, ситуация на острове в настоящее время также стимулирует появление большого количества произведений, отражающих желание сохранить свои традиции, национальный колорит. Это становится актуальным и в связи с глобализационными процессами, все большим влиянием западной культуры на тайваньское общество

и происходящей огромными темпами индустриализацией острова. Именно поэтому творчество коренных жителей острова, предпочитающих писать о Тайване и его жителях, об их заботах и трудностях, о страданиях и борьбе против иноземных захватчиков, неизменно пользуется спросом у читателей.

«Литература родных краев», сформировавшаяся на Тайване в 60-х годах XX века, — это литература о Тайване, созданная коренными тайваньцами. На начальном этапе представители данного литературного направления писали об исторической судьбе Тайваня, в центре внимания были и политические аспекты — борьба с колонизаторами, стремление сохранить национальную самобытность, вынужденное участие тайваньцев в тихоокеанской войне.

На современном этапе писатели изображают сугубо современную тайваньскую действительность, находящуюся в процессе радикальных изменений, и в то же время выявляют особенности национальной психологии и моральный облик общества, влияющие на этот процесс. Многочисленные писатели, примыкающие к этому течению, творят в разных литературных стилях, хотя реалистическая манера исполнения является приоритетной [6, URL: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=39000&CtNode=1508.html>].

Одним из основных представителей данного течения является Хуан Чуньмин (黄春明). Родился 13 февраля 1935 г. в городе Илан, на северо-востоке Тайваня. В 60-х годах XX в. становится главным представителем «литературы родных краев», где описывается жизнь сельских жителей Тайваня. «В рассказах, собранных в книге «Вкус яблок» («苹果的滋味»), он описывает различия между жизнью островитян и китайцев на материке, а также отражает жизнь бедной части населения в 1970-х гг., высмеивает поклонение островного населения Америке» [1, с. 90]. Во введении он написал: «В 60-х и 70-х годах, когда современные идеи и технологии начали внедряться в жизнь маленького городка уезда Ланьян, где я родился, возникают многочисленные конфликты между новым и старым. Это послужило хорошим источником богатого и драматического материала. Всякий раз, когда я узнаю о новых драмах и спектаклях, произошедших в моем городе, во мне появляется желание написать об этом» [4, с. 3]. Одной из главных причин этих различий является употребление разных языков — так называемого «тайваньского языка» и «гуаньхуа» (官话) — государственного языка материкового Китая. Другой темой его произведений является влияние современности на жизнь в деревнях. В рассказе «Рыба» («鱼») описываются взаимоотношения между дедушкой, который всю жизнь провел в деревне на острове, и его внуком-подростком, который хочет повидать весь мир. Рассказ «Гонг» («锣») — это история пожилых, брошенных и голодных людей. Один из героев теряет работу глашатая в связи с появлением современных способов связи и находит новую в ритуальной фирме. История отражает мучения и чувство отчаяния главного героя, его двойственное отношение к новым друзьям-коллегам.

Главные герои в произведениях Хуан Чуньмина — это простые рыбаки и сельские жители, которые сильно привязаны к природе и красоте родных мест. Храмы и пагоды, народные верования, баньян, скумбрия, воробьи, батат, яркое солнце, мистическое описание окружающей природы — все это присутствует почти в каждой истории.

Известный поэт, писатель и критик Ян Му (杨牧) родился 6 сентября 1940 г. в уезде Хуалянь, Тайвань. Его настоящее имя Ван Цзинсянь (王靖猷), он является одним из выдающихся представителей современной литературы Тайваня благодаря соединению изящного стиля классической китайской поэзии с элементами западной культуры. Помимо романтических сюжетов он также затрагивает проблему человеческой доброты и гуманности, что и принесло ему всемирное признание и уважение.

Будучи весьма плодовитым писателем, Ян издал 16 поэтических сборников, 15 сборников рассказов, 1 стихотворную пьесу и продолжает писать в настоящее время. Эти поэтические сборники, в которых публика увидела новое очарование романтических стихов, Ян опубликовал под псевдонимом Е. Шань. Позднее он выпустил еще 12 сборников стихов уже под именем Ян Му. «Песнь Большой Медведицы», опубликованный в 1978 г., был использован известным тайваньским писателем Ван Вэньсином в качестве предисловия, где он отмечает высокое мастерство использования языковых средств [2, с. 63].

Пьеса в четырех действиях «У Фэн» («吴凤») была опубликована в 1979 г. и является одной из выдающихся работ Ян Му. Повествуя об истории Тайваня, автор выступает за гуманное отношение людей друг к другу и доброжелательность к окружающим.

Произведения Ян Му переведены на английский, немецкий, французский, японский, голландский и другие языки. Он получил множество наград, в числе которых награда «Лучшему китайскому писателю в мире».

Следующий представитель «литературы родных краев» — Ван То (王拓), или Ван Хунцзю (王紘久). Он родился 9 января 1944 г. в деревне Бадоуцзы. Его первый рассказ «Дерево-виселица» («吊人树») был опубликован в 1970 г. Последующие рассказы он создавал в своей родной деревне, опираясь на жизненный опыт и события, происходившие на его родине. Одним из его наиболее известных произведений является повесть «Тетушка Цзиньшуй» («金水姊»), написанная в сентябре 1976 г., где описывается история жизни вышеупомянутого героя [5, с. 1].

Тетушка Цзиньшуй поначалу работает мелким уличным торговцем, затем, добившись успеха, она дает образование своим шести сыновьям. Однако вскоре ее жизнь кардинально меняется — обманутая священником, представившимся ее сыном, она лишается всех своих сбережений и не в состоянии оплатить налоги; ее родственники и друзья отворачиваются от нее, и наступают тяжелые времена. Позже по этому произведению был снят фильм.

Романы «История гавани Коровье брюхо» (牛肚港的故事), опубликованный в 1982 г., и «Тайбэй, Тайбэй!» («台北, 台北!»), написанный в 1983 г., были созданы во время тюремного заключения. После освобождения в 1984 г. Ван То настаивает на создании суверенного государства Тайвань, не принадлежащего континентальному Китаю, однако этот вопрос уже на протяжении длительного времени остается открытым.

Еще одним представителем данного литературного направления является Чэнь Инчжэнь (陈映真, 1936 г.). Он родился в северной части острова, его отец был набожным христианином, несмотря на это, Чэнь сам никогда не был христианином. Он окончил Тайваньский национальный университет. В 1959 г. начал писать небольшие рассказы, изображающие жизнь в маленьких деревнях и городах острова. Будучи против модернистского направления, которого придерживались профессора и однокурсники Тайваньского национального университета, он следовал традиционному реализму, описывая тяжелую жизнь деревенских бедняков. Писатель изображает страдания и отчуждение тайваньских фермеров, которых окрестили несостоятельными из-за появления недобросовестного делового класса. Чэнь также выступает против попытки американизации Тайваня, которая разрушительно воздействует на местную культуру. «Генералы» («将军组») — одна из его известных работ, повествующая о музыкантах, играющих на похоронах и траурных церемониях, которые вскоре теряют свою профессию вследствие быстрого индустриального развития Тайваня. В рассказах «Мертвецы» («死者», 1960 г.) и «Яблоня» («苹果树», 1961 г.) Чэнь Инчжэнь показывает свое двойственное отношение к социальным переменам на острове в период урбанизации. По его мнению, с одной стороны, модернизация общества лишает простых трудящихся рабочих мест; с другой стороны, прогресс неизбежен и даже необходим, так как жители деревень — это в основном бедные крестьяне и работники. Рассказ «Мертвецы» повествует о городском жителе, который возвращается в деревню, чтобы проститься с умирающим дедушкой. А рассказ «Яблоня», напротив, описывает молодого человека, который сбегает из своего дома в деревне и направляется в город, попадая в бедный городской район. В этих произведениях автор стремится показать, что и деревни, и города на острове — это кошмарные сосредоточения бедности, страданий, печали и жестокости.

Писательница Ли Ан (李昂, настоящее имя Ши Шудуань 施淑端, 1952 г.) также является представителем «литературы родных краев». Родилась 7 апреля в г. Луган на Тайване. После окончания Китайского университета культуры и получения степени магистра философии Ли Ан изучала драматическое искусство в университете Орегона. В 16 лет она написала рассказ «Цветочный сезон» («花季»), который быстро сделал ее знаменитой в литературных кругах. В романе присутствует двойное повествование — описываются тайные фантазии главной героини и подлинные события, происходящие с ней в данный момент повествования. «Произведение явилось предпосылкой модернистского течения, которое позже процветало в литературе острова. В нем также ощущается большое влияние зарубежных веяний и течений» [7, с. 182].

Писатель охотно тяготеет к новому и необычному, надеясь разрушить оковы, обусловленные многолетней культурной изоляцией острова и политическими притеснениями со стороны других стран. С самого начала романа «Цветочный сезон» рассказчик приглашает читателей пуститься в пучину удовольствий, наслаждаясь молодостью и беззаботностью вопреки всем социальным нормам и устоям. Безусловно, читатель, как и главная героиня, понимает, что их фантазии, скорее всего, никогда не

воплотятся в реальности. Тем не менее благодаря таким фантазиям и выдумкам современная действительность не кажется такой серой и безжизненной.

Проникновение иной культуры в конце 1960-х — начале 1970-х гг. также было отображено в произведении «Молодость» («*年华*»), которое было написано в начале 1970-х гг. (однако издано позднее). Автор показывает свои смешанные чувства в отношении нового художественного течения «возвращение в родные места», все более увлекаясь западной культурой, литературой, кинематографом, сыгравшими значительную роль в становлении культуры многих стран Азии в послевоенные годы. Произведение «Молодость» — пример новой, экстраординарной модернистской литературы, испытавшей влияние Запада [7, с. 180].

На Тайване тема родных краев весьма актуальна и по сей день, несмотря на то, что наиболее значимые и крупные произведения были написаны в конце прошлого столетия. Обусловлено это богатой историей и неоднозначным политическим статусом острова: с одной стороны, он входит в состав КНР и является его неотъемлемой частью, а с другой — имеет собственное правительство и руководство, возникшее после прибытия сюда сторонников Гоминьдана в 1949 г. Данное явление известно в мире как «тайваньский вопрос». Проблема «тайваньского вопроса» активно обсуждается в публицистических произведениях, на телевидении, радио и в интернете. И хотя интернет-пространство в Китае является одним из самых контролируемых, с многоуровневой системой цензуры, интернет-пользователи все же оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения людей. Однако литературные произведения, описывающие самобытность и культурные особенности острова, его специфику и уникальность, вовсе не нацелены на разжигание внутригосударственных конфликтов и разногласий. Напротив, большинство писателей и поэтов стараются стимулировать культурное взаимообогащение и ознакомление жителей материка с традициями и обычаями жизни островитян. Поэтому произведения поэтов и писателей Тайваня популярны как на острове, так и на материковом Китае.

Таким образом, содержащие подробное описание богатых традиций, обычаев, деталей повседневной жизни, с одной стороны, и поднимающие актуальные проблемы современного общества произведения тайваньских писателей, продолжая лучшие традиции «литературы родных краев», дополняя ее национальным колоритом острова, отражают проблемы, встречающиеся не только на Тайване, в Китае, но и во всем мире. Именно поэтому произведения писателей «литературы родных краев» пользуются популярностью и выходят большими тиражами в упрощенной иероглифике на материке, издаются на многих иностранных языках.

Литература

1. Ван Янь. Анализируя рассказ Хуан Чуньмина «Вкус яблок» // Исследования по современной китайской литературе. Пекин, 2009. 157 с. 王衍. 解析黄春明短篇小说《苹果的滋味》 // 中国当代文学研究. — 北京: 现代语文, 2009. 157页.
2. Е Шитао. Навстречу тайваньской литературе. Тайбэй, 1990. 268 с. 叶石涛. 走向台湾文学: 台北: 自立晚报社文化出版部. 1990. 268页.
3. Лю Мэнган. Ключевые моменты в развитии литературы родных краев. Пекин: Жэньминьжибао, 2000. 15 июля. С. 25–34.
4. Хуан Чуньмин. Вкус яблок. [Электронный ресурс]. URL: <http://docin.com/p-26313134.html> (дата обращения: 4.01.2014).
5. Baiwenbaikezaixian. WangTuo [Электронный ресурс]. URL: <http://zwbk.org/MyLemmaShow.aspx?lid=448664> (дата обращения: 10.10.2015).
6. Gao П. На пути к национальной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://taipanorama.nat.gov.tw>.
7. Sung-Sheng Chang. Modernism and the Nativist Resistance: Contemporary Chinese Fiction from Taiwan / Duke University Press, 1993. 243 p.

УДК 811.512.36

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

© *Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна*

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

Статья посвящена дейктическим глаголам современного монгольского языка. Известно, что дейксис является антиноминацией, а дейктической функцией характеризуются местоимения и местоименные наречия. Наряду с указанными единицами дейктическую систему монгольского языка составляют дейктические глаголы, являющиеся самостоятельным лексическим классом и обладающие уникальной структурой. Ядерные дейктические глаголы имеют свободную сочетаемость, неядерные, напротив, ограничены в своей сочетаемости с именными компонентами. Неядерные единицы в монгольском языке представлены глагольными фразеологизмами. Специфика монгольского глагольного дейксиса заключается в наличии особых разрядов дейктических глаголов, представленных глаголами со значением «таковости», изобразительными глаголами различного типа восприятия и звукоподражательными глаголами. Таким образом, монгольская глагольная дейктическая система представлена широким спектром средств выражения указательности.

Ключевые слова: монгольский язык, дейксис, дейктические глаголы, указательность, языковой смысл, ядерность, неядерность.

DEICTIC VERBS OF THE MONGOLIAN LANGUAGE

Nadezhda B. Badmatsyrenova

PhD, senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia
Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The presented paper is devoted to the deictic verbs of modern Mongolian language. It is known that deixis is an anti-nomination and pronouns and pronominal adverbs are characterized by deictic function. In addition to these units deictic system of the Mongolian language consists of deictic verbs, which are independent lexical class with its own unique structure. Nuclear deictic verbs have a free compatibility, non-nuclear, in contrast, are limited in their compatibility with the name component. Non-nuclear units in the Mongolian language are presented by verbal phraseology. The specifics of the Mongolian verbal deixis is the presence of specific classes of deictic verbs, «such» meaning verbs, visual perception verbs of different types and onomatopoeic verbs. Thus, the Mongolian verbal deictic system is represented by a wide range of means of demonstration.

Keywords: Mongolian language, deixis, deictic verbs, demonstration, linguistic meaning, nuclear, non-nuclear.

Дейксис представляет собой использование единиц языка и других знаков (жестов, мимики и др.), интерпретация которых возможна посредством физических координат коммуникативного акта (участников, места и времени). Такие вербальные средства принято называть дейктическими выражениями или элементами. Традиционно выделяют три основных вида дейксиса — персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, — это местоимения 1 и 2 лица (*би* «я», *та* «вы»), локативные (*энд* «здесь») и временные (*одоо* «сейчас») выражения. Представленные единицы тождественны прагматическим переменным речевого акта (термин Е. В. Падучевой) [1, с. 30], или эгоцентрическому дейктическому центру, на который ориентируются участники коммуникативного акта (*я* — *здесь-сейчас*).

Особое место в дейктической системе монгольского языка занимают дейктические единицы — слова и устойчивые сочетания, означающие наиболее абстрактные понятия, вокруг которых группируется вся номинативная лексика. Так, дейктические глаголы наряду с указательными словами как группы «слов с окказиональным вещественным значением» [2, с. 35] относятся к области носителей собственно языковых смыслов. Целевая направленность данных единиц заключается в номинации ситуации в целом или собственно предикатов. Таковыми являются глаголы *хийх* «делать» (о действиях, деятельности, исходящих от активного субъекта, а также в речи о любом состоянии субъекта: производить такие действия, пребывать в таком состоянии), *уйлдэх*, *хөдлөх* «действовать»,

бүтээх «совершать», *биелүүлэх* «осуществить», *гүйцэтгэх* «производить», *байх*, *хүлээх*, *хаах* «состоять», *орох* «оказаться» (в каком-н. положении). Многофункциональный глагол *байх* «быть» также относится к числу дейктических глаголов. В монгольском языке данный глагол претерпел грамматикализацию и наряду с бытийным значением на данный момент имеет преимущественно служебное значение, перейдя в разряд служебных глаголов.

Другим специфическим разрядом дейктических глаголов в монгольском языке являются единицы со значением «таковости», ср.: *яах* «что делать», «как делать», *ингэх/чингэх*, *тэгэх* «делать так, таким образом». Грамматикализированные формы данных дейктических глаголов выступают в качестве служебных слов (союзов, послелогов и др.), ср.: *яагаад* «почему», *ингээд/тэгээд* «так, таким образом». Это связано, прежде всего, с неполнозначной семантикой указанных единиц.

Исторически сложилось, что дейктические глаголы не принято выделять в отдельный, самостоятельный лексический разряд слов. Так, в тематических (идеографических) словарях они обычно упускаются из поля зрения. Несмотря на это, в лексической системе монгольского языка разряд данных глаголов вкупе с указательными словами (термин В. И. Рассадина) составляет единую систему собственно означающих слов, которые заключают в себе основные языковые смыслы с предельной степенью языковой абстракции: они вместе с указательными словами формируют собственно языковой строй языка.

Таким образом, дейктические глаголы являются достаточно закрытым самостоятельным лексическим разрядом, имеющим свою уникальную структуру. Среди дейктических глаголов выделяются глаголы ядерные (базовые, основные, центральные) и неядерные, т. е. фразеологически связанные, с ограниченной сочетаемостью или связанным значением. Ядерные дейктические глаголы — это глаголы со свободной (или в некоторых случаях почти свободной) сочетаемостью. Указанные единицы, означая действия, процессы, процессуальные состояния в частности, и языковые ситуации в целом, характеризуются абсолютным узусом. Как следствие, в сферу их функционального охвата входят все смыслы, относящиеся к сфере действий, процессов, состояний. Орбиту любого ядерного глагола в монгольском языке составляют глаголы, которые можно назвать сопутствующими и которые разграничивают соответствующий смысл и определяют сферу функций дейктического глагола. Например, в глаголе *үзэх* «испытывать» (состояние физическое, ментальное, модальное, эмоциональное) присутствуют смыслы «ощущать»; «чувствовать»; «находиться в каком-н. состоянии»; «оказываться в каком-н. случайном положении». Внутри ядерных глаголов выделяется небольшая группа слов с качественно-характеризующим компонентом, изобразительные глаголы разного типа восприятия (зрительного, слухового, ментального) (например, *марзаганах* «кривляться, дурачиться», *аашилах* «неправильно вести себя, грубо поступать по отношению к кому-л.», *маяглах* «жеманничать, вести себя странно»). К неядерным дейктическим глаголам относятся слова с абстрактными связанными значениями, т. е. с несвободной сочетаемостью. В словарях такие глаголы обычно описываются и толкуются, опираясь на обязательно присутствующее при них слово (имя или инфинитив). Значения этих глаголов реализуются строго в сочетании с такими единицами, в обращённости к определённым понятиям и их номинациям. Эти связанные сочетания представляют собой как бы контекстуально обусловленную реализацию общих значений ядерных глаголов. Так, например, вокруг ядерного глагола *биелүүлэх* «осуществить» («сделать, произвести то, что заранее предполагалось») группируются следующие неядерные глаголы со связанными значениями: *тогтоох* «установить» (*дэглэм тогтоох* «установить режим», *шинэ дүрэм тогтоох* «установить новые правила»), *гүйцэтгэх* «выполнить» (*санаснаагүйцэтгэх* «выполнить задуманное», *амалснаагүйцэтгэх* «выполнить обещанное»), *ашиглах* «применить» (*шинэ арга ашиглах* «применить новый метод»). Неядерные глаголы членятся на три группы: «глаголы, способные означать действие», «глаголы, способные означать состояние», «глаголы, способные означать как действия, так и состояния».

В ряде случаев дифференциация общего смысла ядерного слова глаголами со связанными значениями, сопровождающаяся наращиванием определенных смысловых компонентов, носит последовательный характер, что позволяет выделить особые подмножества глаголов, объединённых общим широким значением. Таковы, например, следующие подмножества: глаголы со смысловым компонентом порождения, причины: *төрүүлэх* «будить» (*сэтгэл төрүүлэх* «будить чувства»), *асах* «загораться» (*дур хорхой нь асах* «увлекаться»), *татах* «привлекать» (*сонирхол татах* «привлекать интерес»), *сануулах* «навеять» (*дурсамж сануулах* «навеять воспоминание») и др.; глаголы со смысловым компонентом обнаружения, проявления: *харагдах* «выглядеть» (*гэнэн харагдах* «выглядеть простоком»), *харуулах* «обнаружить» (*баярласнаа харуулах* «обнаружить свою радость»), *үзүүлэх* «показать»

(*мэдлэгээ үзүүлэх* «показать знания»), *гаргах* «проявлять» (*хайхрамжгүй байдал гаргах* «проявить равнодушие») и др.; глаголы со смысловым компонентом направленности, устремлённости: *тавих* «задаться» (*зорилго тавих* «задаться целью»), *хандуулах* «направить» (*анхаарал хандуулах* «направить внимание на кого-что-н.») и др.

Особое множество периферийных дейктических глаголов составляют слова с компонентом качества или оценки. Эти глаголы могут обозначать самые разнообразные действия, сводимые к одному семантическому центру «делать», одновременно заключая в себе характеристику, оценку действия.

Особой дейктической функцией в языке обладают специфические по своей семантике звукоподражательные глаголы, не имеющие парадигмы (называемые также междометными глаголами), образующиеся в монгольском языке посредством сочетания междометий, передающих различные образы (звуковые, зрительные и др.) с ядерным глаголом *хийх* «делать» типа *жирвэс хийх* «блеснуть, сверкнуть (о молнии)» досл. «делать блеск», *нир хийх* «грянуть, раздаться (например, о музыке)» досл. «делать гром». С течением времени и, предположительно, в связи с высокой частотностью употребления составные компоненты некоторых единиц из указанного разряда стали осмысливаться настолько спаянно, что в настоящий момент занесены в словарные статьи в качестве полноценных глаголов, ср.: *зайлсхийх* «отстраняться, устраняться, уклоняться», *гялсхийх* «сверкать, мерцать». В приведенных примерах значение глагола *хийх* нивелировано, на передний план выходит значение междометного слова, характеризующее смысл нового глагола в целом.

Таким образом, дейктические глаголы имеют своей функцией указание на действие, процесс, состояние, сферой деятельности данных единиц является типология смыслов/типология языковых ситуаций, указывающая, дейктическая семантика сближает их с местословиями/указательными словами. В монгольском языке выделяется несколько центральных (ядерных) дейктических глаголов, наряду с которыми существует множество периферических (неядерных) единиц. Специфика монгольской дейктической системы заключается в глаголах со значением «таковости», а также в изобразительных глаголах различного типа восприятия. Таким образом, здесь представлен лишь предварительный обзор типологии дейктических глаголов монгольского языка, предполагающим детальное и подробное исследование данного класса дейктических единиц.

Литература

1. Падучева Е. В., Крылов С. А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984. С. 24–73.
2. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста: Изд-во КГУ, 2011. 239 с.

УДК 821.51

**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ДРАМАТУРГИИ С. БУЯННЭМЭХА
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «ЮНОША-БОГАТЫРЬ ТЭМУДЖИН»)**© *Бадмаева Оюна Мункуевна*

аспирант кафедры иностранных языков естественно-научного направления

Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: badmaeva.oyuna@mail.ru

Статья посвящена исследованию пьесы «Юноша-богатырь Тэмуджин», написанной в 1928 г. С. Буяннэмэхом (1902–1937). Сономбалжирын Буяннэмэх — репрессированный монгольский писатель, талантливый поэт, прозаик, драматург, а также критик и литературовед, один из основоположников послереволюционной монгольской литературы. Пьеса «Юноша-богатырь Тэмуджин» является ярким примером драматического произведения монгольской литературы начала XX века, в котором впервые введен образ Чингисхана.

Автор статьи раскрывает содержащиеся в тексте пьесы фольклорные элементы, приводит примеры фольклорных вставок на монгольском и русском языках. В статье отражены жанровые, сюжетные особенности произведения в сравнении с древним монгольским литературным памятником XII века «Сокровенное сказание монголов». Особое внимание уделено анализу женского образа пьесы — образа Оэ-лун-эке.

Ключевые слова: монгольская драматургия начала XX в., Сономбалжирын Буяннэмэх, пьеса «Юноша-богатырь Тэмуджин», «Сокровенное сказание монголов», фольклорные элементы.

**TRADITIONAL AND NEW IN BUYANNEMEKH'S DRAMA WORKS
(ON THE EXAMPLE OF PLAY «THE YOUNG MAN BOGATYR TEMUJIN»)***Oyuna M. Badmaeva*

Research assistant of Foreign Language Department for Natural Sciences

of Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article presents the research on the play «The young man bogatyr Temujin», written in 1928 by S. Buyannemekh (1902–1937). Sonombalzhiryn Buyannemekh is a repressed Mongolian writer, a talented poet, novelist, playwright and literary critic, he is one of the founders of the post-revolutionary Mongolian literature. The play «The young man bogatyr Temujin» is a prime example of a drama work of the early XX century's Mongolian literature, in this play for the first time the image of Genghis Khan is introduced.

The author reveals the folklore elements contained in the text of the play, examples of folk inserts in Mongolian and Russian languages are given. The article describes the genre, plot features of that drama work in comparison with the ancient Mongolian literary monument of the XIII century, «The Secret History of the Mongols». Particular attention is given to the analysis of the female image of the play — the Hoelun-ke image.

Keywords: Mongolian drama of the early XX century, Sonombalzhiryn Buyannemekh, the play «The young man bogatyr Temujin», «The Secret History of the Mongols», folk elements.

После Народной революции 1921 г. в Монголии происходили глубокие изменения как в социально-экономических отношениях, политической сфере, так и в духовной жизни. Начинается становление современной монгольской литературы, в той или иной степени отражавшей все эти перемены, стремившейся к художественному их осмыслению. Специфика и своеобразие историко-культурного развития Монголии на протяжении предшествующих столетий повлияли и на процесс зарождения национальной драмы.

Новый революционный строй не получил в наследство от феодальной государственной системы ни одного светского и профессионального учреждения культуры. Активизация литературного процесса в Монголии в XIX в. не коснулась сферы драмы, в то время как другие жанры литературы получили дальнейшее развитие. Наиболее талантливые представители монгольской средневековой словесности не дожили до победы революции 1921 г. В результате литературная традиция оказалась прерванной. Фольклорное искусство стало единственной духовной пищей народа. В первое десятилетие существования республики начинающие литераторы обращались к фольклорному наследию, чрезвычайно богатому сценическими элементами.

Исследование пьес основоположников современной монгольской драматургии с позиций фольклоризма позволяет выявить степень их мастерства и самобытности, более глубоко проникнуть в художественную ткань произведений и осмыслить их с позиций общенародных и региональных фольклорных традиций.

Ярким и самобытным представителем монгольской драматургии 30-х гг. был Сономбалжирын Буяннэмэх. Его драматургия отличается не только жанрово-тематическим разнообразием, но и целенаправленным поиском новых художественных форм. Пьесы С. Буяннэмэха можно разделить на революционные — «Краткая история недавнего времени, или Амбань Сандо» (Ойрхи цагийн товч түүх буюу Сандо Амбан), «Обладатель золотого соёмбо — славный маршал Сухэ-Батор» (Эрдэнэт соёмбын эзэн эрэлхэг жанжин Сүхбаатар), «Семь народных героев» (Ардын долоон баатар); политические и исторические — «Темная власть» (Харанхуй засаг), «Десять лет» (10 жил), «Юноша-богатырь Тэмуджин» (Баатар хөвгүүн Тэмүүжин); морально-этические — «Марал и Шар» (Марал Шарын жүжиг), «Правда» (Үнэн), «Расчетливый лама» (Шалиг лам), «Развитый монгол» (Хөгжилтэй монгол), «В оковах трех пороков» (Гурван хорын хүлээс); и другие — «Ночная нечисть» (Шөнийн буг), «Черный барс» (Хар барс), «Юноша в дэли» («Аргалан дээлтэй хүү»).

Древнемонгольские литературные традиции, обращение к историческим истокам находят свое отражение в пьесе С. Буяннэмэха «Юноша-богатырь Тэмуджин» («Баатар хөвгүүн Тэмүүжин»). Впервые в литературе 1930-х гг. главным действующим лицом драматического произведения становится Чингисхан.

Пьеса «Юноша-богатырь Тэмуджин» состоит из 9 явлений, количество действующих лиц равно 21. Пьеса повествует о юных годах Тэмуджина. Описываемый период начинается с поездки Есугея вместе со старшим сыном Тэмуджином в земли племени Хончила в поисках невесты, а завершается возвращением домой Тэмуджина — сына, «к великому счастью спасшегося из тайчиутского плена» [1]. Все основные события юности Тэмуджина отражены в сюжете пьесы: сватовство, смерть Есугея, предательство близкого друга семьи богатыря Тод Туяа, гибель старика Чирлаха, преградившего путь изменникам, пленение Тэмуджина его заклятыми врагами-тайчиутами и возвращение главного героя к матери.

Сравнив сюжеты пьесы «Юноша-богатырь Тэмуджин» и историко-литературной хроники 1240 г. «Сокровенное сказание монголов», можно заключить, что драматург Буяннэмэх описал лишь часть событий, зафиксированных в «Сокровенном сказании монголов» (параграфы 61–88). Оставляя без внимания родословную Чингисхана, Буяннэмэх начинает пьесу с эпизода, в котором счастливые сыновья Есугей-багатура и Оэлун-эке соревнуются в меткости по стрельбе из лука.

Автор, вероятно, преследовал цель — напомнить своим современникам о лишениях и тяготах, преодоленных Чингисханом в юности, и тем самым поднять единый дух народа, призывая всех монголов вместе начать активное строительство нового государства. В пьесе в отличие от «Сокровенного сказания монголов» отсутствует эпизод братоубийства, когда Тэмуджин с Хасаром пронзают Бектера стрелами спереди и сзади. В произведении С. Буяннэмэха семья Есугей-багатура и Оэлун-эке живет в единстве, мире и согласии. Это еще одно свидетельство пропаганды мира и единства в пьесе.

При изучении обоих текстов нами выявлено несоответствие некоторых имен героев, например:

«Сокровенное сказание монголов»

Чирха өвгөн

Тодоен-Гиртай (предатель, убийца старика Чирха)

Дэй Сэцэн (из племени Хонгирад)

Хонгирад (родное племя Борте-ужин)

Бортэ-ужин

«Юноша-богатырь Тэмуджин»

- Чирлаха өвгөн (Старик Чирлаха)

- Тод Туяа

- Дащчин

- Хончила

- Бөртгөлжний

В современном прочтении пьеса «Юноша-богатырь Тэмуджин» наполнена не только общечеловеческим, философским содержанием, но и богатыми лексико-стилистическими особенностями.

Трансформация в пьесе Буяннэмэха главным образом проявляется в усложнении образов общеизвестных персонажей памятника, сюжетной структуры и в обогащении художественных приемов. Внутренне осмыслив эпический текст, драматург создает произведение, где художественно-эмоциональная заданность способствует созданию многоплановости в изображении героев. По тому же пути происходит перевоплощение образов на сценической площадке, где летописное повествова-

ние с одномерной сюжетно-образной структурой усложняется для создания театральной зрелищности.

Буяннэмэх удачно использовал фольклорно-сюжетный фонд, устойчивую монгольскую символику и метафорику. Тэмуджин действует в пьесе как личность, с присущими ей индивидуальными чертами, в то же время он является доблестным сыном своих родителей, богатырем, символом мужества и отваги.

Однако, на наш взгляд, образ главного героя пьесы Тэмуджина недостаточно психологичен. Его герой находится больше в действии, чем в размышлениях. На всем протяжении пьесы мы находим единственный монолог Тэмуджина, в котором нет глубоких раздумий и переживаний. Духовный мир героя остается для зрителя загадкой. Попыткой раскрыть внутренние переживания Тэмуджина является отрывок пьесы, в которой С. Буяннэмэх использует фольклорный элемент — песню-вставку. В плену у тайчиутов Тэмуджин поет:

Внезапных врагов повстречал я в недобрый час,
Нет мочи домой возвратиться, в плену я у них,
Любимые братья мои живыми домой возвратились.
Я же племенем вражеским тайчиутов окружен,
Не смог я тотчас возвратиться в родное кочевье,
На вершине высокой горы остаюсь в одиночестве.
Страдаем от жажды и голода со скакуном моим верным,
Ни капли сострадания нет в сердцах тайчиутов свирепых,
Если б крылья имел, взлетел бы я в небеса,
Завистники тайчиуты окружили меня,
И сердце болит невозможно у матери милой моей,
Благодаря родителям достиг я 16-летнего возраста,
Кто ж знал, что буду я окружен недругами на горе,
Разбивается сердце мое на куски,
когда о матери Оэлун вспоминаю,
Тотчас готов улететь я к родному кочевью.

Гэмгүй явтал миний л бие дээ хөө хөө
Гэнэтийн дайсанд дайралдан бүслэгдэв хөө хөө
Гэнэдэж б үслэгдэхийн зовлонд ороод хөө хөө
Гэртээ буцах аргагүй болов хөө хөө
Хамт л явсан хайртай дүү нар минь хөө хөө
Харьж гэртээ буцсан болов уу даа хөө хөө
Харгис тайчуудад бүслэгдсэн миний бие хөө хөө
Харьж буцахын аргагүй болов хөө хөө
Өндөр уулын орой дээр хөө хөө
Өнчин бие минь ганцаараа хоцров хөө хөө
Үрээ хээр морьтойгоо хоёул хөө хөө
Өлсөж ундаасахын зовлонг эдлэв хөө хөө
Өшөөт харгис тайчуудын аймаг хөө хөө
Өршөөх сэтгэл ер ч үгүй хөө хөө
Өөрийн бие минь жигүүртэй болоосой хөө хөө
Өндөр тэнгэрт нисэн гарах юм сан хөө хөө
Атаат харгис тайчуудын аймаг хөө хөө
Уулын гадуур бүслэн байнаа хөө хөө
Амраг төрсөн Өэлүн эх минь хөө хөө
Аюулхай цээж нь бөглөрч байгаа хөө хөө
Ачит аав ээжийн хайр хишгээр хөө хөө
Арван чи зургаан насанд хүрвээ хөө хөө
Аюулт дайсны цэрэг учраад хөө хөө
Уулын дотор бүслэгдэхийг хэн санав хөө хөө
Эх Өэлүнг санахын хамтаар хөө хөө
Элэг болоод зүрх минь эмтрээд ирнээ хөө хөө
Эргэж гэртээ харихыг санамагц хөө хөө
Энэхэн чигээрээ нисээд явмаар[1].

(Здесь и далее перевод автора статьи).

В уста Тэмуджина автор вкладывает одну из основных идей пьесы — сохранение и продолжение отцовского рода. Пойманный тайчиутскими воинами Тэмуджин исполняет протяжную песню:

Эх, попался я врагам своим свирепым,
Не увижу я мать и братьев своих на чужбине,
Тотчас расправится со мной хан тайчиутский,
Не боюсь умереть, боюсь род отца своего истребить,
Ненавистные враги, убейте меня,
братья мои отомстят непременно.

Атаат дайсандаа баригдан барав аа хөө хөө
Амраг төрсөн ижий, дүү нараасаа хөө хөө
Алс чиг л газар салан дүүрэв өө хөө
Харгис дайсандаа баригдан барав аа хөөхөө
Харйтай ижий хамаг олон дүү нараасаа хөө
Харахын ч л зуур хагацан дүүрэв ээ хөө хөө
Алтан амиа алдахаас айхгүй хөө хөө
Аавын угсааг тасалхаас айна хөө хөө
Атаат дайсан та нар албал ал хөө хөө
Амраг дүү нар минь өшөөг авна хөө хөө [1].

Яркими, выразительными чертами наделена в пьесе Оэлун-эке — мать главного персонажа, ей отведена более значительная роль, чем Есугей-багатуру. Оэлун-эке предстает перед зрителем достойной женой, мудрой советчицей, сильной женщиной, способной самостоятельно защитить честь семьи. Оэлун внушает детям, что они принадлежат правящему роду и должны жить в мире и согласии между собой. Мужество Оэлун-эке автор попытался наглядно продемонстрировать в четвертом явле-

нии, когда богатырь Тод Туяа повел подчиненных Есугея к тайчиутам, принудив воинов к предательству. Обращаясь к войску покойного супруга, Оэлун-эке взывает: «Многочисленное войско, послушайте! Мой супруг Есугей обращался с каждым из вас как с родным братом. Теперь с какими же мыслями вы покидаете нас? Оставайтесь с нами, пока хотя бы мои дети не вырастят. Когда подрастут мои сыновья, достойным людям воздадим с благодарностью, полезным людям помощь окажем. Истинных врагов не минует беспощадная месть. Если вы запомнили прежние заслуги моего супруга, то исполнитесь состраданием к осиротевшим детям моим». Оставшись одна с пятью детьми, мудрая Оэлун гордо подняла знамя Есугея.

Песней-плачем выразил грусть и печаль материнского сердца Оэлун-эке автор пьесы Буяннэмэх:

Когда в добром здравии был супруг мой Есугей,
Со всех сторон примыкал к племени нашему народ.
Но когда смерть настигала мужа моего достойного,
И брат, и сват, все до единого предали нас,
Позабыв о долге, нарушив закон,
Разбрелись по десяти сторонам изменники.
В час недобрый завистливое племя тайчиутов
Схватили отрока моего славного, окружив на горе,
Расправиться с сыном желают враги.
Любимый сынок мой, тебя я под сердцем носила,
Теперь мне неизвестно, где жизнь твоя оборвется.
Хотя и проплакала все глаза твоя мать,
Вскормившая молоком сына родного,
Не знаю, когда повстречаюсь с тобой.
Даже если по бескрайним степям и горам
Тебя искать буду, сына дорогого,
Неизвестно, когда повидаясь с тобой.

Ачит нөхөр Есүхэй баатар түүний
Амьд ахуйн тэр нэгэн цагт
Амьтан хүн хэн ч атугай
Арван зүгээс хуралдан ирсэн бөлгөө.
Ай нэгэн цагт бие барахыг хамт
Айл аймгийн ах дүү боловч
Ачийг умартан журмыг тэрсэлж
Арван тийшээ урван явав.
Адаг сүүлсийн нэгэн цагт
Атаат Хулгай Тайчуудын аймаг
Амраг үрийг минь бүслэн авч
Амь биеийг нь сарниулахад хүрэв.
Арван сар ачиж хүн болгосон
Амраг үр минь Тэмүжин чи
Аль ямар уулын газар
Амь чинь үргэдсэнийг хэн мэдэв.
Ангир сүүгээ хөхүүлсэн эх чинь
Алаг нүдээ ширгэтэл уйлавч
Аль цагт учрахыг мэдэхгүй
Уул ус уудам талд
Амраг хөвгүүн чам юугаан эрэвч?
Аль өдөр ямар цагт
Уулзаж учрахыг олж мэдэхгүй [1].

С. Буяннэмэх в данной пьесе неслучайно заостряет внимание на личности Оэлун-эке. С одной стороны, в ней воплощены лучшие черты женских образов монгольского героического эпоса, Мандухай сэцэн-хатун из одноименной легенды. С другой стороны, автор в свете современных требований эпохи актуализирует персонаж Оэлун-эке. Она — олицетворение свободной личности, в полной мере обладающая всеми правами наравне с мужчинами. В этом видится социальный подтекст пьесы, ее современное звучание.

В тексте пьесы «Юноша-богатырь Тэмуджин» использован богатый арсенал изобразительно-выразительных средств: художественные сравнения, стилистические фигуры, эпитеты, метафоры, гиперболы. Автор умело применяет пословицы и поговорки, мудрые изречения. Например, оставляя Оэлун в одиночестве с детьми, изменник Тод Туяа говорит: «Когда воды иссякают, камни крошатся (монг. «Ус нэгэнт ширтэж, чулуу нэгэнт хатсан»). Нам, рожденным мужчинами, что остается делать, как не примкнуть к мощному племени»; после гибели старика Чирлаха Оэлун-эке дает наставления своим сыновьям: «Дети мои, вы должны поступать мудро. Вас окружают лишь недруги, враги хотят искоренить наш род. Помните, что нет друга кроме тени, нет кнута кроме хвоста. (монг. «Та нарт сүүдрээс өөр нөхөргүй, сүүлнээс өөр ташуургүй»). Проницательность — высшая из наук, мир и согласие — высшее из лучших (монг. «Эрдмийн дээд сэргэлэн, эрхмийн дээд эв болой»))» и т. д.

Таким образом, в текст пьесы «Юноша-богатырь Тэмуджин» введено большое количество фольклорных элементов — песен, пословиц, поговорок. В пьесе по-новому переосмысливается образ мудрой женщины-матери, система персонажей усложняется, образы приобретают характерологические качества, становятся более психологичными. В пьесе по-новому обыгрывается манера поведения героев, особое значение имеют беседы и диалоги. В пьесе «Юноша-богатырь Тэмуджин» писателю С. Буяннэмэху удалось естественным образом трансформировать повествовательную структуру па-

мятника монгольской литературы XIII века «Сокровенное сказание монголов» за счет введения диалогов и полилогов, фольклорных вставок в соответствии с требованиями драматургического жанра.

Литература

1. Буяннэмэх С. Түүвэр зохиол. Улаанбаатар, 1968.
2. Герасимович Л. К. Литература Монгольской Народной Республики (1921–1964). Л., 1965. 302 с.
3. Дүйнхэржав Г. Сономбалжирын Буяннэмэхийн Улс төрийн намтар. Улаанбаатар, 1997.
4. Мордвина Т. Н. Мифо-ритуальные и фольклорные традиции в драматургии Бурятии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009.
5. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ, 1990.

УДК 811.512.3

НАЗВАНИЯ ШОРНЫХ ИЗДЕЛИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© *Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: bairka2002@list.ru

Основным занятием монгольских народов было кочевое скотоводство, которое давало продукты питания и материал для изготовления предметов быта и шитья одежды, обуви. Статья посвящена сравнительному изучению названий шорных изделий, которые начинают забываться и переходят в пассивный запас лексики. Проанализированные данные показывают, что названия шорных изделий в сравниваемых языках — общемонгольского происхождения. Многие ранние заимствования из тюркских и русского языков в настоящее время воспринимаются как собственные слова рассмотренных монгольских языков и имеют соответствующую этим языкам словообразовательную парадигму.

Ключевые слова: монгольские языки, лексика, сравнительное изучение, материальная культура, шорные изделия.

THE NAMES OF THE SADDLERY WARES IN MONGOLIAN LANGUAGES OF THE NORTHEAST AREA OF CENTRAL ASIA

Bayarma D. Balzhinimaeva

PhD, A/Professor of department of philology of Central Asia, Oriental Institute,
Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The main occupation for Mongolian peoples was nomadic herding which gave food and materials for using in everyday life, sewing and footwear. The article is devoted to the comparative studies of the names of the saddler wares which start to be forgotten and transferred into passive vocabulary. The analyzed data shows that the names of the saddler wares in compared languages have pan-Mongol origin. At present many earlier borrowings from Turkic and Russian languages are taken as own words in viewed Mongolian languages and have appropriate to these languages derivational paradigm.

Keywords: Mongolian languages, vocabulary, comparative studies, material culture, saddler wares.

Монгольские народы использовали кожу для шитья одежды, обуви и изготовления конской сбруи, чепраков, налучников, кожаной посуды и многих других предметов.

У современных монгольских народов из обихода исчезают предметы и реалии традиционного быта, а также слова, обозначающие их. В настоящее время скотоводы в основном пользуются покупными изделиями, изготовленными промышленным способом. Если раньше изделия традиционного шорного производства, например седла и другая конская упряжь, изготавливались вручную и почти каждая деталь и разные дополнительные виды отделки имели определенное название, то в изделиях, изготовленных промышленным способом, многие части намного упрощены и унифицированы. При этом названия различных видов отделки постепенно начинают забываться и переходят в пассивный запас лексики.

Д. Д. Санжина в статье «Названия изделий из кожи и шерсти у бурят» все шорные изделия условно разделила на две группы: 1) наименования конской упряжи и предметов быта, 2) названия одежды [18, с. 118]. А. А. Бадмаев относит к числу шорных изделий унты (гутал), тебеньки (дэбхэн), чепраки (хэжэм), конскую сбрую, плети (ташуур), сумы (тулам) [2, с. 96].

Тебеньки (ср. халха.-монг. *дэвс*, бурят. *дэбхэ(н)*, баргут. *дэбүү*, дагур. *шоовор/шоовры*) изготавливались из хорошо выделанной окрашенной кожи. Они укреплялись на деревянной основе седла и висели по обеим сторонам. В дагурском языке слово *шоовор/шоовры* «тебеньки» заимствовано из русского языка («шевро»).

Чепраки (ср. халха.-монг. *гөлөм/дөрөөвч*, бурят. *дүрөөбшэ*, шэн.-бур. *дүрөөбшэ*, баргут. *дүрөөбши*) представляют собой двойную крашеную кожу прямоугольной формы, на которой нашиты аппликации из цветной кожи. В некоторых диалектах, например в тункинском и боханском, бытует слово

гүлмэ. Термины *дөрөөвч*//*дүрөөбиэ*, образованные от существительного *дөрөө*//*дүрөө* при помощи суффиксов *-вч*//*-биэ*, обозначают предмет, являющийся прикрытием для другого предмета, значение которого выражено в производящей основе. Если чепрак бурятского мужского седла делали из цельной кожи, то чепрак женского седла шили из войлока, обтянутого черным бархатом, а по краям пришивали несколько цветных полосок. Такой чепрак в бурятском языке называется *хэжэм*. В современном монгольском языке слово *хэжэм* имеет такое же значение. На чепраке бурятского женского седла, на полосках-окантовках пришивались раковины каури, образующие узор в виде цветочной розетки. Такие же украшения пришивались по краям и в середине тебеньков. Большая цветочная розетка посередине тебеньков называется *тууга*. Этим же словом в бурятском языке называется и серебряная бляха на соединении нагрудного ремня и шлеи. В словарях современного монгольского языка мы не обнаружили подобного слова.

Лексика, относящаяся к конской упряжи, является в сравниваемых языках в основном общемонгольской: ср. халха-монг. *хөмөлдөрөг*, бурят. *хүмэлдэргэ/агтабша*, шэн.-бур. *хүмэлдэргэ*, баргут. *хүмэлдэргэ* «нагрудный ремень» id, халха-монг. *ганзага*, бурят. *ганзага*, шэн.-бур. *ганзага*, баргут. *гандзаг*, дагур. *гандж'аг* «торока» id, халха-монг. *жирэм*, бурят. *жэрэм*, шэн.-бур. *жэрэм*, баргут. *жирэм*, дагур. *dzylum* «ремень, протягиваемый сквозь пряжку седельной подпруги» id, халха-монг. *худрага*, бурят. *хударга*, шэн.-бур. *хударга*, баргут. *худрага*, дагур. *шеля* «подхвостная шлея» id, халха-монг. *хазаар*, бурят. *хазаар*, шэн.-бур. *хазаар*, баргут. *хадзаар*, дагур. *xada* «конская узда» id, халха-монг. *ногт*, бурят. *ногто*, шэн.-бур. *ногто*, баргут. *ногт*, дагур. *lonto* «недоуздок» id, халха-монг. *хантайрга*, бурят. *хантарга*, шэн.-бур. *хантарга* «ремень удил» id, халха-монг. *чөдөр*, бурят. *шүдэр*, шэн.-бур. *шүдэр*, баргут. *чөдөр*, дагур. *lidэр* «путы» id.

В. И. Рассадин в статье «Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской» пишет, что «тюркское происхождение имеют некоторые части конской сбруи, например, калм. *худрһ* «подфeya, подхвостная шлея седла», ср. ст.-монг. *qudary-a*, халха-монг. *худрага*, бурят. *хударгаид*, которые восходят к древнетюркскому *quduryun* «подхвостник», этимологически связанному с др.-тюрк. *qudruq~quduruq~qudruq* «хвост», ср. тур.-месх. *куйрук* id. (< пратюрк. **kudruk* id.; ср. пратюрк. **quduryun*, **quduryan* «подхвостник»); ойр. Синьцз. *көмелдерге* ~ *көмөлдүрге* «нагрудная шлея конского седла», ср. старопис.-монг. *kömlüdirge*, халха-монг. *хөмөлдөрөг*, бурят. *хүмэлдэргэ* id., восходит к др.-тюрк. *kömlüdirük* «нагрудный ремень лошади» (< пратюрк. **kömlüdirük* id. < др.-тюрк. *köñül* «сердце»), ср. также бытующие в тюркских языках *гөмүлдүрүк* ~ *көмүлдүрүк*, образованные, по мнению Севортяна, от общетюркского *көңүл* ~ *гөңүл* «грудь» при помощи тюрк. суффикса *-турук* [19, с. 72]; калм. *олң*, ойр. Синьцз. *олоң* «подпруга конского седла», ср. ст.-монг. *olung*, халха-монг. *олон(г)*, бурят. *олом* id., восходит к тюрк. *олоң* ~ *улаң* id. (<ула «связывать» [16, с. 87–88]).

Названия пут и узды в сравниваемых языках общемонгольские. Что касается деталей узды, то они в основном схожи, кроме некоторых элементов. Так, например, в монгольском языке металлическое украшение для уздечки называется *товруу*, а в бурятском языке такое же украшение называется *шагта*, украшение женской узды называется по-бурятски *хажжа*, а в монгольском языке словом *хаж* обозначается металлический ободок. Слово *хажжа* в том же значении употреблялось ранее, видимо, и в бурятском языке, поскольку оно сохранилось в произведениях бурятского устного творчества. Так, например, в одной бурятской народной песне есть такие строки: «Хазаарлахан хазаарни хаж мүнгэн шагатай».

В современном литературном бурятском языке названия конской упряжи являются заимствованиями из русского языка, например: *хомууд* «хомут», *дугааг* «дуга», *боожо* «вожжи», *шэрстээник* «чересседельник», *сүпөөн* «супонь» и т. д. Между тем из летописи Вандана Юмсунова мы узнаем, что существовали и собственно бурятские слова, обозначающие конскую упряжь: *боолго* «хомут», *муры* «дуга», *ута жолоо* «вожжи», *бүгтэргэ жолоо* «чересседельник», *дүрөөбиэ* «седелка», *хоолобио* «супонь» и другие [23, с. 80].

Шорники изготавливали плетки для верховой езды (ср. халха-монг. *ташуур*, бурят. *минаа/ташуур*, шэн.-бур. *ташуур*, баргут. *ташуур*, дагур. *тіпа:*), ремни и петли арканов (ср. халха-монг. *уургын хуйв*, бурят. *гуйба*, шэн.-бур. *гуйба*, баргут. *хойв*), длинные витые веревки из кожи (ср. халха-монг. *аргамж(ин)*, бурят. *аргамжа*, шэн.-бур. *аргамжа*, баргут. *аргамжаа* id), гужи у хомута (ср. халха-монг. *хомын чих*, бурят. *хомуудай шэхэн*, шэн.-бур. *хомуудай шэхэн* id).

С. И. Вайнштейн отмечает, что «использование кожи для изготовления сосудов, предназначенных для перевозки и хранения жидкости, — одно из древнейших изобретений скотоводов-кочевников.

Сосуды из кожи знали уже ранние кочевники в I тыс. до н. э. Они получили распространение у всех кочевников Евразии [8, с. 261].

Кожаные сосуды наиболее подходили к кочевому образу жизни, были просты в употреблении, прочны и надежны. Они служили для хранения и перевозки молочных продуктов. В этнографических материалах Ц. Гочоо, С. Бадамхатана, Ч. Сонгино даны подробные описания изготовления кожаных сосудов: из кожи крупного рогатого скота вырезаются равного размера и одинаковой формы две половинки (халха-монг. *эсгэх*), которые сшиваются по краям сухожилиями (халха-монг. *хөвөрдөж оёх*). Полученный сосуд для придания ему желаемой формы набивают сырым конским навозом или сырой глиной, плотно закупоривают деревянной пробкой и при помощи резной доски-трафарета выдавливают под прессом нужный рисунок (халха-монг. *хээ товойлогох*). Затем, откупорив сосуд, подвешивают его над огнем прокоптиться (халха-монг. *утиардах*). Высохший навоз или глину осторожно удаляют, полоскают и прикрепляют ручку [10; 1; 20].

Бытовали бурдюки, фляги различной формы и вместимости: кожаная фляга вместимостью до двух литров (*дашмаг/төгрөг хөхүүр*), сосуд продолговатой формы вместимостью от пяти до десяти литров (халха-монг. *борви*, баргут. *борви*), кувшинообразный сосуд вместимостью до двух литров (*бортого*).

Бурдюк для белой пищи из шкуры крупного рогатого скота называется *хөхүүр* (халха-монг.), *хүхүүр* (бурят.). Горлышко высотой 15 см называется *хөхүүрийн хүзүү* (халха-монг.). Дно бурдюка называется *хөхүүрийн ёроол* (халха-монг.). У некоторых народностей Западной Монголии кожаный бурдюк для приготовления и хранения кумыса называется *архад*. Большой бурдюк для кумыса вместимостью более 20 литров в современном монгольском языке называется *намбуга*.

Из верблюжьей шкуры изготавливали колодезную бадью (ср. халха-монг. *ховоо*, баргут. *ширэн ховоо*), кожаное ведро для дойки кобылиц (халха-монг. *хөмөн хувин*).

Помимо бурдюков шили различные кожаные мешки (ср. халха-монг. *тулам*, бурят. *тулам*, баргут. *тулам id*), дорожные переметные сумы (ср. халха-монг. *богц/ачмаг*, бурят. *сумаа*, тунк.-бур. *уута*, баргут. *бүхтлэ*), переметные сумы (ср. халха-монг. *даалин/мааюуз*, баргут. *даалин*). В. И. Рассадин связывает название мешков *тулам* с тюркским глаголом *tol- ~tul* «наполняться» и пишет: «Хотя такого слова в тюркских языках не зафиксировано, глагол представлен в них повсеместно: як. *туол-*, тоф. *тол-*, тув. *дол-*, алт., хак. *тол-*, кирг. *тол-*, чув., тат. *тул-*, др.-тюрк. *tol-* «наполняться»» [14, с. 17]. Слово *сумаа* заимствовано из русского языка. Название дорожной переметной сумы *бүхтлэ* в баргутском языке образовано от глагольной формы *бүгтэрэ* = «перебрасывать или перекидывать через что-либо». Слово *даалин* О. Сухбаатар возводит к китайскому *dalian* и объясняет как *дундаа амсартай хоёр талдаа хувцас хунар зэргийг хийх булигаар, хөм, зузаан бөсөөр үйлдсэн том богц сав* — «большая сума из толстой ткани, замши, кожи для хранения одежды» [21, с. 87]. Слово *мааюуз* заимствовано из китайского языка < кит. *maguzi*: юм агуулах ачих, дундаа амсартай бага шиг сав — «небольшая переметная сума» [21, с. 150].

Также были распространены кожаные мешки для хранения ценных вещей, одежды — *ваадан*. Слово *ваадан* в «Монгол хэлний харь үгийн толь» дано как заимствование из слов манчжурского рода зурчид < зөрч. *wadang* юм *боож баглах дөрвөлжин бөс* — «прямоугольная ткань для заворачивания какой-л. вещи» [21, с. 60]. Слово *баадан* в бурятском языке употребляется только в значении «узел с вещами, обертка для вещей» [7].

Из шкур и кожи домашних животных монгольские народы шили одежды для разных сезонов года. Национальным костюмам посвящены работы Л. Л. Линховойна [11], Р. Д. Бадмаевой [3], Ц. Б. Базаровой [4], Л. Л. Викторовой [9], Ч. Сонгино [20], Г. Батнасан [6] и др. По этой причине мы не будем останавливаться на этих вопросах.

Постельные принадлежности готовились для холодного и теплого времени года. В бурятском языке зафиксированы следующие названия одеял: *хунжэл* «одеяло из длинношерстной овчины», *мухар хунжэл* «одеяло из овчины с зашитым концом», *хурьган хунжэл* «одеяло из шкур ягнят», *ямаан хунжэл* «одеяло из козьих шкур», *шоно хунжэл* «одеяло из волчьих шкур». Также из конских и овечьих шкур буряты шили разнообразные коврики (*хубсар*), матрацы (*годон шэрдэг*).

Проанализированные нами этнолингвистические данные показывают, что названия шорных изделий — общемонгольского происхождения. Следует подчеркнуть, что многие ранние заимствования из тюркских и русского языков в настоящее время воспринимаются как собственные слова рассмотренных монгольских языков и имеют соответствующую этим языкам словообразовательную парадигму.

Литература

1. Бадамхатан С. Дархадын ширэн эдлэл. Улаанбаатар, 1982.
2. Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 1997. 160 с.
3. Бадмаева Р. Д. Одежда и украшения верхоленских бурят // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 65–73.
4. Базарова Ц. Б. Национальная одежда агинских бурят: лексико-семантический аспект. Улан-Удэ, 2003. 114 с.
5. Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
6. Батнасан Г. Монгол ардын хувцас. Улаанбаатар, 1989.
7. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М., 1973.
8. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. 312 с.
9. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 224 с.
10. Гочоо Ц. Дархад ардын ширэн эдлэл. Улаанбаатар, 1964.
11. Линховоин Л. Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972. 102 с.
12. Рассадин В. И. Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 5. С. 52–58.
13. Рассадин В. И. К сравнительному изучению анималистической лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 97–119.
14. Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ. 1984. С. 55–80.
15. Рассадин В. И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 169–183.
16. Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 8. С. 87–88.
17. Рассадин В. И. Коневодческая терминология в монгольских языках: сравнительный аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. Вып. 6. С. 212–214.
18. Санжина Д. Д. Названия изделий из кожи и шерсти у бурят // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994. С. 118–126.
19. Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», и «Д»). М., 1980.
20. Сонгино Ч. Малаас гаралтай түүхий эд боловсруулдаг ардын уламжлал. Улаанбаатар, 1997.
21. Сухбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999.
22. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // История развития лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172.
23. Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 36–103.

УДК 391.982:811.512.

НАЗВАНИЯ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ УКРАШЕНИЙ В МОНГОЛЬСКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ

© *Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: bairka2002@list.ru

Обязательным элементом традиционной одежды любого народа являются украшения. Статья посвящена сравнительному анализу названий женских и мужских украшений в монгольском и бурятском языках. Описываемый пласт лексики представлен в основном общемонгольскими словами, а также заимствованиями из тюркского и китайского языков, что является результатом контактирования народов Центральной Азии с древнейших времен. Сравнительный анализ названий терминов украшений показал, что они в основном образованы лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами.

Ключевые слова: материальная культура, ювелирное искусство, женские и мужские украшения, монгольские языки, лексика, способы образования.

THE NAMES OF FEMALE AND MALE JEWELRIES IN MONGOLIAN AND BURYAT LANGUAGES

Bayarma D. Balzhinimaeva

PhD, A/Professor of department of philology of Central Asia, Oriental Institute,
Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

Jewelries is the compulsory element of the traditional clothing of any nation. This article is devoted to the comparative analysis of the names of female and male jewelries in Mongolian and Buryat languages. The described vocabulary is mostly represented by pan-Mongolian words and also by borrowings from Turkic and Chinese languages. It is the result of the communication of the peoples from Central Asia since ancient times. The comparative analysis of the jewelries names showed that they are mostly formed by the lexico-semantic, morphological and syntactic ways.

Keywords: Material culture, jeweler art, female and male jewelries, Mongolian languages, vocabulary, ways of word formation.

Украшениям монгольские народы придавали большое значение. Они выполняли различные функции: украшали человека и его одежду, символизировали знатность и богатство, играли роль амулетов — оберегов, маркировали возраст.

Бурятские исследователи рассматривали украшения как неотъемлемую часть единого костюмного комплекса. Искусствоведческие и этнографические работы И. Е. Тугутова [16], К. В. Вяткиной [6], А. В. Тумахани [17], Р. Д. Бадмаевой [2; 3], И. И. Соктоевой [12], Е. Е. Янгутовой [23], А. А. Бадмаева [1] и других являются ценным материалом для изучения названий женских и мужских украшений.

Особо можно выделить из всех авторов Р. Д. Бадмаеву, в работах которой достаточно широко дается описание бурятских украшений. Исследователь предлагает карты-схемы распространения того или иного вида украшения забайкальских и прибайкальских бурят, а также выделяет следующую классификацию: «1) головные 2) нагрудные 3) ушные, височные, височно-нагрудные 4) нагрудные, наплечные 5) боковые, поясные 6) украшения для рук» [2, с. 71].

Монгольским ювелирным изделиям посвящены работы исследователей Н. В. Кочешкова «Декоративное искусство монголоязычных народов XIX–XX вв.» [7], Н.-О. Цултэм «Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века» [14], Л. Сономцэрэн «Монгол дархны урлаг» [13; 14], Д. Хөхөө, Х. Төмөрхуяг «Уран дархны ажил» [18].

Названия украшений агинских бурят как неотъемлемый атрибут национальной одежды в лексико-семантическом аспекте подробно описаны Ц. Б. Базаровой в работе «Национальная одежда агинских бурят: лексико-семантический аспект» [4].

Целью данной статьи является сравнительный анализ названий женских и мужских украшений в монгольском, бурятском языках северо-восточного ареала Центральной Азии.

Особое место среди изделий дарханов занимали женские украшения. Среди них были повседневные, которые не снимались даже при выполнении домашней работы, — кольца, амулеты, браслеты. Были и нарядные, которые одевали только с праздничным костюмом и свадебным.

Халхаские женщины носили прически, где пряди волос по сторонам головы были склеены в тонкие широкие полукруглые полосы, которые были похожи на распростертые крылья. Поверх прически надевался серебряный или металлический венчик — *толгойн боолт*, который состоял из золотой или серебряной филигранной шапочки с коралловыми вставками (*татуур*), зажимов для волос (*хавчаар*) и свисающих от шапочки парных украшений в виде сережек (*боолтны бөнжигнүүр*). Слово *бөнжигнүүр* произошло от изобразительного глагола *бөнжигнөх* «раскачиваться (о круглых предметах)». Название зажимов для волос образовано от глагольной основы *хавчи* = «зажимать между чем-либо; сжимать, сдавливать» при помощи суффикса *=аар*. По порядку расположения серебряные зажимы имели разные названия: зажим, находящийся у головы, назывался *их хавчаар/савхан*. Зажим, находящийся на концах волос, называется *угийн хавчаар/адаг хавчаар*.

Головное украшение бурятских замужних женщин и девушек на выданье называется *даруулга* «коралловый венок, украшение на голову». Основа в виде берестяного обруча обшивалась черным бархатом и нашивались в три ряда полудрагоценные камни — кораллы, янтарь, лазурит. В центре среднего ряда пришивали крупный янтарь, от него с двух сторон кораллы, далее зеленую бирюзу, золотистый лазурит и другие полудрагоценные камни. Ц. Б. Базарова в работе «Национальная одежда агинских бурят: лексико-семантический аспект» отмечает, что в монгольском языке слово *даруулга* имеет значение «женское головное украшение, которым одновременно прикрепляют косу» [4, с. 79]. В хоринском говоре коралловый венок называется словом *татуур*, образованным от глагольной основы *тата* = при помощи суффикса *=уур*. Из сказанного видно, что в монгольском и бурятском языках название головного украшения образовано аффиксальным способом от основы глаголов *дара* =, *тата* =, *хавчи* =, объектом действия которых являются волосы.

Самая распространенная группа украшений — ушные серьги — в рассматриваемых языках называется по-разному: ср. халха-монг. *эмэг/сүйх*, бурят. *һиихэ/шэхэнэй сахариг*. Как представляется, слово *һиихэ* в значении «серьги» является общемонгольским. Термин *шэхэнэй сахариг* в бурятском языке является субстантивным словосочетанием, где определяющим словом является *шэхэн* «ухо», для чего предназначено данное украшение. А определяемое существительное *сахариг* «кольцо» названо по форме данного предмета. В основе термина *эмэг*, как отмечает В. И. Рассадин, лежит общетюркский глагольный корень *эг* = «гнуть, сгибаться, поворачиваться» [9, с. 72].

Накосные украшения женщин у монгольских народов выполняли функцию оберега, прикрывая косы женщин (ср. х-монг. *шивэргэл*, бурят. *шэбэргэл/туйба/боолто*). Этнограф Р. Д. Бадмаева футляр для кос *шивэргэл* считает украшением замужних женщин Селенгинского района, которые носили с *туйба*. Данное слово находим в словаре Г. И. Рамстедта: монг. *sibergel* «футляр для женских кос», ойрат. *sigermeg* «футляр для кос», калм. *siwrqel, siwrleq* «футляр для кос» [11, с. 362].

Туйба представляет собой Г-образное украшение, длинный конец которого (стержень) вставляли в волосы у основания кос и обертывали сверху тесьмой. Видимый короткий конец украшали серебряным, иногда золотым шариком. Слово *туйба* также встречается в монгольском *туйв*, баргут. *tuiba*.

Название чехлов-накосников *боолто* образовано от глагольной основы *боо* = «заворачивать, связывать» при помощи продуктивного суффикса *=лто*.

Украшение для волос закаменских буряток называется *хонтуул*. Это серебряные цилиндрические напершия, запаянные с одной стороны, которые закреплялись горизонтально к основаниям кос. Их поверхность усыпана коралловыми вставками, расположенными симметрично и сконцентрированными вокруг наиболее крупных камней.

Височно-нагрудные украшения у разных групп бурятских женщин имели названия *һиихэ, сиихэ* — *хонхо, һиихэ* — *мөөр, сэртэбишэ* и являлись важной частью, основой комплекса женских бурятских украшений. Название *һиихэ* (нагрудное украшение) у хоринских и агинских бурят образовано от второго значения общемонгольского слова *сүйх* по местонахождению данного украшения [5, с. 141].

К нагрудным украшениям относятся ладанки, коробочки из серебра, в которых хранили тексты молитв или культовые реликвии (халха-монг. *гуу*, бурят. *гуу/хоолобишо*). Слово *гуу* в словаре «Монгол хэлний харь үгийн толь» дано как заимствование из китайского языка *gou* «ладанка» [15, с. 80].

Буряты и баргуты носили наплечное украшение, называемое *мүрэнэй гуу/мүрэй гуу*, которое представляет собой круглую бляху с тремя маленькими колечками для подвески кораллов. Его пришивали на плечи халата или женской безрукавки. Термин-словосочетание состоит из определяющего суще-

ствительного *мур* «плечо» в родительном падеже и имени существительного *гуу* «ладанка, медальон», где определяющее слово характеризует местонахождение украшения.

Парное боковое украшение бурятских женщин входило в комплект нарядного костюма. Боковые подвески представляли собой круглый серебряный диск со вставкой из коралла и назывались *ханжуурга/хажуугай юумэн*. Слово *ханжуурга* образовано от глагольной основы *ханжа* = «свешиваться, висеть» с изобразительной семантикой при помощи суффикса *=уурга*. Термин-словосочетание *хажуугай юумэн* означает дословно «боковая вещь», т. е. боковые украшения.

Круглые подвески *гарьха* выполнялись ювелирами в форме *хорол*, т. е. в виде круга с радиальными спицами. К круглым подвескам привешивались в определенном порядке ножичек (*хутага*), щипчики (*шэмхүүргэ*), ухвертка (*холхибишо*), игольник (*зүүнэй гэр*), зубочистка (*шэгшэлүүр*), огниво (*хэтэ*). Термин-словосочетание *зүүнэй гэр* образован от имени существительного в родительном падеже и существительного *гэр* (досл.: «иглы дом»), которое употребляется в переносном значении «футляр». Название щипчиков для вытаскивания занозы *шэмхүүргэ* в бурятском языке образовано от глагольной основы *шэмхэ* = «щипать, отщипывать» при помощи суффикса *=үүргэ* с орудным значением. Слово *холхибишо/хулхабиша* образовано от имени существительного *хулхи* «ушная сера» при помощи суффикса *=биша*. В терминах, образованных аффиксальным, лексико-семантическим и синтаксическим способами в основном выражено значение предназначения того или иного предмета и их деталей.

Боковое украшение халхаских женщин (*ташаан зүүтгэл*) несколько отличалось от подвесок бурят. Оно состояло из табакерки, кисета для табака, подвешенных на пятицветной ленте с левой стороны, и из украшения, так называемого «таван саваагүй», куда входили ухвертка (чихний ухуур), зубочистка (шүдний чигчлүүр), пилка (хумсны цэвэрлүүр), щипчики (сахлын чимхүүр), ароматница (үнэртний сав). Также подвешивали к боковому украшению лопаточку для чистки языка (хэлний хууур) и игольницу (зүү утасны сав).

К. М. Яковлева в статье «Сравнительно-сопоставительная характеристика украшений тюрко-монгольских народов алтайской языковой семьи Сибири конца XIX — начала XX века» пишет, что «ношение на поясе различных предметов первой необходимости скорее всего связано с тем, что шубы и пальто изучаемых народов не имели карманов. Таким образом, игольники, кисеты, ножички и т. д. стали частью украшений, что является весьма древней традицией, широко распространенной в культуре кочевников Евразии, которая сохранилась у многих современных тюрко-монгольских народов [22, с. 266]. Мы согласны с данным суждением, так как многие предметы украшений женщин использовались по назначению вплоть до начала XX века.

Как мужчины, так и женщины носили на руках кольца (ср. халха-монг. *бөгж*, бурят. *бэһэлиг*). Мужские перстни в бурятском языке назывались *дүрөөтэй бэһэлиг*, *толгойтой бэһэлиг*, *бультуру* и обычно выполнялись в виде печати.

Распространенным видом женских украшений были браслеты (ср. халха-монг. *бугуйвч*, бурят. *бугааг/бугаабша/угаабар*), которые по форме были разными: полукруглые, круглые, плоские. Их украшали орнаментами, часто инкрустировали кораллами, малахитом, лазуритом или бирюзой. Термин *бугааг* В. И. Рассадина возводит к др.-тюрк. *biqaγu* «браслет» [10, с. 11]. А дагурское *bare*, возможно, образовано от глагольной основы *бари* = «держать».

Куполообразное гравированное серебряное навершие с коралловой вставкой поверх кисти на бурятской шапке называлось *дэнзэ*. Как справедливо отмечает Ц. Б. Цыдендамбаев, слово *дэнзэ* заимствовано из китайского языка, где *deng ze* обозначает «шарик на шапке чиновников, по которому различаются классы чинов» [20, с. 488].

К мужским украшениям относятся трубка, огниво, нож и украшения кожаных поясов. В прошлом у монгольских народов бытовали мужские кожаные пояса, на лицевой стороне которых прикреплялись серебряные бляхи. Ср. халха-монг. *агсаргатай бүс*, бурят. *табтай бүһэ*. Позже стали пользоваться поясами из цветной однотонной ткани длиной примерно 4 метра. Например, буряты носили тканые из шелковой нити пояса фабричного изготовления, которые назывались *утаһан бүһэ*.

К поясу слева подвешивали огниво (ср. халха-монг. *хэт*, бурят. *хэтэ*). Сумочка из кожи также украшалась серебряными бляхами и в монгольском языке называлась *хэтэвч*. Слово *хэтэвч* образовано при помощи суффикса *=вч*. С правой стороны носили нож (ср. халха-монг. *хутага*, бурят. *хутага*). Ножны нередко украшались чеканным и резным серебром, поэтому получили название *мөнгөн хутага*.

Таким образом, изложенный материал показал, что лексика, относящаяся к украшениям, богата и разнообразна. Данный пласт лексики представлен в основном общемонгольскими словами, а также

заимствованиями из тюркского и китайского языков, что является результатом контактирования народов Центральной Азии с древнейших времен. Сравнительный анализ названий терминов украшений показал, что они в основном образованы лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами образования.

Литература

1. Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 1997. 160 с.
2. Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1978. 141 с.
3. Бадмаева Р. Д. Одежда и украшения верхоленских бурят // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 65–73.
4. Базарова Ц. Б. Национальная одежда агинских бурят: лексико-семантический аспект. Улан-Удэ, 2003. 114 с.
5. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. А. Лувсандэндэва. М., 2001.
6. Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969. 217 с.
7. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX–XX вв. М., 1979. 205 с.
8. Линховоин Л. Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972. 102 с.
9. Рассадин В. И. О тюркском влиянии на развитие говора нижеудинских бурят // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск, 1988. С. 62–75.
10. Рассадин В. И. К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ, 2006. С. 3–19.
11. Ramstedt G. J. Kalmuckisches Worterbuch. Helsinki, 1935.
12. Соктоева И. И. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ, 1971. 81 с.
13. Сономцэрэн Л. Монгол дархны урлаг. Улаанбаатар, 1972. 54 с.
14. Сономцэрэн Л. Монгол ардын уламжлалт урлагийн дурсгал. Улаанбаатар, 1989. 90 с.
15. Сухбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1999. 160 с.
16. Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958. 214 с.
17. Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970. 110 с.
18. Хөхөө Д. Уран дарханы ажил. Улаанбаатар, 2003.
19. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1986. 228 с.
20. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. 662 с.
21. Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997. 291 с.
22. Яковлева К. М. Сравнительно-сопоставительная характеристика украшений тюрко-монгольских народов алтайской языковой семьи Сибири конца XIX — начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2010. Вып. № 123. С. 261–267.
23. Янгутова Е. Е. Женские украшения закаменских бурят // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981. С. 33–36.

УДК 81'36

ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ МОНГОЛЬСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

© **Биликова Маргарита Зориктуевна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии
Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: mgdaisy9703@mail.ru

В статье рассматриваются в сравнительном освещении причастия будущего времени в современном монгольском и турецком языках, анализируются значения данных форм и проводятся семантические параллели. В связи с общностью строя выбранных языков, относящихся к языкам агглютинативного типа, роль и функции глагольных форм, в том числе инфинитивных форм, к которым и относятся причастия, довольно обширны и важны. При последовательном сравнительном исследовании конкретных категорий, определенных форм частных языков, в данном случае современного халха-монгольского и турецкого, возможно выявить наиболее объективное на данный момент положение рассматриваемых элементов. Это, в свою очередь, позволяет в последующем, с привлечением языковых материалов относительно недавнего и отдаленного прошлого, выявить некую тенденцию развития или изменения данных форм.

Ключевые слова: монгольская филология, семантика, монгольский язык, турецкий язык, причастия.

FUTURE PARTICIPLES IN THE MODERN MONGOLIAN AND TURKISH

Margarita Z. Bilikova

PhD, senior Lecture of the department of philology of Central Asia
of Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article deals with the participles in the modern Mongolian and Turkish in comparative way. The forms are analyzed and held semantic parallels. As far as the structure of these languages is the same (they are related to agglutinative type languages), the role and functions of verbal forms, including infinite forms, which include the participles too, are quite extensive and important. The sequential comparative study of specific categories of certain forms of private languages, in this case it is the modern Khalkha and Turkey, may reveal the most objective position of these elements at the very moment. This allows subsequently, in case of attracting language materials on the recent and distant past, to build some tendency of development or modification of data forms.

Keywords: Mongolian Philology, semantics, Mongolian, Turkish, participles.

Причастие будущего времени современного монгольского языка с аффиксом *-х* выражает действие, которое должно совершиться в будущем или совершение которого ожидается, например, *ирэх хүн* «человек, который придет», *цэцэглэх тал* «степь, которая зацветет». В турецком языке ему соответствует причастие будущего времени на *-(y)acak/ -(y)ecek*, также обозначающее действие, которое совершится или будет совершено в будущем, например: *gelecek adam* «человек, который придет», *konuşacak diktör* «диктор, который будет говорить».

Кроме обозначения ожидаемого действия монгольское причастие будущего времени также может обозначать процессное свойство какого-нибудь предмета [1, с. 204]. Например, *униших ном* «книга для чтения» (досл. книга, которую прочтут), *сонсох хөгжим* «музыка, которую слушают». Причастие будущего времени турецкого языка также встречается с подобным значением, например, *dinleyecek şarkı* «песня, которую слушают». В данных случаях причастие будущего времени в обоих языках теряет своё временное значение, т. е. действия, обозначаемые ими, не имеют значения строго ожидаемых действий, которые совершатся в будущем, а лишь указывают на свойство, признак или предназначение предмета, определяемого ими. Кроме того, монгольское причастие будущего времени может выражать также непостоянный, разовый признак лица или предмета, например, *хүүхдийн баясан хөөрөх дуун улам хүчтэй хадав* «Ещё сильнее прозвучали радостные крики детей (досл. волнующийся голос)». [ГБ, с. 68], *...нөмрөн сэргэлзэх урт сормуусаа цавчлан хөдөлгөөн ботго торомнууд унтаа сэргүүн хоёрын хооронд мансууран байна* (МШӨ 1981, с. 255) «двухлетние верблюжата стоят ослотившие, в состоянии между сном и бодрствованием, хлопая длинными, трепещущими ресницами».

В турецком языке встречаются причастия будущего времени, которые субстантивировались и выступают как существительные, например, *yiyecek* «пища» (досл. то, что едят), *içecek* «питье» (досл. то,

что пьют), *giyesecek* «одежда» (досл. то, что одевают), *yakacak* «топливо» (то, что горит). В монгольском языке причастия будущего времени не подвергаются полной субстантивации и не переходят в разряд существительных.

В форме отрицания с некоторыми глаголами причастие будущего времени монгольского языка утрачивает значение будущности, причем, как замечает Г. Д. Санжеев, «... в халхаских говорах... будущее причастие с отрицанием *-гуй* обозначает действие настоящего времени, но в том единственном случае, когда такое действие выражается глаголом *мэд- мэдэ-* «знать»: халх. *мэдэхгүй* «не знает» [1, с. 200]. Однако указанный глагол не является единственным в своём применении в отрицательной форме от причастия будущего времени, способным обозначать действие настоящего времени, вернее, действие, которое присуще лицу. Такое значение могут передавать и причастные формы будущего времени, образованные от глаголов, например, *чад-* «мочь, уметь», *тани-* «узнавать, знать» и т. д., например, *би үүнийг хийж чадахгүй* «я не умею это делать», *тэр залууг би танихгүй* «я не знаю того молодого человека». В данных случаях причастие будущего времени выражает не действие, которое не совершится или не может быть совершено в будущем, а действие, которое вообще не совершается, которое является признаком, постоянным свойством субъекта, *би мэдэхгүй* «я являюсь не знающим», *би чадахгүй* «я являюсь не умеющим», *би танихгүй* «я являюсь не знающим» (досл. я не являюсь знакомым). Причастие будущего времени турецкого языка при соединении аффикса отрицания *-ma/-me* означает действие, которое не совершится, например, *gelmeyecek tren* «поезд, который не придет», *gitmeyecek akraba* «сосед, который не уедет».

В монгольском языке причастие будущего времени может иметь дополнительное значение долженствования, например, *орох цас* «снег, который выпадет». Однако данная семантическая коннотация не так сильна, как в турецком языке, где причастие будущего времени имеет модальный оттенок, чаще долженствования [СИГТЯ, с. 465], например, *gidecek kız* «девушка, которая уйдет», действие, которое ожидается от лица (в данном случае от девушки) в обязательном порядке.

Монгольское причастие будущего времени в сочетании со вспомогательным глаголом *бай-* «находиться, быть, существовать, иметься» в одной из форм прошедшего времени изъявительного наклонения, чаще формы на *-сан*, имеет значение действия с оттенком долженствования, например, *манай ах өнөөдөр ирэх байсан* «брат должен был сегодня приехать». Оттенок долженствования причастию будущего времени также придается вспомогательным глаголом *бол-* «становиться, делаться» в одной из форм прошедшего времени, например, *явах болов* «пришлось уйти».

Аналогичное явление наблюдается и в турецком языке, где причастие будущего времени в сочетании со вспомогательным глаголом *imеk* в одной из форм прошедшего времени выражает действие, которое должно было случиться, например, *babambugün gelecek idi* «мой папа сегодня должен был приехать». Однако в разговорной речи вспомогательный глагол опускается, при этом аффикс прошедшего времени присоединяется прямо к основе причастия будущего времени, образуя так называемую форму сложного давнопрошедшего времени (*Hikaye birleşik zaman*): *gelecekti* «должен был прийти».

Монгольское причастие будущего времени в сочетании с глаголом *гэ-* «1) говорить, сказать; 2) намереваться, хотеть, решать...» в одной из причастных или изъявительных форм выражает действие, выполнение которого является (или являлось, в зависимости от времени, сопровождающего причастие будущего времени глагола) желательным, например, *би өчигдөр ирэх гэсэн* «я хотел прийти вчера», *Цэцэгээ гарах гэнэ* «Цэцэг хочет выйти», *Бат ээжийгээ угтах гэлээ* «Бат хотел встретить свою маму».

Причастия будущего времени монгольского языка, также как и турецкое причастие будущего времени, могут по смыслу иметь страдательное значение, например, монг. *өгөх (өгдөх) юмгүй*, тур. *verecek (verilecek) birşeyimiz yoktur* «нечего отдавать».

Нередко при помощи причастия будущего времени в монгольском и турецком языках выражается такое действие, которое является предположительным, например, монг. *охинд таалагдах бэлэг*, тур. *kızınınhoşuna gidecek hediye* «подарок, который понравится (может понравиться) девушке».

В ряде случаев причастия будущего времени в обоих языках могут обозначать действие, имеющее оттенок намерения совершения его, например, монг. *жолоочтой ярилцах эмч сандал дээр сууж байсан*, тур. *şoförle konuşacak doktor sandalda oturuyordu* «врач, который собирался поговорить с водителем, сидел на стуле». Однако в данном случае такая ситуация зависит от контекста, т. к. эти предложения могут быть переведены и следующим образом: «доктор, который будет разговаривать с водителем, сидел на стуле» и «доктор, который должен поговорить с водителем, сидел на стуле».

Явление субстантивации для причастий будущего времени обоих языков (также, обычно, соответственно, в подобных случаях), также как и остальные временные причастия, причастия будущего времени монгольского и турецкого языков склоняются по падежам. При этом турецкое причастие будущего времени подвергается как полной, так и окказиональной субстантивации, а монгольское причастие будущего времени подвергается лишь окказиональной субстантивации.

Что касается присоединения аффиксов множественности, то это скорее свойственно причастию будущего времени турецкого языка, например, *yapacaklar* «те, что сделают», *söyleyecekler* «те, которые скажут». Монгольское же причастие будущего времени не обнаруживает такого свойства.

Подобно остальным временным причастиям, причастия будущего времени в обоих языках могут образовываться от залоговых основ глаголов, например:

- побудительный залог — монг. *яриандаа бусдыг итгүүлэх зорилготой Даваа...* «Дава, у которого была цель — заставить всех поверить в свою речь»; тур. ... *onun adını ebediyyen yaşatacak üniversiteyi kurdular* (З.О. 2, с. 44) «... создали школу, которая сделает бессмертным его имя»;
- страдательный залог — монг. *үүнээс гадна үзэгдэх юмгүй* «кроме этого нет ничего, что можно увидеть»; тур. *yazılacak makalelerin konusu daha belli değil* «темы статей, которые будут написаны, ещё не определены»;
- взаимный залог — монг. *барилдах хоёр залуу бие биеэ ширтэн зогсов* «два парня, которые будут бороться, стояли и смотрели друг на друга»; тур. *selamlaşacak komşular evlerinden çıkıyordu* «соседи, которые будут здороваться, выходят из дома»;
- совместный залог — монг. *Очирхүүтэй хамт ирэлцэх жүжигчин гэнэт ажилтай болсноос хотод үлдэв* «Актёр, который должен был приехать вместе с Очирхуу, остался в городе из-за того, что неожиданно появилась работа»;
- возвратный залог — тур. *Hikayeden alınacak ders* (З.О. 2, с. 69) «урок, извлекаемый из рассказа».

В современном монгольском языке причастие будущего времени не выполняет предикативную функцию без вспомогательных глаголов и связок. В турецком языке причастие будущего времени может встречаться в позиции сказуемого с опущенной связкой, например, можно сказать *dedemiz yarın köyden gelecek tir* «Наш дедушка завтра приедет из деревни», в то же время чаще в разговорной речи связка *tir* опускается, при этом получается *dedemiz yarın köyden gelecek* в том же значении.

При субстантивации причастия будущего времени обоих языков выполняют и субъектную, и объектную функции, а в сочетании с послелогом, в так называемых причастно-падежных, причастно-послеложных конструкциях, выполняют и функции обстоятельства.

В целом же как в монгольском, так и в турецком языках время причастий будущего времени может варьировать в зависимости от положения причастия в предложении, выполняемых ими функций и их лексического окружения.

Список принятых сокращений

ГБ — Гоогийн Бадан. Категория времени в современном монгольском литературном языке. Warszawa, 1989. 101 с.

З.О. — Одемиш Зейнел. Nayatın penceresinden. (Из окон жизни). Улан-Удэ, 2003. Ч. 1. 86 с.

З.О.2 — Одемиш Зейнел. Nayatın penceresinden. (Из окон жизни). Улан-Удэ, 2003. Ч. 2. 86 с.

МШӨ — Монголын шилдэг өгүллэг. Монголын зохиолчидын эвлэл. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975; 1981. 720 с.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 550 с.

Литература

1. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963. 260 с.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Э. Р. Тенишев [и др.]. М.: Наука, 1988. 560 с.

УДК 821.58.09

«ОДИНОЧЕСТВО» В ПОЭЗИИ ГУ ЧЭНА (1956–1993)© **Бодоева Александра Александровна**

кандидат филологических наук, преподаватель Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: shoura@list.ru

С конца 70-х годов появляется плеяда поэтов, пытающихся осмыслить трагический опыт прошлых десятилетий и вступление в новый период жизни китайского общества. Их поэзию называли «туманной» благодаря завуалированным образам и определенному стилю письма. Гу Чэн — один из основных представителей китайской поэзии конца 1970–1980-х гг., который отошел от социальной направленности китайской литературы тех лет и привнес новые оттенки в поэзию 70-х — дихотомию между миром взрослым и миром ребенка, взгляд на природу как на главный источник «естественности» человека, двигатель событий, а не объект изображения. Тема одиночества характерна для всего его творчества, особенно в последние годы жизни.

Ключевые слова: китайская поэзия, тема одиночества, китайская лирика, «туманная поэзия», Гу Чэн.

THE THEME OF LONELINESS IN CHINESE POETRY OF GU CHENG (1956-1993)*Alexandra A. Bodoeva*

PhD, A/Professor, Ulan-Ude, Buryat State University, Department of Oriental Studies
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

Since the late 70s in Chinese poetry there is a galaxy of poets, trying to make sense of the tragic experience of the past decades, and usher in a new period in the life of the Chinese society. Their poetry called «misty», thanks to the veiled images and a certain style of the letter. One of the highlights of these poets is Gu Cheng (1956-1993). Gu Cheng — one of the main representatives of the Chinese poetry of the end of 1970–1980 -ies, he goes away from the social orientation of Chinese literature of those years and has introduced new nuances in the poetry of the 70s — the dichotomy between the adult world and the world through the eyes of a child, look at nature as the main source of the «natural» human being, events engine rather than the object image. The theme of loneliness is typical for the whole of his work, and is particularly relevant in the last years of his life.

Keywords: Chinese poetry, loneliness, Chinese lyrics, «misty poetry», Gu Cheng.

Гу Чэн (1956–1993) — яркий представитель китайской поэзии конца 1970–1980-х гг., который отошел от социальной направленности китайской литературы тех лет и привнес новые оттенки в поэзию 70-х — дихотомию между миром взрослым и миром ребенка, взгляд на природу как на главный источник «естественности» человека, двигатель событий, а не объект изображения.

Гу Чэн — поэт, прозаик, публицист, каллиграф. Его поэтическое наследие насчитывает более полутора тысяч стихов. Среди его сборников известны «Светлая луна» «白昼的月亮», «Сборник лирических стихотворений Гу Чэна и Шу Тин» «舒婷、顾城抒情诗选», «Песня одинокого с востока» «北方的孤独者之歌», «Железный звонок» «铁铃», «Черные глаза» «黑眼睛», «Сборник стихотворений Гу Чэна и Бэй Дао» «北岛、顾城诗选», «Сборник стихов Гу Чэна» «顾城的诗», «Сборник сказочных притч Гу Чэна» «顾城童话寓言诗选», «Сборник новых стихотворений Гу Чэна» «顾城新诗自选集» и другие. Гу Чэн — поэт непростой судьбы, его творчество не всегда адекватно воспринималось современниками. При жизни бесспорным успехом считался его сборник «Черные глаза», благодаря которому Гу Чэн стал известен в среде молодых китайских поэтов.

Гу Чэн с раннего детства не имел друзей, он много времени проводил на природе, общаясь с вымышленными героями из мира животных и растений. В 1964 г., когда ему было 8 лет, в стихотворении «Тополь» «杨树» он написал удивительные строки: «я потерял руку / но открыл глаза». Одним из стихотворений, сложенных в тот период, является «Сосновая пагода» «松塔» (1964):

На ветке сосны
Капля росы сверкает хрусталем,

Словно зеленая пагода,
На которой повсюду висят серебряные бубенчики.

Уже в стихах юного поэта появляется мотив одиночества. Это связано непосредственно с разлукой с матерью во время «культурных гонений». В 1969 г. Гу Чэну с отцом пришлось уехать в деревню Ходао провинции Шаньдун на «перевоспитание». Отец и сын поселились подальше от села, Гу Чэн был предоставлен самому себе. В деревне Гу Чэн ни с кем не общался, вследствие чего стал замыкаться в себе, погружаясь в мир грез: «Ты поверил в написанную тобой сказку / и сам цветком из сказки стал» (Шу Тин «Сказочный поэт» «童话诗人», 1980).

Поэту было тяжело расстаться с матерью. На протяжении всего творчества он будет вспоминать эту разлуку.

Печальную песню запел Пастух,
Слезы Ткачихи превратились в реку.
Хочу спросить я у Вселенной громко :
Почему не возвратится мать ко мне? Ну почему?
А!

«Поэт сотрясает просторы Вселенной, чтобы добиться ответа на вопрос: «Почему же нет рядом его мамы?». Лик матери он видит в образе луны, который традиционно в Китае означает символ дома, родных. Образ луны довольно часто присутствовал в поэтических произведениях танских поэтов. Они использовали образ луны для отображения своей тоски по родным местам».

В этот период начинают формироваться сборники «Безымянные цветы» «无名的小花儿» и «Мечты белых облаков» «白云梦». Среди них стихотворения, которые войдут в сокровищницу современной поэзии Китая («Мелодия фантазий жизни» «生命幻想曲» (1971), «Я восхищаюсь миром» «我赞美世界» (1971), «Безымянные цветы» «无名的小花儿» (1971)).

В этих стихотворениях мы не находим людей, главными героями становятся насекомые, вещи и явления природы: деревья, звездное небо, поле, усыпанное снегом. В них еще редко встречается отдельный герой или обращение ко второму лицу (зачастую к отцу). Все это свидетельствует об отчужденности от реального мира поэта и погруженности в мир природы, которая могла заменить ему общение с людьми.

Главный герой его стихотворений, блуждающий в одиночестве на фоне природы, пытается слиться с ней воедино. В один миг он превращается то в птицу, то в каплю дождя, то дуновение ветра. Именно здесь берет свое начало трагедия поэта: первый конфликт мечты и действительности, несовершенство обыденного мира, отличие мира природы и людей.

Дымовая труба точно как возвышающийся великан
Осматривает полную огней землю,
Непрерывно покуривая сигарету
И размышляя о том, чего никто не знает.

В стихотворении «Дым» «烟» (1968) читатель невольно раздумывает над вопросами: о чем же думает молчаливая труба, глядя на освещенную огнями землю; хотела ли ветка тополя проткнуть небо, выпустив на волю лунный свет и звезды. Точное сравнение, уподобляющее человека дымовой трубе, передает чувство грустного раздумья и одиночества, некой неподвижности и бессилия, тревоги за будущее и тоску о прошлом. Поэт задумался над вечными вопросами о смысле жизни, о ее дорогах и перипетиях, о том, чего нельзя изменить, а что можно.

Мотив одиночества можно проследить и в дальнейшем творчестве Гу Чэна. В юности поэту не хватало нежности и заботы матери, общения с друзьями, что непосредственно отразилось в его работах. Ближе к тридцати годам поэт сталкивается с реальными проблемами суровой жизни, его попытки изменить мир в лучшую сторону безответны. Мир, в котором он живет, люди, обитающие в нем, жестоки и безразличны. Поэт одинок.

В последние годы жизни Гу Чэн все больше погружается в себя, пытается скрыться от общественной жизни. В это время он ни с кем не общается, его поэзия все заметнее удаляется от прежнего мира грез и фантазий. В лирике Гу Чэна больше появляются такие качества, как тоска, горесть, безразличие. Он вводит читателя в подробности своей трудной и горестной жизни в стихотворении «Мои последние дни» «我最后的日子» (1989):

Мои последние дни
Ярки.
Я лежу на деревянной кровати,
Кто-то кормит меня,
Кто-то колет меня,
Кто-то рисует крест,
Кто-то поставил рядом с моей рукой солнечные часы,
Велел мне идти,
Перевернуть опустевшую морскую волну.

Стихи, написанные вдали от дома, часто пессимистичны. Особенно часто звучит мотив горечи, разочарования, тоски по былому. Поэта посещают мысли о старости, смерти, непостоянстве мирской жизни. В стихотворении «Мои последние дни» последним образом является морская волна, которая предстает перед нами в качестве символа жизни, биения сердца. От этих стихотворений веет надеждой и желанием жить. Но жить жизнью обыденной или жизнью вечной?

В схожем по тематической направленности стихотворении «Гроб» «墓床» (1988) Гу Чэн также поднимает тему смерти. Но поэт воспринимает смерть как продолжение жизни: это вовсе не печально. Он готов к ней, он ждет ее. Оставив позади несбывшиеся желания, море и послеполуденное солнце, автор желает приблизиться к концу. Я должен отдохнуть — фраза, которую человек произносит перед смертью, но с готовностью прожить еще одну жизнь в мире ином.

Я знаю, конец придет, но вовсе не печально,
Среди сосен покоятся мои желания,
Внизу море, если смотреть издалека, то кажется пруд,
Светит в меня послеполуденное солнце.
Время человека близится к концу, жизнь его долга,
Я должен отдохнуть посреди.
Проходящий человек скажет: Ветки деревьев низки.
Проходящий человек скажет: Ветки деревьев длинны.

Между мальчиком, бродившим по полям Шаньдуна, и автором этих строк пролегла непреодолимая пропасть. Гу Чэн с ужасом осознает, что сам, похоже, стал другим. Душа его больна от несбывшихся надежд, разочарований и отчаяния. Беда Гу Чэна не только в том, что он не смог справиться с хаосом, царившим в его душе, но и в том, что ему суждено было родиться и вырасти в страшное для Китая время. Чуть ли не каждое стихотворение, написанное Гу Чэном в эти годы, свидетельствует о том, что развязка его судьбы близка. С первых и до последних дней своей жизни Гу Чэн оставался патриотом своей родины. Уехав из Китая, он был потерян для себя, долго не мог найти себе места.

Поздние произведения Гу Чэна преисполнены меланхоличности, некой отрешенности. В стихотворении «Голос, открывающий окно» «打开窗子的声音» (1991) поэт пишет о море, которое является для него символом спокойствия. Оно указывает на его дом, родину, которые разделяли моря и океаны. На протяжении всего стихотворения лирический герой далек от моря, он знает, что больше туда не вернется.

Голос, открывающий окно

Ты услышал
Вдалеке море,
Гладкая лодка
Причалила к песчаному берегу.
Вдалеке синее море,
Ты слышишь
Самый тихий голос — это море,
Лодка причалила к песчаному берегу,
Вдалеке синее море.

Гу Чэн дважды использует глагол слышать. Море словно оживает и зовет его к себе. Но лирический герой не может приблизиться к этому «далеко», как и Гу Чэн не может больше вернуться на

свою родину. Целых четыре раза он повторяет слова: вдалеке море. Такое повторение говорит только о его огромном желании вернуться и невозможности совершить это.

Я жду морскую воду

Ты ждешь морскую воду,
 морская вода и песок.
Ты знаешь самое последнее: выплюнутое — не морская вода
Ты ждешь новости,
 эти новости
Словно птица должны взлететь.

(1993)

Все чаще в стихотворениях последнего периода встречаются морская волна, морская вода, море и песок, упоминание которых уже говорит нам о желании освободиться, словно птица взлететь вверх, в бескрайнее небо.

Гу Чэн сознательно отказался взрослеть, он желает лишь жить в своих мечтах и грезах.

В стихотворениях позднего периода главными являются образы ветра, букетов цветов, насекомых, листьев. Каждый из них символизирует разные вещи: «свежий поцелуй» (цветы — жизнь), «засохшие внутренности» (листья — смерть). Смерть у Гу Чэна связана с размышлениями о вечности и времени, о бессмертии и любви. Ожидание смерти как продолжение жизни и освобождение от земных мук и страданий — новый мотив поэзии Гу Чэна последних лет. Часто смерть предстает как ощущение гибели или близкой кончины.

Во многих поздних стихотворениях мотив смерти не связан с миром мертвых, загробной жизнью. Образ смерти обретает новое наполнение: смерть — это погружение в сон, в котором человек и природа «понимают» друг друга и человек приобщается к «вечной» жизни природы.

В сентябре 1993 г. по дороге в Америку он пишет стихотворение «Возвращение домой», которое отправляет в письме своим родителям:

Sam,
Ты не догадываешься, как сильно я скучаю по тебе.
Нас отделяет океан,
Его вода окружает твой островок.
На островке деревье-бабка
И твои игрушки.
Я так хочу тебя обнять,
Когда придут черные ночи.
Sam,
Мне нужно будет сказать тебе:
Sam,
Я люблю тебя.
(«Возвращение домой», «回家», 1993).

Стихотворение адресовано сыну Гу Чэна, которого он кратко зовет Sam, толстяком же он зовет себя. На протяжении всего стихотворения Гу Чэна не покидает надежда, что сын его помнит и что когда-нибудь он отведет сына в родной дом. При упоминании о черных ночах он словно прощается с сыном, произнося заветные слова: я тебя люблю. Стихотворение на психологическом уровне проникнуто чувством переживания за судьбу ребенка, которого им пришлось отдать на попечение знакомой женщине.

По возвращении в Новую Зеландию 24 сентября 1993 г., в свой день рождения, он посещает могилу Поля Гогена. 8 октября 1993 г. на острове Вайхики Гу Чэн, один из наиболее известных «туманных поэтов» Китая, набросился на свою жену с топором, а затем сам повесился на дереве. Его жена Се Е умерла в больнице от потери крови. Слухи о жестоком и трагическом убийстве быстро разнеслись не только на территории Новой Зеландии, но и за ее пределами.

Вскоре после случившейся трагедии стало известно о существовании неопубликованного романа «Ин Эр». Права на издание этой рукописи были проданы за высокую цену, не без помощи дурной славы ее авторов. История двойного убийства была прибыльной темой для китайских газет и журна-

лов. Многие стремились нажиться на печальной известности поэта. Ли Ин написала книгу под названием «Убитый горем на Вайхики», предисловие которой было написано ее другом, чтобы показать, что Гу Чэн не являлся ее единственным возлюбленным. Был снят художественный фильм, по сюжету которого главный герой Хоу уезжает жить в Новую Зеландию и оказывается в схожей с Гу Чэном ситуации. В Новой Зеландии эта трагедия стала образцом жестокого домашнего насилия. Мать Гу Чэна объясняла его странное поведение тем, что еще ребенком он выпал из окна и получил травму головы, и с того времени у него начались проблемы психического характера.

Трагедия Гу Чэна — это трагедия человека, родившегося в годы переломного момента в истории Китая. Он был закрыт от социума и в конце концов заплатил за это — был оставлен самыми близкими людьми, незадолго до трагических событий даже сын перестал узнавать его.

Гу Чэн прошел длинный путь поиска себя, смысла жизни, от «естественного я» к «бесцельному я», но оказалось, что эта дорога шла словно по кругу. Отойдя от истинной природы в начале, он пришел к ней в конце пути. Поэт считал, что, позабыв свою природу, он совершил множество необязательных действий и окружил себя ненужными вещами. В итоге, оказавшись опутанным правилами, нормами, законами, он обрек себя на суетную и тяжелую жизнь. Стихи, льющиеся из глубины души, заставляют забыть читателя о том, что он человек, и превращают его то в каплю росы на траве, то танцующую в полете бабочку, но всегда это может быть описано одним словом «естественность».

Литература

1. 朦胧诗:新生代诗百首点评, 南开大学出版社, 118页.
2. 无目的的《我》—顾城访谈录, 顾工编《顾城诗全编》, 上海三联书店, 1995年, 2-4页.

УДК 81'373.23

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПНИМИИ КИТАЙСКОГО И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ)

© *Дашеева Вера Витальевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: denisova.v@mail.ru

Статья посвящена анализу антропонимических систем китайцев и монголоязычных народов, проведенному с целью установления наличия в них универсальных компонентов, явлений и процессов в области ономастической фонетики и фонологии.

Автором предпринята попытка обнаружения в этих языках универсальных черт интралингвистического плана, имеющих аналоги в других языках мира, выявления ономастических универсалий (общих закономерностей возникновения и функционирования, характерных для имен собственных, вне зависимости от их языковой принадлежности) в фонетико-фонологической структуре личных имен.

Ключевые слова: лингвистика универсалий, лексикология, фонетика и фонология, ономастика, имя собственное, антропоним, звуковой состав, просодика, китайский язык, монгольские языки.

PHONETIC AND PHONOLOGICAL UNIVERSALS (ON THE BASIS OF CHINESE AND MONGOLIAN ANTHRONYMS)

Vera V. Dasheeva

PhD (Philology), Associate Professor of the Far East Department, Oriental Institute,
Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper is devoted to the analyzes of Chinese and Mongolian peoples' anthronymic systems, conducted in order to establish the presence of universal components, phenomena and processes in the field of onomastic phonetics and phonology.

The article attempts to detect universal features in these languages, which counterparts in other languages, identifying onomastic universals (general laws of occurrence and functioning of proper names, regardless of their language group) in the field of phonetic-phonological structure of personal names.

Keywords: linguistic universals, lexicology, phonetics and phonology, onomastics, proper name, anthronym, sound structure, prosody, Chinese language, Mongolian languages.

Явление ономастических универсалий, как проблема в области лингвистики универсалий и общей ономастики, впервые выделено А. В. Суперанской [9; 10].

Основные характеристики общелингвистических универсалий во многом можно применить и к ономастическим универсалиям. Например: универсалии языка относят к панхроническим лингвистическим законам; индуктивная природа большинства лингвистических универсалий делает понятным и явление квази-универсалий (почти универсалий), а исследование исключений, обнаруживаемых при изучении последних, может привести к построению новых универсалий [8, с. 9]. В этом ономастические универсалии не отличаются от лингвистических, здесь наблюдается их полное совпадение.

И все же совпадение ономастических универсалий с общезыковыми частично, так как «они относятся к специальной лексике, тесно связанной с экстралингвистическими факторами» [14, с. 189]. Как пишет по этому поводу А. В. Суперанская, «хотя имена собственные и рассматриваются нами как слова того или иного языка, ономастические универсалии не равнозначны универсалиям языка вообще. С одной стороны, ономастические универсалии должны носить более частный характер, поскольку ономастика — это лишь часть лексической системы любого языка. С другой же стороны, ономастические универсалии должны выходить за пределы той области, на которую распространяются языковые универсалии, потому что экстралингвистический сектор в ономастике значительно шире, чем в общей лексике» [10, с. 348].

Таким образом, составляя известный параллелизм с универсалиями общелингвистическими, ономастические универсалии в силу специфики объекта, на основе которого они выводятся, не совпадают с ними полностью.

Причинами существования любых ономастических универсалий могут служить разные факторы, а именно:

1. Генетическое родство, общее происхождение языков.
2. Взаимовлияние языков, следствием которого явились такие процессы, как заимствование и калькирование имен.
3. Общие кодовые свойства языков.
4. Общность закономерностей развития человеческих обществ.
5. Единые свойства человеческого мышления и восприятия.

Какой из вышеперечисленных факторов является главным, сказать пока трудно, попытки его выделения остаются на уровне гипотез. Скорее всего, значимыми в той или иной мере являются все эти причины.

Многие общие закономерности возникновения и функционирования имен у разных народов объясняются тесной связью процессов номинации со свойствами единого человеческого восприятия и мышления.

Под ономастическими универсалиями понимаются общие свойства, характерные для имен собственных, вне зависимости от их языковой принадлежности. Эти универсалии базируются на двух основаниях, которые учитывают:

- 1) способность человека отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления;
- 2) типичность значений и отношений, выраженных в любом языке, но с помощью различных средств.

Соответственно выделяется два основополагающих аспекта ономастических универсалий:

1. Экстралингвистический, основанный на общем для носителей любых языков свойстве человеческого мышления — закреплять в собственных именах определенные предметы, явления и свойства окружающего мира.
2. Собственно лингвистический, основанный на том, что в каждом языке выражаются (правда, разными способами) определенные — типичные — значения и отношения.

Классификация собственно лингвистических универсалий, в свою очередь, должна быть обусловлена единой для всех языков мира уровневой организацией, в соответствии с которой любой язык членится на фонетико-фонологический, морфологический, синтаксический и лексический уровни (ярусы).

Рассмотрим проявление ономастических универсалий на фонетико-фонологическом уровне, то есть универсальные явления, касающиеся звукового состава имен и некоторых просодических явлений, особым образом проявляющихся в онимах.

Звуковой состав

Правильно подобранное имя обладает красивой мелодикой и считается благоприятным с точки зрения теорий Инь-Ян и У син, говорят китайцы. И представители монголоязычных народов также руководствуются при выборе имени для ребенка необходимостью дать ему благозвучное имя. В силу специфики китайского языка при выборе имен многие китайцы могут (нижеуказанные рекомендации нельзя отнести к разряду обязательных правил) обращать внимание на следующие особенности структурирования китайской антропонимической модели:

1. Гармоничность инициали (согласного звука) и финали (гласного) имени и фамилии

Во-первых, не желательно, чтобы начальный согласный звук и финаль имени и фамилии совпадали. Например, неблагозвучным считаются имена типа 王文维 Ван Вэньвэй, 庞泊萍 ПанПопин и т. п.

Во-вторых, рекомендуется избегать при имянаречении совпадения сочетаний инициали и финали в фамилии и имени. Например: 黄花 Хуа Хуа, 冯飞 Фэн Фэй и т. п.

В-третьих, если финали имени и фамилии совпадают, то чтение этого имени может создать определенную трудность при произнесении. Например, во время правления династии Хань жил советник 骊食其 Ли Шици и генерал 金奇底 Цзинь Циди, в именах которых совпадают почти все финали, что создает напряженность артикуляционного аппарата, имена этих двух исторических деятелей очень трудно произносить [15, с. 46–47].

Конечно, каждый китаец, когда дает имя своему ребенку, старается обращать внимание на сочетание инициали и финали, но это вовсе не говорит о том, что имя, которое не соответствует каким-то из этих правил, обязательно является неблагозвучным. Такие имена существуют, но это большая ред-

кость. Например: 黄华 Хуан Хуа, 王连洼 Ван Ляньва и т. п. Китайцы по этому поводу говорят, что когда даешь такие имена, необходимо иметь глубокие знания письма. Возможно, что такие имена имеют красивое графическое оформление. Но все же, давая такое имя, необходимо быть очень осторожным, иначе такое неблагозвучное, хотя и красивое на письме имя может оказать негативное влияние на его носителя вследствие отрицательного восприятия его имени окружающими [15, с. 47].

Таким образом, имя должно соответствовать произносительным нормам языка, в котором оно функционирует, то есть быть благозвучным и легким с точки зрения фонетической оформленности.

Любое имя очень консервативно и употребляется обычно на правах цитаты, поэтому наличие, специфика и последовательность составляющих его фонем обычно остаются неизменными на протяжении длительного исторического периода. Это связано с тем, что собственные имена, утрачивая связь со своим первоначальным лексическим значением, теряют первичную понятийность. Имя становится нейтральным знаком для обозначения конкретного объекта. И чрезвычайно важное значение для его узнавания приобретает именно звуковой состав имени. Тем более, что лексема, послужившая когда-то основой для создания имени, может вообще выйти из употребления. Таким образом, первую универсалию здесь можно сформулировать так:

– длительная сохраняемость первоначального фонетического состава имени.

Правда, и звучание имени с течением времени может стать неясным. Оно начинает варьировать, а затем в результате рэтимологизации (мотивы номинации, семантическое значение апеллятивной основы), продолжая обозначать все тот же объект, может связаться в восприятии языкового коллектива с другой лексемой, звучание которой для носителей этого языка на данном этапе понятно и в звуковом составе которой они уверены. Один из примеров проявления рэтимологизации — «переименование» плохо владеющими русским языком бурятами магазина «Военторг» в более понятное и связанное с апеллятивом баян (бурят.) ‘богатый’ — «Баянторг».

Известно, что если какое-либо заимствованное имя по своему фонетическому составу не соответствует параметрам языка, оно не воспринимается и перестраивается. В связи с этим обозначим следующую универсалию:

– фонетическая адаптация заимствованных имен — перестройка заимствованных имен в соответствии с фонетическими и фонологическими законами и правилами языка.

Такая перестройка происходит, например, с именами — русскими заимствованиями в бурятском языке: Артамаан, существующий наряду с вариантом Артамоон, — русское имя Артамон изменилось под влиянием правила сингармонизма; Пилаат из Филат (в исконных бурятских словах ф [f] не встречается и в заимствованиях она субституируется артикуляционно схожей с ней фонемой п [p]); Беэрэ — это один из многочисленных вариантов популярного в Бурятии имени Вера, регламентирующийся законом гармонии гласных, согласный в исконных бурятских словах отсутствует. Подобную замену б на в мы наблюдаем и в варианте имени Светлана — Сэбтлаана, к тому же в последнем примере нашел отражение закон, ограничивающий возможность сочетания согласных: в начале слога и слова сочетание двух и более согласных не допускаются [6, с. 358–372].

При передаче на китайский язык антропонимов, которые в родном языке записываются иероглифами (например, японском художественном произведении, переведенном на китайский язык), которые сохраняются в неизменном виде, но читать их необходимо как соответствующие китайские иероглифы. Например, японское имя ‘Симидзу’ 清水 по-китайски будет звучать по-другому: Qīngshuǐ ‘Циншуй’, японское имя ‘Ниситака’ 西高 китаец прочитает: Xīgāo ‘Сигао’, а господин по фамилии ‘Ямада’ 山田 для китайца — Shāntiān ‘Шаньтянь’ [12, с. 147].

При передаче антропонимов с русского на китайский язык необходимо учитывать основные правила русско-китайской транскрипции [3, с. 48–49]. Для того чтобы записать русское имя по-китайски, необходимо использовать так называемые «фамильные иероглифы», которые зафиксированы в специальных словарях. Например, формант женских фамилий -ва — это 娃, слог -ше — 社, -тин — 京 (например, Путин 普京), -кин — 金 (например, Пушкин 普希金) и т. д. Поскольку фонетический строй китайского языка в значительной степени отличается от фонетико-фонологической системы русского языка, то русские имена при передаче на китайский язык подвергаются сильной трансформации. В китайском языке, например, приведенные выше имена Вера и Светлана обозначаются в виде Weila и Siweitelanna соответственно, так как в китайском языке отсутствуют слоги ve или we, ga, кроме того, каждый согласный по правилам китайской фонологии обязательно должен сопровождаться гласным звуком — отсюда слоги: Si (←рус. с) и te (←рус. т).

Кроме того, спецификой китайской межъязыковой передачи антропонимов на китайский язык является то, что при заимствовании иноязычных имен собственных китайцы не только опираются на их оригинальное звучание, но и учитывают значение подбираемых для транскрипции иероглифов.

В свою очередь, в русском языке заимствованные имена перестраиваются в соответствии с фонетическими законами языка. Так, в «Сборнике документов по истории Бурятии XVII в.» зафиксированы следующие варианты бурятских имен: Абзай — в русской передаче Обызай и Абызай, Басагаашка — Босигачко, Далбага — Долбага, названия Алтай — Олтай [5, с. 141–143]. В перечисленных примерах наблюдаются явления оканья/аканья, это свидетельствует о том, что составителями документов являлись носители как северорусского, так и южнорусского наречий.

Наблюдаются и другие особенности реализации звукового состава бурятских ИС в русской речи [5, с. 142–143; 13, с. 93–110]. Так, например, нарушается сингармонический ряд: Басагаашка — в русской передаче Босигачко, Баатар — Батор, ср.: Улан-Удэ. Гласный -э субституируется знаками -ы и -и, например: Инкей от Энхээ, Сысык или Цыцык вместо Сэсэг или Цэцэг, Цырен вместо Сэрэн и т. п. Разными буквами русского алфавита передаются и бурятские гласные -ү, -өө например: Монокурка — Номокурка — от Мүнхэрхэ, ср.: р. Зон Мурин — от Зүүн мурэн, вообще в русской передаче часто происходит смешение гласных -о и -у. Так, наименование Хулууша ураг 'воровской род' в русском языке приобрело форму Колычев род. Долгие гласные монгольских языков чаще всего на русский язык не передаются. Фонемой -к русского языка субституируются современные бурятские -х и -h, иногда -г в любой позиции, так как три указанных звука не всегда различались для русского слуха, например: Кахай — от Гахай 'свинья', Кебунэй от Хүбүүн 'мальчик', Окигон — от Охихон, Охин (монг.) 'девочка'.

При этом, как пишет А. Г. Митрошкина, «следует заметить, что русские оставили записи бурятских онимов, максимально (насколько было возможно при значительной разнице фонетических систем бурятского и русского языков) близкие к исконному их звучанию» [5, с. 141]. Это еще раз подтверждает универсальность стремления имен к устойчивости и достоверность обозначенной ранее универсалии, касающейся сохраняемости первоначального фонетического состава имени.

Интересно отметить в связи с этим тенденцию к созвучию, существующую в случае присвоения человеку второго имени (по разным причинам — при крещении, в качестве официального паспортного или охранного имени). Она четко прослеживается в большинстве случаев существования вторых имен. Это может быть общее созвучие, созвучие начальных слогов или первых звуков. Примеры: Аюуша — Андреэ, Баандан — Владиимир, Баяртоон — Борис, Бадма — Валентин, Найдан — Николай, Сагаадар — Семеон, Совоо — Савезли [4], Дашинима — Дмитрий, Сандан — Саша. Хотя такое созвучие не всегда обязательно, ср.: Намсарай — Андрей, Тумэн — Андрей — в этих случаях, по видимому, причиной выбора второго имени послужила его исключительная популярность. Ср.: у нганасанов: Курсими — Константин, Дяся — Дарья, Кохорү — Екатерина.

Просодика

Эти универсалии касаются особенностей проявления просодических явлений: ударения, тона и других в собственных именах. Приведем пример такой универсалии:

– высокая степень индивидуализации акцента, характерная для собственных имен (ср. фамилии Ив́анов и Иванóв, Со́колов и Соколóв, вторые варианты более распространены — при исходных Ив́ан и со́кол), аналогично с индивидуализацией орфографии (ср. фамилию Камков при апеллятиве комок) [9, с. 355–356; 2; 7; 11].

Данная универсалия иллюстрирует следующую антиномию, характерную для любого языка: система языка стремится подчинить себе имя, а его индивидуальное употребление и, в частности, личное желание индивида, обладателя имени, стремится обособить его от других слов. В результате имя и подчиняется, и не подчиняется закономерностям, обязательным для апеллятивов.

Например, традиционно считается, что если фамилия читается первым или третьим тоном, а имя состоит из одного иероглифа, то наиболее благозвучным будет имя-иероглиф, которое читается вторым тоном. Например: 李杨 Ли Ян (третий тон + второй тон), 张雷 Чжан Лэй (первый тон + второй тон) и т. п.

В отношении трехсложных имен применяются еще более высокие фонетические требования. Считается, что очень трудно произнести имя, если третий слог произносится третьим или вторым тонами (обычно это второй слог двухсложного имени, стоящего после односложной фамилии; реже, если фамилия состоит из двух слогов, то это единственный слог односложного имени). Например: имя

沈海埂 Шэнь Хайгэн (иероглиф 埂 произносится третьим тоном). В отношении нарицательных имен существительных подобные правила не соблюдаются.

Необходимость постановки **ударения** вызывает еще одну сложность при передаче на русский язык. Сформулируем несколько правил:

1. Рассмотрим случаи, когда имя написано в виде двух отдельных слогов. При раздельном написании слогов ударным считается каждый краткий гласный, если же в исходном китайском слоге имеется дифтонг — то слогаобразующий гласный дифтонга. Гласные -о, -у, -ю, -э, стоящие после других гласных, считаются неслоговыми, например: великая красавица древности Си Ши, бог долголетия Шоу-син, подружился с Ван Юэ и т. п.

2. В двухсложных именах (и географических названиях) ударение во всех случаях ставится на последний слог, например: великая красавица древности Ван Чжаоцзюнь, легендарный правитель Китая Шэньнун, провинция Юньнань, озеро Тайху и т. п.

3. В трехсложных именах собственных часто наблюдается два ударения: главное и второстепенное, главное ставится на первый слог, второстепенное — на последний, например: книга «Даодэцзин» и т. п. В географических названиях ударение всегда стоит на последнем слоге, например: озеро Кунминху, горы Чанбайшань, провинция Хэйлуцзян и т. п. [3, с. 55]. Не рекомендуется, чтобы тона финалей имени и фамилии совпадали. Например: 柳冷雪 Лю Лэнсюэ (все слоги в третьем тоне), 张湘霜 Чжан Сяншуан (все слоги в первом тоне) — эти имена считаются труднопроизносимыми.

Пока нет возможности привести здесь соответствующие примеры из монгольских именных систем вследствие отсутствия углубленных исследований ономастической просодики указанных языков. Можно сказать здесь о долгих гласных монгольских языков. Они, как было указано, обычно на русский не передаются (за редкими исключениями типа: Баахан, Баатур) в виде долгих гласных, чаще они передаются с помощью русских ударных гласных: личное имя Батор — от Баатар, фамилия Саганов — от Сагаан, ср. топонимы: Улан-Удэ, Улан-Батор (при исходном апеллятиве улаан).

Таким образом, при анализе антропонимических систем китайцев и монголоязычных народов, проведенном с целью установления наличия в них универсальных компонентов, явлений и процессов в области ономастической фонетики и фонологии, мы обнаруживаем, что в этих языках действительно существуют не только специфические, но универсальные черты интралингвистического плана, имеющие аналоги в других языках мира. Универсальность эта базируется на единстве основных принципов номинации и схожести всех мировых языков — как в конкретном синхроническом срезе, так и с точки зрения диахронии — общности исторических путей их развития.

Литература

1. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М., 2005. 416 с.
2. Ицкович В. А. Ударение в личных именах и отчествах в русском языке // РЯШ. 1961. № 6. С. 18–19.
3. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. М., 2002. 263 с.
4. Ламожапова И. А. Семантика личных имен предков А. Вампилова // Актуальные проблемы востоковедения: материалы конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. Ч. 2. С. 183–186.
5. Митрошкина А. Г. Бурятская онимическая лексика в русских исторических документах // Актуальные проблемы востоковедения: материалы конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. Ч. 2. С. 141–143.
6. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. Иркутск, 1995. 377 с.
7. Поротников П. Т. Об ударении в именах типа СЕРГИЙ — СЕРГЕЙ — СЕРГИЙ // Материалы II Нижнетагильской гор. конф. молодых научных работников. Свердловск, 1971. С. 111–113.
8. Рождественский Ю. В. О лингвистических универсалиях // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 3–13.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
10. Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 346–356.
11. Успенский Б. А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 5–18.
12. Фролова Е. Л. Японский язык. Имена собственные: учеб. пособие. М.; Иркутск: Муравей, 2004. 159 с.
13. Шагдаров Л. Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русский язык // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 93–110.
14. Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995. 204 с.
15. 姓名学 Антропонимика. Пекин, 2006. 440 с.

УДК 81'373.23

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КИТАЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

© *Дашеева Вера Витальевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: denisova.v@mail.ru

Статья посвящена особенностям функционирования имен в Китае. Страна обладает традиционной культурой, которая складывалась в течение нескольких тысячелетий, и хотя каждая эпоха имеет свои отличительные особенности мотивов и функций номинации, именно в харизматической функции в наибольшей степени проявляется экстралингвистический аспект национального ономастикона. Можно сказать, что имя любого человека — некая матрица личности, уже предполагающая определенную взаимосвязь с окружающим миром и оказывающая немаловажное воздействие на формирование человека, на судьбу индивида и целого рода. В Китае, как и во всем мире, огромное значение придается вопросу выбора имени для своего ребенка, что доказывает, что имя никогда не воспринималось человеком как простой набор абстрактных звуков. В связи с харизматической функцией выделяются имена пожелательные и охраняемые, которые распространены и в традиционном, и в современном китайском антропонимиконе.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, антропоним, лингвокультурология, этнолингвистика, социальная лингвистика, психолингвистика, функции имен.

CHARISMATIC FUNCTION OF CHINESE NAMES

Vera V. Dasheeva

PhD (Philology), Associate Professor of the Far East Department, Oriental Institute,
Buryat State University
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper is devoted to the specific features of names' functions in China. China possesses a traditional culture that has been evolving for over thousands of years. Although every period of the Chinese history has its own distinctive features and functions of nomination, charismatic function is most manifest extralinguistic aspect of national onomasticon. We can say that the name of any person is a kind of matrix of personality presupposes a certain relationship with the world and has important influence on the formation of man, the fate of the individual and of the whole family. In China, as in the whole world, people give great importance to the issue of choosing a name for their own children, which proves that the name has never been perceived by the person as a simple set of abstract sounds. In connection with the charismatic function we can distinguish desiderative names and protective names that are common in traditional and modern Chinese anthroponomical system.

Keywords: onomastics, proper name, anthroponym, cultural linguistics, ethnolinguistics, sociolinguistics, psycholinguistic, function of the names.

«Представители всех народов в той или иной степени верят в способность имени влиять на жизнь и благополучие человека, формирование его характера и даже решать его судьбу» [1, с. 77]. Иногда, правда, вера эта проявляется только на уровне подсознания (как это было в России в эпоху господствующего атеизма): люди могут отвергать подобное влияние, но при этом они огромное значение придать вопросу выбора имени для своего ребенка, что доказывает, что имя никогда не воспринималось человеком как простой набор абстрактных звуков.

В связи с харизматической функцией выделяются пожелательные и охраняемые имена. Функцией пожелательных имен можно считать потенциальное положительное влияние на судьбу их носителей, когда, по мнению называющего, имя может повлиять на формирование определенных качеств в человеке: доброты, мудрости, смелости, силы — в мужчине, красоты, нежности — в женщине, на его благосостояние, здоровье, продолжительность жизни и т. п. Такие имена обычно наделены позитивной семантикой, и здесь во внимание принимается как их буквальный перевод, так и, чаще всего, переносное, метафорическое значение.

Приведем примеры имен-дезидеративов. С пожеланием физического здоровья и долгой жизни связаны китайские имена типа: 留住Лючжу ‘останется жить’, 长命Чанмин ‘долгая жизнь’, 长寿Чаншоу ‘долголетие’, 延年Яньнянь ‘долгая жизнь, продлевать жизнь’.

Очень распространены китайские имена, выражающие пожелание богатства: 富贵Фугуй ‘богатые и знатные; богатство и благородство, богатство и положение, деньги и почет; жить в богатстве и чести’, 长富Чанфу ‘долгое благополучие, изобилие, богатство’, а также успешной карьеры: 伟民Вэйминь ‘великая нация, выдающийся народ’, 国栋Годун ‘опора страны, глава государства’.

Примеры имен-дезидеративов, выражающих пожелание обладать положительными качествами — как нравственными и интеллектуальными: 彬Бинь ‘изысканный, гармоничный, наделенный в равной мере внутренними и внешними качествами, совершенный’, 博爱Боай ‘человеколюбие, братство, всеобщая любовь, милосердие’, 大勇Даюн ‘большой храбрец’, 正Чжэн ‘прямой, справедливый, главный’, 善人Шаньжэнь ‘добрый человек’, 少奇Шаоци ‘гениальный с детства’, так и физическими: 美丽Мэйли ‘красивая, прекрасный, изящный, ненаглядный’, 玉秀Юйсю ‘яшма, нефрит+цветущий, красивый, изящный’. В качестве имен китайцев могут также использоваться названия предметов роскоши, музыкальных инструментов, например: 金钗Цзиньчай ‘золотая шпилька’, 金钏Цзиньчуань ‘золотой браслет’, 珍珠Чжэньчжу ‘жемчуг, жемчужина’, различные имена с иероглифом 琴Цинь ‘цин, цитра, скрипка, щипковый музыкальный инструмент’ и др. Данные имена связаны с такими предполагаемыми характеристиками их носителей, как утонченность, красота, изящество и т. п., и часто выполняют пожелательную функцию.

Имена с охранной функцией дают с целью испугать или даже обмануть злых духов и отвести их от новорожденного. Такие имена большей частью наделены отпугивающей, негативной или ложной семантикой. Сейчас их очень мало у высокоразвитых народов. Они лишь иногда встречаются у некоторых народов Крайнего Севера, в развивающихся странах Азии и Африки. Ранее же охранная функция выполнялась обширной группой охранных имен, даваемых в качестве профилактики, широко бытовавшей у многих народов на определенном этапе развития. Это связано с высокой детской смертностью на том историческом этапе и стремлением сделать ребенка непривлекательным для злых духов, обмануть или отпугнуть их, оградить новорожденного или заболевшего человека от нежелательных веяний судьбы.

Приведем несколько примеров китайских охранных имен: 豹Бао ‘леопард, барс’, 狗蛋Гоудань ‘собачьи яйца, сын собаки (неценз.)’, 雕Дяо ‘беркут, орел, ястреб’, 小钢Сяоган ‘стальной брусок, маленький+сталь’, 驼背Тобэй ‘горбчатый’, 虎Ху ‘тигр’, 糊涂Хуту ‘глупый, бестолковый’, 石Ши ‘камень’.

Как и у многих народов, китайцы защищали новорожденных сыновей очень оригинальным способом: помимо основного имени родители давали своему сыну женское имя, наряжали его как девочку, даже использовали косметику для украшения мальчика. Тем самым родители демонстрируют свое желание защитить ребенка от злых духов, избежать каких-либо жизненных неприятностей. Мальчик является привлекательной добычей для негативных сил. Следовательно, если дать ему женское имя, обмануть злых духов, мальчик будет более защищенным. Поэтому в мужских именах могли использоваться иероглифы и слова: 姑Гу ‘тетя по отцу’, 妹Мэй ‘младшая сестренка’, 女Нюй ‘женщина’, 仙女Сяньньюй ‘фея, небожительница, святая дева, красавица’, 妇Фу ‘замужняя женщина, супруга’, 夫人Фужэнь ‘госпожа, миссис’, 姬Цзи ‘придворная дама, знатная женщина’ и т. п. Так, во времена эпох Весны и осени и Борющихся царств были известны такие личности-носители женских имен, как 马妇Ма Фу, с личным именем Фу ‘замужняя женщина, супруга’, 徐夫人Сюй Фужэнь, с личным именем Фужэнь ‘госпожа, миссис’ — мастер по владению мечом в период Борющихся царств, 姬息姑Цзи Сигу, с личным именем Сигу ‘дышать, утихомиривать + тетя по отцу’ — правитель династии Западное Чжоу (период правления 721–711 гг. до н. э.), 石曼姑Ши Маньгу, с личным именем

Маньгу ‘широкий, прелестный, мягкий, изящный + тетя по отцу’. Они носили женские имена всю свою жизнь.

При анализе харизматической функции подробнее остановимся на сложном, пока малоисследованном, но исключительно интересном вопросе о влиянии имени на судьбу. Антропонимы имеют непосредственную связь с историей, обществом и культурой, входя в область интересов не только традиционной лингвистики, но и наук, сформировавшихся и получивших наибольшее развитие на рубеже XX–XXI вв.: этнолингвистики, социоллингвистики, лингвокультурологии, психоллингвистики и т. п. «Имена сопровождают человека всю его жизнь, следовательно, и оказывают на него влияние в течение всей его жизни. Как значима жизнь человека, столь же велико и значение того имени, которое он носит. Связь между человеком и его именем — такая же, как между деревом и его корнем» [2, с. 14], как утверждают китайские ономасты. Конечно, человека и его имя нельзя полностью отождествлять, абсолютной ассоциированности между ними возникнуть не может, имя не может полностью предопределить судьбу своего носителя — такова точка зрения современной науки. Но так или иначе имя каждого конкретного человека способно жить в веках и оставить потомкам добрую или дурную славу. Имена исторических личностей неразрывно связаны с образом их носителей, но в то же время между именем и денотатом не может быть поставлен знак равенства. Итак, хотя имена и не связаны полностью с их носителями, «именно имена известных китайских исторических деятелей позволяют нам многое узнать об их деяниях в разные периоды китайской истории. «Не бойся родиться некрасивым, бойся получить дурное имя» — в этой пословице выражается отношение китайцев к личному имени, то большое значение, которое придается имени в китайской культуре (в некотором смысле слово «имя» синонимично слову «репутация»), а также в некоторой степени свидетельствует о том, что между именем, которое носит человек, и его судьбой существует тесная связь. Поэтому имя — это не просто метка, которую именующий создает для того, чтобы обозначить конкретного человека, но и нечто большее, то, что налагает ответственность на своего носителя, воздействует на его жизнь, взаимодействие с семьей и с социумом» [2, с. 14].

Таким образом, между человеком и его именем существует несомненная тесная связь, функции имен очень широки. Поэтому каждый человек с такой ответственностью подходит к выбору имени для своего ребенка. Традиционные методы выбора имен у китайцев многообразны. Это могут быть религиозные традиции, именование по внешним и поведенческим характеристикам ребенка, выбор благозвучных слов и красивых в графическом отношении иероглифов и мн. др. Чрезвычайно своеобразны древние методы номинации. Так, в некоторых китайских провинциях после рождения ребенка в течение недели готовят бумажные игрушки или реальные предметы для ребенка, и если ребенок схватит определенную игрушку или предмет, то название или особенности этого предмета станут предпосылкой для выбора имени ребенку.

В древности этот метод носил название 试儿(кит.) ‘проба, испытание’. В ономастике подобный метод номинации носит устойчивое наименование «бросание жребия». Следуя этому методу, через некоторое время после рождения ребенка родители очень торжественно проводили данный ритуал: ребенка купали, надевали на него красивую одежду и затем раскладывали перед ним на столе различные предметы. Среди предметов, используемых в данном обряде, — оружие (лук и стрелы), письменные принадлежности, еда, книги, ювелирные принадлежности из золота и серебра, различные игрушки и мн. др. Проводившие обряд верили, что предмет, который ребенок выберет, является символом того, чем он будет заниматься в будущем, цель этого метода — определить будущее занятие маленького китайца, иногда в соответствии с этим ему присваивали и подходящее этому занятию имя.

Герой классического китайского романа «Сон в красном тереме» 贾宝玉Цзя Баоюй, где 宝玉Баоюй ‘драгоценность, драгоценный самоцвет’, также прошел через церемонию 试儿(кит.) ‘проба, испытание’. Когда он выбрал среди всех предложенных ему предметов косметику и браслет, его отец был крайне недоволен, так как этот выбор стал знаком того, что из мальчика вырастет развратник и пьяница. Другой пример: родители известного писателя и переводчика XX века по имени 钱钟书Цянь Чжуншу (1910–1998 гг.) также назвали сына в соответствии с этим методом. По всей видимости, при проведении обряда он выбрал такие предметы, как 钟(кит.) ‘часы’ и 书(кит.) ‘книга’.

Наш личный опыт общения с анкетировемыми свидетельствует о том, что в наши дни проведение обряда «бросание жребия» становится необязательным, хотя некоторые родители все-таки проводят

его, возможно, из простого любопытства, ведь стремление познать будущее для человека так же естественно, как и желание помнить прошлое. В младенческом возрасте наш информант выбрала при подобном испытании из всех предложенных ей предметов книгу и письменные принадлежности. Впоследствии она стала очень успешным студентом, причем получила два высших образования, а также талантливым и востребованным переводчиком, овладев несколькими восточными и европейскими языками. Родители гордятся ею, но при этом подтрунивают и говорят, что было бы куда разумнее выбрать, как и ее близкая подруга (ставшая, кстати, высокооплачиваемым бухгалтером), деньги и драгоценности.

Поскольку имена выражают стремления, склонности и эстетические предпочтения именуемого, они служат для репрезентации надежд и пожеланий, которые дающий имя испытывал по отношению к будущему носителю имени в момент имянаречения. Денотат же, в свою очередь, вольно или невольно старается воплощать на практике эти надежды и пожелания, либо сопротивляется им, так что имя неизбежно оказывает непосредственное влияние на судьбу своего носителя. Это влияние главным образом воплощается в трех основных областях:

- 1) влияние на поступки и характер носителя имени;
- 2) влияние на психическое и эмоциональное состояние носителя имени;
- 3) влияние на самого носителя имени и членов его семьи.

Имя принадлежит своему носителю, но произносить его будут и другие люди. Поэтому, выбирая имя, необходимо думать не только о том человеке, которого будут так называть, но и об окружающих, которые будут произносить это имя. Рассмотрим такую «популярную в некоторых областях провинции Гуандун морфему, как 娘Нян ‘девушка; девочка, барышня; молодая женщина’. Этот иероглиф удобно использовать в качестве имени при общении между близкими родственниками, например, если дочь называют так родители. Но если использовать этот иероглиф в качестве антропонима, безотносительно к возрасту именуемого — получается, что и родители, и другие старшие родственники будут называть ее 娘Нян — девушкой, девочкой, но так же будут называть ее и ровесники, а также внуки и правнуки, что способно внести диссонанс в процесс общения. То же самое можно сказать о популярном во многих районах Китая иероглифе 妹Мэй ‘младшая сестра’, который хотя в ряде случаев очень привлекательно звучит при употреблении в качестве имени, в составе двусложных имен: 阿妹Амэй, 细妹Симэй, 冬妹Дунмэй, 小妹Сяомэй и т. п., при использовании без учета возраста именуемого и именуемого может вызвать чувство дискомфорта у говорящих» [2, с. 16].

Именно в харизматической функции в наибольшей степени проявляется экстралингвистический аспект национального ономастикона. Можно сказать, что имя любого человека — некая матрица личности, уже предполагающая определенную взаимосвязь с окружающим миром и оказывающая немаловажное воздействие на формирование человека, на судьбу индивида и целого рода. Многие современные китайские ученые, отвергая возможность магического воздействия имени на судьбу носителя, не отрицают наличия в имени определенной совокупности звуковых, смысловых ассоциаций и ассоциаций с прежними известными носителями, что и заставляет переносить отношение к имени на конкретного его обладателя, в конечном счете это вполне может повлиять на его самосознание, формирование его характера, а также на то, как будет складываться его судьба.

Литература

1. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ, 1991. 192 с.
2. 李少林·说名道姓。Ли Шаолин. Рассуждение об именах, знание о фамилиях. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 2007. 344 с.

УДК 82-13 (512.3)

**О НЕИЗВЕСТНОЙ РУКОПИСИ Н. Н. ПОППЕ
«БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС»**© *Дашибалова Дарима Владимировна*

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: dardash3@gmail.com

В статье дается аналитический обзор неизданной рукописи известного монголоведа Н. Н. Поппе «Бурят-монгольский героический эпос», хранящейся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Приводится точное архивное описание документа, характеризуется тематический диапазон, представленный в восьми разделах рассматриваемого труда. В структурном отношении работа состоит из глав: «Героический эпос в жизни бурят-монгольского народа», «Сказитель и его творчество», «Былинные сюжеты», «Былинные персонажи», «Опыт исторического анализа эпоса», «Эпос и шаманство», «Поэтика улигера», «Отношение бурят-монгольского эпоса к эпосам других народов». Материал, представленный в неизданной работе Н. Н. Поппе, является ценным научным источником для осмысления и расширения эпосоведческого исследовательского поля.

Ключевые слова: монголоведение, архив, документ, бурятский фольклор, героический эпос, сказитель, сюжет, персонаж, шаманизм, поэтика.

**ON AN UNKNOWN COPY OF NICHOLAS POPPE'S WORK «THE HEROIC EPIC
OF BURYAT MONGOLS»***Darima V. Dashibalova*

PhD, A/Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (IMBT SB RAS)
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

Paper deals with analytic review of an unpublished work of famous scholar N. Poppe «The Heroic Epic Of Buryat Mongols» preserving in the Center for Oriental manuscripts and xylographs of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. Exact archival description of the document and characteristics of topical subjects are given. A monograph is divided into 8 chapters: «Heroic Epos In The Life Of Buryat People», «An Epic Singer And His Creation», «Epic Plots», «Epic Heroes», «An Experiment Of Epic's Historical Analyses», «Epic And Shamanism», «Poetical System Of Epic», «The Relationship Between Buryat Epic And Others». The material presented in unpublished Poppe's work is a valuable source of understanding and extending of scientific research.

Keywords: Mongolian studies, archive, document, Buryat folklore, heroic epic, epic singer, plot, hero, shamanism, poetical system.

В личном архиве Н. Н. Поппе (фонд № 15), хранящемся в Центре восточных рукописей и ксилографов [далее ЦВРК] Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, содержится ценный документ — машинописный текст монографии «Бурят-монгольский героический эпос» в трех больших папках.

Описание документа выглядит следующим образом:

1. Ф. 15, оп. 1, д. 2, л. 1а-189а. Название: «Бурят-монгольский героический эпос. Гл. I-III». Подшитые листы, 30х21 см, бумага тонкая, желтая. Машинописный текст, копия. Нумерация в верхнем правом углу. На титульном листе рукой Поппе написано: «В этот экземпляр не вписаны в текст бурятские слова. Примечания, сноски все исправлены и к печати готовы». Проставлена дата: 13.12. 1940 г. и подпись Поппе. Также на титульном листе указаны издательство Академии наук СССР и дата — 1941 г.

В данном деле имеются: предисловие (л. 2а-4а), глава I «Героический эпос в жизни бурят-монгольского народа» (л. 5а-21а), глава II «Сказитель и его творчество» (л. 22а-71а), глава III «Былинные сюжеты» (л. 72а-189а).

2. Ф. 15, оп. 1, д. 3, л. 190а-325а. Название: «Бурят-монгольский героический эпос. Гл. IV-VII». Подшитые листы, 30х21 см, бумага тонкая, желтая. Машинописный текст, копия. Нумерация в верхнем правом углу.

Данное дело содержит главу IV «Былинные персонажи» (л. 190а-222а), главу V «Опыт исторического анализа эпоса» (л. 223а-266а), главу VI «Эпос и шаманство» (л. 267а-295а), главу VII «Поэтика улигера» (л. 296а-325а).

3. Ф. 15, оп. 1, д. 4, л. 326а-448а. Название: «Бурят-монгольский героический эпос. III часть». Подшитые листы, 30х21 см, бумага тонкая, желтая. Машинописный текст, копия. Нумерация в верхнем правом углу.

В деле — продолжение VII главы «Поэтика улигера» (л. 326а-412а), глава VIII «Отношение бурят-монгольского героического эпоса к эпосу других народов» (л. 413а-447а), содержание (448а).

В статье «Эпос монгольских народов в записях и исследованиях Н. Н. Поппе» мы упоминаем об этой работе ученого, затрагивая цели и предполагаемые обстоятельства написания книги [1, с. 80-81].

Прежде чем перейти к аналитическому обзору рассматриваемой рукописи, необходимо отметить, что ее основные тезисы и положения были частично изложены в статье Н. Н. Поппе «Некоторые проблемы бурят-монгольского героического эпоса» (1940 г.). Также оговоримся, что мы не будем затрагивать вопросы, связанные с идеологической ситуацией 30-40-х годов XX в., и эпосоведческие концепции Б. Я. Владимирцова и Г. Д. Санжеева, которые нашли отражение в работе Н. Н. Поппе.

Итак, в главе первой «Героический эпос в жизни бурят-монгольского народа» автор отмечает практически повсеместное бытование у бурят эпических традиций (в Прибайкалье и Забайкалье) и пишет, что «слушание улигеров органически входило в хозяйственно-бытовой и духовно-обрядовый комплекс древнего коллектива» [2, д. 2, л. 14]. Н. Н. Поппе приводит замечательные слова Матвея Николаевича Хангалова: «Иногда буряту, едущему в темную ночь по безлюдной степи, становится жутко; тогда он начинает для отогнания нечистых духов нараспев мурлыкать сказку про Абай Гэсэр богдо-хана. Если, собираясь в дальний путь, слушать ее, то это считается хорошим признаком: дорога будет благополучная и дела будут успешными». В главе подробно говорится о проникновении эпических сюжетов, средств художественного изображения, стилистических приемов в художественную литературу бурят-монголов (поэма Х. Намсараева «Айдархан»; отдельные сцены оперы «Энхэ Булат батор» созданы по мотивам улигера «Шоно батор».

Вторая глава «Сказитель и его творчество» посвящена исполнительскому мастерству улигершинов на примере творческой манеры Аполлона Тороева. Факты, изложенные в этой главе, «почерпнуты нами из автобиографии Тороева, любезно присланной им автору специально для написания настоящей работы» [Там же, л. 24]. Поппе считает, что сказитель — не только исполнитель улигера, он является прежде всего поэтом, которому принадлежит художественное оформление улигера, а также его поэтическая обработка. Сказитель обогащает исполняемый им улигер не только внешне, используя доступные средства художественного изображения, но и вносит в содержание новые эпизоды, способствующие повышению интереса слушателей. Автор на конкретном материале скрупулезно анализирует творчество А. Тороева, выделяя в его эпическом искусстве, если использовать современную терминологию, три составляющие: «эпическое сознание», «эпическую память», «эпическое знание».

Самой значительной как по объему, так и по содержанию является глава 3 «Былинные сюжеты», которую автор делит на условные параграфы по сказителям, у которых они были записаны, также здесь приводится краткое содержание улигеров.

1. Былины западных бурят:

- Елбон Шалбаков (Шалбагай) — «Аламжи Мэргэн»
- Бутушка Булдаев — «Айдурай Мэргэн»
- Маншуд Именгов — «Еренсей и Унтан Дуурай», «Абай Гэсэр хүбүүн», «Ошор Богдо (старший сын Гэсэра)», «Хурин Алтай (средний сын Гэсэра)»
- Лазарь Бардаханов — «Шонхой мэргэн», «Үнэшэн хара хүбүүн (старший сын Ошор Богдо)», «Буху хара хүбүүн»
- Шобхо (Шобхо Заганайн) — «Болод Хуурай хүбүүн»
- Аполлон Тороев — «Ербэд богдо-хаан», «Абага богдо-хаан», «Семидесятилетний старик и восьмидесятилетняя старуха», «Алтан дуурай мэргэн»
- Бажай Жатухаев — «Үнхэй Тархи хаан»

2. Былины восточных бурят:

- Базар Галданов — «Мэньэлтэ мэргэн», «Шибжэлтэ мэргэн и его младший сын Ябаган Шибжэнэй», «Хэедээр мэргэн»

- Бадма Дашибалов — «Эрээлдэй эзэн богдо мэргэн хаан»
- Священник Я. Чистохин — «Болод хуурай»
- Галдан Ниндаков — «Лодой мэргэн», «Шоролтоор мэргэн»
- Буда Кишиктуев — «Жибжээнэй мэргэн»

В главе 4 «Былинные персонажи» речь идет преимущественно о второстепенных (положительных и отрицательных) улигерных образах. Это такие персонажи, как небесная царевна (дева), спасительница/воскресительница героя, жена героя, помощница-старуха, невестка героя. К мужским персонажам относятся сыновья героя, помощник-богатырь, старик, исцеленные героем калеки. Перечисляются анимистические образы — конь, птица Хан Хэрдик (Гаруди), муравьи, рыжий пес, черно-пестрая лягушка, ворон-советчик и божества шаманского пантеона. Среди противников героя Н. Н. Поппе упоминает тестя героя в восточных улигерах хоринской группы, злых старух-отравительниц, коварных женихов, мангадхаек, шаманок, колдунов.

В главе «Опыт исторического анализа эпоса» автор выделяет стадиальные образования, особенно отражения древней идеологии и мировоззренческих представлений, подчеркивая, что бурят-монгольский героический эпос характеризуется весьма незначительными феодальными элементами в сравнении с халха-монгольским и ойратским. Бурятский эпос, утверждает автор, характеризуется наличием разноэтапных элементов — матриархальных и патриархальных, что свидетельствует о том, что эпос прошел долгий путь развития. Н. Н. Поппе считает, что «исследование произведений героического эпоса возможно лишь в стадиальном разрезе лишь как вскрытие разных пластов эпоса. И чрезвычайно плодотворным является изучение эволюции образов, в частности и особенности образа героя, который меняется не только на протяжении всего героического эпоса, но часто даже на протяжении одной и той же былины» [Там же, д. 3, л. 247]. В пятой главе автор останавливается на вопросе о том, что события XVII в. не могли не отразиться в исторических судьбах бурятского эпоса. Он имел в виду многочисленные элементы описаний, воспроизводящие быт современного сказителю сибирского села, притом именно русского села. На примере описания дворца героя и его владений из улигера «Аламжи мэргэн» автор отмечает такие элементы, как «крыльцо», «амбар», «труба», «приказчик», «Дума» и т. д.

В главе шестой «Эпос и шаманство» автор подчеркивает связь бурятского эпоса с шаманством и говорит, что «божества шаманского пантеона и описания шаманских обрядов, шаманские заклинания и призывания занимают видное место в эпосе. Некоторые действующие лица эпоса имеют непосредственное отношение к шаманскому культу и шаманской мифологии» [Там же, д. 2, л. 277]. Во главе южных девяносто девяти тэнгриев стоит Эсэгэ Малаан тэнгэри или Эсэгэ Малаан баабай, а во главе западных пятидесяти пяти тэнгриев стоит Заяан Сагаан тэнгэри («Творец белое небо») с женой Зарлиг Сагаан хамаган («Белая старуха Зарлик»). Наконец, главным над семьюдесятью семью задними (северными) тэнгриями считается Хүхэдэй Мэргэн («Стрелок Хүхэдэй») с женой Хүлтэй Хатан («Царица Хүлтэй»). К западным светлым небесным божествам относятся также божества-покровители кузнечного искусства во главе с Дархан Сагаан тэнгри («Кузнец белый тэнгри»). Восточными, враждебными людям божествами считаются всего сорок четыре во главе с Атаа Улаан тэнгэри.

В главе «Поэтика улигера» обстоятельно и подробно раскрываются художественно-стилевые особенности и изобразительные средства бурятских улигеров. Он представляет собой по содержанию повествование о героических поступках, а по форме — стихотворное произведение. Улигерный стих не имеет какого-либо определенного размера. Количество слогов в стихе варьируется, хотя наиболее типичным является стих, содержащий семь или восемь слогов. Самой характерной чертой стиха является аллитерация начальных слогов соседних стихов. Причем аллитерирующие слоги не обязательно должны совпадать полностью. Наблюдается также внутренняя аллитерация. С композиционной стороны улигер характеризуется делением на три основные части: зачин, основная часть повествования и заключительная часть.

Предпосылкой исполнения улигера является запев. По окончании улигера поются так как называемые «проводы улигера». Как запев («встреча улигера»), так и «проводы улигера» поются сказителем совместно с его слушателями. Кроме того, в текст западно-бурятских улигеров вставляются строфы, которые поются слушающими. Эти строфы называются «сэг даралга».

Что касается основной части улигера, т. е. самого повествования, то оно обычно распадается на два или три звена, образующих вполне законченный эпизод. Здесь Н. Н. Поппе пользуется термином «звено» для обозначения глав улигерного действия. Приведем отрывок из этой главы. «Рассмотрим

теперь улигер «Еремей богдо хаан». Первое звено образует рассказ о том, как у престарелого Еремея богдо родился в отсутствие старшего сына младший. Является мангатхай и забирает всех в плен. Мамлютку успевают спрятать. Возвращается старший сын, видит запустение и находит ребенка. Младший растет не по дням, а по часам. Получив от тэнгриев доспехи и богатырского коня, он отправляется на поиски родителей. После ряда путевых приключений он убивает мангатху и возвращается с родителями и уведенными в плен подданными. Второе звено представляет рассказ о сватовстве старшего сына. Он гибнет от коварства тестя. Младший брат отправляется на поиски его и оживляет его. После этого играют свадьбу. Третье звено содержит рассказ о сватовстве младшего сына. Введенная насчет внешности героя в заблуждение служанкой царевна скрывается. Выдают замуж вместо нее служанку. Обман раскрывается, герой женится, наконец, на настоящей царевне, а служанку прогоняет» [Там же, л. 320].

Язык улигера отличается от обыденной речи своеобразной лексикой. Как и в обыденной речи, в улигерном языке встречаются заимствования: русские, книжно-монгольские, тибетские и санскритские. Язык улигеров характеризуется архаизмами, но встречаются, конечно, и неологизмы. Улигерный язык отличается особенностями грамматического и синтаксического характера.

Стилистические особенности улигерного языка составляют тропы: метафора, метонимия, в частности синекдоха, перифраз. Улигерный язык богат разного рода эпитетами, в частности метафорическими. Часто встречаются сравнения. Особенность улигерного языка составляет гипербола, используемая очень часто в описаниях. Одной из основных особенностей улигерного стиха является параллелизм синонимический и аналогический.

Заключая главу, автор отмечает, что по богатству и многообразию средств художественного выражения западно-бурятские улигеры занимают первое место. Далее Н. Н. Поппе указал (не избежав политической тональности), что «приводившаяся до сравнительно недавнего времени буржуазными националистами линия в деле языкового строительства полностью игнорировала исключительное богатство именно западно-бурятского эпического языка, сокровищница которого может служить постоянным источником обогащения бурят-монгольского литературного языка» [Там же, л. 412].

В завершающей главе автор предпринимает сравнительно-типологический анализ бурятского эпоса в сопоставлении с халха-монгольским, калмыцким, тюркским (на примере шорских эпических сказаний).

Таким образом, можно убедиться, что материал, представленный в неизданной работе Н. Н. Поппе, является ценным научным источником для осмысления и расширения эпосоведческого исследовательского поля. Несмотря на доминирование идеологического фактора в общественных науках 30–40-х годов XX в., устаревший понятийный и терминологический аппарат, появление большого количества фундаментальных работ по бурятской фольклористике, рукописный труд Н. Н. Поппе 1941 г. остается актуальным в современном научном дискурсе.

Литература

1. Дашибалова Д. В. Эпос монгольских народов в записях и исследованиях Н. Н. Поппе // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 8. С. 79–83.
2. ЦВРК. Ф. 15. Оп. 1.

УДК 821.512.31+821.58

ОБРАЗ ПТИЦЫ КАК СИМВОЛ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Н. НИМБУЕВА И ХАНЬ ДУНА

© *Дондокова Максара Юрьевна*

кандидат филологических наук, преподаватель Восточного института
Бурятского государственного университета
Россия, 670033, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: maksara508@mail.ru

В статье раскрывается образ птицы в качестве основы связи времен в творчестве двух национальных поэтов — Н. Нимбуева и Хань Дуна. Исследование показывает, что данный образ занимает значительное место в творчестве двух поэтов и обнаруживает сходные значения в двух культурах. Основной особенностью, характерной для творчества двух поэтов, является то, что образ птицы символизирует не одно определенное время, например, время прошлое или будущее, а выступает в качестве элемента, связующего разные временные зоны.

Ключевые слова: образ птицы, бурятская поэзия, современная китайская поэзия, символ времени, компаративистика.

THE BIRD IMAGES AS A TIME SYMBOL IN N. NIMBUEV'S AND HAN DONG'S POETRY

Maksara Yu. Dondokova

PhD, A/Professor, Oriental Studies Department Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is dedicated to the bird image in the N. Nimbuev's poetry and Chinese poet's Han Dong's lyric. Two poets describe the bird image as a basis of time connection. The research shows that the bird image takes an important place in lyric of two poets and reveals similar meanings of the image in two different cultures. One of the main idea in two different lyrics is that the bird image symbolize not only the one time, for example, present time or future time, but the connection of last, present and future time zones.

Keywords: the bird images, Buryat poetry, Chinese modern poetry, N. Nimbuev's lyric, Han Dong's lyric, comparative literature.

В современных условиях нарастающей дистанции между национальной (традиционной) и современной (в ее тенденции к унифицированности) культурами большое значение имеют связующие их образы. Значимым образом, представленным как медиатор, соединяющим разные временные сферы, более того, мирскую жизнь и мир духовный, а также являющимся неотъемлемой частью вертикальной модели видения национальной культуры, является образ птицы.

Традиционно в языческом сознании «понятие птицы связывалось с периферией по отношению к центру, где находилось мироздание и где господствовали порядок и гармония в отличие от хаоса на периферии <...> Кроме того, птица считаласьместилищем душ умерших <...> Существовало поверье, что птица превратилась в женщину, а камень — в мужчину, и это были первые люди на земле...» [4, с. 246], также птицы символизируют полет, они ближе всех живых существ к богу. Образ птицы занимает отдельное и значительное место в творчестве Н. Нимбуева. Связь с птицей и слагаемые вертикальной модели картины мира, придающие масштабность мифологическому мышлению, отражаются в обращении поэта к архетипу мирового дерева. В стихотворении Н. Нимбуева «В родном улусе» жизнь мудрых стариков сравнивается с жизнью птиц и деревьев, тем самым подчеркивается функция деревьев — нести традиции, опыт следующему поколению, осуществляя связь времен: прошлого и будущего, пусть и призрачного пока (в песке):

Они живут,
как птицы иль деревья,
и умирают, мудро улыбаясь:
в песке у ног играют дети,
которые достроят дом.
(Нимбуев Н. В родном улусе [3, с. 51])

Еще одной параллелью между образом птицы и архетипом «мировое дерево» становятся образы, которые мы находим в произведении Н. Нимбуева «Этой ночью по тихим долинам...» с помощью

эквивалента мирового дерева — «вышки высоковольтной электролинии», с которой связан образ птицы, что реализует на самом деле трехсферное вертикальное членение мира и времени: прошлое / мир мертвых, настоящее / мир людей и будущее время / верхний мир. Вырисовывается временная сфера, где метафорой прошлого служат «тени предков», «след лошадиных копыт»; настоящего и ныне живущего поколения — «шум запоздалого трактора», а будущего потомков — «жаворонок степной», где жаворонок выступает в роли медиатора, соединяющего прошлое с будущим, связующего мир людей и сакральный мир, что также подчеркивается, во-первых, местом — у вышки, современным аналогом дерева, несущего функции мирового дерева, во-вторых, водицей из следов лошадиных копыт — источником жизни, из наследия прошлого, святого, в-третьих, облаками, где можно спеть песню нового дня — будущего:

А наутро у вышки
жаворонок степной,
горло водицей промыв
из следов лошадиных копыт,
полетел к облакам,
чтобы спеть
песню нового дня.
(Нимбуев Н. Этой ночью по тихим долинам [3; с.49])

Особые функции медиатора, связанные с образом птицы, характерны и для китайской поэзии. Так, в произведении Хань Дуна «Видение» лирический герой, называя себя стеной, деревом и туманом между людьми, наряду с этим сравнивает себя с птицей, чьи глаза смотрят в две разные стороны, видят два разных мира, не связанных между собой, становясь, по сути, посредником между ними.

Одной птицы
Две стороны —
По отдельности глядят глаза мои —
Мой левый глаз
И правый глаз
Смотрят и на тебя
и на него.
Лишь вы вдвоем
Не в силах увидеть друг друга
(Хань Дун. Видение. Пер. наш. — М. Д. [5, с. 35])

Трагичность ситуации непонимания и невозможности связи между людьми подчеркивается в последних строках, в которых акцентируется необходимость посредника, могущего связать их, людей, между собой.

Связь разных миров, разных временных зон оба национальных поэта возлагают на образ птицы. Авторы рисуют образ птицы простым, доступным и привычным (грачонок, жаворонок — для бурята, птица 鸟 — для китайца, здесь Хань Дун не усложняет его даже названием вида птиц).

Намжил Нимбуев придает большое значение образу жаворонка, популярного в бурятской поэзии (Д. Улзытуев, Б. Дугаров):

О, жаворонок —
сердечко неба,
убегающее от стрелы! ([3, с. 99])

Жаворонок — свободная птица степей, способная своим пением возродить природу к жизни, по мнению многих исследователей. «Символический образ жаворонка как птицы добра и гармонии Вселенной мог родиться только у народа, испокон веков кочевавшего по степным просторам и тесно связанного с окружающей средой. И трели жаворонка как бы пронизывают все духовное мироздание кочевника — от предков до потомков, от мифа до народной песни» [2, с. 57], поэтому любовь к этой птице изначально заложена в мировосприятии бурятских поэтов. Н. Нимбуев трансформировал классический образ «певец степей», связующий время и пространство. Учитывая, что небо имеет мифическое значение праотца, сравнение «сердечко неба» раскрывает значение медиатора в троичной си-

стеме мировосприятия — верхнего, среднего и нижнего, придавая образу птицы особенные черты, способные связать все три сферы мироздания: прошлое, настоящее и будущее.

Прошлое с будущим, переходные состояния между тремя сферами жизни, тремя сферами времени, как тема жизни и смерти, связываются с образом птицы:

Тем утром весенним,
когда
вдруг умер столетний табунщик,
меж ставен его пятистенки
грачонок разбил скорлупу.
(Нимбуев Н. Тем утром весенним [3, с.146])

Тема не нова, знакома, что подчеркнуто местоимением «тем»; состояние выделяется антитезой «утром весенним» и «умер столетний», где и утро, и весна как начало чего-то нового продолжены словами «умер столетний», напоминая нам о конечности жизни. Понятия жизни и смерти неразрывны: последние две строчки, т. е. вторая половина произведения, несут сложную, глубокую смысловую нагрузку: округлой формы пятистенки — жилище табунщика и округлой формы скорлупа — место рождения грачонок, табунщик покинул свое жилище — умер, грачонок, покидая свое жилище, родился. Округлая форма «жилищ» символизирует форму мира, сферу обитания, подчеркивая ее (формы) единство. Также символично и то, что грачонок вылупился «меж ставен», т. е. над окном — неким переходом между одним пространством (внутренним) и другим (внешним), что подтверждает концепцию троичной системы картины мира — внешний, где грачонок будет летать (верхний), внутренний, где табунщик умер (нижний), и переходный, где грачонок родился и будет строить свое гнездо (средний). Такой поэтический взгляд позволяет автору раскрыть сложную картину цикличности жизни, закономерности и необратимости хода времени, с которым связаны рождение и смерть, что придает особую трагичность и глубину философского восприятия жизни. Произведение представлено одним предложением в пять строк, где две основы предложения: табунщик умер и грачонок разбил скорлупу, где главные действующие лица произведения — табунщик и грачонок. Учитывая то, что в произведениях Н. Нимбуева жизнь представлена в динамике, движении, действии, а смерть статична, но два глагола: умер и разбил, соответственно относятся к смерти и жизни, связаны они со словом «табунщик», которое сочетается с этими глаголами. Не случайно в произведении взят именно табунщик — образ узнаваемый своей близостью к природе и связываемый автором с грачоном как проявлением жизни. Но умирает работник при табуне, пастух табуна, лицо, от которого зависит все в жизни буряты. В связи со смертью ставится вопрос восприятия времени при жизни и после жизни, вопрос времени «мирского» и «сакрального», и в этом вопросе автор идет от буддийско-философской концепции, которая, по мнению литературоведа С. Гармаевой, «нашла свое место в художественной модели реализма XX в. и помогала поэтам в постижении истин о человеке и его внутреннем мире, философской логике жизни, в сложном трагическом восприятии жизни и ее изображении» [1, с. 100–101].

Особое значение образа птицы, связанное с не обывательским, мирским значением встречается в произведении Хань Дуна «Творчество». Образ птицы вводится автором в качестве параллели между работой электрика и творчеством поэта и служит показателем длительности процесса:

В обед он все еще был там, словно замерший в воздухе воробей,
Уже позабывший взлететь,
Когда я наконец-то дописал последний лист,
Этот воробей куда-то сник.

Образ птицы в лирике бурятского поэта Н. Нимбуева и Хань Дуна, бесспорно, является одним из центральных образов и содержит в себе как традиционное, так и авторское наполнение. Одной из основных семантических нагрузок образа птицы, наделяемой автором, является время. Основной особенностью, характерной творчеству двух национальных поэтов, является образ птицы в поэзии Н. Нимбуева и Хань Дуна, который нельзя однозначно отнести к отдельному пониманию времени, как символу времени прошлого или будущего. Образ птицы, скорее, символизирует связь разных плоскостей времен — связь прошлого и настоящего, настоящего и будущего. В этом плане, дополняя общую концепцию восприятия времени, не только в творчестве поэтов, но и в национальных культурах образ птицы занимает важное место.

Литература

1. Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 170 с.
2. Дампилова Л. С. Время как мифологический код в лирике Н. Нимбуева // Россия — Азия. Проблемы интерпретации текстов русской и восточной культур. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. С. 57–62.
3. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. Улан-Удэ, 2003. 308 с.
4. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия / под ред. В. Л. Телицына. М.: Локид-пресс; Рипол классик, 2005. 490 с.
5. Хань Дун. Байсэдэ шитоу (Белые камни). Шанхай: Шанхай Вэньи, 1992. 117 с.

УДК 811.512'25 + 811.58

ОБ ОДНОМ ИЕРОГЛИФЕ, ИСПОЛЬЗОВАННОМ ПРИ ТРАНСКРИБИРОВАНИИ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ»

© *Жавхлан Мунх-Эрдэнэ*

научный сотрудник сектора алтайских исследований Института языка и литературы

Академии наук Монголии

Монголия, г. Улан-Батор, 1330, ул. Жукова, 54а

E-mail: javhaa_jl@yahoo.com

Данная статья посвящена системе транскрибирования «Монголын нууц товчоо» («Сокровенного сказания монголов», или «Тайной истории монголов»). Существует несколько способов транскрибирования монгольских слов китайскими иероглифами. Например, при транскрибировании, соединив 2 или более иероглифа, выводится звучание соответствующих букв монгольского языка того периода. В работе рассматривается иероглиф 馬 (ma) «лошадь». Он встречается в составе 12 иероглифов: 馬, 馬弱, 騾, 馬孛, 騾, 馬显, 馬录, 騾, 騾, 騾, 騾, 騾. Основная цель: частотность применения 12 иероглифов и их объяснение. Данные иероглифы встречаются 600 раз в «Тайной истории монголов». В ходе исследования выявлено, что наблюдается немало специально созданных иероглифов для транскрибирования «Монголын нууц товчоо».

Ключевые слова: монгольский язык, «Сокровенное сказание монголов», транскрибирование, иероглиф «馬» «лошадь», применение, 12 иероглифов, специально созданный.

ABOUT THE ONE ELEMENT WHICH USED TO TRANSCRIBE THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS

Javkhlan Munkh-Erdene

Researcher, Sector of Altaic Study, Institute Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences

54a Jukov avenue, Ulaanbaatar 1330, Mongolia

This paper mainly focuses on the transcription system of the Secret History of the Mongols. There are many ways to transcribe Mongolian words by Chinese characters in this unique work. For instance, compound ideogram translated as logical aggregates or associative compounds is commonly used. These characters have been interpreted as combining two or more pictographic or ideographic characters to suggest a third meaning.

The paper aims at considering on a case of Chinese pictogram 馬 (ma) which means horse. The 馬 is used to compose 12 different characters: 馬, 馬弱, 騾, 馬孛, 騾, 馬显, 馬录, 騾, 騾, 騾, 騾, 騾. The main focus is based on two points: frequency of 12 characters and its explanation. The characters are used 600 times in SHM.

According to the study, one can see that there are many intentionally composed characters in Chinese for transcription of the Secret History of the Mongols.

Keywords: Secret History of the Mongols, transcription, Chinese pictogram, 馬, (ma) «horse», 12, composed, characters

Прошло много десятилетий с тех пор, когда в мире стало известно о существовании исторического памятника «Сокровенное сказание монголов» («Тайная история монголов»), после поисков и его нахождения последовало изучение данного источника, текст которого был транскрибирован китайскими иероглифами. Транскрибирование иероглифами, значение которых уже содержится в самом знаке, является достаточно сложным для агглютинативных языков (например, монгольский язык), имеющих алфавитную систему.

Верно утверждение японского исследователя Ш. Озова, что «Нэг хэлний авиаг ондоо хэлний авиагаар тэмдэглэхэд хурвэл яасан ч бага сага зөрөө гарах нь аргагүй юм» («Если обозначить звук одного языка звуком другого языка, несомненно, будут некоторые отличия») [11, с. 139]. Тем не менее существует много доказательств того, что монгольские и китайские ученые того времени с удивительной точностью смогли передать это.

«Сокровенное сказание монголов» — важнейший письменный памятник монгольского языка, транскрибированный китайскими иероглифами. В связи с этим возникают вопросы: «Сколько было использовано китайских иероглифов при транскрибировании «Сокровенного сказания монголов»? Существовали они изначально в китайском языке или были созданы специально при транскрибиро-

вании настоящего памятника? Если обратиться к исследованиям, посвященным транскрибированию «Сокровенного сказания монголов», то японский ученый-монголовед Широ Хаттори изучил разные варианты памятника, изданные ксилографическим способом, виды иероглифов, обозначающих буквы монгольского языка, принципы и методы транскрибирования, произношение данных букв на китайском языке и в приложении своей книги включил список 563 иероглифа [3, с. 139].

Японский ученый Ш. Озова упоминает, что мелким шрифтом встречается иероглиф 舌. Выражая несуществующий в китайском языке согласный звук «г», он стал обозначать только звук «гг». Используя иероглиф 秣, тесно связанный с лошадьми, далее к иероглифу 𠩺 стали присоединять иероглиф 馬 [11, с. 140–142].

Исследователь из Внутренней Монголии Хасбагана сделал классификацию и разделил китайские иероглифы, обозначающие звуки монгольского языка: 1) основные иероглифы; 2) иероглифы, обозначающие одинаковые звуки; 3) иероглифы, обозначающие звуки.

Исследователь из Внутренней Монголии Шонхор при составлении корпуса китайских иероглифов, встречающихся в «Сокровенном сказании монголов», считает, что написанные мелким шрифтом 舌, 中 — самостоятельные иероглифы, и выделяет в отдельную классификацию 502 иероглифа. Он пишет, что написание иероглифа 舌 перед китайским иероглифом, обозначающим согласный звук монгольского языка, показывает, что данный иероглиф обозначает согласный звук (r).

Ученый-монголовед Гарьд использует в основном слоговой метод для выражения монгольского языка в «Сокровенном сказании монголов». В таблицах он показал все наиболее часто встречающиеся иероглифы, использованные при транскрибировании согласных букв монгольского языка. Исследователь упоминает иероглиф 馬 в таблице постоянно применяемых при транскрибировании слогов: согласная (m), 馬 (ma), 蔑 (me), 米 (mi), 抹 (mo, mǒ), 木 (mu, mǔ).

При транскрибировании «Сокровенного сказания монголов» наблюдается множество случаев употребления иероглифов, которые в повседневной жизни не встречаются в Японии, Корее, Китае, где используют китайскую иероглифическую письменность. Кроме того, данные иероглифы невозможно увидеть в древних китайских словарях.

Случаи использования иероглифа 馬 при транскрибировании «Сокровенного сказания монголов»

В данной работе мы рассматриваем, каким образом используется иероглиф 馬 («лошадь») и другие связанные с ним иероглифы. При транскрибировании памятника 12 иероглифов, в составе которых имеется иероглиф 馬, повторяются 600 раз.

1. Иероглиф 馬 («лошадь») в «Сокровенном сказании монголов»

В Большом словаре китайского языка (漢語大字典) иероглиф 馬 переводят как «лошадь, скакун, конь». Он встречается в «Сокровенном сказании монголов» 399 раз не в значении, связанном с лошадью, а выполняет роль звуковой составляющей, т. е. обозначает звук.

2. Иероглиф 𠩺 в «Сокровенном сказании монголов»

Есть слог (-ta), повторяющийся 62 раза: Aqta (12), aqta-yi (1), aqta-yin (3), aqta+tan (4), a[q]ta+tan (2), aqtan+tan-i (3), a[q]ta+tan-i (2), a[q]ta+tan-u (1), aqtači (1), _aqtači (4), _aqtači-da-an (1), _ aqt ači-yi (1), aqtas (16), aqtas-ača (1), aqtas-iyān (5), a[q]tas-iyān (1), aqtas-iyar (1), aqtas-iyar-iyān (1), aqtas-tur-iyān (1), aqtas-tu (1). Данного иероглифа нет в Большом словаре китайского языка и китайско-монгольских словарях.

Ученый Б. Сумъябаатар занимался исследованием иероглифа 𠩺 (-ta). Он отмечает, что данный иероглиф в Большом словаре китайского языка имеет транскрипцию «xī» и следующее значение: «лошадь черной масти, имеющая на спине полосу желтого цвета». Но произношение и написание не подходит данному иероглифу. В Большом словаре китайского языка (далее БСКЯ) встречаются такие иероглифы, как 塌, 蹋, 榻, 邐, 塌, 𦰩, 𦰪, 𦰫, 𦰬, 𦰭, 𦰮, 𦰯, но ввиду того, что в их составе в начале иероглифа отсутствует 馬, был создан новый иероглиф 𠩺 путем присоединения 馬 и 𦰪. Для того чтобы транскрибировать китайскими иероглифами монгольское слово «aγta» или слова, связанные с ним, к китайскому иероглифу с транскрипцией -ta в качестве ключа был добавлен иероглиф 馬 в значении «лошадь». Таким образом, в «Сокровенном сказании монголов» (далее «ССМ») специально создан новый иероглиф для транскрибирования монгольских слов.

3. Иероглиф 騾 в «Сокровенном сказании монголов»

Иероглиф 騾 в «ССМ» встречается один раз «李騾» для обозначения монгольского слова *бор* (*boru*). В БСКЯ иероглиф 騾 (*luo*) обозначает «луус» — животное, помесь лошади и осла. Написание данного иероглифа имеет отличие, но т. к. имеет значение «один вид лошадей», поэтому его использовали при транскрибировании имени прилагательного.

4. Иероглиф 馬孛 в «ССМ»

Б. Сумьяабаатар считает, что в китайском языке иероглифы 馬 (*ma*) и 孛 (*bo, ei*) являются самостоятельными иероглифами. Иероглиф 馬孛, образованный путем соединения 馬 и 孛, был создан для транскрибирования «ССМ» [20, с. 20-21]. Однако в БСКЯ иероглиф 馬孛 (*bo*) обозначает вид лошади из древнекитайской мифологии с хвостом коровы, туловищем белого цвета и одним рогом. Данный иероглиф в одном слове «馬孛羅» встречается 2 раза. Иероглиф, значение которого «мифическая лошадь», был использован при транскрибировании монгольского слова *бор* и не является специально созданным иероглифом.

5. Иероглиф 馬羅 в «ССМ»

Иероглиф 馬羅 в памятнике встречается в составе сочетания двух иероглифов 馬孛羅. Данный иероглиф не встречается в древних и современных словарях. Он применяется только в транскрибированном варианте «ССМ». Иероглиф 舌 (*she*) написан мелким шрифтом в верхнем углу и его чтение «*luo*» поменяли на «*guo*». Ввиду того, что 羅 (*luo*) используется при транскрибировании монгольского слова со значением «лошадь», то в его состав добавили иероглиф 馬 и стали использовать при транскрибировании.

6. Иероглиф 馬𠂔 в «ССМ»

Японский ученый Курибаяши монгольское слово «*ge'ün*» транскрибировал как 格𠂔 [16, с. 176]. Иероглиф 𠂔 не соответствует иероглифу 𠂔 в «ССМ». Если рассмотреть иероглиф 𠂔, то он встречается в слове (*gegün gegüi*) только один раз. В китайском языке имеется много иероглифов, способных передать звучание монгольского *ün*. Наблюдается, что ученые, занимающиеся транскрибированием «ССМ», при возникшей необходимости передать китайским иероглифом монгольское слово (*gegüi*) использовали иероглиф, связанный с иероглифом «лошадь», с чтением (*wen*). Иероглиф 馬 соединили с иероглифом 𠂔, т. е. специально создали новый иероглиф 馬𠂔, который в данном сочетании не встречается в БСКЯ.

7. Иероглиф 馬𠂔 в «ССМ»

Данный иероглиф 馬𠂔 (*lu*) в БСКЯ и древних источниках китайского языка означает быстрого коня. Он встречается в «ССМ» один раз и считаем верным его использование при передаче монгольского слова (曲𠂔兀惕 — *külü'üt*).

8. Иероглиф 𠂔 в «ССМ»

В БСКЯ 𠂔 (*li*) означает коня вороной масти. Данный иероглиф 𠂔, использованный для транскрибирования слова, обозначающего коня вороной масти, повторяется в произведении 108 раз. Выбор данного иероглифа в составе слов, связанных со словом «лошадь», считаем, как нельзя точно передает их значение. Но мудрецы, транскрибировавшие «ССМ», поставив перед ним знак 舌 (*she*), таким образом изменили чтение (*li*) на (*ri*). Следовательно, ученые того времени донесли до нас метод правильного чтения и понимания звуков монгольского языка.

9. Иероглиф 𠂔 в «ССМ»

В БСКЯ иероглиф 𠂔 (*li*) обозначает коня вороной масти. Данный иероглиф 𠂔 используется при транскрибировании слова, обозначающего коня такой масти, и встречается в «ССМ» 1 раз. Считаем, что при написании данного иероглифа была допущена опечатка. Возможно, при копировании «ССМ» поменялся ученый, переписывавший произведение, или была допущена ошибка.

10. Иероглиф 𠂔 в «ССМ»

Данный иероглиф 𠂔 (*rin*) в слове «лошадь» 𠂔 (*morin*) повторяется 11 раз. В БСКЯ 𠂔 (*lin*) обозначает *эрслэн* (животное из древних китайских мифов, похожее на льва). Далее так стали называть

хорошего коня, в отношении своего значения данный иероглиф подходит для использования в транскрибировании, но ученые в процессе добавили мелким шрифтом в верхнем углу знак «舌» (she) и изменили его чтение с (l) на (r).

11. Иероглиф 驢 в «ССМ»

Иероглиф 驢 (te) в составе слова 驢箠 повторяется 10 раз. В БСКЯ иероглиф 驢 (tie) обозначает коня коричневой масти. Имеется звуковой вариант (te). В китайском языке верблюда (temege) называют 骆驼 или 驼 (tuo). Иероглиф 驼 в отдельности тоже обозначает верблюда. У монголов верблюд и лошадь считаются отдельными видами скота. В связи с тем, что в Китае основным видом хозяйства является земледелие, а не скотоводство, можно увидеть такой недостаток, что в китайской иероглифике не выделяется отдельно 5 видов скота. Например, в иероглифах 山羊 (shanyang) «коза» и 绵羊 (mianyang) «овца» в качестве ключа используется 羊, который встречается в представленных иероглифах. Обозначающий верблюда иероглиф имеет те же признаки. Следовательно, учеными был выбран данный иероглиф.

12. Иероглиф 驛 в «ССМ»

Данный иероглиф встречается 2 раза в одном слове 荅驛兒 (dayir). В БСКЯ 驛 (yi) обозначает ур-тон; станция. Действительно, в то время передвижение между станциями осуществлялось на лошадях, и это подтверждается наличием в словаре иероглифа, имеющего в своем составе ключ «лошадь».

Далее дается таблица 12-ти иероглифов, имеющих в составе ключ «馬» и использованных при транскрибировании «ССМ».

№	Форма в «ССМ»	Чтение в «ССМ»	Количество повторов в «ССМ»	Форма в БСКЯ	Чтение в БСКЯ	Значение иероглифа в БСКЯ
1	馬	[ma]	399	馬2030 с.	[mǎ]	Лошадь, скакун, конь
2	馬	[ta]	62	нет		
3	騾	[ru]	1	騾2046 с.	[luy]	Луус (помесь лошади и осла)
4	馬	[bo]	2	馬2038 с.	[by]	Вид лошади, которая встречается в древнекитайских мифах (имеющая хвост коровы, белое туловище и один рог)
5	騾	[ru]	2	нет		
6	馬	[ьн]	1	нет		
7	騾	[lu]	1	騾2041 с.	[lш]	Быстрая лошадь, которая упоминается в древних китайских источниках
8	驪	[ri]	108	驪2050 с.	[lн]	Конь вороной масти
9	驪	[ri]	1	驪2050 с.	[lн]	Конь вороной масти
10	驪	[rin]	11	驪2048 с.	[lнн]	Эрслэн (животное из древних китайских мифов, похожее на льва). Далее так стали называть хорошего коня
11	驢	[te]	10	驢2048 с.	[tiě]	Называют коня коричневой масти
12	驛	[yi]	2	驛2048 с.	[ym]	Уртон, станция

В китайском языке для выражения слов со значением «лошадь» существует много иероглифов помимо рассмотренного иероглифа 馬. Мы выбрали данный иероглиф, посчитав его важным свидетельством того, что в работе над транскрибированием «ССМ» трудились не только китайские, но и монгольские ученые. Встречается множество такого рода иероглифов, использованных при транскрибировании и основанных на их семантической составляющей. В ходе исследования мы выявили немало специально созданных иероглифов, предназначенных для транскрибирования «Сокровенного сказания монголов».

Литература

1. 元朝秘史忙豁侖紐察脫察安, МНТ-ны арван тавтын бар.

2. Чэнь Юань. Монголын нууц товчоо» -ны авиа орчуулгад хэрэглэсэн үсгийн шинжлэл. Бээжин 1933 он.
3. Широ Хаттори, 服部四郎 «Монголын нууц товчоо»-н дахь монгол үгийг илтгэсэн хятад үсгийн судлал. Япон 1946 он.
4. Баяр. Монголын нууц товчоо. Хөххот, 1980.
5. Даваа. Эртний монгол хэл сурах лавлалт // ӨМСХХХ. 1990.
6. Сумьябаатар. Монголын нууц товчоо. Улан-Батор, 1990.
7. 李格非, 漢語大字典, 四川辭書出版社, 一九九六年, 成都.
8. Хасбагана. Дундад зууны монгол хэлний судлал // ӨМСХХХ. 1996.
9. Шонхор. Эртний монгол хэлний судлал // ӨМСХХХ. 1996.
10. Монгол хятад толь // ӨМСХХХ. Хөххот, 1999.
11. Озова Ш. «Монголын нууц товчоо»-ны ертөнц // ӨМАХХ. 1998.
12. Шонхор. «Монголын нууц товчоо»-ны сэргээлт // ӨМАХХ. 2002.
13. Гарди. Дундад эртний монгол хэлний судлал // Ляонин үндэстний хэвлэлийн хороо. 2001.
14. Шонхор. «Монголын нууц товчоо»-ны сийрүүлэлт // ӨМАХХ. 2002.
15. Гарди. Дундад эртний монгол хэлний судлалын удиртгал // ӨМАХХ. 2008.
16. Kuribayashi Hitoshi. Word-index to the Secret History of Mongols with Chinese Transcriptoins and Glosses. Sendai, 2009.
17. Дашцэдэн Т. «Монголын нууц товчоо» эх бичгийн латин галиг. Улан-Батор, 2009.
18. Чоймаа Ш. «Монголын нууц товчоо» эртний хэллэгийн түгээмэл тайлбартай шинэ хөрвүүлэг. Улан-Батор, 2011.
19. «Хятад монгол толь» үндэстний хэвлэлийн хороо. 2011.
20. Сумьябаатар Б. Монголын нууц товчооны хэлбэр судлал I. Улан-Батор, 2012.

УДК 811.521

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯПОНСКОЙ ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

© *Мархеева Туяна Владимировна*

ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: japstudy@mail.ru

В статье приводятся классификация японской эргонимической лексики и его анализ. При анализе была использована функциональная классификация эргонимической лексики. В целом приведенная классификация типична и для других стран, но необходимо также выделить несколько групп, которые характерны только для Японии в силу национальных особенностей и специфики японского менталитета.

Ключевые слова: языкознание, ономастика, эргонимия, японский язык.

CLASSIFICATION OF JAPANESE ERGONIMIC LEXICS

Tuyana V. Markheeva

assistant of the department of philology of Far East countries, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is about the classification of Japanese ergonomic vocabulary and analysis of the classification. The functional classification of ergonomic vocabulary was used for analysis. The classification is typical for other countries too but it has some distinctive groups that are unique for Japan because of its national features and mentality.

Keywords: linguistics, onomastics, ergonomics, Japanese language.

Эргонимическая лексика занимает особое положение в ономастике и характеризуется рядом особенностей, позволяющих выделить ее в отдельную группу. Она представляет собой живой мир постоянно изменяющихся, вновь нарождающихся и умирающих названий. Поскольку эргонимы являются частью онимической лексики, то основные номинационные процессы, имеющие место в ономастике, характерны и для эргонимии.

В современном мире эргонимы являются частью духовной культуры народа, показателем языковой ситуации и функциональных возможностей языка; эргонимы в значительной степени зависят от социокультурной действительности и несут большую культурную нагрузку, занимая важное место в коллективном языковом сознании [3, с. 51].

В данной работе предпринята попытка классифицировать эргонимическую лексику Японии на примере наименований крупнейших организаций и компаний, зарегистрированных на Токийской фондовой бирже и представляющих, по выражению Е. Л. Леонтьевой, «элиту» японских корпораций [2, с. 130].

Выделяют несколько классификаций эргонимов, что вызвано, безусловно, многообразием их функций и многоплановостью самого понятия. Первая попытка классификации эргонимов была предпринята А. В. Суперанской в монографии «Общая теория имени собственного». В основу нашего исследования легла функциональная классификация, основанная на работе Н. В. Шимкевича.

Следует отметить, что классификация эргонимов только по генетической принадлежности к тому или иному языку не позволяет воссоздать объективную картину действительности. Это вызвано тем, что многие эргонимы, образованные преимущественно от заимствованных антропонимов и других разрядов ономастических единиц, которых достаточно много в японском эргонимическом пространстве, воспринимаются носителями языка как национальные и являются частью японской духовной культуры. Более того, как видно из работ Крыковой, Харманна, Лавди и др., англицизмы являются чрезвычайно важными единицами языка, что обусловлено национальной спецификой японцев. В частности, Харманн пишет, что англицизмы выражают «стильность в современном языке» [6, с. 108]. Крыкова также указывает, что англицизмы в качестве эргонимов Японии способствуют более быстрому распознаванию и запоминаемости данных языковых единиц потенциальными потребителями. Можно добавить, что это характерно не только для Японии, но и для других стран, поскольку английский язык является международным. Тем не менее Япония — это государство, где наиболее

ярко проявляется деятельностный характер функционирования английского языка, что является одной из специфических черт японской нации.

В настоящей работе японские эргонимы рассматриваются как носители национальной культуры и отражение специфики нации. При классификации эргонимов мы опирались на функциональную классификацию эргонимов Шимкевича, согласно которой эргонимы представляют собой два больших класса: непрагматические и прагматические эргонимы.

В японской эргономической лексике можно выделить следующие виды:

– **непрагматические эргонимы:**

- информирующие значимые — Access, 愛知銀行, 愛知製鋼, 秋田銀行, 全日本空輸, アライドテレシス, アニコムホールディングス (от «animalcommunication»), 青森銀行, 東海旅客鉄道, 千葉銀行, 中部電力, 中国電力, Cookpad, CreditSaison, 大日本印刷, 東日本旅客鉄道, 電源開発, 学習研究社, グラフテック, 中央三井トラスト・ホールディングス (несмотря на наличие слова 中央 — «центральный», в данном случае это лишь номинальная характеристика предприятия, обозначающая головной офис холдинга Митсуи, и воспринимается именно так), 浜松ホトニクス, 日野自動車, 広島電鉄, 北海道電力, 日本航空電子工業, 日本無線, 日本製鋼所, 日本たばこ産業, 石油資源開発, 日本電子 (так же JEOL (Japan Electron Optics Laboratory), который относится к данной группе), 川崎汽船 (однако KLine, второе часто употребляющееся название, является англицизмом, созданным на основе японского названия, и относится к группе социально обусловленных эргонимов), 関西電力, 関西スーパーマーケット, 京阪電気鉄道, 京浜急行電鉄, 京王電鉄 (несмотря на наличие иероглифа «император», этот эргоним представляет собой сокращение от 東京八王子, двух городов, соединяющихся сообщением по железнодорожным путям этой компании), 京成電鉄株式会社 (аналогичная ситуация: основные пути пролегают между городами 東京 и 成田, по первым иероглифам этих городов и названа железнодорожная компания), 近畿車輛, 近畿日本鉄道, 株式会社近鉄エクスプレス, 神戸製鋼所, 小松製作所, 名古屋鉄道, 南海電気鉄道, 日本電気, 日本電産;

- информирующие незначимые — Iseki&Co. (официально фигурирующее как 井関農機), 伊藤園 (хотя название и взято от одного магазина, торгующего чаем, всё-таки информации о деятельности фирмы эргоним не даёт), 伊藤忠商事 (элементы «ито» и «тю» взяты из имени и фамилии основателя), 岩崎通信機, 角川グループホールディングス, 鹿島建設, 川崎重工業, 小糸工業, 小森コーポレーション, クボタ, 熊谷組, 千代田化工建設, 前田建設工業, 丸井 (однако записанное на катакане или кириллице название в первую очередь ассоциируется со словом «丸い»); чрезвычайно интересен также употребительный вариант написания на латинице как OI OI, это также оригинальный логотип), 松井証券, マツダ (явно этимологически восходит к фамилии основателя, что в принципе так и есть; интересен факт, что за пределами Японии компания известна как Mazda; это изменение было осуществлено с целью более благоприятного звучания для европейского уха), ミズノ, Morinaga & Company (森永製菓);

- неинформирующие — エー・アンド・デイ, アイシン精機, アイフル, アルインコ, アネスト岩田, АТКК, Эйбекс・グループ・ホールディングс, バルス, バンダイビジュアル, あおぞら銀行, オートバックスセブン, バンプレスト (образовано от музыкального термина «presto», что значит «быстро, скоро», но проследить такую этимологию без специального исследования практически невозможно), ベネッセコーポレーション, ブラザー工業, カルソニックカンセイ, カプコン, カシオ計算機, ディー・エヌ・イー, デオデオ, 江崎グリコ, ファナック, GABA, グリー, ジーエス・ユアサコーポレーション, 羽田空港 (однако как 東京国際空港 — Международный аэропорт Токио — он располагается в группе непрагматических информативных), ホリプロ (несмотря на то, что название образовано от «堀プロダクション», где堀 — фамилия основателя фирмы, неподготовленный клиент не может представить такую этимологию), ホシデン, JFEホールディングс, 常陽銀行, カゴメ (идёт отсылка к детской песне «Кагомэ», однако это настолько случайная ассоциация, что позволяет расположить эргоним только в разряд неинформативных), KDDI, キーエンス (интересно, что эргоним представляет собой сокращение от «Key of Science», однако без специального этимологического поиска понять мотивацию практически невозможно), キックマン, コーア, コナミ (название было взято из инициалов основателей фирмы),

コニカミノルタホールディングス, クラレ, まんだらけ, マツヤ, メルコホールディングス, セブン&アイ・ホールディングス, ミネベア(NMB), ミツミ電機, ニチイ学館 (сокращение от 日本医療事務 — Японский медицинский офис);

-прагматические эргонимы:

- прагматические информативные — AeonCreditService, アミューズ, ブックオフコーポレーション, 大発工業, ファミリーマート, 阪急阪神ホールディングス, 映像ナナオ (Нанао — название компании, которая влилась в данную фирму), 電通レイザーフィッシュ, 日立建機, 日立電線, 日立造船, 北國銀行 (Хоккоку — это редко встречающееся название региона Хокурику; выделение названия «Банк Хоккоку» в группу информативных прагматических эргонимов обусловлено тем, что, во-первых, название это редкоупотребительно, во-вторых, иероглиф «коку» записан в устаревшем виде), ハウス食品, インボイス, 三越伊勢丹ホールディングス, いすゞ自動車 (Исузу — известная река, славящаяся своими водопадами и воспетая в народном творчестве; кроме этого, в статус прагматических этот эргоним можно поставить в силу использования не встречающегося в наши дни значка «ゞ»), JVC・ケンウッド・ホールディングス (образован путём слияния двух компаний JVC и КенВуд), 角川書店 (представляет собой прагматический информативный эргоним, поскольку эксплуатирует название 角川グループホールディングス, является материнской компанией по отношению к Кадокава сётэн), 京セラ («Столичная керамика»; формально использует первый иероглиф названия города Киото — древней столицы Японии, до сих пор считающейся культурным центром государства), マンダム (от «ManDomain»; производитель мужской косметики), 松屋フーズ (может быть использовано название известной компании マツヤ), イー・アクセス, 持田, 日産;

- ассоциативно-информативные — 愛眼, Aeon, Advantest, 味の素, 安立電気, ベスト電器, ビックカメラ, カルチュア・コンビニエンス・クラブ, 第一生命保険, 第一三共, 大金工業, 大和ハウス工業, 大和証券グループ, ダイワ精工, 衛材, 穴吹興産, エイチ・ツー・オーリテイリング, 平和不動産, ディスコ, 豊和工業, 壺番屋 (яркий пример ассоциативно-информативного типа эргонима; «壺番屋» означает, с одной стороны, «лучший магазин», а с другой стороны, имеет в своём названии отсылку к городу Ичиномия, где расположен головной офис, при этом иероглиф записан в устаревшем виде), イズミヤ (вызывает ассоциации со словом «泉» -родник), 花王 (компания известна прежде всего как косметическая, название её можно перевести как «король цветов»), 協和発酵キリン, ライオン (вероятно, эргоним должен, по мнению номинатора, вызывать ассоциации с величием, силой и т. п., что обычно ассоциируется со львом), 丸紅 (элементы названия — это иероглифы, означающие «круглый, правильный» и «алый» соответственно; как говорилось выше, японцы предпочитают округлость и плавность, круг соотносится с совершенством (в дзен-буддизме — эн, круг, рисуемый одним движением кисти), а алый — цвет счастья, перемен; в частности, солнце у японцев именно красное), 丸栄 (приблизительно та же ситуация; иероглиф 栄 означает «расцвет, блистать»), マスプロ電工, 明和産業, 無印良品, ニチレイ (явная отсылка к 日 — Япония или день, солнце и 冷 — холод), 日興コーディアルグループ (значение иероглифа 興 — «интерес, процветание»), ニコン (этимологически восходит к 日光, что в переводе означает «солнечный свет»; отсылку считаем действующей, поскольку фонетически очень похоже, к тому же бренд «Никко» был в своё время очень известен), 任天堂 (можно перевести как «оставь удачу Небесам»), 日清食品 (значение иероглифа 清 — «чистый»);

- социально обусловленные — разнообразные философские, политические, социальные и т. п. идеи, имеющие хождение в массах и чаще всего носящие характер мифологем. 大日本インキ化学工業, コスモ石油, 日立製作所, 間組 (следует отметить, что чтение иероглифа «間» в данном случае «хадзама» — устаревший вариант, и, вероятно, номинатор хотел апеллировать к национальным чувствам адресата), HOYA会社 (эргоним представляет собой англицизм, однако также Хоя — это старое название Ниси Токио, региона Токио, где расположена компания, что также позволило разместить эргоним в данную группу), アイコム, IDEC, IHI (интересно, что этот эргоним есть сокращение от 石川島播磨重工業, записанное на латинице), Inpex (эргоним расшифровывается и официально фигурирует как International Petroleum Exploration Corporation —

国際石油開発帝石株式会社), インターネットイニシアティブ, KLine (он же 川崎汽船), 帝国ホテル, ケーズホールディングス (ещё один эргоним, созданный методом аббревиации, вероятно от инициалов создателя), マブチモーター (хотя Мабути — это фамилия основателя, записанная на катакане или латинице, это уже социально обусловленный прагматический эргоним), マキタ (такой же случай: фамилия основателя, записанная латиницей), マーベラス AQL, 明治ホールディングス, ブリヂストン, ジェイテクト, アステラス製薬, ミニストップ, группы компаний, входящих в кейрэtsу Митцубиси: 三菱商事, 三菱電機, 三菱マテリアル, 三菱UFJ信託銀行, 三菱レイヨン, 三菱スペース・ソフトウエア, 三菱プレシジョン, 三菱UFJニコス, 三菱化学, 三菱ガス化学, 三菱自動車工業, 三菱重工業; Митсуи: 三井化学, 三井住友海上プライマリー生命保険, 三井造船, 三井海洋開発; Сумитоми: 住友商事マシネックス, 住友商事北海道, 住友商事東北, 住友商事九州, 住友三井オートサービス, 住友商事ケミカル; ミクシィ, マネックスグループ, 森精機製, モロゾフ или Morozoff (несмотря на явно русскую этимологию эргонима, это компания японская; в данном случае Морозов — не фамилия, а стилизация под фамилию; мотивация номина-торов осталось неясной), @nifty (или ニフティ);

- культурно обусловленные — произведения литературы и искусства, различные исторические реалии и т. п. キヤノン, 富士重工業, 富士急行, フジテレビジョン, 富士フイルム, 富士電機ホールディングス, フジテック, 富士通, アサヒビール, 旭硝子, 旭化成, 旭通ディ・ケイ, 蛇の目ミシン工業 (значение и причины выделения в данную группу см. выше), 麒麟麦酒 (отсылка к китайскому герою мифов Qilin, также 麒麟 означает «жираф»).

Среди информационного и экономического изобилия все сложнее становится обратить на себя внимание клиента и убедить его в необходимости покупки товара, что особенно характерно для Японии, где уровень конкуренции чрезвычайно высок, поэтому вполне объяснима популярность таких ходов, как аббревиатуры, игра слов при создании эргонимов и т. п., что отражено в группе неинформирующих эргонимов. Популярность такого типа эргонимов можно объяснить тем, что для японцев важны не только названия, заключающие в себе положительный образ компании или товара/услуги, но и оригинальность названия, что также создает положительный образ компании.

Говоря об особенностях японского рынка, нельзя не упомянуть исторически сложившуюся модель брендинга и менеджмента, которую называют «японской». Одной из характерных её черт является ассоциирование японцев себя с крупной и успешной компанией, что мы видим на примере социально обусловленной группы. Это фирмы, использующие названия уже известных фирм. Это может быть вызвано отношениями данной фирмы к компании — носительнице первичного эргонима как дочернего предприятия (яркий пример — Keiretsu), слиянием фирм и использованием предыдущих названий (довольно частое явление для Японии), простым заимствованием названия (松屋 и 松屋フーズ). Однако последнее может иметь под собой основу, как то: отсылки к известным местам, топографическим объектам, распространенным фамилиям, например, компании 川崎汽船 и 川崎重工業.

Однако следует обратить особое внимание на группу информирующих незначимых эргонимов. Один из мотивов наименования эргонимов по такому типу тесно связан с предыдущим — это название фирмы именем основателя, что ассоциируется в сознании потенциального клиента как обеспечение надёжности и основательности, некоей респектабельности. Именно эргонимы, имеющие в своём составе фамилию основателя (или состоящие из неё), и составляют подавляющую часть группы информирующих незначимых эргонимов.

Группу непрагматических информирующих эргонимов составляют крупные банки и государственные компании, а также названия предприятий с указанием территориальной и/или профессиональной принадлежности. Это объясняется консерватизмом японцев и их стремлением к коллективизму. К тому же компании, имеющие такие «солидные» названия, вызывают доверие населения.

Об остальных группах можно сказать, что они являются типичными примерами, характерными не только для Японии, но и для других государств.

Литература

1. Крыкова И. Н. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки как опосредованное отражение национальной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002. С. 22.

2. Леонтьева Е. Л. Стратегия развития японской корпорации // Японская экономика в преддверии XXI века. М.: Наука, 1991. С. 125–169.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
5. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. С. 300.
6. Haarmann H. Verbal strategies in Japanese fashion magazines a study in impersonal bilingualism and ethnosymbolism // International Journal of Sociology of Language, 1986. № 58. P. 107–121.

УДК 811.531'373

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИТЕРАТИВА
В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ**© *Мункуева Надежда Сергеевна*

преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: nadya1052@yandex.ru

В аспектологической литературе итератив обозначает многократное или повторяющееся действие. Согласно В. А. Плунгяну у итератива есть частный случай, так называемый хабитуальный аспект, выражающий регулярно повторяющиеся в течение продолжительного периода действия или ситуацию, так что они (или она) становятся характеристикой этого периода. В корейском языке итеративу соответствуют две аналитические конструкции *아/어대다* — *a/o тэда* и *아/어쌀다* — *a/o ссамха*, хабитуальное значение выражается одной аналитической формой *곤하다* — *кон хада*. В статье рассматриваются особенности выражения значения итератива в современном корейском языке.

Ключевые слова: итеративность, абитуальность, аналитические формы, категория вида, совершенный вид, несовершенный вид, современный корейский язык.

PECULIARITIES OF ITERATIVE MEANING EXPRESSION IN MODERN KOREAN LANGUAGE*Nadezhda S. Munkueva*

lecturer of the department of philology of Far East countries, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In aspectological researches iterative denotes a repeated or repetitive action. According to V. A. Plungian iterative aspect has another special meaning, the so-called habitual aspect that expresses regularly repeated over an extended period actions or situation so that it becomes a characteristic of this period. In Korean iterative aspect corresponds to two analytical constructs *-아/어대다* and *-아/어쌀다*, and habitual aspect is expressed by one analytical form *-곤하다*. This article discusses the specificity of the expression of iterative aspect in modern Korean.

Keywords: iterative, habituality, analytic forms, aspect, perfect, imperfect, modern Korean language.

В статье описываются особенности выражения значения итератива в корейском языке. В аспектологии есть два подхода к классификации значения итератива. Согласно первому (Б. Комри и Дж. Байби) итератив является одним из частных аспектуальных значений имперфектива. Второй подход предполагает, что итератив является самостоятельным значением и может входить как в семантику имперфектива, так и в семантику перфектива. В российском корееведении итеративное значение традиционно относят к семантике длительного вида (имперфектива). В определенной степени общая классификация категории вида (длительный вид, завершённый вид и многократный вид) в корейском языке повторяет классификацию категории вида в русском языке А. Х. Востокова, который выделял несовершенный вид, совершенный вид и многократный вид.

Основным значением итеративности является обозначение повторяющихся действий, «отвлечённых от непосредственного протекания во времени, хотя и предполагающих наличие соответствующих актов реализации в виде каких-то наблюдаемых проявлений с той или иной частотой» [3, с. 435]. В корейском языке неоднократные длящиеся действия выражаются с помощью двух аналитических конструкций, каждая из которых имеет собственное специфическое значение итеративности. Аналитическая конструкция *아/어대다* — *a/o тэда* обозначает непрерывно повторяющееся длящееся действие, развитие которого происходит однородно, не прерываясь. Форма *아/어쌀다* — *a/o ссамха* выражает длящееся действие, повторяющееся интенсивно и динамично. В состав каждой конструкции входят вспомогательные глаголы, исходные значения которых влияют на отличительную особенность семантики итератива. В качестве лексически самостоятельного глагола *тэда* имеет следующие значения: «трогать», «касаться», «сравнивать», «начать», «соединять», «парковать», «причаливать», «целиться», «пускать воду», «снабжать», «ссылаться». Например:

어머니는 철수의 이마에 손을 댄다. — Мама касается рукой лба Чхольсу.

영희는수화기를귀에댄다. — Ёнхи подносит трубку (телефона) к уху.

농부가논에물을댄다. — Крестьянин запускает воду на рисовое поле.

그는옆집상점에자기회사의물건을댄다. — Он снабжает товарами своей фирмы соседний магазин.

아저씨가철수의학비를댄다. — Он оплачивает учебу Чхольсу.

상인은그일에자금을댄다. — Торговец инвестирует деньги в это дело.

어부가부두에배를댄다. — Рыбак причаливает лодку к набережной.

Как видно из этих примеров, основным значением глагола *тэда* является обозначение не точечного, а длительного контакта какого-либо субъекта с другим объектом.

Глагол *ссатха* обычно переводится в буквальном смысле как «накапливать», «наваливать», «складывать», «класть» и в переносном значении как «создавать». Например:

그는장작을쌓는다. — Он складывает поленицу.

마을사람들이독을쌓는다. — Жители деревни делают насыпь.

그는새로운지식을쌓는다. — Он собирает новые знания.

그는인격을쌓아나갔다. — Он воспитал в себе характер.

그는수양부터쌓아야하겠다. — Он должен сначала поумнеть.

В аналитических конструкциях семантические значения самостоятельных глаголов *тэда* и *ссатха* влияют на характер повторяемого действия, ср.:

아이가울어댄다. — Ребенок плачет и плачет (непрерывно).

아이가울어쌓는다. — Ребенок плачет все громче.

В первом примере действие повторяется равными фазами. Во втором примере действие повторяется интенсивнее (чаще), эту конструкцию часто называют формой учащательного действия. Чтобы отразить ровную повторяемость действия конструкции *а/о тэда*, можно в переводе на русский язык добавить наречие «постоянно», «всё время», наречие «всё чаще» передает интенсивное поступательное разворачивание и повторения действия, обозначенного конструкцией *а/о ссатха*. Вообще, при переводе аспектуальных конструкций корейского языка на русский язык часто приходится сталкиваться с проблемой адекватной передачи характера протекания действия. В русском языке действие, несущее неограниченно-кратное значение (повторительное значение), представляется как неограниченный ряд повторений. В выражении этого значения в русском языке активную роль играет контекст, передается оно обычно формами несовершенного вида или выражениями неограниченной кратности (часто, изредка, иногда и т. д.).

Со спецификой выражения повторяемого действия связано ограничение употребления аналитической конструкции *а/о ссатха* при субъекте, выраженным неодушевленным именем существительным, в этом случае употребляется только форма *а/о тэда*, поскольку она передает многократное повторение действия с равной частотой, что характерно для неодушевленных предметов. Если подлежащее выражено одушевленным именем существительным, то равным образом могут употребляться обе формы, например:

아기가자꾸울어댄다/쌓는다. — Ребенок все время/все громче плачет.

멀리서기적이울어댄다/*쌓는다. — Издалека монотонно/*все громче доносится гудок паровоза.

Длящееся неоднократное действие, обозначаемое обеими конструкциями, противопоставляется конкретному единичному действию, поэтому конструкции *а/о тэда* и *а/о ссатха* не сочетаются с наречиями времени, выражающими однократность действия, конкретное время, например:

*¹철수는밥을한번먹어댄다/쌓는다. — *Чхольсу все время/все чаще ест один раз.

*철수는 12시에밥을먹어댄다/쌓는다. — *Чхольсу все время/все чаще ест в 12 часов.

¹ (*) показывает неграмматичность предложения

철수는자꾸만밥을먹어댄다/쌌는다. — Чхольсу все время/все больше ест.

В корейском языке особенности выражения значений этих конструкций проявляются в зависимости от акциональности основного глагола. В данном случае речь идет о так называемых «способах действия» или «акционсартах». Термином «способ действия» в славянской аспектологии принято обозначать аспектуальные значения, не образующие четких парадигматических противопоставлений и остающиеся «в рамках лексических различий между глаголами» [5, с. 10]. С неопределенными глаголами типа 읽다 «читать», 먹다 «есть», 웃다 «смеяться», форма *a/o тэда* выражает многократное действие, в то время как форма *a/o ссатха* обозначает действие, в котором подчеркивается не только повтор, но выражение развивающегося действия, ср.:

철수가책을시끄럽게읽어댄다. — Чхольсу читает книги громко (постоянно).

철수가책을시끄럽게읽어쌌는다. — Чхольсу читает книги все громче.

철수가밥을게걸스럽게먹어댄다. — Чхольсу ест и ест ненасытно.

철수가밥을게걸스럽게먹어쌌는다. — Чхольсу ест все ненасытней.

영희가자꾸만웃어댄다. — Ёнхи все время смеется и смеется.

영희가자꾸만웃어쌌는다. — Ёнхи все чаще смеется.

С предельными глаголами типа 입다 «одевать», 만들다 «делать», 그리다 «рисовать» обе конструкции сохраняют свои значения. При этом действие начинает выражать не длящееся многократно действие, а простое многократное действие, приближающееся по значению к хабиутальности. Связано это с тем, что предельные глаголы обозначают ограниченное пределом целостное действие, представляемое как единый акт, поэтому если объект действия находится в единственном числе, обе конструкции не применимы, например:

영희는청바지만입어댄다/쌌는다. — Ёнхи одевает постоянно/все чаще только джинсы.

*영희는새옷한벌을입어댄다/쌌는다. — Ёнхи одевает и одевает (сейчас) одну вещь/ одевает одну вещь (сейчас) все чаще.

К особенностям выражения значения итеративности можно отнести определенную зависимость конструкций и от жанровых разновидностей глаголов. Эти конструкции обычно употребляются с глаголами нейтрального или низкого стилей. Они не употребляются с глаголами «высокой, положительной» семантики типа «любить», «верить», «создавать», например:

*그는그녀를사랑해댄다/쌌는다. — Он любит ее все время/все чаще.

*그는논농사를지어댄다/쌌는다. — Он занимается рисоводством все время/все чаще.

*그는하나님을믿어댄다/쌌는다. — Он верит в Бога все время/все чаще.

Тем не менее, если подобные глаголы употребляются в неудовлетворительном значении или результат действия отрицательный, то возможно выражение итератива, например:

그녀석이그녀를정신없이사랑해대더니/쌌더니드디어병이났어. — Этот мальчишка любил ее безума и в конце концов заболел.

아낙네혼자서농사를지어대니/쌌으니농사가잘될리있겠소. — Может ли быть хозяйство хорошим, если им занимается женщина?

그가잡신을믿어대니/쌌으니신앙이올바를수있나? — Разве может он быть истинным верующим, если верит в призраков?

Употребление значение итератива характерно в повествовательных, вопросительных или восклицательных предложениях, например:

어린애가연거푸웃어댄다/쌌는다. — Дети много/один за одним смеются.

왜웃어대느냐/쌌느냐? — Почему ты смеешься?

어린이들이자꾸웃어대는구나/쌌는구나. — Дети то и дело смеются!

В предложениях, выражающих повеление, просьбу или разрешение, как правило, они не употребляются, например:

웃어대어라/쌀아라. — Смейся и смейся.

웃어대자/쌀자. — Давай смеяться и смеяться.

Однако, когда глагол теряет свое значение повеления и начинает выражать недовольство говорящего, приобретает оттенок предупреждения, возможно употребление формы *a/o cсатха*, например:

그래, 자꾸웃어쌀아라. 나중에는후회할걸. — Ладно, смейся смейся. Потом пожалеешь.

Обе формы не могут употребляться с глаголами, обозначающими «непротяженную во времени ситуацию» [2, с. 9].

영희는연필을잃어댄다/쌓는다. — Ёнхи теряла все время/все чаще карандаш.

Однако, если объект или субъект действия находится во множественном числе, то возможно действие, выраженное конструкцией *a/o cсатха*. Примечательно, что с глаголами, обозначающими однократное действие, может употребляться именно эта форма, а не форма *a/o тэда*.

전쟁으로많은사람들이죽어쌓는다. — Из-за войны умирает много людей.

Может употребляться с глаголами каузативного залога, не употребляется с глаголами пассивного залога, например:

그녀는아이에게우유를먹여댄다/쌓는다. — Она все кормит и кормит ребенка молоком/кормит молоком все больше.

Не наблюдается ограничение выражения итератива с временными формами, например:

а) с суффиксами прошедшего времени

그는중풍에걸려손을떨어대었다. — Его руки все время тряслись, потому что его разбил паралич;

б) с окончанием причастия настоящего времени

위층사람들이떠들어대는바람에나는한숨도잘수가없었다. — Из-за шумящих на верхнем этаже я не смог заснуть;

с) с окончанием причастия прошедшего времени

그가떠나간후울어쌓던꼬마는이제울지않았다.

Таким образом, аспектуальное значение итератива является одним из частных значений длительного вида и выражает неограниченно-кратное значение, а также процессное значение. Эти значения реализуются в повторяющихся условиях контекста, частично ограничены лексическими аспектуальными классами глаголов, зависят от одушевленности-неодушевленности субъекта, грамматического числа, жанровых особенностей глагольных форм. В непредельных глаголах отсутствует точка достижения предела, поэтому повторяемость действия независимо от количественного числа объекта возможна. В предельных глаголах существует внутренний качественный предел, поэтому невозможно выразить итеративное значение, если объект находится в единственном числе. Рассмотренные аналитические конструкции, обозначая длящееся действие, независимое от временной локализованности, могут употребляться с показателями прошедшего и настоящего времени.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
2. Дугарова Г. С. Глагольный вид в современном монгольском языке. Новосибирск: Наука, 1991. 120 с.
3. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
4. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 7–32.
5. Плуиунян А. В. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
6. 김선휘. 국어의상연구. 서울: 한신문화사, 2003. 380 페이지. Ким Сонхва. Исследования категории вида корейского языка. Сеул: Хансин Мунхваса, 2003. 380 с.

УДК 895.1

**СТРАТЕГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ЮЙ ЦЗЯНЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «УЛИЦА ШАНЬИ, 6»)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Поэтический дискурс в современном Китае: эволюция художественного сознания и поиск новых форм творческой самоидентификации», проект №14-04-00435

© *Тугулова Ольга Доржиевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока

Бурятского государственного университета

Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: meili@inbox.ru

В статье исследуются главные особенности поэзии авангарда на материале стихотворения Юй Цзяня «Улица Шаньи, 6». Произведение, написанное на разговорном языке, стало знаковым для нового поколения китайских поэтов, чья поэтическая традиция отвергала идеологические установки, образность и метафоричность своих предшественников. Синтез художественных стратегий, реализуемых Юй Цзянем, в том числе эстетика минимализма, примитивизма, повествовательность, использование разговорного языка, отражает творческие поиски и попытку идентификации китайских поэтов в транзитивный период. Арсенал «технических» средств поэтов-авангардистов прост, среди наиболее распространенных отметим различные виды повтора, который выполняет экспрессивную функцию, неравносложный верлибр, отсутствие знаков препинания, фрагментарность и нелинейность композиционной организации, «холодное лирическое» повествование, ироничное отношение к объекту описания.

Ключевые слова: поэтическая стратегия, «новое/третье поколение», авангардизм, повтор, минимализм, поэтизация повседневности, разговорный язык, повествовательность.

**THE STRATEGY OF THE YU JIAN'S POETIC TEXT
(BASED ON THE POEM «NO.6 SHANGYI STREET»)**

Olga D. Tugulova

PhD, Assistant Professor at the Department of Far Eastern country's philology, Institute of Oriental Studies, Buryat State University

4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article examines the main features of the avant-garde poetry on the material of Yu Jiang's poem «No.6 Shangyi Street». The work, written in the vernacular, was a landmark for the new generation of Chinese poets whose poetic tradition rejected the ideological orientation, imagery and metaphors of their predecessors. Synthesis of artistic strategies implemented by Yu Jian, including the aesthetics of minimalism, primitivism, narrative, the using of spoken language, reflects the creativity and attempt to identify of the Chinese poets in the transitive period. Arsenal of the «technical» devices of the avant-garde poets is rather simple, we described different types of repetition that carries the expressive function, anisosyllabic free verse, no punctuation, fragmentation and non-linearity of the composite organization, «cold lyrical» narrative, ironic attitude to the object of description.

Keywords: poetic strategy, «new / third generation», the avant-garde, repetition, minimalism, poetic of the everydaylife, spoken language, narrative.

Своего рода манифестом китайской авангардной поэзии (先锋诗歌) является стихотворение Юй Цзяня 于坚 «Улица Шаньи, 6» (尚义街六号), написанное в 1984 г. и опубликованное в одиннадцатом номере авторитетного поэтического издания «Шикань» (诗刊) за 1986 г. Написанное на разговорном языке о повседневной жизни обычных людей произведение знаменовало поворот китайской поэзии от возвышенной патетики к банальным мелочам, от сложных символов и метафор к объективному отображению, от образа к языку, маркируя, таким образом, рубеж между творчеством «туманных поэтов» и поэзией «нового/третьего поколения».

Целью работы является определение сущностных характеристик китайской авангардной поэзии через описание поэтических стратегий, реализуемых Юй Цзянем в знаковом для данного направле-

ния стихотворении. Необходимо отметить, что речь пойдет о художественной стратегии как реализации общих художественных идей, а не о тактике, т. е. использовании конкретных поэтических приемов.

Дискурсивный пласт авангардной поэзии, равно как и индивидуально-авторский дискурс Юй Цзяня, доселе не становился предметом исследования в российской синологии. Между тем изучение поэтического дискурса важно для создания целостной картины истории китайской литературы, исследования современных языковых процессов, комплексного описания многополярной культурной парадигмы, пришедшей на смену диктату социалистического реализма, определения путей поиска творческой идентификации китайских литераторов, понимания духовных трансформаций, происходящих в условиях политики «реформ и открытости».

Поэты «нового поколения», отказавшись от возвышенности и патетики предшествующей поэзии, ставят перед собой задачу познания исследования языка. В отличие от своих предшественников, «туманных поэтов», они не экспериментируют с контекстом и читателем, их произведения лишены практически всех характеристик поэзии в традиционном понимании — рифмы, ритма, большинства тропов. Набор используемых средств художественной выразительности примечательно скромнен. С точки зрения языка можно говорить о присутствии стратегии минимализма с экономией слов, отсутствием бессмысленных деталей и описанием лишь самого основного.

Эстетика «минимума» (В. Кулаков) обуславливает нарочитую бедность поэтики Юй Цзяня. И даже в отношении себя автор «минимален», иронично самоуничижителен:

墙上钉着于坚的画	на стене висит картина Юй Цзяня
许多人并不以为然	многие всерьез не воспринимают [7 (пер. — О. Т.)]

Зачастую и сам текст передает минимизированную, незначительную информацию:

有些日子天气不好	иногда погода не жалует
生活中经常倒霉	жизнь частенько скучна

Сообщения-констатации неважны: «на втором этаже сушатся штаны старины У». Минималистская позиция поэта определяет аскетичность художественной формы, в стихотворении отсутствуют знаки препинания, строфическое деление, используются простые, порой примитивные синтаксические конструкции, и лишь пробелы, отсутствующие в привычном китайском тексте, позволяют сделать вслед за автором логическую паузу.

Преодолевая лозунговость и дидактичность социалистического дискурса, а затем патетичность модернистской традиции, Юй Цзянь стремится к освобождению читательского сознания от идеи священной миссии поэта, его изначального знания истины, он выстраивает равноправные отношения с читателем, который не просто реципиент, но, обладая максимальной степенью свободы, способен создать сколь угодно количество инвариантов поэтического текста в своем восприятии-сотворчестве. «Автор набрасывает на чистом листе некий примитивный рисунок и протягивает лист читателю, который может дорисовать на нем все, что ему угодно, но только при одном условии: включить авторский рисунок в свой. Таким образом, иерархия художника и зрителя уничтожается» [2, с. 6]. Сближению автора и читателя также способствует отказ поэта от метафоричного, возвышенного литературного стиля в пользу разговорного языка (о концепции разговорного языка подробнее: 3), что возрождает двустороннюю связь между поэзией и языком.

Минималистский принцип невмешательства в органику, природу слова отвечает стремлению поэтов-авангардистов к прозрачности языка.

В доме номер шесть по улице Шаньи, действительно существующем в Куньмине, родном городе Юй Цзяня, проживал У Вэньгуан, реальный человек, ныне житель Пекина, известный в мире китайского документального кинематографа как представитель авангардной культуры. По содержанию стихотворения в его доме время проводили студенты, начинающие поэты, художники:

我们往往在黄昏光临	мы всегда по вечерам встречаемся
打开烟盒打开嘴巴	открываем пачку сигарет открываем рты
打开灯	включаем (открываем) свет

В строках повторяется слово 打开 *dakai* *открывать*, в китайском языке используемое и со словом *свет*, который на русском языке не сочетается с глаголом *открывать*. Для сохранения приема повтора голландский синолог Maghiel van Creveld при переводе на английский язык заменяет 灯 *свет* на дру-

гое понятие из домашнего обихода — window *окно* (*openourcigarettecases / openourmouths //openthewindow*), подчеркивая излюбленную Юй Цзянем игру словами с повтором одного слова в разных контекстах [6, с. 261]. В данном случае в одном ряду стоят существительные из разных категориальных групп *пачка сигарет, электрический свет* и *рот*, которые *открываются* по воле автора в механической последовательности. Так происходит стирание привычной ассоциации существительного *рот* с функцией говорения, лингвистическим языком как важной характеристики человека, его воображения и творчества.

В произведениях Юй Цзяня повтор можно рассматривать как риторическую фигуру, отражающую индивидуальный авторский стиль. Для поэта повтор чаще определяет экспрессивность текста, нежели, к примеру, его структуру, композиционную организацию. Так, в других случаях повтора в анализируемом стихотворении автор допускает иронию. Сначала Ли Бо:

告诉我们应当怎样穿鞋子	объясняет нам как нужно надевать туфли
怎样小便怎样洗短裤	как ходить по малой нужде как стирать трусы
怎样炒白菜怎样睡觉等等	как жарить капусту как спать и так далее

Перечисляются обыденные дела, столь естественные, что поучение вряд ли необходимо. «Поучения» Ли Бо становятся метафорой человеческой жизни, представленной примитивно, натуралистично, иронично, в духе поэтов «нового поколения». Затем перечисляется «собственность» У Вэньгуана, от бытовых вещей до людей, входящих в его окружение:

茶水是老吴的电表是老吴的	чай — старины У электросчетчик — старины У
地板是老吴的邻居是老吴的	пол — старины У соседи — старины У
媳妇是老吴的胃舒平是老吴的	невестка — старины У
	лекарство для желудка — старины У
口痰烟头空气朋友是老吴的	плевок окурки воздух друзья — старины У

Привычные категории выстроены в ироничной иерархии, жизненный круг наполнен тривиальным, «антигероическим», но от этого не менее правдивым содержанием. Пересмотр ценностных ориентиров, поворот к обычной жизни обычных людей — рубеж, разделяющий «туманных» поэтов и поэтов «нового поколения».

Повтор как один из немногочисленных приемов в стихотворении «Улица Шаньши, 6» служит Юй Цзяню для выражения экспрессии, иронии и вместе с тем создает разные контексты, в том числе с повторяемыми словами, что становится возможным максимальное раскрытие их смысла, а значит, использование глубинных ресурсов языка.

Повтор наряду с другими уводящими поэзию Юй Цзяня от «высокой» литературы элементами — бытовыми описаниями, нецензурной, разговорной лексикой и т. п., заставляющими сомневаться, поэзия ли представленный текст — становится также признаком поэтики примитивизма. Эстетика примитивизма вводит в литературный текст непоэтические темы:

隔壁的大厕所	по соседству туалет
天天清早排着长队	из дня в день по утрам собирает длинные очереди

В предметный ряд включаются самые обыденные вещи, до этого момента немислимые и не ассоциируемые с поэтическим творчеством. Эстетика примитивизма позволяет поэтам «третьего поколения» внешне выразить протест «туманной поэзии», у которой на тот момент уже сложились традиции.

Отдельные нарративные элементы указывают на реализацию автором стратегии повествовательности. Описывая событийный ряд, автор как субъект произведения остается повествователем, даже вводя себя в качестве одного из героев, он не поясняет свою эмоционально-оценочную установку, ограничиваясь лишь названием имени (т. е. описывая себя как третье лицо, одно из ряда других персонажей) и стирая, таким образом, лирическое начало. Создаваемая художественная реальность остается внешней по отношению к субъекту, который сохраняет эмоциональный нейтралитет, и как будто бы не становится непосредственным участником описанных событий. Такое бесстрастное повествование получило в китайском литературоведении красноречивое название «холодная лирика» или «лирика ноль градусов».

Сюжетную канву произведения составляют истории нескольких друзей, которые позволяют составить представление об их жизни (кто-то влюбляется, кто-то уезжал и вернулся), основных чертах характера (всезнайка, высокомерный), мечтах и стремлениях (кто-то мечтает о славе, кто-то стремится уехать на Запад), причем основное повествование обращено в прошлое — время их юности. По-

следний фрагмент относится к настоящему, откуда автор направляет ретроспективный взгляд в свои воспоминания. Таким образом, создается сцена, наполняемая художественными деталями, — в данном случае приметам повседневной жизни.

Имена, встречаемые в тексте, принадлежат реальным людям, причем часто прототипами героев Юй Цзяня становятся исторические лица, в том числе известные деятели культуры. Данное произведение далеко не единственное, где поэт упоминает настоящие имена. По мнению некоторых исследователей (например, Се Юшунь), в этом проявляется стремление автора к «аутентичности» текста, документирующего исторический, пережитый опыт. Однако, как отмечает Maghiel van Crevel, опыт, лежащий в основе данного стихотворения, не способствует пониманию стратегии поведения поэта, его жизненной позиции, что характерно для традиционных литераторов [6, с. 261]. Возможно, аутентичность «Улицы Шаньи, 6» зависит не от возможности определить, имели ли место быть описанные события, а скорее от понимания, что жизнь обыкновенных молодых людей, столь убедительно и насмешливо изображенная в произведении, действительно могла бы быть, и что автор мог бы быть частью описанного. Появление в тексте «реальных людей» несет дополнительное значение. В частности, стремление художников к славе, противопоставление публичных персон и частной жизни вполне присутствуют в реальной жизни:

许多脸都在这里出现
今天你去城里问问
他们都大名鼎鼎
外面下着小雨
我们来到街上
空荡荡的大厕所
他第一回独自使用

многие лица появились здесь
если сегодня ты поспрашиваешь в городе
окажется они все стали знаменитостями
на улице моросит
мы вышли на улицу
пустой туалет
он впервые сидел там один

Частные сюжеты, представленные в произведении, связаны с реальными событиями из китайской истории:

这个杂种警察一样盯牢我们
面对那双红丝丝的眼睛
我们只好说得朦胧
像一首时髦的诗

этот ублюдок уставился на нас как полицейский
напротив пары налитых кровью глаз
лучше нам выражаться туманно
как в модном стихотворении

Строки отсылают к недавнему прошлому китайского общества — событиям «культурной революции» (1966–1976) с ее идеологическим давлением, нивелированием человеческих ценностей, заданностью литературного творчества (подробнее о специфике функционирования поэзии в условиях «подполья» — в [4, 5]). Слово 朦胧 «туманный», «неясный», «смутный» стало эпитетом поэтического направления «туманная поэзия», эстетику которой отвергали Юй Цзянь и единомышленники, что проявилось в данном случае снова через иронию (*модное стихотворение*).

Кроме того, герои произведения, У Вэньгуан, Фэй Цзя, Чжу Сяоян, Ли Бо, участвовали в создании сборника «Поэзия высокогорья» (高原诗辑, 1982–1983), составителем которого под именем Давэй выступил Юй Цзянь. В четвертый выпуск была включена поэма У Вэньгуана «Поэты высокогорья», которая, возможно, явилась источником вдохновения для Юй Цзяня при написании «Улицы Шаньи, 6».

Ироничные интонации Юй Цзянь использует и в отношении друзей, так, Ли Бо выступает в роли всезнайки, но также допускает и самоиронию:

于坚还没有成名
每回都被教训
在一张旧报纸上
他写下许多意味深长的笔名

Юй Цзянь еще не стал знаменитым
каждый раз слушает наставления
на старой газете
он написал множество псевдонимов
с глубоким смыслом

Однако общее настроение стихотворения образует ностальгия по годам юности:

那是智慧的年代
许多谈话如果录音
可以出一本名著
那是热闹的年代

то были мудрые годы
многие разговоры если записать на пленку
могли бы стать шедевром
то были захватывающие годы

Пути повзрослевших друзей разошлись, беззаботная и счастливая пора осталась в воспоминаниях:

大家终于走散
剩下一片空地板
像一张空唱片再也不响
在别的地方
我们常常提到尚义街六号
说是很多年后的一天
孩子们要来参观

все в конце концов разбредись
остался пол пустой
который как старая пластинка больше не играет
в других местах
мы часто вспоминаем улицу Шаньи, дом 6
говорим что однажды спустя много лет
дети приедут посмотреть

Повествовательная структура разрушается неоднократными временными переходами из прошлого в настоящее. Кроме того, описание сцен жизни в доме под номером шесть дважды прерывается упоминанием некоего *кое-кого* (*ублюдка* — пример выше):

有一人大家都很怕他
他在某某处工作
«他来是有用心的,
我们什么也不要讲! »

есть кое-кто кого боятся все
он работает в кое-каком месте
«он пришел не просто так,
мы ничего не должны говорить!»

Подобная фрагментарность композиционного и лексического уровня усложняет простое, на первый взгляд, повествование, делая его нелинейным. В любимом насмешливом тоне Юй Цзянь вновь свергает какие бы то ни было авторитеты, разрушает идеологические мифы.

Для поэтического дискурса Юй Цзяня характерна художественная стратегия смещения фрагментов разных поэтик, поэтических приемов, что позволяет ему воплотить весь спектр актуальных художественных идей.

После «Улицы Шаньи, 6» разговорный язык для Юй Цзяня и других поэтов «третьего поколения» становится основным способом организации текста, повседневная жизнь — главным тематическим материалом и каркасом поэтической концептосферы. Для авангардной поэтической практики актуальным становится разработка вопросов поэтического языка, поэты создают поэзию речевой ситуации, связанной непосредственным образом с реальной жизнью.

Литература

1. Кулаков В. Минимализм: стратегия и тактика // Независимый филологический журнал [Электронный ресурс]. 1997. № 23. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/23/kulackov.html> (дата обращения: 12.10.2015).
2. Степанов А. Д. Минимализм как коммуникативный парадокс // Новый филологический вестник. 2008. Вып. 2. Т. 7. С. 5–28.
3. Тугулова О. Д. Повествовательность и разговорное начало китайской поэзии 1990-х годов // Проблемы литератур Дальнего Востока: материалы 5 Междунар. науч. конф. (27 июня — 1 июля 2012 г.): в 3 т. СПб., 2012. Т. 2. С. 64–72.
4. Тугулова О. Д. Особенности функционирования «подпольной поэзии» в Китае // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. № 1. С. 5–13.
5. Тугулова О. Д. Поэтический дискурс китайского андеграунда // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. Вып. 8. С. 67–71.
6. VanCrevel, Maghiel. Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem, and Money. Leiden and Boston: Brill, 2008. 518 p.
7. Полное собрание современной китайской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shigeku.org/xlib/xd/sgdq/yujian.htm> (дата обращения: 15.10.2015).

УДК 811.58'38

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА)

© *Хайдапова Марина Бато-Очировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: khaimarina@yandex.ru

В статье исследуются функционирование и роль средств выразительности современного китайского языка в художественном тексте. На материале стихотворений современной китайской поэтессы Шу Тин изучается употребление в авторской художественной речи таких тропов, как олицетворение, метафора, метонимия, эпитет и сравнение; рассматриваются и характерные для китайской поэзии стилистические фигуры — антитеза, анафора, эпифора, эпанострофа, «кольцо». Кроме того, в работе частично представлены результаты анализа выразительных возможностей синтаксиса китайского языка (синтаксический параллелизм, предложения с предположительно-условной и противительной связью). Внимание также уделяется изучению художественной функции пунктуационных и композиционных особенностей стихотворений. Языковые средства выразительности китайского языка, использованные в поэтическом тексте, рассматриваются с точки зрения их функций и значимости для воплощения идейно-художественного замысла и создания эстетического эффекта.

Ключевые слова: китайский язык, средства выразительности, тропы, стилистические фигуры, пунктуация, поэзия, художественный текст.

ABOUT MEANS OF EXPRESSION IN CHINESE LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF POETIC TEXT)

Marina B.-O. Khaydapova

PhD, Associate professor at the Department of Philology of Far East countries,
Oriental Studies Institute, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper examines functioning and role of expressive means of modern Chinese language in a literary text. On the material of poems of the modern Chinese poet Shu Ting the article studies the use of such tropes in the author's literary language as personification, metaphor, metonymy, epithets and comparisons; and also considered typical for Chinese poetry stylistic figures — antithesis, anaphora, epiphora, epanostrofa, «ring». Besides, the results on analysis of expressive possibilities of Chinese language syntax (syntactic parallelism, sentences with supposedly-conditional and adversative relations) are partially represented in this paper. Attention is also given to study of the artistic function of punctuation and compositional features of the verses. Language means of expression of the Chinese language used in the poetic text are considered in terms of their function and significance for the realization of the artistic conception and creation of aesthetic effect.

Keywords: the Chinese language, expressive means, trope, stylistic figures, punctuation, poetry, literary text.

Поэтический текст содержит авторскую субъективно-эмоциональную речь, и эмоции в поэзии выражены максимально интенсивно, что достигается разнообразными средствами выразительности конкретного языка. В статье на материале китайского поэтического текста исследуется значение отдельных тропов, стилистических фигур и композиционных особенностей, позволяющих наиболее полно и образно выразить богатый художественный мир поэта. Лингвопоэтический анализ проводится на материале стихотворений современной китайской поэтессы Шу Тин (舒婷, род. в 1952 г.), признанной одной из ярких представителей китайской «туманной поэзии» нового периода в истории китайской литературы XX века.

В поэтическом языке Шу Тин довольно много разнообразных тропов. Часто встречается прием персонификации: «Дерево грецкого ореха под окном шумно съезжилось от холода / Будто его потрогали ледяной рукой» («Зеркало» «镜», 1986). На примере поэтического цикла «Монтаж вечера» можно наблюдать олицетворение деревьев (роща опускает полог), растений (подсолнухи играют в прятки), физических явлений и предметов (тени домов в недоумении застыли), явлений природы (лунный свет то окутывает, то отпускает ветви пальмы; звезды весело смеются; ветер говорит):

Ранним утром улетевшие пташки
Не смогли вернуться.
Роща в одиночестве запоздалого заката
Опустила полог тяжелой печали.

В поэзии Шу Тин также много свежих и ярких метафор. Так, вместо письма мы видим «признание в любви из отпечатков губ и слез», что «отважно забирается в почтовый ящик» («Ночь в гостинице», 1986). Метафорой является и двухмачтовая лодка — центральный образ одноименного стихотворения («Двухмачтовая лодка» «双桅船», 1979). В образе двухмачтовой лодки угадываются характерные черты творческой личности поэтессы. Так, китайский исследователь Ню Шугуан, рассуждая об идее данного образа, приходит к заключению, что «модель двух мачт» является специфической особенностью поэтического стиля Шу Тин [2].

Много в поэтическом языке Шу Тин и метафоричных сравнений:

Былое, словно укрывшийся в углу сверчок,
Тихо, но упрямо всхлипывает
(«Поющий ирис», 1981)

Изредка встречаются метонимические образы, как например, «пара весел» вместо лодки («Грусть» «思念», 1978) и «шляпа-цилиндр», в котором мы узнаем поэта Гу Чэна («Разбитый калейдоскоп» «破碎万花筒», 1993):

<...>

Красивая жизнь — лишь хрупкая льдинка
Существовать в других — мрачный ад
В себе же —
Это бесконечная
Борьба левой и правой рук
По вечерам он руки мыл на берегу реки, вода
Не желает смыть его отражение
Только писаний маковые пятнышки
Россыпью упали
Под качелями

Одна
Шляпа-
Цилиндр
Тихо села посреди сцены
Свет померк
Он
Не
Вернется
Домой

В стихотворении есть несколько деталей, которые позволяют читателю догадаться, кому оно посвящено. Это, прежде всего, метонимический образ шляпы цилиндрической формы, в которой постоянно ходил поэт Гу Чэн (顾城) в последние годы жизни в Новой Зеландии. Метафоричное соединение элемента растительного мира и продукта литературного творчества человека в словосочетании «писаний маковые пятнышки» напоминает об эстетических стремлениях поэта и об одном из центральных компонентов художественного пространства его поэзии — цветах. И, наконец, то, что «маковые пятнышки» рассыпались по земле, «шляпа-цилиндр» опустилась в центре сцены погас свет — все это однозначно свидетельствует о смерти поэта, о котором скорбят («свет померк»). Несмотря на то, что «он / не / вернется / домой», память о поэте будет жить, ведь «вода / не желает смыть его отражение», а его поэзия, маковыми семенами упав на землю, даст новые ростки прекрасных цветов.

Поэзия Шу Тин отличается высокой эмоциональностью, в том числе благодаря многочисленным выразительным эпитетам:

О, моя
Замерзшая, слякотная, потрескавшаяся земля

О, моя

Печальная и негодующая, снисходительная и строгая земля

(«Стихи о любви к земле» «土地情诗», 1980).

Ее поэзия наполнена духом романтизма, что выражается в высокой эмоциональности и ассоциативности языка ее стихотворений, в которых часто фигурирует антитеза: свобода и заточенье, мечта и реальность, внутреннее и внешнее, герой-одиночка и мир, большое и маленькое. В антонимичных эпитетах поэтесса рисует и образ поэта, его широкой и страстной натуры, мятежной души: он «тяжелый» и «легкий», «попранный» и «непокорный», «жалкий» и «отважный» («Поэзия и поэт», «诗与诗人», 1984).

В поэтическом языке Шу Тин нет рифмы в классическом ее понимании (богатая или бедная, мужская или женская). Тем не менее обилие разнообразных повторов обусловило наличие тавтологической рифмы — весьма распространенного явления в современном китайском верлибре. Тавтологическая рифма придает определенный ритм свободному стиху с его естественной интонацией разговорного языка.

Разнообразные амплификации также являются свидетельством высокой эмоциональности ее поэтического языка. Встречаются повторы как отдельных слов, так и словосочетаний и синтаксических конструкций («Обращаюсь к дубу», «Разлука в дождь», «Автопортрет», «Вечер поздней осенью в Пекине», «На кресте поэзии», «Рифы и маяк», «?.!», «Вечерняя звезда», «Обелиск матери», «Поющий ирис» и др.). Например, в стихотворении «После бури» восемь раз в различных сочетаниях повторяется число «семьдесят два», тем самым непрерывно сохраняется тематическая канва произведения и усиливается эмоциональный эффект: «семьдесят два моих брата», «дыханье семидесяти двух человек», «семьдесят два пламенных взора», «семьдесят две пары глаз, поросших водорослями и кораллами» и т. д.

Экспрессивность поэтической речи Шу Тин увеличивается за счет использования такого традиционного для китайской поэтики художественно-композиционного приема, как анафора (единоначатие). Показательны в этом отношении стихотворения Бэй Дао «Всё» из четырнадцати строк с единым началом и написанное в ответ на него стихотворение Шу Тин «Это тоже всё», где пятнадцать строк начинаются с отрицания «Не все...» [1, с. 302–304]. В данном стихотворении Шу Тин, вторя Бэй Дао, прибегает к приему сквозного параллелизма, который придает произведению ритм, энергетически воздействуя на читателя. Здесь звучит отрицание пассивной позиции, инертности: «Нет, не всё так, как ты говоришь!». Первая строка послания начинается с отрицания «не все», и оно пронизывает почти все стихотворение, утверждая несомненность заявляемого. Внимание читателя приковывает сначала нарастающая и в конце резко обрывающаяся структура стихотворения. Автор подряд говорит о пятнадцати «не все», и у читателя невольно возникает желание узнать: если не так, то как же? В последнем абзаце все резко обрывается — поэтесса призывает к надежде, борьбе за мечту, ответственности за будущее. В этом стихотворении ярко выражена одна из отличительных особенностей «туманной поэзии» — поиск света во мраке.

Из многообразия поэтических повторов в стихотворениях Шу Тин встречается также эпифора — повтор группы слов в конце нескольких строф и фраз («Духовные принципы», «Когда ты под моим окном пройдешь» и др.).

Ради цветка умереть

Стоит

Равнодушные колеса

Грубые подошвы сапог

Делают бесцветно-серой

Радугу весны во всех глазах

И невозможно удержать

И негде рассказать

Тогда, ради протеста умереть

Стоит

<...>

(«Духовные принципы» «人心的法则», 1976).

В ее поэзии можно встретить и другую традиционную для китайской поэзии разновидность повтора — эпанострофу, т. е. повторение слова или группы слов, стоящих в конце одной строки и начале следующей:

Пусть ты похитил все бывшее,
Бывшее всех и вся
(«Обращаюсь к морю», «致大海» 1973).

Кроме отмеченных выше разновидностей повторов поэтесса использует замкнутое сплетение — поэтическое «кольцо». Так, проводя параллели между проявлениями природной стихии моря и жизни человека, поэтесса отождествляет их, применяя «кольцо» строфы:

Море — изменчивая жизнь,
А жизнь — бушующее море.
(«Обращаюсь к морю», «致大海» 1973).

В стихотворениях Шу Тин можно наблюдать и «большое кольцо», охватывающее весь текст произведения, как в стихотворении «Жемчужина — моря слеза» [3, с. 232–233]. «Большое кольцо» Шу Тин замыкают начальная и конечная строфы стихотворения, которые обычно имеют зеркальное расположение строк:

Когда ты под моим окном пройдешь,
Пожелай мне счастья,
Поскольку свет еще горит.
<...>
Поскольку свет еще горит,
Пожелай мне счастья,
Когда ты под моим окном пройдешь...
(«Когда ты под моим окном пройдешь» «当你在我的窗下走过», 1976).

Помимо различных повторов поэтесса часто использует отступы строк разной длины, что придает зрительную волнообразность, ступенчатость поэтическому тексту и маркирует паузы устной речи:

Твои трогательные звуки циня
Из слезных снов моих
Исчезли
Твоя угасающая улыбка
Как последний лист
На туманной ветке
Дрожит неустанно
(«Стихи для мамы», 1981).

Шу Тин также часто создает ритмизированную симметрию строк за счет синтаксического параллелизма: равного количества эпитетов-определений, одинаковых типов предложений и порядка структурных элементов предложений.

Довольно часто лирические переживания Шу Тин находят свое выражение в синтаксических построениях с предположительно-условной и противительной связью. Предложения со словами «быть может», «даже если», «пусть даже», «но», «однако», «тем не менее» позволяют в полной мере выразить разнообразные коллизии внутреннего мира поэтессы. Проиллюстрируем это на примерах: «Быть может, и сокрыты где-то далекие моря, / Но вытекут, лишь две слезы. // Ах, в далях сердца / В глубине души.» («Грусть» «思念», 1978); «И даже если б крик мой пройти сквозь землю мог, / Как смею я тревожить твой спокойный сон?» («Ах, мама» «呵, 母亲», 1975); «Положим, луна согласится принять твоё предательство / Ещё есть одиночество, что будет сопровождать тебя тысячу лет» («Побег на луну» «奔月», 1981). Синтаксическая форма выражения лирических раздумий автора обнаруживает способность влиять на содержательную сторону произведения, создавая эмоциональные перепады, тем самым, оживляя восприятие.

Своеобразную «партитуру» художественного текста образуют знаки препинания. В этом плане поэзия Шу Тин разнородна: в большинстве стихотворений имеются запятые, точки с запятой, точки, двоеточие, многоточие, тире, восклицательные и вопросительные знаки. Примером тому могут служить такие стихотворения, как «Обращаюсь к морю» и «Рифы и маяк»; в некоторых произведениях («Лодка», «Поточная линия», «Дарю на прощание», «Не забывай меня», «Спящий колокол» и др.) мы

наблюдаем полное отсутствие таковых. Вероятно, поэтесса сознательно применяет данный модернистский прием. Отказ от знаков препинания дает полную свободу читателю в плане интонационного выделения структурных элементов текста. Текст стихотворения, таким образом, становится более свободным от воли автора и обретает новую жизнь в каждом новом прочтении. Например, душевное смятение женщины в стихотворении «Ночь в гостинице» («旅馆之夜», 1986) представлено сплошным потоком разнородных образов, порой формально, логически никак несвязанных между собой, связь отдельных фрагментов второй строфы скорее иррациональная, чем рациональная. Здесь Шу Тин применяет модернистские приемы потока сознания и монтажа. Отсутствие знаков препинания в данном стихотворении дополнительно акцентирует эмоциональность изображаемого переживания:

Признание в любви из отпечатков губ и слез
Отважно забирается в почтовый ящик
Почтовый ящик холоден как лед
Давно уже не пользовались им
Ярлык с печатью колыхнется повязкой на ветру

Мягко рельеф навеса под когтями черной кошки
Большой грузовик сон сдавил и расплющил
Спортсмен по бегу на короткие дистанции
Всю ночь видит во сне ударный выстрел
Иллюзионист не может поймать куриные яйца
Фонари взрываются с визгом
От желткового красителя ночь еще более обрывиста

Женщина в ночном халате
Сотрясая небо и землю раскрыла двери
Босыми ногами по ковру пронеслась словно лань
На стене промелькнул огромный мотылек
Кинувшись к растрепанному огню телефонного звонка

В телефонной трубке
Тишина
Только снег
На далеких телефонных линиях поет неустанно

Иногда в поэзии Шу Тин фигурирует только один знак препинания («Осенние думы» «秋思», «Зеркало» «镜» и др.). В целом заметим, что подавляющее большинство стихотворений оформлено знаками препинания частично, в дополнение к ним поэтесса использует различные отступы отдельных слов и строк.

Обобщая вышесказанное, отметим, что поэзия Шу Тин обладает удивительной силой и очарованием, благодаря ее владению всем богатством художественных средств выразительности. Исходящая преимущественно из интуитивно-чувственного опыта, ее поэзия отличается высокой эмоциональностью, которой поэтесса достигает с помощью создания свежих метафор, многочисленных и разнообразных повторов, активного применения приемов антитезы, олицетворения и сравнения. Лирика Шу Тин представлена свободным стихом, в котором доминирует тавтологическая рифма с ритмизированной симметрией и отступами строк, а также частым опущением знаков препинания.

Литература

1. Хайдапова М. О. Лирический жанр послания в творчестве китайской поэтессы Шу Тин // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании: сб. ст. Томск, 2009. С. 300–305.
2. 牛曙光 Нью Шугуан. 论舒婷诗歌创作的朦胧特征 О «туманности» поэтического творчества Шу Тин. [Электронный ресурс]. URL: <http://niu19860827.blog.163.com/blog/static/20906031200822841750874/>
3. Хайдапова М. О. Художественно-философское осмысление темы человека в ранней поэзии Шу Тин // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. Вып. 10. С. 230–235.

УДК 811.58

ГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

© *Хайдапова Марина Бато-Очировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: khaimarina@yandex.ru

В статье подробно исследуется графическая структура современного китайского письма. Данная проблема рассматривается с целью определения теоретических основ преподавания и изучения китайской иероглифики. Последовательно изучаются три уровня китайской графической системы — иероглифическая черта, компонент и цельный иероглиф. На основе анализа теоретических и практических работ российских и китайских ученых дано детальное описание количественных и качественных характеристик каждого уровня с примерами, иллюстрирующими утверждения. В ходе исследования рассматривается вопрос о соотношении таких понятий, как компонент, графема и оригинальный термин *пьянпан*. На уровне составных иероглифов изучаются внешние и внутренние связи между структурными компонентами сложных иероглифических знаков. Схематически представлены четыре типа составных иероглифов по внешним композиционным связям, а также рассмотрены четыре разряда иероглифических компонентов, выделяемые на основании их функции в составе сложного знака, — идеографические, фонографические, идеофонографические и просто графические.

Ключевые слова: китайский язык, китайская письменность, графическая структура, черта, графема, иероглиф.

GRAPHIC STRUCTURE OF MODERN CHINESE CHARACTERS

Marina B.-O. Khaydapova

PhD, Associate professor at the Department of Philology of Far East countries,
Oriental Studies Institute, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper examines in detail the graphic structure of modern Chinese characters. This problem is considered in order to determine the theoretical foundations of teaching and learning Chinese characters. Three levels of Chinese graphic system — stroke, component and character — are studied consistently. Based on the analysis of theoretical and practical works of Russian and Chinese scientists, the article gives a detailed description of the quantitative and qualitative characteristics of each level with examples to illustrate statements. Studying the question, the relationship between such concepts as component, grapheme, original term *pianpan* is given consideration for. The external and internal relations between structural components of characters are studied at the level of complex characters. The article schematically presents four types of complex characters based on external compositional relations. And according to the function of the component as a part of a complex character, the paper considers four categories of components — ideographic, phonographic, ideo-phonographic and simply graphic.

Keywords: Chinese language, Chinese writing system, graphic structure, stroke, grapheme, character.

Важнейшим принципом организации любой системы является принцип иерархичности ее единиц. Основная единица современного китайского письма — иероглиф — представляет собой комплекс трех составляющих: графической формы, смыслового содержания и звукового оформления. В связи с этим представляется целесообразным последовательное рассмотрение каждого из этих уровней в отдельности и во взаимосвязанном единстве. Статья посвящена отдельному рассмотрению одного из отмеченных трех аспектов современного китайского письма — графической форме иероглифов.

По структурной организации все иероглифы можно поделить на два типа: простые и составные (сложные). Простые иероглифы образованы непосредственно из черт, структура которых представлена 2 ступенями: черта → цельный иероглиф. Это такие иероглифы, как 日, 月, 山, 水 и другие. Составные иероглифы образованы компонентами, их структура имеет 3 ступени: черта → компонент → цельный иероглиф. Примерами сложных знаков являются 休, 息, 林, 问 и т. п. Количество простых иероглифов невелико и составляет приблизительно 4–5 % общего числа иероглифов; большинство

иероглифов представляет собой сложные знаки, число которых составляет 95–96 % от всех иероглифов.

Нижний уровень графической системы китайского письма составляют черты. Черта есть минимальная единица графической структуры иероглифа, представляющая собой различные линии и точки, написанные без отрыва орудия письма (кисти, ручки и др.) от материала, на котором производится запись (бумаги, доски и др.). Иероглифические черты, сами по себе не являясь знаковыми единицами, служат строительным материалом для образования графической формы единиц более высокого уровня. Общее количество иероглифических черт более тридцати, среди которых выделяют основные черты и производные от них варианты. К примеру, Ли Дасуй выделяет восемь основных иероглифических черт: — (горизонтальная), | (вертикальная), J (откидная влево), \ (откидная вправо), \ (точка), 7 (ломаная), / (восходящая), | (крюк). От этих восьми основных черт образованы разнообразные варианты, например: среди крюков, кроме | (вертикального крюка), есть еще 7 (горизонтальный крюк), J (горбатый крюк), \ (косой крюк), L (лежащий крюк) и другие. Восемь простых черт в сочетании с их вариантами образуют комбинированные варианты. Всего 35 черт (основных и вариантов), которые образуют систему иероглифических черт [7, с. 106]. Авторы учебника «Курс иероглифики» выделяют шесть основных (—, |, J, \, \, /) и двадцать пять составных черт [4, с. 29–38], в «Начальном курсе китайского языка» Т. П. Задоевко и Хуан Шуин всего двадцать четыре черты: восемь основных (—, |, J, \, J, /, /, \, /), пять черт с крюком, шесть ломаных и пять ломаных с крюком. А. Ф. Кондрашевский в «Пособии по иероглифике» выделяет четыре типа черт: простые (горизонтальная, вертикальная, наклонная влево или вправо, разные иероглифические точки), черты с крюком, углы, сложные или ломаные черты). Несмотря на различные классификации иероглифических черт, фактом является их ограниченное число (от двадцати четырех до тридцати пяти).

Структурные связи между чертами обобщенно представляют тремя разновидностями: отделение: 三, 二, 小, 八, 川, 彳, 彳, 彳; соединение: 人, 工, 刀, 厂, 儿, 口; пересечение: 十, 又, 力, 九, 丈, 车, 乚, 卩.

Разные структурные связи между иероглифическими чертами выполняют функцию дифференциации иероглифической формы. Например, все четыре иероглифа 人, 入, 八, 乂 образованы двумя чертами — откидной влево и откидной вправо, однако вследствие различных композиций черт получаются разные иероглифы. Также в качестве примеров можно привести следующие группы иероглифов: 刀, 力; 工, 土, 干; 田, 由, 甲 и т. п.

Как уже отмечалось, абсолютное большинство современных иероглифов — составные знаки. В связи с этим возникает вопрос о разложении сложных иероглифов на компоненты и обратный вопрос об образовании из компонентов составных иероглифов. В 1980-е гг. вслед за развитием китайской грамматики появляется новая концепция — «метод компонентного анализа иероглифов» (部件分析法). Согласно этой концепции «графическая структура современного иероглифа трехступенчатая: иероглифическая черта (笔画), компонент (部件), цельный иероглиф (整字)» [8, с. 13]. Этот метод используется в компьютерной обработке иероглифической информации, а также в обучении китайской письменности.

Иероглифическими компонентами (部件) называют «структурные единицы иероглифов, состоящие из черт и выполняющие функцию компоновки иероглифов» [6, с. 417]. В другом определении компонентов, кроме вышеуказанных признаков, отмечается их способность к самостоятельному функционированию [6, с. 45]. В опубликованном в 1997 г. «Нормативном списке иероглифических компонентов» дается следующее определение компонента: «структурная единица иероглифа, состоящая из черт и выполняющая функцию построения иероглифов», а все компоненты поделены на четыре группы:

1) компоненты, которые могут самостоятельно функционировать как отдельный иероглиф, называются компоненты-иероглифы (成字部件). Например, компонент-иероглиф 可, который употребляется и как самостоятельный иероглиф, и как составной компонент в сложных иероглифах (например, 河, 荷, 哥).

2) компоненты, которые не могут быть самостоятельными иероглифами (非成字部件). Например, компонент 饣 в иероглифах 饭, 馆, 馒.

3) минимальные неделимые компоненты называются базовыми компонентами (基础部件). Например, 田 и 力 в иероглифе 男.

4) компоненты, состоящие из двух и более базовых компонентов, называются составными компонентами (合成部件). Например, 相 в иероглифах 湘, 想, 箱, 霜.

На наш взгляд, более точным будет членение компонентов по двум критериям:

1) по возможности/невозможности функционировать в качестве отдельного самостоятельного иероглифа: компоненты-самостоятельные иероглифы (成字部件) и компоненты, не являющиеся самостоятельными иероглифами (非成字部件);

2) по структурной характеристике: базовые (基础部件) и составные (合成部件).

Таким образом, сложный иероглиф 照 можно разложить следующим образом:

照 = 灬 + 昭昭 = 日 + 召召 = 刀 + 口

Базовыми компонентами в иероглифе 照 являются 灬, 日, 刀, 口. Необходимо заметить, что членение сложного иероглифа на компоненты не является одноактным процессом, а представляет собой ступенчатое разложение. Процесс обучения иероглифу представляет собой процесс, обратный процессу разложения иероглифа на компоненты.

В обучении иероглифике важным моментом является количественный аспект. В результате статистического исследования, проведенного в декабре 1997 г. Комитетом по стандартизации при Государственном Комитете по вопросам языка и письменности, установлено, что 20 902 иероглифа состоят из 560 базовых компонентов, которые были опубликованы в «Списке базовых иероглифических компонентов». Этот результат отражает одну основную особенность китайской иероглифики — несмотря на большое число иероглифов, количество их структурных компонентов невелико. 1000 наиболее частотных иероглифов из «Списка частотности иероглифов» («汉字频率表») состоят всего из 290 «базовых компонентов» [1, с. 650].

Очень близки к компонентам (部件) по своей природе иероглифические элементы, которые в китайской лингвистической традиции именуются пяньпан (偏旁). Пяньпан определяют как структурную единицу сложного иероглифа, занимающую промежуточное положение между чертой и целостным иероглифом. В древности левую половину составного иероглифа называли пянь (偏), а правую — пан (旁), что вместе и составляет пяньпан (偏旁). В настоящее время так называют не только правую и левую составные части сложного иероглифа, но и верхнюю или нижнюю, и внутреннюю или внешнюю. Например, в иероглифе 想 два пяньпан: 相 и 心, в иероглифе 晴 — 日 и 青, а в иероглифе 闻 — 耳 и 门.

Изначально все пяньпан были простыми иероглифами, затем в роли пяньпан стали выступать и составные знаки. После того, как простые иероглифы вступали в состав сложных в качестве составного элемента, зачастую возникали изменения в их графической форме. Например, 人 превратился в 亻; 心 — в 忄; 水 — в 氵, 氷; 鸟 в иероглифе 岛 утратил горизонтальную черту; 高 в иероглифе 毫 также подвергся сокращению. Некоторые пяньпан хотя сегодня уже не являются самостоятельными иероглифами, однако в прошлом были самостоятельными знаками, например: 亠, 疒, 匚, 虍. Поэтому можно сказать, что все пяньпан представляют собой самостоятельные иероглифы и их варианты (измененные формы).

Система пяньпан довольно большая. В принципе, любой иероглиф может быть составной частью другого иероглифа. Согласно статистике, в современных употребительных иероглифах насчитывается 1400–1500 пяньпан.

В процессе изучения иероглифов необходимо осуществлять структурный анализ графической формы иероглифов. И здесь как раз нужно, чтобы каждый пяньпан имел имя для удобства называния. До настоящего времени в названиях пяньпан нет единства. Однако пяньпан, не являющиеся самостоятельными иероглифами, и варианты в ходе длительного применения почти все получили общепринятые названия, вошедшие в обиход, как например, пяньпан 彡 именуется «три точки воды». Пяньпан, способные выступать в качестве самостоятельных иероглифов, могут называться по местопо-

жению в иероглифе: в верхней части иероглифа называются «×字头», в нижней — «×字底», в левой части — «×字旁», в правой — «×字边», внешняя часть иероглифа называется «×字框», внутренняя — «×字心». Например, иероглиф 日 в составном иероглифе 晨 называется «日字头», в иероглифе 暮 — «日字底», в иероглифе 时 — «日字旁», в иероглифе 阳 — «日字边», в 间 — «日字心» [7, с. 107–113].

В отечественной учебной литературе сложилось следующее структурное деление иероглифических знаков: черта — графема — сложный знак. Промежуточную единицу письма между чертой и цельным иероглифом называют графемой. Графемами называют «минимальные графические построения, обладающие устойчивыми лексическими значениями» [3, с. 7], «значимые составные части иероглифа» [2, с. 26]. Минимальные значимые (двусторонние) единицы письма, состоящие из черт (сегмент), В. П. Молодых определяет как графоморфемы, а графемами называет «цельный иероглиф как обобщенный графический тип, выявляющий набор соответствующих лингвистически существенных признаков (цельнооформленность, устойчивость и пр.)» [5, с. 73]. Простые и сложные иероглифы именует моно- и полиграфами. Итак, если сопоставить отечественную и китайскую грамматологическую терминологию, то можно заметить, что разнятся определения и классификации, в то время как единым является понимание строения китайского письма как трехуровневой системы. Можно сказать, что отечественные «графемы» сопоставимы с китайскими «базовыми компонентами».

Цельный иероглиф — это высший уровень структурных единиц графической системы китайского письма. Особенностью графической формы цельного иероглифа является форма квадрата. Независимо от того, сколько черт и компонентов в иероглифе, форма иероглифа строго ограничена рамками невидимой клетки. Здесь нет никаких исключений, это в равной степени касается и иероглифа 人, состоящего из двух черт, и иероглифа 龔, имеющего в своем составе тридцать шесть черт [7, с. 101–105].

Цельные иероглифы бывают двух видов: простые и сложные. Простые иероглифы — это иероглифы, образованные одним компонентом-иероглифом; сложные (составные) — иероглифы, состоящие как минимум из двух компонентов. Вследствие длительного процесса эволюции иероглифических знаков деление современных иероглифов на простые и сложные знаки не всегда соответствует древним знакам. Большинство современных однокомпонентных иероглифов своими истоками имеют древние пиктограммы и указательные иероглифы, как например: пиктограммы 日, 月, 水, 火, 山 и указательные знаки 上, 下, 本, 末. Небольшое число простых иероглифов происходит от древних идеограмм и фоноидеограмм: 戊, 秉 (идеограммы), 更 (фонограмма). Кроме того, некоторые иероглифы в традиционном написании представляют собой сложные знаки, а их упрощенные варианты — простые: 農 — 农, 韋 — 韦, 書 — 书.

Согласно статистическому исследованию 7 785 иероглифов по словарю «Ханьцзы синьси цзидянь», по своему компонентному составу иероглифы распределены следующим образом:

Количество компонентов в знаке	1	2	3	4	5	свыше 6
Процентное соотношение	4 %	34 %	40 %	16 %	4 %	2 %

Как видно из вышеприведенных данных, иероглифы, образованные 2–4 компонентами, составляют 90 % всех 7 785 иероглифов словаря [6, с. 417].

Отношения между компонентами сложного знака намного сложнее, чем отношения между чертами в составе простого иероглифа: существуют не только разнообразные внешние структурные связи, но и вдобавок скрытые за ними внутренние структурные связи. Так называемые внешние связи есть исключительно формальные (графические) связи, образующиеся при сочетании компонентов. Внутренние связи — это связи между пнянпан в области выражения значения и звучания иероглифа.

По внешним структурным связям между компонентами все составные знаки можно обобщенно представить в виде 4 типов:

1. Структура «слева/справа»: . В некоторых знаках левая часть побольше, как в иероглифах 副, 引, 影, 都; в некоторых больше правая часть, как в иероглифах 海, 语, 体, 愉; в других левая и правая стороны равны: 朋, 如, 林, 放.

2. Структура «верх/низ»: . Иногда верхняя часть больше: 热, 意, 盘, 臂; иногда — нижняя: 军, 室, 草, 笔; они также могут быть равны: 男, 要, 志, 尘. Кроме того, к этому типу также можно отнести знаки, имеющие форму иероглифа 品: 品, 森, 淼, 晶, 磊.

3. Структура «окружение». Иероглифы данного структурного типа можно представить тремя видами:

а) Окружение со всех сторон. : 国, 园, 因, 图.

б) Окружение с трех сторон. : 问, 闹, 风, 冈. : 医, 匠, 匪, 匡. : 凶, 函, 画.

в) Окружение с двух сторон. : 句, 旬, 匈, 岛. : 庆, 居, 厦, 病. : 这, 建, 旭, 赶.

4. Структура «вклинивание». Данный структурный тип иероглифов также имеет три разновидности:

а) верхняя и нижняя части одного из компонентов отделяются и между ними помещается другой. : 衷, 哀, 裹, 器;

б) левая и правая части отделяются и между ними помещается другой. : 街, 辨, 班, 弼;

в) вклинивание в рамочные конструкции. Иероглифы такого структурного типа сложно изобразить схематично. В качестве примеров можно привести следующие знаки: 爽, 噩, 幽, 坐.

Абсолютное большинство компонентов играют не только формообразовательную функцию, но и смыслоуказательную или звукоуказательную. Другими словами, какой-либо компонент в составе сложного знака, кроме построения графической формы иероглифа, выражает либо значение, либо звучание или и значение, и звучание одновременно. Например, компонент 子 в иероглифах 孩, 孤, 孙, 孕, 学, 仔, 孜, 仔, 字, 籽 помимо структурной функции также несет семантическую нагрузку в иероглифах 孩, 孤, 孙, 孕, 学, в иероглифах 仔 (zǐ), 孜 передает звучание, а в иероглифах 仔 (zǎi), 籽 выполняет и смыслоуказательную, и звукоуказательную функции. Поэтому в большинстве составных иероглифов между компонентами существуют взаимные связи внутреннего характера. В зависимости от функции компонентов в составе сложного знака их можно поделить на четыре разряда: идеографические, фонографические, идеофонографические и просто графические.

Исключительно графические компоненты не выполняют ни смыслоуказательной, ни звукоуказательной функций. В сочетаниях с другими компонентами в сложном знаке имеют только внешние структурные связи. Такого рода просто графических (структуроформирующих) компонентов — единицы. Например, 又 в составных знаках 汉, 难, 叹, 劝, 权, 鸡, 对, 戏, 邓, 凤; или 乂 в иероглифах 赵, 冈 и т. д.

Остальные три вида компонентов во взаимосочетаниях обладают и внешними, и внутренними структурными связями. Внутренние структурные связи между ними бывают трех типов, которые можно представить следующими формулами:

1) идеографический компонент + идеографический компонент → идеограмма (会意字). Количество компонентов может достигать трех–четырех. Например: 明, 休, 从, 众, 尘, 尖, 林, 森, 寇 и т. п.;

2) идеографический компонент + идеофонографический компонент → видоизмененный знак (转注字). Например: 娶, 婚, 授, 溢, 洲, 蛇, 燃, 薪, 裘 и т. д.;

3) идеографический компонент + фонографический компонент → фоноидеограмма (形声字). Например: 江, 河, 湖, 海, 铜, 铝, 氧, 硅, 远, 近 и т. д.

Внутренние структурные связи между пиньпан имеют весьма важное значение, они являются главными факторами в формировании семантической и фонетической систем китайского письма.

Литература

1. 安雄 安ь Сюн. 构建对外»理性汉字教学方法»的基础研究 Построение основ «рационального метода обучения китайской иероглифике» иностранных студентов. 第七届国际汉语教学讨论会论文选: сб. ст. 7-й Междунар. конф. по вопросам обучения китайскому языку. 北京 Пекин, 2004. С. 644–650.
2. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. М.: Муравей, 2002. Ч. 1.
3. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике: в 2 ч. М.: Муравей, 2000.
4. 汉字教程 Курс иероглифики / 张静贤主编 под ред. Чжан Цзинсянь 北京: 北京语言大学出版社. Пекин: Изд-во Пекин. лингвист. ун-та, 2004.
5. Молодых В. П. Опыт типологического изучения современного китайского письма: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
6. 对外汉语教学概论 Очерк по преподаванию китайского языка как иностранного / 赵金铭主编 под ред. Чжао Цзиньмин. 北京 Пекин, 2004.
7. 简明实用汉字学(修订本) Практическая китайская грамматология / 李大遂著 сост. Ли Дасуй. 2版 2-е изд-е, испр. и доп. 北京: 北京大学出版社 Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2003. 315 с.
8. 苏培成 Су Пэйчэн. 一门新学科: 现代汉字学 Новая научная отрасль: современная китайская графология. 北京 Пекин, 2000.

УДК 811.512'373:811.58

КИТАИЗМЫ В БОЛЬШОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МОНГОЛЬСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ© *Хайдапова Марина Бато-Очировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: khaimarina@yandex.ru

© *Цыренов Бабасан Доржиевич*

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языкознания
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Монгольский язык, как и любой другой, не лишен заимствований из иных языков, в том числе из китайского языка. Заимствования из китайского языка обусловлены соседством Монголии и Китая, многовековыми военными, политическими и экономическими связями. Поскольку в монгольском языке нет исконных слов, начинающихся на букву «В», кроме звуко- и кинематоизобразительных, легче всего отследить заимствования среди слов на эту букву. В Большом монгольско-русском словаре на букву «В» из 122 словарных статей 45 являются китайскими заимствованиями, что составляет около 37 процентов. Процесс заимствования лексики, за редким исключением, обусловлен заимствованием самих предметов, обозначаемых данной лексикой. Так, в монгольский язык проникло слово **ваар(ан)** 'черепица, изразец; глиняный горшок, ваза'. Язык-реципиент принимает в свой лексикон имена существительные и создает новые слова по существующим в этом языке словообразовательным моделям, являющиеся уже другими частями речи: глаголом, прилагательным и т. д.

Ключевые слова: китаизмы, монгольский язык, китайский язык, словарь, лексический состав языка, заимствование, словообразование.

SINOLOGISMS IN THE BIG ACADEMIC MONGOLIAN-RUSSIAN DICTIONARY*Marina B.-O. Khaydapova*

PhD, Associate professor at the Department of Philology of Far East countries,
Oriental Studies Institute, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Babasan D. Tsyrenov

PhD (philology), senior scientist of Department of Linguistics, The Institute of Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The Mongolian language, like any other, is not devoid of borrowing from other languages. Among the languages from which borrowed words entered the Mongolian language is also the Chinese language. Borrowing from the Chinese language are caused by the proximity of Mongolia and China, centuries of military, political and economic relations. Because there are no native Mongolian words beginning on the letter «B», except sound-graphic and kinematic-graphic, it is easy to trace the borrowing among the words on this letter. 45 of 122 dictionary entries on the letter «B» in Big Mongolian-Russian dictionary are Chinese borrowings that are about 37 percent. The process of borrowing of vocabulary, with rare exception, is caused by the borrowing of the objects denoted by these words. For example, the word **vaar(an)** 'tile; clay pot, vase' entered the Mongolian language in such a way. The recipient language takes into its lexicon nouns and creates new words according to the existing in this language word-formation models. These new words are already other parts of speech: verbs, adjectives, etc.

Keywords: sinologism, Mongolian, Chinese, dictionary, lexical composition of language, borrowing, word formation.

Монгольский язык изобилует китайскими заимствованиями, которые обусловлены не только близким соседством Китая и Монголии, но и многовековой историей их взаимодействия, взаимного военного, политического и экономического влияния. Китаизмам в монгольских языках посвящен ряд крупных современных научных трудов (Н. Туяацэцэг, 2003; Дамдинова, 2006; Мөнхсайхан, 2013 и др.), но справедливости ради следует сказать, что репрезентации китайских заимствований в мон-

гольских словарях не было уделено внимания. Как отмечает Б.-Х. В. Дамдинова, «Большинство китайских заимствований относится к именам существительным. Это названия конкретных и отвлеченных предметов...» [1, с. 16].

В Большом академическом монгольско-русском словаре (БАМРС) зафиксировано более тысячи китаизмов в словарных статьях на разные буквы, например, на букву «А» зафиксирован лишь один китаизм: **АНБАН**: ‘кухонная доска; доска для резки (хлеба, овощей и т. п.)’ [БАМРС, I, с. 108]; кит. 案板 *ànbǎn* ‘кухонная доска (для резки овощей, мяса, приготовления мучных изделий)’². Данное слово также заимствовано в форме **ГАМБАН**. На букву «Б» также заимствовано лишь одно слово **БАЙ-ЦАЙ** ‘капуста’ [3, с. 220]; кит. 白菜 *báicài* ‘капуста китайская (*Brassica chinensis* L.)’.

В данной работе мы рассмотрим заимствования в словарных статьях на букву «В» [3, с. 320–323], это обусловлено в том числе и тем, что в монгольском языке на букву «В» нет собственно монгольских слов, кроме звуко- и кинематоизобразительных слов. Практически все слова, представленные в БАМРС, являются заимствованиями из русского и других европейских языков (пришедших в монгольский язык через русский язык), санскрита, тюркских, тибетского и китайского языков. Из 122 заголовочных слов 45 представлены китаизмами: ВАА, ВААЛ, ВААДАН (Г), ВААДУУ, ВААРАН и т. д., т. е. около 37 % словарных статей.

Наличие тех или иных слов в общем переводном словаре не дает представления об употребительности данных слов в языке. В связи с этим мы рассмотрим их употребление в произведениях художественной литературы, воспользовавшись электронным корпусом монгольского языка (ЭКМЯ – <http://web-corpora.net/MongolianCorpus/>).

Некоторые китаизмы вступают в омонимичные отношения не только с исконно монгольскими словами или другими заимствованиями, но и между собой, например, **ВАА I** ‘белая плесень’; кит. 白霉 *báiméi* ‘обычная (белая, головчатая) плесень’; **ВАА II** ‘взыскание убытков, штраф, пеня’; кит. 罚 *fá* ‘штрафовать, налагать взыскание, наказывать; штраф, наказание, проступок’; и **ВАА III** ‘междометие, выражающее удивление, восклицание при негодовании, возмущении, скорби и отчаянии’; кит. 罢 *bà* ‘устар. хватит!, ну!, ах! (междометие досады, возмущения, часто в повторе)’. «Китайские заимствования весьма продуктивны. Включаясь в словообразовательную систему монгольских языков, они служат производящими основами. С точки зрения способа образования слов, прежде всего, выделяется суффиксальный: образование именных и глагольных основ с помощью различных суффиксов монгольских языков» [2, с. 125]. Они принимают те или иные словообразовательные суффиксы, дополнительно обогащая монгольский язык, например, **ВАА I** и **ВАА II**: **ВАА I** → **ваалах I** ‘плеснесть, плесневеть, покрываться плесенью’, **ваалуулах** (страд. *отваалах*), **ваалчихах** ‘однокр. плесневеть’, **ваатай** ‘заплесневелый; плесневой; плесенный’, **ваатах** ‘плесневеть, заплесневеть’, **ваатахуй** ‘заплесневелость, плесень’, **вааталуулах** (страд. *отваатах*) (8 дериватов). **ВААР(АН) I** ‘1) черепица, изразец, кафель; керамика; 2) ваза; глиняный горшок, гончарные, глиняные изделия; кит. 瓦 *wǎ* ‘черепица, изразец, черепичный; глиняные (гончарные) изделия, керамика, фаянс, керамический, фаянсовый’. От этого слова образовано семь новых слов: **ваарлазнах** ‘крыть черепицей временно’, **ВААР-ЛАХ** ‘1) покрывать черепицей; 2) гончарничать; гончарить’ [3, с. 321], **ВААРЧ(ИН)** ‘1) кафельщик, горшечник, изразечник, гончар; мастер по изготовлению глиняной посуды; 2) кровельщик, каменщик, укладывающий черепицу на кровле; 3) черепичный мастер’ [3, с. 321], **ВААРЧНЫ** ‘гончарный’, **ВААРЫН** ‘черепичный, горшечный, кафельный, изразцовый; керамический; гончарный’ [3, с. 321].

В монгольской художественной литературе слово **ваар(ан)** и его производные употребляются довольно часто: *Ногоон паалант вааран дээвэрт дуган руу ороход ариунаас ариун сайхан үнэр ханхалж, алтан луу ороосон час улаан будагтай хоёр их багана хамгийн түрүүн нүднээ тусна*³ ‘Когда заходишь в дуган с зеленой глазурованной черепичной крышей, доносится прекраснейший аромат, а взгляд первым делом упирается в два ярко-красных столба, увитых драконами’. Или: *Ваар саванд галаа аваад явж байна* ‘Отправился, взяв свой огонь в керамическую посуду’; *...вааран саванд авч явдаг галаа алдаад дахиж гал олж чадахгүй...* ‘... потеряв глиняный сосуд, в котором носил огонь, не сможет снова найти огонь...’; *Галаа манадаг ваар савы нь буцах замдаа усанд хая* ‘*Ваартай*

² Здесь и далее все примеры из китайского языка взяты из БКРС — Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info>

³ Все примеры на монгольском языке взяты из электронного корпуса монгольского языка (ЭКМЯ). URL://http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru

цэцгийн хажууд ‘У цветка в горшке’; ...сав **ваарын** зүйлд хийдэг хээ угалз нь... ‘...узоры, которыми расписывали посуду, горшки...’; *Хятад маягийн хөх шавар вааран оройтой сүрхий дорвилог асарт хаалга байлаа* ‘Это были мощные ворота с черепичной крышей из синей глины в китайском стиле’. В этих предложениях слово **вааран** употреблено в атрибутивной функции: черепичный (в первом и третьем) и глиняный (во втором). Монголы в прошлом не строили крупных деревянных или каменных зданий, требовавших крыши из таких материалов, как тес, жость, черепица и т. п., а жили, как известно, в войлочных юртах с крышей из войлока. Также у них не было и керамических или глиняных емкостей. При появлении в более поздний период подобных зданий, а также посуды из керамики или глины они вместе с этими предметами (в широком понимании данного термина) заимствовали из китайского языка и слова, их обозначающие.

Скамейка в монгольском языке имеет название сандал (ср. в бурятском языке: *һандали*), но в то же время монголы заимствовали слово **вандан**; кит. 板凳 *bǎndèng* ‘скамья, скамейка, лавка’. Проникнув в монгольский язык, это слово приобрело еще и другое значение — **нары**, кроме того, в сочетании со словами гурилын ‘мучной, тестовой’, махны ‘мясной’ — значение «стол»: **ВАНДАН** I хя⁴. 1) скамейка; лавка; стеллаж; доска; **гурилын вандан** — кухонный стол для теста; **махны вандан** — кухонный стол для мяса; **цэцэрлэгийн вандан** — садовая скамейка; **вандан ор** — кушетка; **вандан сандал** — скамейка; 2) нары [3, с. 322]. Как мы видим из приведенной выше словарной статьи из БАМРС, заимствованное **вандан** употребляется в паре с исконно монгольским словом **санда** ‘скамейка’. В сочетании же со словом **ор** ‘кровать’ обозначают кушетку.

Рассмотрим употребление слова **вандан** в художественной литературе: *Сүхээ түүнийг хатуу модон вандан дээр суулгав* ‘Сүхэ посадил его на жесткую деревянную скамейку’. — *Та тэнд суу гэж байцаагч, эелдгээр инээмсэглэн өөрийнхөө ширээнээс гурван алхмын зайтай тавьсан бяцхан вандан сандал руу гар сунган заав* — Присаживайтесь туда, — сказал инспектор, дружелюбно улыбаясь и указывая на маленькую скамейку, стоявшую в трех шагах от его стола’...*өвгөнийг хөтлөн вандан сандал дээр суулгав* ‘... взяв под руки старика, усадили (его) на скамейку’; **вандан сандал дээр** букв. ‘на скамейку-скамейку’.

Земледелие также не было распространено среди монголов, если не учитывать посе́вы проса. Значительная часть полеводческой, растениеводческой терминологии заимствована из китайского и русского языков. Например, среди слов на букву «В» встречается слово **вандуй** ‘горох’; кит. 豌豆 *wāndòu* ‘горох, гороховый’: ...*овъёос вандуй хоёроор тэжээгдэн аарцаг дүүрэн таргалсан тас хар нүдтэй хун цагаан морин дээр үсрэн гарч, хань нөхдөө дагуулан давхин одов* ‘...запрыгнув на белоснежного с черными глазами коня, который разжирел на овсе и горохе, ускакал, увлекая друзей’. Слово вандуй употребляется и в качестве имени собственного, например: ...*лам тэрлэгтэй мулзан толгойтой Вандуй бусдаас урьдах гэсэн юм ишг* ‘...лысый Вандуй в ламском тэрлике, словно старался всех обойти...’.

Лексические заимствования из китайского языка в монгольский язык в значительной степени обогатили словарный состав последнего. Специфика монгольского словообразования состоит в том, что в нем нет префиксального словообразования. Существующее суффиксальное словообразование (наряду с лексико-синтаксическим, лексико-фонетическим, лексико-семантическим) позволяет образовывать новые слова путем присоединения различных суффиксов как к словам исконного лексикона, так и к заимствованным словам, изменяя их финали в самой незначительной мере, например: **ваар** → **ваарч(ин)** ‘1) кафельщик, горшечник, изразечник, гончар; мастер по изготовлению глиняной посуды; 2) кровельщик, каменщик, укладывающий черепицу на кровле; 3) черепичный мастер’, где **-ч(ин)** — суффикс, обозначающий деятеля, или «суффикс профессии», ср. **зохиол** ‘сочинение; произведение’ → **зохиолч(ин)** ‘писатель, автор, составитель’; **хөгжим** ‘музыка’ → **хөгжимч** ‘музыкант’. Таким образом, современный монгольский язык в период становления воспринял в свою лексическую систему довольно много иноязычных слов, среди которых китаизмы занимают не последнее место, а их количество благодаря широкой деривации многократно увеличивается.

Литература

1. Дамдинова Б.-Х. В. Китайские заимствования в монгольских языках : на материале современного монгольского и бурятского литературного языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. Улан-Удэ, 2007а. 20 с.
2. Дамдинова Б.-Х. В. Китайские заимствования в монгольских языках: на материале современного монгольского и бурятского литературного языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Улан-Удэ, 2007б. 165 с.

⁴ хя — лексикографическая помета: китайский.

3. БАМРС I — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I. А-Г. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.
4. ЭКМЯ — Электронный корпус монгольского языка [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru
5. БКРС — Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info>

УДК 81'342.4

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГЛАСНЫХ ПЕРЕДНЕГО РЯДА В СВЯЗНОЙ РЕЧИ**© *Хубракова Индра Владимировна*

ассистент кафедры иностранных языков естественно-научного направления
Бурятского государственного университета
Россия, 670010, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: indrakh@rambler.ru

Цель статьи ознакомить с количественными характеристиками гласных переднего ряда /ɪ/, /i:/, /e/, /e:/, /ɛ:/ в связной речи. Объектом анализа выступает репродуцированная бурятская речь в режиме неподготовленного чтения фонетически представительного текста на материале современного бурятского языка, записанного в исполнении 8 дикторов, носителей современного бурятского языка. Экспериментально-фонетическое исследование было подвергнуто слуховому и инструментальному анализу, который проводился при помощи программы Praat [1].

Ключевые слова: слуховой анализ, гласные переднего ряда, связная речь, современный бурятский язык, фонетически представительный текст, неподготовленное чтение, программа Praat.

**PHONETIC PROCESSES: QUANTITATIVE CHARACTERISTICS
OF THE FRONT ROW VOWELS IN THE COHERENT SPEECH***Indra V. Khubrakova*

the assistant of the chair of foreign languages of the natural-science direction
of the Buryat state university,
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The purpose of this article to acquaint with quantitative characteristics of vowels of a front row /ɪ/, /i:/, /e/, /e:/, /ɛ:/ in the coherent speech. Object of the analysis is the reproduced Buryat speech in the mode of unprepared reading of phonetically representative text on the material of the modern Buryat language which is performed by 8 announcers— speakers of the modern Buryat the language. Experimentally-phonetic research was subjected to auditory and instrumental analysis, which was conducted with the help of the program Praat [1].

Keywords: acoustic analysis, front row vowels, coherent speech, the modern Buryat language, phonetic representative text, unprepared reading, program Praat.

Введение

«Одним из основных свойств звуков речи является длительность или протяженность во времени» [2, с. 124]. Цель данной статьи — описание количественных характеристик гласных переднего ряда /ɪ/, /i:/, /e/, /e:/, /ɛ:/, реализованных в связной речи. Изучение основывается на фонологических принципах школы академика Л. В. Щербы. Современные экспериментально-фонетические исследования в мире характеризуются широким применением информационных речевых технологий для осуществления инструментального и аудиторского анализа звуковой формы языка с целью ее сохранения, изучения и дальнейшего развития.

Исследование звуковой формы современного бурятского языка основывается на трудах Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой, М. В. Гординой, В. Б. Касевича. Интерес лингвистов не раз был направлен на исследование фонетики бурятского языка, как в рамках монгольского языка, так и отдельно, и в литературе накоплен богатый материал по описанию фонетического аспекта языка (Владимирцов, 1929; Бураев, 1959, 1983; Золхоев, 1980; Будаев, 1981, 1998; Рассадин, 1982).

Актуальность заключается в том, что изучение проводится в русле современных тенденций по исследованию характеристик звуковых единиц в условиях связной речи с низкой степенью спонтанности. Анализ проводился в рамках диссертации по теме «Фонетические процессы связной речи».

Система звуков бурятского языка

В фонологической системе бурятского языка, по данным Л. Д. Раднаевой, 8 гласных: 15 монофтонгов и 3 дифтонга [2, с. 122]. Гласные переднего ряда образуются когда, язык находится в передней части полости рта, корень его выдвинут вперед, а кончик лежит у нижних зубов; средняя часть

спинки языка обращена вверх и в той или иной мере приподнята к твердому небу. При этом тело языка может быть в большей или меньшей степени сжато в горизонтальном направлении [4].

Материал

Фонетически представительный текст (ФПТ) разработан Л. Д. Раднаевой на основе литературной нормы современного бурятского языка [4, с. 118], учитывающая типичные фонетические явления языка. Слова для ФПТ подбирались из бурятско-русского словаря объемом 44 000 слов [5]. При этом были выбраны слова с частотными слогами, необходимые для обеспечения фонетической представительности материала. Среднее количество фонем в слове, по данным экспериментальной выборки, составляет 5,4, средняя длина слога в фонемах — 2,2, среднее количество слогов в слове — 2,4. Показатели шести-, семи- и восьмисложных слов, по данным экспериментальной выборки, ниже уровня одного процента не были включены в ФПТ. В тексте 402 орфографических слова представлены в виде монолога и диалога (всего содержит 50 предложений). Наиболее частотными ритмическими структурами являются двусложные слова, на втором месте — трехсложные, на третьем — односложные структуры [3, с. 119]. Среднее количество слов в предложении составляет 8,4 слова. Всего в тексте 984 слога. Из 2 002 фонем в тексте 992 гласных представляют 18 гласных фонем системы бурятского языка. Долгие гласные всегда менее частотны, т. е. показатели их распределения в системе значительно ниже, чем у кратких гласных. Дифтонги относятся к самой малочисленной и наименее устойчивой группе гласных фонем. По данным общей статистики, дифтонг /ui/, например, имеет самый низкий показатель частотности, поэтому этот дифтонг относится к самым редким гласным в системе [3, с. 120].

Методика

Запись текста произведена в условиях изолированной комнаты на диктофоне Sony. Способом реализации звукового материала является чтение текста. Дикторы не были предварительно ознакомлены с материалом. Полученные записи были оцифрованы и введены в компьютер. Записи текста хранятся в звуковых файлах в виде полного текста. Сводные протоколы явились исходным материалом для проведения дальнейшего статистического анализа. Для акустического анализа использовалась программа Praat (рис. 4), которая предназначена для анализа и обработки устной речи человека. С ее помощью можно выделять отдельные параметры голоса и использовать их в синтезе. В его основные возможности входит анализ речи, синтез речи, маркировка и сегментация, обработка речи фильтрами, встроенный язык программирования, создание графиков и другое.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1) предварительная подготовка эксперимента:

- подбор информантов (сбалансированные группы информантов мужчины и женщины, различающиеся профессиональным или непрофессиональным отношением к речи);
- определение типа темперамента дикторов по тесту Айзенка;
- составление анкеты;
- запись чтения дикторов на цифровой диктофон Sony;
- внесение данных в компьютер;

2) анализ записанного материала:

- проведение слухового и акустического анализа звучащего текста;
- тестирование и отбор звуковых файлов для исследования;
- сегментирование исходного материала на предложения и слова;
- сегментирование текста на слоги;
- анализ количественной протяженности гласных переднего ряда в потоке речи.

Объем экспериментального материала составляет 198 звуковых файлов. Длительность чтения текста с паузами в исполнении 8 дикторов составила 1977,69 мс (33 мин). Способом реализации звукового материала является чтение текста.

Результаты

Наиболее частотными структурами в фонетически представительном тексте являются двусложные слова — 182 слова, на втором месте — трехсложные (130), на третьем — четырехсложные слова (45), на четвертом — односложные структуры. Всего в фонетически представительном тексте представлены пять структур: от односложных слов до пятисложных слов (рис. 1).

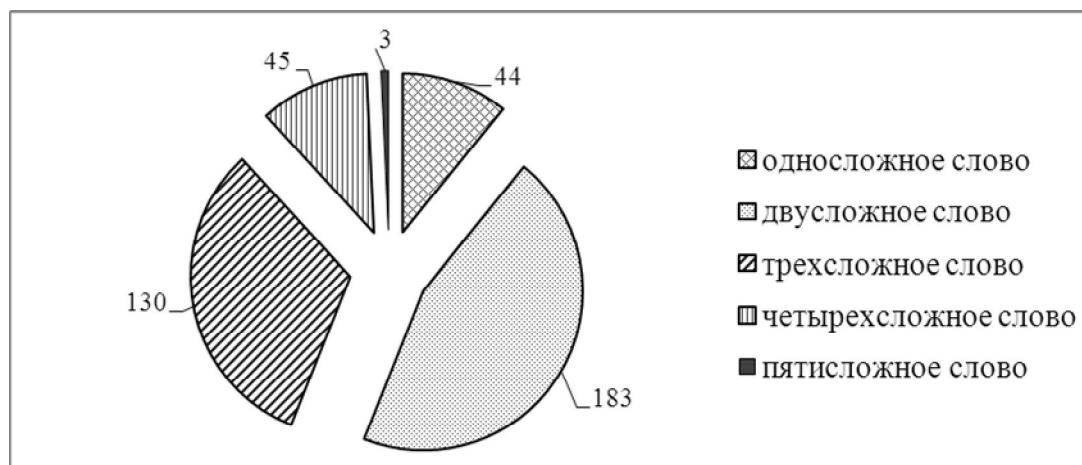

Рис. 1. Частотное распределение структур слов в тексте

Известно, что акустические характеристики краткого и долгого гласных /ɪ/, /i:/, и /e/, /e:/, совпадают в бурятском языке, соответственно качественные характеристики этих гласных не влияют на их длительность.

Количественные характеристики гласных переднего ряда /ɪ/, /i:/, /e/, /e:/, /ɛ:/. Частотное распределение гласных переднего ряда /ɪ/, /i:/, и /e/, /e:/, не совпадает. На рис 2. показано распределение частоты встречаемости гласных.

Гласные /e/, /e:/ встречаются в пять раз чаще, чем фонема /ɛ:/. Гласные /ɪ/, /i:/, менее частотны. Гласные /ɪ/, /i:/, верхнего подъема переднего ряда в абсолютном начале встречаются в словах *имэ, иишэишье, иигэжэ*, также они встречаются в первом слоге после согласных, например, в односложных словах: *би, ии*; в двусложных словах: *бидэ, минии, тиимэһэ*. В трехсложных и четырехсложных словах в начале слова гласные /ɪ/, /i:/, не встречаются. Рассмотрим данные подробно.

Гласные /ɪ/, /i:/ высокого подъема переднего ряда. Гласный /ɪ/ встречается в последнем слоге слов, например: *һалхин, урин, танил, шэнги, адли, минии, хонин, харин, хаанабии, багшымни, тарабабди, ердэгбди*. В позиции середины слова гласные фонемы /ɪ/, /i:/ встречаются в словах: *үхибүүд, амитад, аалиханаар, һургуулидаа, түрэлхиднай, хүхилдөөшье, һонирхожо, танижархибаб*. Гласный /i:/ в абсолютном начале слова в анализируемом материале зарегистрирован в трех случаях. Чаще всего гласные /ɪ/, /i:/ встречаются в позиции конца слова. Всего 13 слов. На втором месте — позиция середины слова (9 слов). Наименее частотной оказалась позиция начала слова (8 слов).

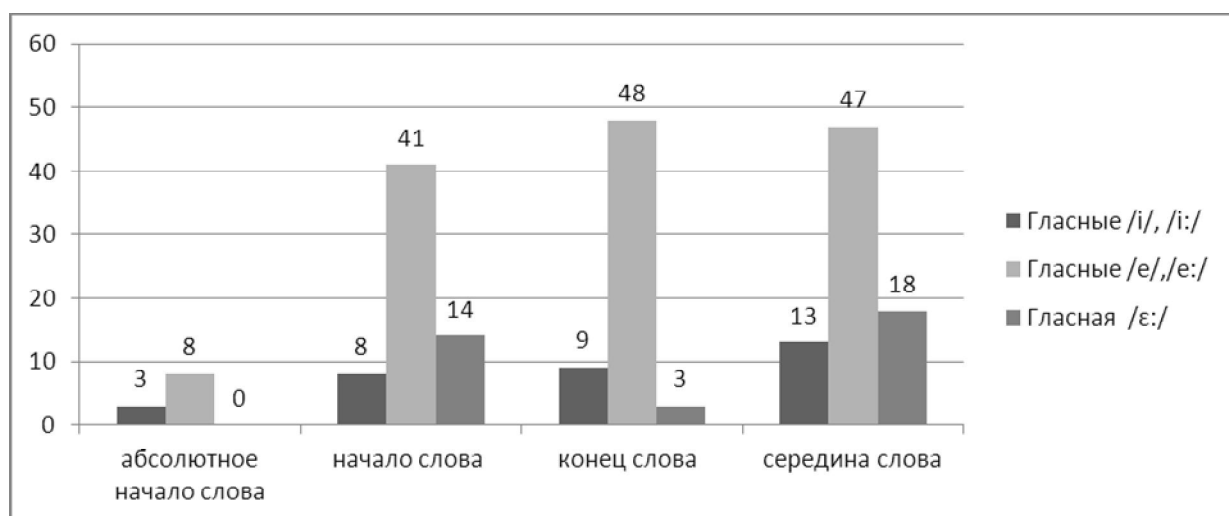

Рис. 2. Коэффициент реализации гласных в тексте

Гласные /e/, /e:/ среднего подъема переднего ряда. В позиции абсолютного начала слова гласные встречаются в следующих словах: *эртын, эжсынгээ, эжыемнай, эндэ, энэ, энээхэн, эрьелдэнэ, эль-гэлээшье*. Всего 8 слов. Примеры встречаемости гласных в односложных словах: *гээд, шэл, жэл, һэн*; в двусложных словах: *сэлмэг, нэгэн, дээрэ, шэнги, гэнтэ, гэжэ, хэды, гэхэ, мэтэ, нэрээр, тэмээн, жэлэй, хэлээд, тээшэ, бэишэ, хэлэ, гэрэл, тэрэнэ, гэдэг*; в трехсложных словах: *һэбишээлнэ, тэнгэри, хэрэгтэй, нэгэтэй, сэдхэлдэ, Сэндэмэ, нэрэгүй, нэрэтэй, гэшиэбиши, хэнэйбиши, нэрлэбэ, хэлэнэй, нэгэтэ, хэлэбэ, гэхэдэ, тэрэнэй, нэрэдэ, хэнһээшье, нээрээшье*; в четырехсложных словах: *жэлнүүдые, хэлэнэгүйб, дэбһэхэээ*; в пятисложном слове: *тэмдэглэһэнээ*. Гласные переднего ряда /e/, /e:/ встречается чаще всего в конечной позиции, например: *сэлмэг, хүхэ, хубхэн, үүлээр, бидэ, бүхэн, үдэр, ехэ, нэгэн, дүтэ, дээрэ, гэнтэ, гэхэ, мэтэ, энэ, хэбэ, эндэ, үхэр, бишэн, тэмээн, нэрэ, гэжэ, үндэр, хэлээд, бэишэ, хэлэ, гэрэл, дээшээ, һэбишээлнэ, эжсынгээ, түрэнэн, хөөрэнэ, сэдхэлдэ, Сэндэмэ, энээхэн, нэрлэбэ, зүбишөөбэ, нэгэтэ, хөөрэнэн, нэрэдэ, эрьелдээд, дэбхэржэ, тиимэхээ, хүрэбэб, бүхэндэ, хүрэхэ, тэмдэглэһэнэ*. В позиции середины слова гласные /e/, /e:/ встретились в словах: *һэбишээлнэ, тэнгэри, үүлэнэй, хэрэгтэй, хүдэлхөө, нэгэтэй, түрэнэн, хөөрэнэ, сэдхэлдэ, үгэнүүд, Сэндэмэ, үнгэрөөб, нэрэтэй, гэшиэбиши, хэнэйбиши, энээхэн, нюдэтэй, нэрлэбэ, хэлэнэй, хөөрэлдөөд, хөөрэнэн, ерэбэ, нэрэдэ, нэгэтэ, гэхэдэ, тэрэнэй, хэнһээшье, үзэлэй, иишээшье, тиимэхээ, дэбхэржэ, ехэниинэ, хүрэбэб, иигэжэ, бүхэндэ, хүрэхэ, үсэгэлдэр, хүсэтээшьеб, түрэлхиднай, эрьелдэнэ, эль-гэлээшье, үлэишэбэ, нюдэнэйнгөө, хэлэнэгүйб, хүрэхэдэнэ, дэбһэхэээ, ерэдэгбди, тэмдэглэһэнээ, хөөрэлдэхыень*. В анализируемом материале гласные /e/, /e:/ в абсолютном начале слова встретилась 8 раз; в начале слова после согласных зарегистрирован 41 случай употребления; в позиции середины слова — 48 случаев, в абсолютном конце слова 47 примеров.

Гласный /ε:/ нижнего подъема переднего ряда. Гласный /ε:/ в анализируемом тексте не зарегистрирован в позиции абсолютного начала слова. Гласный встречается в первом слоге после согласных, например, в двусложных словах: *байгаа, байба, байһан, хойно, байгааб, байха, байжа*; в трехсложных словах: *хойноһоо, гайхажэ, гайхангяр, байхадань, байтараа, хойноһоо, байтарынь*. В тексте гласный /ε:/ не встречается в начале слова в четырехсложных и в пятисложных словах. Чаще всего гласный /ε:/ встречается в позиции конца слова, например, в словах: *нюуртай, тухай, туулай, могой, нохой, гахай, хэмнай, толгой, хабарай, наранай, хасартай, шарайтай, газарай, дуратай, наранай, амитадай, басагадай, түрэлхиднай, эжыемнай*. Наряду с позицией абсолютного конца слова гласный зарегистрирован в позиции середины слова, например в словах: *манайда, шарайтай, сухалтай-гаар*.

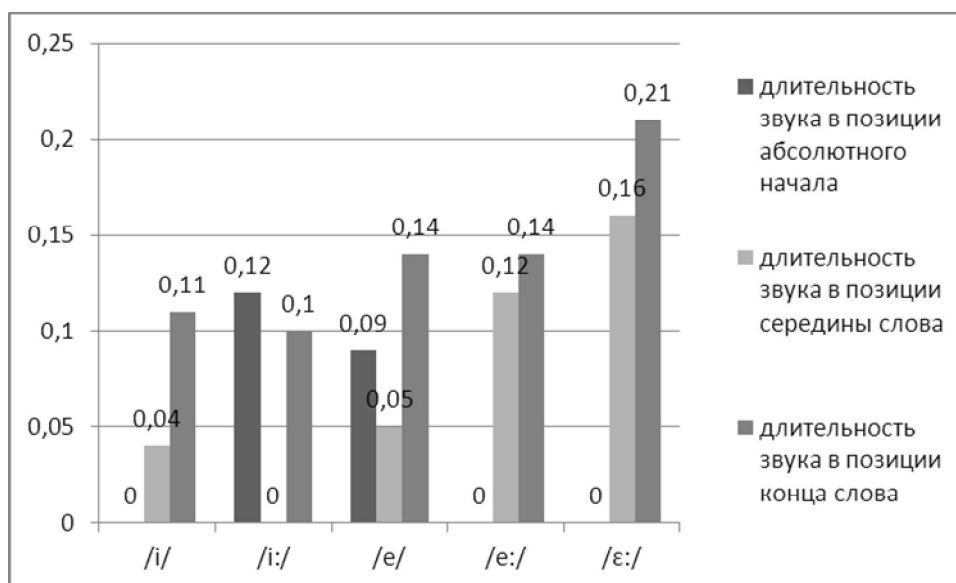

Рис. 3. Соотношение длительности кратких и долгих гласных

Фонологически существенным признаком для гласных бурятского языка является долгота-краткость. Средняя относительная длительность кратких гласных составляет 0,65, долгих — 1,08. Долгие гласные превышают краткие по длительности почти в два раза [2, с. 128]. В работе проведен анализ количественных характеристик гласных переднего ряда /i/, /i:/, и /e/, /e:/. На рис. 3 показаны усредненные данные соотношения длительности звучания гласных переднего ряда /i/, /i:/, /e/, /e:/, /ε:/ в условиях неподготовленного чтения в исполнении 8 дикторов. Гласные представлены в соответствии с их позицией в составе слова: абсолютное начало слова, середина и абсолютный конец слова. Анализ кратких и долгих гласных по длительности звучания показал одинаковое соотношение по парам гласных /i/ и /i:/, /e/ и /e:/ в позиции абсолютного конца. Например, соотношение длительности гласных /i/ и /i:/ составляет 0,10: 0,11. Соотношение длительности гласных /e/ и /e:/ составляет 0,14:0,14. Отсюда видно, что долгота обозначается большей длительностью в связной речи в условиях неподготовленного чтения. Длительность анализируемых гласных в позиции середины слова демонстрирует следующую картину: долгий гласный /i:/ в позиции середины слова не зарегистрирован. Относительная длительность краткого гласного /i/ составила 0,04 мс, долгого гласного /e:/ — 0,12 мс, краткого гласного /e/ — 0,05 мс, долгого гласного /ε:/ — 0,16 мс.

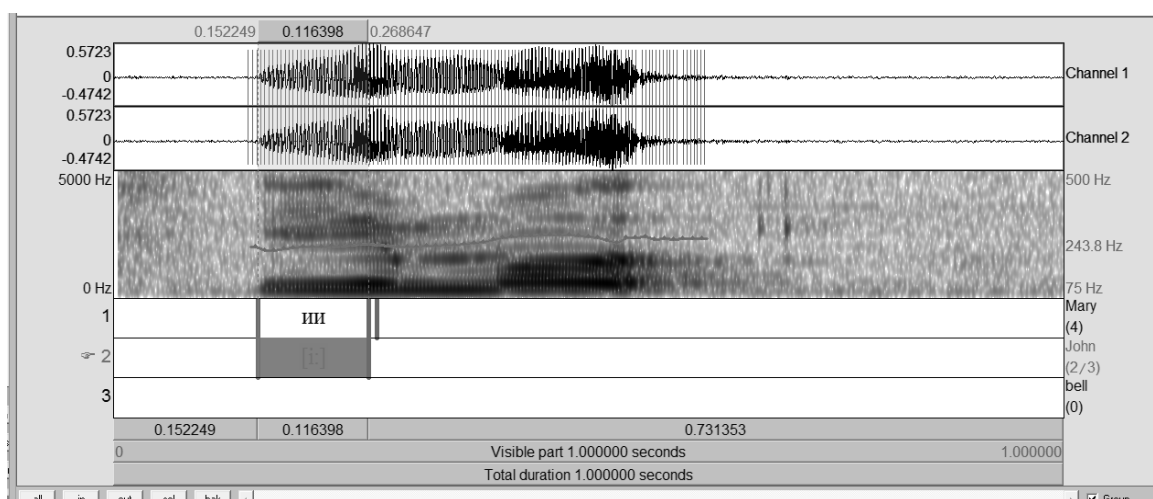

Рис. 4. Обработка звуковых данных с помощью программы Praat

Выводы

Проведенный нами слуховой и акустический анализ временных параметров дал следующие результаты. Наиболее частотными ритмическими структурами в ФПТ, состоящими из 984 слогов, являются двусложные слова. Всего 182 слова, на втором месте — трехсложные (130), на третьем — четырехсложные слова (45), на четвертом — односложные структуры. Гласные переднего ряда /i/, /i:/, /e/, /e:/, /ε:/ в связной речи в абсолютном начале встречались относительно редко. Наиболее частотной позицией для всех гласных является позиция абсолютного конца слова на втором месте — позиция середины слова.

Данные анализа количественных характеристик гласных переднего ряда /i/, /i:/, /e/, /e:/, /ε:/ фонологической системы современного бурятского языка дают определенное представление о характере распределения и функционирования гласных в процессе связной речи, за которым следует исследование поведения всей системы гласных и в дальнейшем согласных. Полная фонетическая картина покажет универсальные и специфические особенности реализации звуков речи в спонтанной речи на примере конкретного языка.

Литература

1. Praat. URL: <http://www.praat.org>
2. Раднаева Л. Д. Количественные характеристики аллофонного варьирования гласных и согласных // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы: сб. ст. / отв. ред. Л. В. Бондарко, С. Б. Степанова. СПб., 2004. С. 124–167.

3. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: учеб. пособие. 3-е изд-е, доп. и перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. С. 160.
4. Раднаева Л. Д. О формировании звукового корпуса бурятского языка // Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 16–20 марта 2009 г.). СПб., 2009. С. 113–127.
5. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

УДК 821.58.09

**ТРАДИЦИОННЫЕ МОТИВЫ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ХАЙЦЫ**© *Цыбикова Валентина Владимировна*

ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета
Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: valyaca@yahoo.com

Политика реформ и открытости способствовала проникновению и развитию идеологической мысли, основанной на западных учениях о постмодернизме, сюрреализме, экзистенциализме, и повлияла на многие сферы китайского общества. Китайская современная поэзия представлена широкой плеядой выдающихся и талантливых поэтов, чье творчество является отражением «нового» для китайского менталитета мироощущения. Среди литературных кругов 1980-х гг. особое место занимал поэт Хайцзы, в творчестве которого гармонично сочетаются передовые идеи постмодернизма и экзистенциализма с традиционными мотивами китайской поэзии, выраженные, прежде всего, в тематике, художественных образах и приемах. Статья посвящена исследованию основных традиционных мотивов китайской поэзии в творчестве Хайцзы.

Ключевые слова: китайская, поэзия, «новое поколение», политика реформ и открытости, традиционный, мотив, образ.

TRADITIONAL MOTIVE OF CHINESE CLASSICAL POETRY IN HAIZI'S WORKS ART*Valentina V. Tsybikova*

assistant of Far East philology department,
Oriental Studies institute, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Political reform and opening up made western ideology, based on postmodernism, surrealism, existentialism get into, develop and influence on different sphere of Chinese society. Chinese contemporary poetry includes a wide variety of outstanding and talented poets, their works of art are the Chinese set of minds' reflection of «new» world perception. Among the literary groups of 1980th Haizi set an important place. His works of art reconciled western ideas of postmodernism and surrealism with traditional motive of Chinese poetry, expressing in theme choice, imageries and artistic devises. This article is devoted to investigation of the main traditional motive of Chinese classical poetry in Haizi's works of art.

Keywords: Chinese, poetry, «new generation», political reform and opening up, traditional, motive, imagery.

Традиции китайской классической поэзии в творчестве Хайцзы представлены, прежде всего, в его тематической направленности, системе художественных образов, а также в использовании некоторых художественных приемов.

Учитывая то, что «древность для китайского поэта всегда источник благородных дум и устремлений»⁵, Хайцзы в своем самом известном произведении «Азиатская медь» обращается к предкам.

Азиатская медь, азиатская медь,
Как мой дед и отец, я умру только здесь.
Только тут можно жизнь до конца полюбить.
Только здесь завещаю себя схоронить.

Азиатская медь, азиатская медь,
Птицы — любят сомненья,
волна — круговерть.
Твой хозяин — трава и цветочная нить
пояска, что на талии тонкой звенит.

Азиатская медь, азиатская медь,
Цюй Юань позабыл свои туфли. Взлететь
удалось им над речкой четой голубей,
мы найдём и наденем, пойдём по воде.

⁵ Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. (Стихи, поэмы, романсы, арии) / под ред. В. И. Семанова; вступ. ст. и коммент. д-ра филол. наук И. С. Лисевича. М., 1984.

Азиатская медь, азиатская медь,
барабаны в ночи не устанут греметь.
Мы танцуем и наши сердца — как луна,
И луна эта — всё что осталось сполна.
(пер. С. Надеева).

Данное стихотворение звучит как ритуальное песнопение, исполнявшееся под звуки барабана и сопровождаемое танцами. Центральный образ «азиатской меди» является собирательным и олицетворяет предков китайского народа. Культ предков существовал во многих религиозных культурах разных стран, но именно в Китае, повлияв на все стороны духовной жизни китайского народа, приобрел завершенность и значимость. Поэт затрагивает такие конфуцианские категории, как сыновняя почтительность, почитание старшего поколения. Обращаясь к предкам, поэт весьма патриотичен, настойчивость и категоричность подчеркивают любовь поэта к родной земле: «Как мой дед и отец, я умру только здесь. / Тот тут можно жизнь до конца полюбить. / Только здесь завещаю себя схоронить».

В понимании поэта человек и его общее пребывание в этом мире неразрывно связано с природной гармонией: «Птицы любят сомнения, волна — круговерть / Твой хозяин — трава и цветочная нить / пояса, что на талии тонкой звенит».

Хайцзы подчеркивает идею цикличности всех живых существ и человека, в том числе в полном взаимодействии с природным началом. Современная литература, культура, общество не могут существовать и развиваться в абстракции от истории. В этой связи весьма символичен образ Цюй Юаня. Оставленные поэтом древности туфли являются символом сформировавшихся поэтических и этических традиций, которые лирический герой чтит и считает своим долгом продолжить их.

Используя традиционный для китайской классической поэзии художественный прием анафора — в начале каждой строфы звучит повтор одной и той же фразы, Хайцзы подчеркивает эмоциональную окраску произведения. В последней строфе усиливается напряженное настроение, которое выражается в звуковом сопровождении: «барабаны в ночи не устанут греметь / Мы танцуем и наши сердца — как луна, / И луна эта — все что осталось сполна». Образ луны, как огонёк, хранящийся в сердцах народа, символизирует связь бrenного человека с вечностью, ведь каждый из нас носит отпечаток прошлого и является выражением будущего. Хайцзы умозаключает, что для благополучного существования необходимо чтить и помнить свою древнюю традицию и историю, являющейся образцом идеальной жизни.

С темой древности связана и тема быстротечности жизни. В своих произведениях Хайцзы часто упоминал о бrenности и мимолетности жизни, что также является выражением традиционной поэтической мысли. Например, в стихотворении «Осенние сумерки» с помощью образов «заката», «осеннего дня», «сумрака» передается основное идейно-тематическое содержание. Лирический герой испытывает чувство грусти и печали по уходящему времени, но ни в коем случае не трагедию. О неминуемом беге времени свидетельствуют такие выражения, как «поступь заката», «приход темной ночи», «огненно-красные вершины», окрасившиеся под последними лучами закатного солнца.

Пламенные вершины
Поступь заката
Бескрайний закат роскошен и превосходен
В печали осеннего дня созревает
Земли закат пылающее пламя багрян и ровен, клокочет и бурлит
Волнует человека, его достоинства и долголетие в один и тот же миг
И разделяет сумрака свет
С народом ощущает приход темной ночи
Пыль времени обнимает меня
На огненно-красной вершине скачет
И никто не согласен со мной
Бесконечность долгой жизни или ранняя смерть с пеленок
Напротив безграничная боль этого сумрака
Безграничная бесконечность не дает почувствовать страсть жизни
Закат багряный
Верные влюбленные становятся семьей
Верная любовь всегда поддержит

Или напротив очень коротка, угаснет постепенно
И я впредь никогда не буду испытывать надежду
Не буду говорить о прошлой
Горечи и печали
Не принесу ни жизни и ни смерти
Только сумрак роскошен и превосходен

Поэт рассуждает о постоянстве изменчивых реалий жизненного процесса, разнообразии и развитии временного, преходящего в противопоставлении вечному и бесконечному.

Описывая наступление сумрака, Хайцзы подчеркивает мысль о том, что наша пребывание в этом мире находится в вечном движении жизни и смерти. Используя такие эпитеты, как «бескрайний», «бесконечный», поэт тем самым указывает на безграничность Вселенной и вечности, жизнь же человека он сравнивает с последним лучом солнца на закате, акцентируя внимание на ее скоротечности и мимолетности. В произведении появляется мысль о субъективности восприятия таких вечных философских категорий, как жизнь, смерть, красота, любовь: «Верные влюбленные становятся семьей, / Верная любовь всегда поддерживает / Или напротив очень коротка, угаснет постепенно».

Осень не только время сбора урожая, но и пора раздумий и подведения итогов жизненного пути. Поэт призывает не гнаться за вечностью, оставить мысли о суетности бытия и ощутить ценность настоящего мгновения: «И я впредь никогда не буду испытывать надежду / Не буду говорить о прошлой / Горечи и печали / Не принесу ни жизни и ни смерти / Только сумрак роскошен и превосходен».

Следует отметить цветовую гамму произведения, которая задает сосредоточенное и напряженное настроение:

«Земли закат пылающее пламя багрян и ровен, клокочет и ревет»<>

А также:

«...Пыль времени обнимает меня
На огненно-красной вершине скачет...»

С помощью столь насыщенной «осенней» палитры Хайцзы подчеркивает идею о зрелости восприятия жизни, концентрации энергии, вдохновения и творчества, что позволяет еще глубже понять основную мысль произведения.

Мотив времени и вечности, характерный для китайской классической поэзии, прослеживается и в другом стихотворении Хайцзы под символическим названием «Осень».

Принеси воды, вина бутылку и хлеб
Осень на тысячи ли
Осенний лепесток спокойно спит на земле
Плоды, упав в корзину,
Издают печали звук
Серп убрал
со степей богатый урожай
Осенняя вода поднялась
до плодов плоды
Эхо как симметричная грудь
Осень корзина урожая
Небесная корзина
наполнена «плодами»
На больничной койке вырезаны
арабские или реки Ганг
вечные иероглифы
рыбы пьют, видят во сне деревню
Вода покинула силуэт
Оставила руки
Эхо
Эти две корзины урожая симметричны
Грудь
Руки

Данное произведение наполнено даосскими мотивами, выраженными в образе вина, описании природы и в общем настроении стихотворения. С бутылкой вина лирический герой наслаждается

осенним пейзажем и приобщается к вечному, растворяется в космосе: «Принеси воды, вина бутылку и хлеб / Осень на тысячи ли».

Мотив осени является центральным в произведении. Осень — это не только пора «собранного со степей богатого урожая» и «наполненных плодами корзин», но и время глубоких раздумий, подведение результатов жизненного пути. Лирический герой грустит по ушедшему времени, негодует о быстротечности человеческого существования: «Плоды, упав в корзину, / Издают печали звук». В этой грусти есть место легкой печали, романтической одухотворенности и спокойствию: «Осенний лепесток спокойно спит на земле».

Использование метафоры «На больничной койке вырезаны / арабские или реки Ганг вечные иероглифы» является ключевым аспектом в понимании основной идеи произведения. Поэт проводит тонкую границу вечного, постоянного и мимолетного, преходящего. Больничная койка как символ временного и быстротечного, будь то жизнь или определенные моменты, наполняющие человеческое существование. «Арабские или реки Ганг вечные иероглифы» — это олицетворение арабской и индийской культуры как одних из древнейших цивилизаций в истории человечества. Жизнь человека состоит из борьбы и гармонии этих двух миров вечного и временного, которые пересекаются и дополняют друг друга.

К традиционности поэзии Хайцзы можно отнести присутствие в его поэзии пейзажной лирики. Поэт через описание природных явлений, употребление образов природы проникает в единство мироздания, тем самым находится в непосредственном контакте со Вселенной, прикасается к заветным тайнам человеческого бытия.

В произведении «Далекий путь: 14 строк / посвящаю первому снегу 89 года» с помощью образа снега раскрывает основную идею произведения, являющегося олицетворением чистоты и непорочности.

Лампа и бутылка вина покрыты серой пылью

Однако дальний путь мой чист

Я стою под январским снегом, все такой же, как и четыре года назад

Я здесь стою, я полон пыли, четыре года, как один день, нет изменений

Снег сделал комнату еще темнее, я жду завтрашнего солнечного дня

Под солнцем снег колит глаз, эта снежная земля пристыдила человека

Одинокие черные глаза так хотят, чтоб снег окропил его душу

На снежной земле деревья черны, черны как птичья стая, пролетающая в небе

Тогда ты весел, печален и хаотичен

Сегодняшний снег начался с меня, обнажил мою грязь

Я сразу стал пустой железной лопатой

Пустой лопатой, на которой пыли даже нет

Снег беспорядочно витает

Даль такова, она то место, где стою я

Снег является инструментом, обнажающим и очищающим человеческие пороки. Лирический герой, наполненный чувством отчаяния и сожаления, окропленный «священным» снегом, становится «пустой лопатой, на которой пыли даже нет».

Стихотворение построено на противопоставлении образов: «снежной земле» и «солнечному дню» противопоставлены «одинокие черные глаза», «деревья черны, черны, как птичья стая».

Использованные с символикой черного цвета метафоры являются выражением одиночества, грусти и печали.

«Снежная земля» и «солнечный день» олицетворяют жизненные идеалы поэта, его идеологические воззрения. «Снежная земля» — это символ дали, к которой стремился поэт, некий абсолютизм, постигаемый автором, «солнечный день» связан с его философией о солнце (поэт стремился стать солнцем поэзии). В произведении звучит твердая вера и надежда в достижение своих целей: «Однако дальний путь мой чист», «я жду завтрашнего солнечного дня», «Даль такова, она то место, где стою я».

Излюбленным образом у Хайцзы является образ дождя, раскрывающий внутренний мир идей поэта.

Дождь обнажил пшеницу на равнине

В картине дождевой воды есть незнакомый

Стемнело, дождь идет

Я на воде пишу тебе письмо

(«Дальний путь»)

Стихотворение проникнуто высокой эмоциональностью и затрагивает тему человека и природы. Как и снег, дождь очищает и смывает душевную грязь, знаменует о начале новой жизни. Дождь обнажает душу, раскрывает тайное и сокровенное: «Стемнело, дождь идет / Я на воде пишу тебе письмо».

Во время дождя лирический герой осознает нечто ценное, неизведанное, то, что лежит в глубинах человеческих душ. Зачастую этот образ перекликается с женским образом и любовной тематикой.

Зажгу факел и окину взором пшеницу, промокшую под дождем
Слабая и маленькая пшеница!
Затем перед иконой погашу я факел
Мы молча вместе около друг друга
Ты — небожительница, что живет в глубинах поместий
Луна ты холодное пламя
В плаще твое обнаженное тело по-прежнему молодо и свежо
Пламя сегодняшней ночи одето, как свежий цветок
Плавают на южном небосводе
Плавают в ночи над моей головой
Горная деревня мала и бедна
Как пшеница
Как зонт
Под зонтом обнаженная дева молчит
Бедная и одинокая девушка как королева живет под зонтом
Солнца свет и воды дождя могут дать тебе лишь пыль и грязь
Ты под зонтом укрываешься от всего
Отбиваешься от слез и воспоминаний
(«Дождь»)

Образ дождя выступает в произведении как символ печали и грусти и играет важную роль в раскрытии основной идеи. Центральным образом является образ пшеницы, олицетворяющий женское начало. Душа поэта полна жалости и тревоги, он описывает ее как беззащитную и слабую культуру, промокшую под дождем: «Зажгу я факел и окину взором пшеницу, промокшую под дождем / Слабая и маленькая пшеница!». Преисполненный чувством почтения и уважения, он обращается к ней как к обитательнице небесного царства, снизошедшей на землю в образе пшеницы: «Ты — небожительница, что живет в глубинах поместий». Стоит отметить, что пшеница — это собирательный образ, включающий в себя и молодую девушку, полную свежести, и небожительницу, и королеву, и бедную, одинокую обнаженную деву. Поэт испытывает к данному образу восхищение, жалость, а также негодование и отчаяние: «Бедная и одинокая девушка как королева живет под зонтом». Хайцзы подчеркивает нелегкую судьбу пшеницы, окропленной ливневым дождем и растущей под палящим знойным солнцем, тем самым, он говорит о тяготах жизни женщины в этом мире: «Солнца свет и воды дождя могут дать тебе лишь пыль и грязь / Ты под зонтом укрываешься от всего / Отбиваешься от слез и воспоминаний».

В произведении присутствует еще один ведущий образ — образ луны, который также является выражением женского начала. Но в отличие от пшеницы, Хайцзы наделяет ее противоположной коннотацией, использует метафору «холодная луна» для достижения еще большего эмоционального контраста: одинокая надменная дева, для которой не свойственно чувство любви и понимания. Холодное пламя молодости и свежести плавают на небосводе среди туч: «Луна ты холодное пламя в плаще твое обнаженное тело по-прежнему молодо и свежо».

Поэт Хайцзы хотя и является представителем поэзии «нового поколения», но вместе с тем в его творчестве присутствуют традиционные для китайской классической поэзии элементы, выраженные, прежде всего, в тематике и мотивах, художественных образах и приемах.

Литература

1. 海子. 海子的诗.-北京: 人民文学出版社, 2006.

УДК 316.61 (571.54+510)

**КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СТОЛИЦ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ
(на примере г. Улан-Удэ и г. Хух-Хото)⁶**

© *Шахаева Александра Альбертовна*

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: sashash@yandex.ru

На современном этапе развития общества в результате влияния глобализационных и геополитических изменений, последствия которых приводят к трансформации системы традиционных ценностей, все больше исследователей привлекают проблемы изучения города с позиций социокультурного подхода, так как протекающие в городах процессы, несомненно, влияют на жизнь всего общества, и выявление их особенностей позволяет увидеть какие изменения претерпевает облик современного города и в какой среде формируются ценности городской молодежи. Статья фокусирует свое внимание на одной из важных составляющих социокультурного пространства столиц Внутренней Азии (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, и г. Хух-Хото, АРВМ КНР) — культурно-национальной.

Ключевые слова: социокультурное пространство, культурно-национальное пространство, современный город, столица, Внутренняя Азия, Бурятия, Внутренняя Монголия.

CULTURAL AND NATIONAL CHARACTERISTICS SOCIAL AND CULTURAL
SPACE OF INNER ASIA'S CAPITALS
(the example of Ulan-Ude city (Russia) and Huh-Hot city (China))

Aleksandra A. Shakhayeva

PhD, senior Lecture of the department of philology of Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

At the present stage of society development as a result of globalization and geopolitical changes, the consequences of which lead to the transformation of the system of traditional values, more and more researchers are attracted to problems social and cultural space of city, because to reveal it's characteristics make possible to see what changes are undergoing modern city and the environment in which values are formed by urban youth. The proposed article focuses on one of the important components of the social and cultural space of the Inner Asia's capitals (Ulan-Ude and Huh-Hot) — the cultural and national component.

Keywords: social and cultural space, cultural and national space, modern city, Inner Asia space, Buriyatia, Inner Mongolia.

XXI век характеризуется мировыми глобализационными процессами, которые обусловили стремительные и кардинальные изменения в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах многих стран, что, несомненно, также оказало влияние и на человека, являющегося главным субъектом социальных отношений. С другой стороны, человек как важная составляющая социокультурного пространства является участником социокультурных процессов и также способен влиять на них.

Понятие «социокультурное пространство» в статье рассматривается в рамках антропологического подхода, в частности, с позиций П. А. Сорокина, который считал, что три неотделимые друг от друга составляющие определяют структуру социокультурного взаимодействия: личность как субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействующих индивидов с социокультурными отношениями и процессами, и культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, объективирующих, социализирующих и раскрывающих эти значения [4, с. 218]. М. М. Самчук считает, что именно сам «человек и его социальные связи образуют социокультурное пространство — специфическую пространственно-временную целостность, являющуюся результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами» [3, с. 79]. Таким образом, можно констатировать, что с позиций атрополо-

⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-31-01299

гического подхода пространство — это социальная категория, определяемая человеческим (культурным) опытом, которая окружает человека с рождения до конца его жизни и ограничена различными интересами (экономические, политические, правовые, культурно-национальные и др.), которые, в свою очередь, также являются неотъемлемыми чертами социокультурного пространства.

Социокультурное пространство, как отмечают исследователи, универсально и целостно, имеет вертикальную и горизонтальные структуры, где можно проследить определенные контуры культурных центров и периферий, провинций и столиц. Остановимся подробнее на культурно-национальном пространстве двух столиц Внутренней Азии — г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) и г. Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия КНР) — с целью определения данного параметра социокультурного пространства указанных городов.

Улан-Удэ — столица Республики Бурятия, является экономическим, политическим, культурным, научно-образовательным центром республики. История города берет свое начало с казачьего зимовья, построенного в 1666 г. на правом берегу реки Уды, поэтому город называли Верхнеудинском. В 1934 г. Верхнеудинск был переименован в Улан-Удэ.

По официальным данным 2014 г., численность населения города составила 421,5 тыс. человек. Улан-Удэ является одним из крупных городов в Сибирском федеральном округе, где проживает более ста национальностей, самые многочисленные — русские (67 %) и буряты (28,9 %) [5, с. 153], затем идут остальные национальности (татары, эвенки, украинцы и др.).

Хух-Хото (呼和浩特市) является административным, экономическим, культурным, образовательным и научным центром Автономного района Внутренняя Монголия КНР (内蒙古自治区). История города начинается с 1575 г., свое сегодняшнее название город приобрел только в 1954 г., до этого именовался Гуйсуй (归绥). Название Гуйсуй сложилось из первых иероглифов названий объединившихся соседних торгового города Гуйхуа (归化城) и военного гарнизона Суйюань (绥远城) в один большой город.

По данным на 2010 г., численность населения г. Хух-Хото составила 2 866 615 человек [10]. По меркам Китая г. Хух-Хото является средним по размеру городом. В городе проживает более сорока национальностей, из которых ханьцы составляют большую часть (87,16 %), затем монголы (9,98 %), остальную часть (2,86 %) составляют хуэй (китайские мусульмане), маньчжуры, корейцы и другие национальные меньшинства [10].

Рассматриваемые в статье города Улан-Удэ и Хух-Хото, несмотря на численное преимущество представителей одной из наций (русские и ханьцы соответственно), являются яркими представителями полиэтнических городов и, более того, г. Улан-Удэ считается столицей национальной республики, а г. Хух-Хото — административным центром национальной автономии.

Полиэтническое пространство города, несомненно, определяет его культурно-национальную специфику, которая выражается в материальной и духовной культурах. В качестве примера рассмотрим как в архитектуре городов Улан-Удэ и Хух-Хото проявляется культурно-национальная специфика.

В г. Хух-Хото ярко представлены буддийско-монгольская, мусульманская (национальности хуэй и уйгуры) и чисто китайская культуры. В районе старого города (旧城) большинство многоэтажных зданий украшают традиционные монгольские орнаменты, голубые крыши с мотивами юрт, крыши центрального и восточного вокзала выполнены в виде большой юрты с традиционными монгольскими орнаментами. Следует отметить, что в автономии два государственных языка — китайский и монгольский, поэтому все вывески магазинов, официальные надписи выполнены иероглифическим китайским и старописьменным монгольским письмом.

Недалеко от центрального буддийского храма города Дачжао, который был построен Алтынханом в 1580 г., располагается мусульманский район, где проживает более 70 % мусульман всего города, с главной мусульманской улицей — улицей исламских обычаев (伊斯兰风情街). Мусульманская культура также ярко проявляется в постройках данного района: большая мечеть, построенная в 1693 г.; здания с полумесяцами на крышах, традиционные арабские орнаменты и надписи на вывесках, дублированные арабской вязью.

Столица Республики Бурятия не отличается таким ярким проявлением национального в архитектуре, лицо города представляют постройки, в основном советского и постсоветского периодов — серые однотипные многоэтажные дома, что связано с идеологией того периода. В последние годы

в г. Улан-Удэ наметилась тенденция к выражению в архитектуре национального колорита республики, в качестве примеров можно назвать новое здание национальной библиотеки РБ, обновленное здание Государственного Бурятского академического театра драмы им. Х. Намсараева, театральная площадь, некоторые здания кафе и ресторанов традиционной бурятской кухни (представляют собой традиционное бурятское жилье — юрту). На новых многоэтажных домах в центре города в оформлении некоторых крыш и фасадов можно проследить национальные бурятские орнаменты.

Приведенные примеры говорят о положительной динамике формирования своего неповторимого лица г. Улан-Удэ как яркого представителя региона Байкальской Азии и столицы национального региона. Данный факт, несомненно, положительно влияет на тенденции возобновления и сохранения своих уникальных культурных и национальных особенностей в регионе, которые проявляются в подъеме интереса современной молодежи к родному языку, литературе и т. п., что позволит не забыть, а приумножить и транслировать накопленный опыт.

Культурно-национальное пространство, являясь неотъемлемой частью социокультурного пространства города, оказывает влияние на процесс формирования становления взглядов и ценностных ориентаций современной молодежи, которая очень быстро реагирует на любые изменения в жизни общества. Таким образом, изучение вопросов, связанных с культурно-национальной спецификой города, позволяет проследить факторы, определяющие самосознание современного молодого горожанина, и сформировать стратегии на формирование культурного и национального самосознания в условиях глобализации.

Литература

1. Личность в полиэтническом пространстве / отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 276 с.
2. Осорова Т. И. Центральноазиатский культурный синкритизм и буддийская традиция во Внутренней Монголии КНР: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007.
3. Самчук М. М. Социокультурное пространство: структура и основные элементы // Известия Волгоградского технического университета. 2012. Т. 3, № 10. ст. 78–82 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/cotsiokulturnoe-prostranstvo-struktura-i-osnovnye-elementy>
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 543.
5. Чимитова И. З. Некоторые формы проявления межэтнической толерантности населения полиэтнического города (на примере г. Улан-Удэ) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. Вып. 6. С. 152–156.
6. Официальный сайт органов местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/about/history/spravka/index.php> (дата обращения: 5.10.2015).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat.ru/statistics/population/ (дата обращения: 5.10.2015).
8. 呼和浩特史料. 第六集. 呼和浩特, 呼和浩特市委党史资料征集办公室, 1985. С. 403.
9. 呼和浩特市志 (下). / 李瑛主编 — 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1999.
10. 呼和浩特市2010年第六次全国人口普查主要数据 [Электронный ресурс]. URL: <http://inews.nmgnews.com.cn/system/2011/06/13/010607482.shtml> (дата обращения: 15.09.2015).

УДК 294.3

СОТЕРИОЛОГИЯ БУДДИЗМА ВАДЖРАЯНЫ

© *Ветлужская Лидия Леонидовна*

кандидат исторических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока

Бурятского государственного университета

Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: vetl@list.ru

Сотериология в буддизме является доминантой всего буддийского комплекса. В статье рассматриваются основные принципы сотериологии буддизма Ваджраяны, анализируются классификации тантр на четыре группы: крия-тантры, чарья-тантры, йога-тантры и ануттара-йога-тантры, а также деление тантр на внешние и внутренние. В буддизме Ваджраяны акценты в практике достижения освобождения смещаются от постепенного пути накопления заслуг к возможности достижения буддовости в течение настоящей жизни. Центральное место в практиках Ваджраяны занимает работа с энергетической структурой тела, регулируемой дыханием. Дыхательные упражнения с визуализацией энергетических каналов, центров и регуляцией циркулирования жизненной энергии (праны) способствовали постижению адептом принципа недвойственности, а также достижению разнообразных сверхспособностей. Наличие учителя является одним из важнейших и непереносимых условий на пути спасения в буддизме Ваджраяны, а выполнение строгих требований как к выбору учителя, так и к качеству ученика является необходимым требованием в сотериологии Ваджраяны.

Ключевые слова: Ваджраяна, тантраяана, тантра, эзотерический буддизм, сотериология, путь спасения, тантризм.

THE SOTERIOLOGY OF VAJRAYANA BUDDHISM

Lidia L. Vetluzhskaya

PhD, A/Professor of the Philology of Far East countries Chair, Buryat State University

4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Soteriology in Buddhism is the dominant of the whole Buddhist complex. This article discusses the basic principles of Buddhism Vajrayana soteriology. The classification of tantra texts into four groups — Kriya Tantra, Charya Tantra, Yoga Tantra, and Anuttara Yoga Tantra, tantra division into external and internal — are analyzed; and. In Vajrayana Buddhism the emphasis in practice to achieve the release of shifting cross over from gradual path of merit to the possibility of achieving Buddhahood for the present life. The central place in the practice of Vajrayana is the work with the energy structure of the body, control of breathing. Breathing exercises with visualization of energy channels, centers and regulation of the circulation of vital energy (prana) contributed to the comprehension of the principle of non-duality adept, and achieve a variety of supernatural abilities. Availability of Teacher (guru) is one of the most important and indispensable conditions in the way of salvation in Vajrayana Buddhism, and the fulfillment of stringent requirements as to the selection of teachers and the quality of the student is a necessary requirement in the Vajrayana soteriology.

Keywords: Vajrayana, Tantrayana, tantra, esoteric Buddhism, soteriology, the way of salvation.

Сотериология в буддизме является доминантой всего буддийского комплекса, движущей силой, приведшей к разделению буддизма на Хинаяну и Махаяну. Уже через сто лет после паринирваны Будды образовалось восемнадцать буддийских сект. Сторонники учения Будды разделились на две большие группы: одни утверждали, что вступление на путь к нирване возможно лишь в рамках буддийской общины — сангхи, их противники выступали за расширение возможностей следовать буддийскому учению для мирян. Сначала раскол по этому вопросу произошел между Стхавиравадой и Махасангхикой. Стхавиравада — «учение старейших» — объединяла узкую группу внутри монашеской общины. В. И. Рудой называет стхавиравадов монашеской элитой, в состав которой входили далеко не все члены сангхи, а лишь продвинутые адепты учения, претендовавшие на обладание статусом архата. Их традиция рассматривала основателя вероучения как историческую личность, индивида, достигшего в результате йогической практики созерцания просветления [5, с. 341]. Махасанг-

хики («члены большой общины») выступали за возможность достижения состояния просветления не только для монахов, но и для мирян. Первый раскол послужил импульсом для разделения древа буддизма на две большие ветви: Стхавиравада заложила основы для развития многочисленных школ Хинаяны, а Махасангхика — школ Махаяны.

Радикальным отличием Великой колесницы от Малой стало провозглашение широкого пути спасения как для монахов, так и для мирян. В Хинаяне на первый план выдвигаются доктрины страдания и непостоянства бытия. В Махаяне они не теряют своей актуальности, однако первостепенной по значению становится концепция шуньяты (*śūnyatā* — «пустота»). В буддизме Махаяны декларируется наличие природы Будды в каждом живом существе, а реализация природы Будды аналогична достижению нирваны. Таким образом, нирвана превращается в результат познания живым существом своей собственной природы. С точки зрения Махаяны, религиозная практика необходима не столько ради собственного просветления и личного спасения, сколько для спасения всех живых существ.

Согласно традиции, Будда Шакьямуни преподавал полное учение освобождения от пут сансары, заложив основы трех колесниц — Хинаяны, Махаяны и Ваджраяны. Несмотря на то, что формально буддизм подразделяется на три колесницы, в равной степени ведущих к одной и той же высшей цели — нирване, Махаяна включает в себя буддизм Ваджраяны. Учение Ваджраяны, зародившееся и оформившееся в Индии в середине I тыс. н. э., традиционно имеет несколько названий: мантраяна или колесница мантр, тантраяна — колесница тантр, тантра, тантризм. В данной работе предполагается определить наиболее существенные элементы сотериологии буддизма Ваджраяны.

Вопрос определения хронологических рамок зарождения буддийского тантризма в Индии является крайне сложным. Г. М. Бонгард-Левин предлагает начало складывания учения Ваджраяны датировать III в. н. э., когда появились первые части одного из основных произведений Ваджраяны «Гухьясамаджа-тантры». Окончательное оформление Ваджраяны ученый относит к середине I тысячелетия н. э. [2, с. 498].

С большой степенью уверенности можно определить период активного распространения Ваджраяны из Индии в Тибет и Китай — это VIII в. н. э. Отсюда можно заключить, что к концу VII в. н. э. в Индии сформировался единый доктринально-ритуальный комплекс Ваджраяны.

Философским основанием буддийского тантризма послужило учение идеалистической махаянской школы виджнянавады, которая, по словам известного буддолога Ф. И. Щербатского, «развивала учение о том, что действительно существуют лишь представления, а внешний мир, который мы думаем познавать в наших восприятиях, не существует вовсе, иначе как в нашем воображении» [7, с. 18].

Что касается вопроса классификации тантр, то в истории было предпринято немало попыток к решению этой проблемы. Согласно традиции классификация тантр на четыре группы восходит к нагарджуне: крия-тантры (*kriyā* — «тантры действия»), чарья-тантры (*saṃyā* — «тантры пути» или «тантры исполнения»), йога-тантры (*yoga* — «тантры йоги») и ануттара-йога-тантры (*anuttarayoga* — «тантры непревзойденной йоги»). В настоящее время этой классификацией пользуются как в научном, так и в религиозном мире. Тантры класса крия предназначены для людей, склонных к внешним действиям, и включают большое количество очистительных практик и ритуалов. Тантры класса йога содержат меньшее количество внешних атрибутов, включают в основном практики созерцания. Чарья-тантры по своим методам подходят людям, склонным как к внешним действиям, так и к внутреннему созерцанию. Ануттара-йога-тантры являются тантрами высшей йоги и требуют от адепта высоких способностей, большее внимание в практике уделяется аспекту праджни. Такое разделение тантр обусловлено различными типами способностей практикующих.

По принципу действия тантры делятся на внешние и внутренние или на низшие и высшие. Внешние (низшие) тантры представляют собой первую ступень Ваджраяны и более направлены на внешнее поведение практикующего, очищая его ум и действия. Три первые тантры являются внешними или низшими. Вторая ступень Ваджраяны — это путь преображения, он начинается с последнего уровня внешних тантр — йога-тантры. Ануттарайога-тантра является высшей или внутренней тантрой. И йога, и ануттарайога тантры работают с тонкой энергией человека. Главный принцип ануттарайога-тантры — это преодоление двойственности и воссоединение относительного и абсолютного на основе осознания пустоты всех дхарм. В этом состоит особенность высшей тантры в отличие от Хинаяны и Махаяны, которые рассматривают абсолютное в качестве цели, достичь которой можно лишь освободив себя от оков относительного. Высшие тантры разделяют путь практики на стадию зарождения и стадию завершения. Стадия зарождения является

подготовительной практикой по отношению к стадии завершения, непосредственно предшествующей достижению просветления.

В буддизме Ваджраяны акценты в практике достижения освобождения смещаются от постепенного пути накопления заслуг к возможности достижения буддовости в течение настоящей жизни. Это направление объединило основные принципы махаянского учения с применением многочисленных и многообразных тантрийских практик, позволяющих адепту интенсивно достичь идеала спасения. Центральное место в практиках Ваджраяны занимает работа с энергетической структурой тела, регулируемой дыханием. Дыхательные упражнения с визуализацией энергетических каналов, центров и регуляцией циркулирования жизненной энергии (праны) способствовали постижению адептом принципа недвойственности, а также достижению разнообразных сверхспособностей (сиддх). Э. Конзе из всех разновидностей ритуалов выделяет три основных метода: рецитацию заклинаний, исполнение ритуальных жестов и танцев, отождествление (адепта) с божествами с помощью медитации [3, с. 240].

К вопросу систематизации сотериологических методов Ваджраяны можно подойти с другой точки зрения: в частности, присутствие природы Будды в человеке может быть раскрыто путем задействования трех аспектов его жизнедеятельности — трех таинств: тела (*kāya*), речи (*vāc*) и ума (*citta*). Активизировать природу будды на уровне тела надлежит выполнением мудр (*mudrā*), мантр (*mantra*), медитации (*śamādhi*). Мудра в переводе с санскрита означает «печать», «знак». Мудра обычно означает определенное положение пальцев, которое символизирует какое-либо понятие в сфере ритуала. В Ваджраяне была разработана детальная классификация положений тела и рук. Танец является еще более сложным и действенным с точки зрения достижения результата методом, нежели статическое положение тела, поскольку включает в религиозную практику такой важный аспект, как движение.

Э. Конзе выделяет три исторических периода использования мантр. Так, на раннем этапе буддисты ожидали от магических формул защиты от опасности и помощи в мирских делах, что свойственно всем народам на этапе доиндустриального периода человеческой истории. С III в. н. э. буддисты все чаще начали использовать мантры для защиты своей духовной жизни от вторжения вредоносных божеств. К наиболее известным сутрам, таким как «Сутра лотоса благого закона» и «Ланкаватара-сутре» были добавлены главы, посвященные заклинаниям. Третий период начался с VII в., его отличительной чертой стало признание метода мантр в качестве основного средства достижения освобождения.

Говоря об истории становления мантр в качестве сотериологического метода, нельзя не упомянуть о дхарани — мистических формулах, правильное произношение которых способствует земным успехам. Дхарани, будучи предшественниками мантр, значительно длиннее по содержанию, мантры же более похожи на емкие формулы. В сутрах различаются четыре вида дхарани: 1) заклинания ради сохранения собственной жизни, 2) заклинания ради сохранения текстов Дхармы, 3) заклинания ради сохранения практик Дхармы, 4) заклинания ради сохранения действенности сокровенных речений [1, с. 651].

В Ваджраяне дхарани почитаются и используются в практике наравне с мантрами. «Мантра» в переводе с санскрита означает «стих», «заклинание». Многие ученые приводят прямой перевод данного термина — «заклинание», «тайная формула». Однако Генрих Циммер четко обозначил раздел между мантрами и заклинаниями. «В слове «мантра» — пишет он, корень «ман» — «мыслить» соединен с окончанием «тра», образующим слова — инструменты. Таким образом, мантра — это «инструмент для мышления», «то, что создает умственный образ» [9, р. 81]. Мантра суть сила, а не обычная речь, своим звучанием она вызывает и свое содержание. Однако мантры действуют не в силу своей магической природы, а исключительно благодаря и посредством воспринявшего их разума. Хотя рецитацией мантр достигается некоторая вибрация на физическом уровне, эффект от ее применения нельзя причислять исключительно механическому действию. Если бы воздействие мантр зависело лишь от точности их произнесения, то в Тибете, Китае, Монголии и Бурятии они утратили бы свою силу из-за того, что произносятся не в соответствии с фонетическими правилами санскрита. Сила воздействия мантр зависит от духовной установки человека, от степени его переживаний и опыта, обретенного с помощью данной мантры. Мантры действуют не в силу своей собственной магической природы и сами по себе не обладают каким-либо количеством энергии, они — лишь средство для концентрации сил уже присутствующих в человеке [3, с. 210].

Поскольку для достижения высшей цели — нирваны, освобождения, достижения состояния Будды, постижения собственной буддовости, требуется познание самого себя, то ключевое значение

приобретает работа с собственным сознанием. Путь Ваджраяны также называется путем преобразования страстей. Основной же практикой для достижения этой цели является медитация. Медитация представляет собой практику, приводящую к состоянию мысленного сосредоточения, которая включает в себя «мудрость знания вещи как она есть». Высшая степень концентрации мысли (самадхи) достигается с помощью дхьяны (dhyāna). Состояние дхьяны характеризует полное сосредоточение внимания практика на объекте медитации и успокоение волнения мыслей. Самадхи является состоянием, в котором медитирующий отождествляет себя с объектом медитации. Три аспекта жизнедеятельности человека — его тело, речь и ум задействуются в йогической практике. Йога (yuj — «взнуздывать», «объединение», «объединять») представляет религиозную практику, включающую мудры, мантры и самадхи, в процессе которой адепт идентифицирует себя в трех своих проявлениях с визуализируемым божеством. Ум практикующего (citta), таким образом, идентифицируется с природой ума Будды.

Объектами медитации — от отвратительных до прекрасных и возвышенных — в практике преобразования страстей могут быть самые разнообразные предметы, вещи, явления и визуализации в зависимости от преследуемой на данном этапе цели. Самый распространенный в буддизме Ваджраяны объект для медитации — это мандала пяти дхьяни-будд. Мандала (mandala — «круг», «диск», «сфера», «круговой») — это проекция космоса, олицетворение вселенной в ее чистом аспекте. Мандала может быть визуализирована, нарисована на ткани или сделана из цветных порошков. Термин «дхьяни-будда» был введен в востоковедную литературу в XIX веке для обозначения визуализируемых в процессе медитации пяти татхагата (Tathāgata — «так пришедший» или «так ушедший», эпитет Будды). Представление о татхагатах сложилось в первые века н. э. в Северной Индии и затем было принято многими школами Махаяны. Представление о татхагатах тесно связано с теорией трикаи. Трикая (trikāya — «три тела») — одно из основных понятий Махаяны и Ваджраяны. Согласно концепции трикаи принцип просветления имеет три уровня: абсолютный — дхармакая (dharmakāya — «тело закона»), идеальный — самбхогакая (sambhogakāya — «тело блаженства»), конкретный — нирманакая (nirmanakāya — «обретенное» или «явленное тело»). Со временем эти первоначально абстрактные «три тела» персонифицировались и на их основе возникли образы дхьяни-будд, бодхисаттв.

Всю Вселенную, все ее сферы, все живое и неживое пронизывает дхармакая. Дхьяни-будды — это образы самбхогакаи (тела блаженства). Появление будд на земле, обретение ими зримого и осязаемого земного тела — проявление нирманакаи (явленного тела). Учение буддийской Ваджраяны является в высшей степени символическим и иносказательным. Большинство медитативных практик строится на отождествлении элементов одного порядка с элементами другого. В результате практики медитации приверженец Ваджраяны должен прочувствовать и осуществить тождественность своей природы с природой будды. Для этой цели он отождествляет элементы своего тела с различными аспектами Будды Махавайрочаны, а пять скандх (skandha — «группа») — с пятью дхьяни-буддами.

Самым важным из ряда символических отождествлений в Ваджраяне является соотнесение высших духовных принципов буддизма с сексуальной символикой, что способно задействовать самые глубокие чувственные переживания человека и призвано произвести впечатление, оставить отпечаток в его сознании. Постигание состояния будды достижимо при условии слияния праджни (prajñā — «мудрость», «интуиция») и упай (upāya — «метод»). Праджня достигается в процессе медитации — это интуитивная мудрость, осознание глубинной сути всех вещей, их пустотной природы. Упая представляет собой метод, с помощью которого осуществляется реализация праджни, чем достигается совершенство будды. Праджня считается женским пассивным началом, упая — активным мужским, в практике достижения состояния будды их значение важно и равновелико. Их соединение символизирует достижение состояния недвойственности субъекта и объекта, сансары и нирваны.

Как отмечает С. П. Нестеркин, Ваджраяна являлась весьма эффективным средством формирования того буддийского склада личности, стиля деятельности, который проявлялся буквально во всех сферах жизни. Тантрийскими методами созерцания занимались не только желающие достичь духовных вершин, но и те, которые стремились стать профессионалами в прикладных науках — медицине, астрологии [5].

В зависимости от склонностей, способностей и жизненных обстоятельств практикующего Учитель (гуру) выбирал для ученика наиболее пригодный для него путь к спасению. О наиболее эффективных методах освобождения, об их правильном применении нельзя узнать из текстов. Всему этому можно обучиться только при непосредственном контакте с Учителем — духовным наставником. Только гуру может и имеет право передать все тайны и тонкости учения. Для ученика гуру является ни кем

иным как самим Буддой. Недаром буддийские наставники, разъясняя ученикам важность почитания гуру, сравнивают степень веры в Учителя со степенью реализации: почитаешь своего Учителя как Будду — получишь реализацию Будды, чем меньше твоя вера, тем ниже степень реализации.

Наличие Учителя является одним из важнейших и непременных условий на пути спасения в буддизме Ваджраяны, а выполнение строгих требований, как к выбору учителя, так и к качеству ученика («сосуда») являются необходимым требованием в сотериологии Ваджраяны.

Литература

1. Андросов В. П. Учение Нагарджуны о срединности. М.: Восточная литература, 2006. 846 с.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. М.: Наука, 1980. 333 с.
3. Говинда, Лама Анагарика. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма (согласно эзотерическому учению великой мантры ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ) / Лама Анагарика Говинда. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 470 с.
4. Конзе Э. Буддизм: сущность и развитие. СПб.: Наука, 2003. 288 с.
5. Нестеркин С. П. Личность в сотериологии буддизма махаяны: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2011. URL: <http://study-5.ru/folder-aref/a6-13-ref.htm>
6. Рудой В. И. Истоки идеологии индо-буддийской традиции // Буддизм в переводах. СПб., 1993. Вып. 2.
7. Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 2. Источники и пределы познания. СПб.: Аста-Пресс, 1995. 282 с.
8. Conze E. Buddhist Meditation. London, 1956.
9. Zimmer H. Ewiges Indien. Zurich, 1930. P. 81.

УДК 294.3

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТОВОГО КОРПУСА ВАДЖРАЯНЫ В КИТАЕ

© *Ветлужская Лидия Леонидовна*

кандидат исторических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: vetl@list.ru

История проникновения, становления и развития эзотерического буддизма в Китае подразделяется на три периода, которые правомерно экстраполировать на процесс формирования корпуса текстов Ваджраяны. В статье рассматривается поэтапное формирование текстологического корпуса буддизма Ваджраяны в Китае. Особое внимание уделено второму этапу распространения эзотерического буддизма в Китае (VIII — IX вв.), который в основном хронологически совпадает с периодом правления в Китае династии Тан (618–907 гг.). Этот этап является наиболее важным и продуктивным для всего региона Дальнего Востока. В это время происходит текстологическое и организационное оформление китайской школы Мицзун и дальнейшее распространение эзотерического буддизма в сопредельные страны Дальнего Востока.

Ключевые слова: Ваджраяна, буддизм в Китае, эзотерический буддизм, школа Мицзун, сотериология, текстологический корпус буддизма Ваджраяны в Китае.

THE FORMATION OF THE TEXTUAL CORPS OF VAJRAYANA BUDDHISM IN CHINA

Lidia L. Vetluzhskaya

PhD, A/Professor of the Philology of Far East countries Chair, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The history of penetration, formation and development of Esoteric Buddhism in China is divided into three periods, they are legitimately extrapolated to the formation of a text Corpus of Vajrayana. The article deals with the gradual textual formation of Vajrayana Buddhism Corps in China. Particular attention is paid to the second phase of the spread of esoteric Buddhism in China (VIII–IX cc.), which largely coincides with the period of government of Tang Dynasty (618–907) in China. This phase is the most important and productive for the entire region of the Far East. At this time the textual formation and the institutionalization of the Chinese school Mitsun and the further spread of esoteric Buddhism in the neighboring countries of the Far East were occurred.

Keywords: Vajrayana Buddhism in China, Esoteric Buddhism, the school Mitsun, soteriology, textual Corps of Vajrayana Buddhism in China.

Буддизм как религиозно-философское учение, возникшее в стране с высоким уровнем цивилизации, характеризуется весьма развитой письменной традицией. В своем распространении и развитии в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии буддизм претерпел множество изменений, обусловивших формирование там различных школ и направлений, отличающихся друг от друга по сотериологическому, метафизическому и национальному признакам. По сотериологическому признаку многообразие буддийских школ можно свести к двум направлениям — Хинаяне и Махаяне; по метафизическому признаку — к Абхидхарме и Праджняпарамите; а по национальному — к трем моделям — индийской, китайской и тибетской. Две последние модели представляют собой трансформацию ряда положений индийского буддизма в Китае и Тибете, определившую качественно новый этап в его развитии. Проникновение буддизма в Китай и Тибет было тесно связано с проникновением его письменного творчества и становлением собственной буддийской письменной традиции, отразившей метафизические особенности формирующегося в этих странах нового религиозного учения. Сотериологические и метафизические особенности буддизма китайцев и тибетцев обусловили, в свою очередь, особенности направления и содержания создаваемых ими текстов. Философский канон Ваджраяны сложился во всех национальных традициях буддизма: индийской, тибетской и китайской.

Датирование периода зарождения учения Ваджраяны было и остается задачей исключительной сложности. С большей степенью уверенности можно определить период активного распространения Ваджраяны из Индии в Тибет и Китай — это VIII в. н. э. Отсюда можно заключить, что к концу VII в. н. э. в Индии сформировался единый доктринально-ритуальный комплекс Ваджраяны.

Буддизм Ваджраяны практически в один период времени — в VIII в. н. э. — проник и на территорию Китая, и на территорию Тибета. Известный русский буддолог О. О. Розенберг в начале XX в. писал, что в период угасания буддийской традиции в Индии в V–VII вв. н. э. центрами восточного буддизма становятся Китай и Тибет [2, с. 1, 2]. Китайский буддизм как более ранний повлиял до известной степени на тибетский, но в дальнейшем эти два центра развивались относительно самостоятельно. Таким образом, изучение китайских буддийских канонических текстов является актуальным как минимум с двух позиций. Во-первых, с точки зрения исследования собственно китайского буддизма, во-вторых, для исследования буддийского общепрофессионального пространства Центральной и Восточной Азии в целом. Целью данного сообщения является анализ этапов формирования текстового корпуса Ваджраяны в Китае.

История проникновения, становления и развития эзотерического буддизма в Китае подразделяется на три периода, которые правомерно экстраполировать на процесс формирования корпуса текстов Ваджраяны.

Первый период — с III по VII в. Проникновение текстов, содержащих отдельные элементы учения Ваджраяны, началось в период Троецарствия в III в. с перевода текстов, содержащих заклинания чжоу咒или дхарани толони 陀罗尼: «Священные заклинания семи будд» Цифошэньчжоу 七佛神咒, «Бесчисленные врата тайного учения» Улянвэймичи 无量门微密持, «Священные заклинания владыки Кунцяована» Кунцяованшэньчжоу 孔雀王神咒 и др. Если в начале данного этапа переводов в текстах встречались лишь отдельные дхарани или части сочинений, содержащих элементы «тайного учения», то к VII в. был переведен уже целый текст «Собрание дхарани» Толоницзицзин 陀罗尼集经, состоящий из 12 цзюаней.

С VIII по IX в. длится второй период становления эзотерического буддизма в Китае. В первой половине VIII в. в Китай проникли и были переведены буддийские тантрические тексты, которые составили основу философского канона Ваджраяны в Китае. Проблема взаимовлияния Китая и Тибета в процессе формирования общего направления развития буддизма, особенно буддизма Ваджраяны в Тибете, по сей день остается дискуссионной. В период правления династии Тан (618–907) оформилась школа тантры в Китае — Мицзун (密宗 «тайная школа») или Чжэньянцзун (真言宗 «школа истинных слов»). Ее основателями считаются три индийских монаха — Шубхакарасимха (637–735) (кит. имя 善无畏 Шаньвэй), Ваджрабодхи (670–735) (кит. имя 金剛智 Цзиньганчжи) и Амогхаваджра (705–774) (кит. имя 不空金剛 Букун Цзиньган), прибывшие на территорию Танской империи в VIII в. н. э. За период своего расцвета в Китае Мицзун оказала сильное влияние на культуру, в частности, в области иконографической живописи, а также привнесла культы многих божеств, ставших затем уже независимо от Мицзун, популярными в Китае. Школа Мицзун создала собственную традицию комментирования канонических произведений. Был написан ряд текстов, составлена классификация буддийских учений, в которой традиции Ваджраяны было определено самое высокое положение в сравнении с учениями других школ, представленных в Китае. Сложилась организационная структура школы путем формирования традиции преемственности от патриарха к патриарху. Затем, в начале IX в. н. э., традиция Ваджраяны в ее китайском варианте была воспроизведена в Японии в учении школы Сингон (яп. «истинные слова»).

В результате плодотворной деятельности переводчиков и комментаторов Мицзун в рамках эзотерического направления буддизма в Китае сложился канон, основу которого составили три текста: «Дажиззин» 大日经, «Сусидицзелоцзин» 苏悉地羯罗经, «Цзиньгандинцзин» 金剛顶经.

Первым основополагающим текстом философско-религиозного канона Мицзун стал текст «Дажиззин» 大日经 (санскр. «Махавайрочана-сутра»), перевод которого принадлежит индийскому монаху Шаньвэю. Во многом именно текст «Дажиззин» послужил основой для формирования в Китае философских принципов эзотерического буддизма.

Согласно общепринятой классификации тантры делятся на четыре класса: крия-тантры, чарья-тантры, йога-тантры и ануттара-йога-тантры. «Дажиззин» представляет текст чарья-тантр.

Полное название «Дажиззин» — «Да Пилучжэна чэнфо шэнь бянь цзячи цзин» 大毗卢遮那成佛神变加持经. Полный вариант текста на санскрите содержал 100 тысяч строф. То, что перевел Шаньвэй, было обобщением ее смысла. Сутра была изложена на китайском языке в семи

главах (цзюанях) и названа «Дажичзин» («Сутра [Татхагаты] Великое солнце») [6]. Шаньувэй переводил ее устно, а записывал перевод его китайский ученик И Син, написавший впоследствии обширный и весьма полный комментарий «Дажичзиншу» 大日经疏. Почти за двадцать лет пребывания в Китае Шаньувэй перевел 17 объемных текстов. Важным для школы Мицзун стал также переведенный им текст «Сусидиццелоцзин» 苏悉地羯罗经 (санскр. Сусидхикарамахатантра) [7, р. 266].

Содержание текста «Дажичзин» составляют наставления татхагаты Махавайрочаны (Дажичжулай 大日如来), находящегося во дворце Ваджрадхату (Цзиньганфацзе 金刚法界), тайному владыке Ваджрапани (Цзиньганшоу 金刚手秘密主) [4, с. 87]. В тексте представлено учение о пути восхождения по ступеням совершенствования, которое наглядно отражено в иерархии божеств, будд и бодхисаттв, образующих структурированную картину мироздания — «Тайцзанцзе маньтуло» 胎藏界曼荼罗 (санскр. «Гарбхадхату-мандала»). Именно в мандалах — Гарбхадхату (Тайцзанцзе), описанной в «Дажичзин», и Ваджрадхату (Цзиньганцзе), представленной в тексте «Цзиньгандинцзин», — философская доктрина Мицзун получила свое наглядное символическое отражение.

Ваджрашекхарасутра Цзиньгандинцзин 金刚顶经 (санскр. Vajrasekharasūtra). Текст сутры на китайском языке находится в 18 томе Трипитаки 大正藏, № 865. Полное название текста на китайском языке Цзиньгандин ице жулай чжэньши шэ дачэн сянь чжэн дацзяован цзин 金刚顶一切如来真实摄大乘现证大教王经. Имеются также варианты названия текста Шэдачэнсянь-чжэнцзин 摄大乘现证经, Цзиньгандин юйцзя чжэньши дацзяован цзин 金刚顶瑜伽真实大教王经. Вариант, переведенный Ваджрабодхи Букунцзиньганом, самый распространенный и состоит из трех частей. Ваджрашекхарасутра является текстом, объясняющим содержание Таттвасамграхатантры, оба текста представляют класс йога-тантр. В содержании говорится о мысленном начитывании мантр и о методе вхождения в мандалу через созерцание пяти будд и всех ваджрных бодхисаттв.

Сусиддхикарасутра Сусидицзин 苏悉地经 — «Сутра великих достижений (сиддхи)» (санскр. Susiddhikara-tantra)⁷. Монах Шаньувэй в 726 г. перевел ее с санскрита на китайский язык. В тексте сутры пространно рассказывается о ритуалах, связанных с сиддхи различных частей мандалы: фо бу 佛部, лянхуа бу 莲花部, цзиньган бу 金刚部, бао бу 宝部, е бу 业部.

На китайском языке ее полное название Цзиньгандин юйцзя чжунфа анодоло сань мяо сань пути синьлунь 金刚顶瑜伽中发阿耨多罗三藐三菩提心论. Имеются также варианты названия текста Мяочэнцзюфа 妙成就法 «Способы чудесных достижений», Мяочэнцзюцзоецзин 妙成就作业经 «Сутра [повествующая о том, как] добиться чудесных достижений» и др. «Сусиддхикарасутра» «Махавайрочанасутра» и «Ваджрашекхарасутра» составляют догматический канон школы Мицзун в Китае.

Все сущее рассматривается в тексте «Сусиддхикарасутры» как проявление единого начала — Будды Махавайрочаны Дажи жулай 大日如来. По этой причине его изображение помещалось в центр мандалы. Татхагату Махавайрочану окружают четыре дхьяни-будды: на востоке — татхагата Акшобхья Ацужулай 阿阇如来, на юге мандалы — татхагата Ратнасамбхава Баошэнжулай 宝生如来, на западе — татхагата Амиабха Амитофожулай 阿弥陀佛如来, на севере — татхагата Амогхасиддхи Букунчэнцзюжулай 不空成就如来. Каждый из пяти дхьяни-будд возглавляет определенную «семью»: татхагата Махавайрочана — семейство будды фо 佛, татхагата Акшобхья — семейство ваджра цзиньган 金刚, татхагата Ратнасамбхава — семейство ратна бао 宝, татхагата Амиабха — семейство падма лянхуа 莲花, татхагата Амогхасиддхи — семейство карма е 业. У каждого татхагаты свой цвет,

⁷ На санскрите — языке первоисточника — текст называется «Сусиддхикаратантра», поэтому точнее будет называть текст «тантра». Однако на китайском языке используется обозначение текста цзин 经, которое традиционно переводится как «сутра». Поскольку анализируется вариант текста на китайском языке, используем термин «сутра».

атрибуты, он изображается в определенной позе и способен дать адепту определенные сверхъестественные способности — сиддхи.

Третий период начинается с X в. с проникновением в Китай учения Ваджраяны позднего периода. В начале эпохи Северная Сун (960–1127) индийские монахи Фатянь, Тянь Сицзай, Люй Худэн привозят в Китай тантры, относящиеся к разряду тантр высшей йоги и в 982 г. организуют институт переводов. Были переведены важнейшие тексты, однако их содержание вступило в противоречие с китайскими этическими представлениями, поэтому тексты переводились в сокращенном варианте, их язык упрощался, что не могло не сказаться на передаче их смысла. В результате учение ваджраяны позднего периода не было воспринято в Китае, а следовательно, не проникло в Корею и Японию. Нужно отметить, что данный период остается наименее изученным в контексте оформления текстологического корпуса Ваджраяны в Китае.

Таким образом, второй период распространения эзотерического буддизма в Китае (VIII — IX вв.), хронологически совпавший с периодом правления в Китае династии Тан (618–907), является наиболее важным и продуктивным для всего региона Дальнего Востока. Культы божеств Мицзун, представленные в текстах Махавайрочанасутры, Ваджрашekhхарасутры и Сусиддхикарасутры, стали популярны в Китае, а затем в Корее и Японии во многом благодаря изобразительному искусству — живописи мандала, которое занимало в ритуальном комплексе Мицзун важное место.

Литература

1. Ветлужская Л. Л. Цзи шэнь чэн фо // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006. С. 541.
2. Розенберг О. О. Проблемы буддийской философии. Петроград, 1918.
3. 黄忏华. 大日经 // 中国佛教. 上海, 1996. [Хуан Чаньхуа. Да жи цзин // Чжунго фоцзяо. Шанхай, 1996. С. 87].
4. 周一良. 唐代密宗. 上海: 远东出版社, 1996. [Чжоу Илян. Школа Тантры эпохи Тан. Шанхай, 1996]. 327 с.
5. 大日经 // 密宗共修持要法. 西安, 1993. [Дажицзин (Махавайрочана — сутра) // Мицзун гунсючи яофа (Методы практики Ваджраяны). Сиань, 1993].
6. Тайсё синсю Дайдзёкё (Китайская Трипитака, заново изданная в годы Тайсё, ТСД). Т. 18. No. 0848. URL: http://read.goodweb.cn/esutra/read_sutra.asp?id=871&word=大日经
7. Chou Yi-liang. Tantrism in China // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, 1945. Vol. 8. № 3, 4.

УДК 008(510)

«КАНОН СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ» — КОНФУЦИАНСКИЙ ТРАКТАТ О ПРЕДАННОСТИ РОДИТЕЛЯМ

© *Дэжао Шу Ин*

доктор Института гуманитарных и социологических наук Сианьского университета Дэжао Тун
Китай, 710049, г. Сиань, ул. Сан нин си лу, 28
E-mail: qjushui_0103@stu.xjtu.edu.cn

© *Пэн Лин*

доктор Института иностранных языков
Сианьского университета Дэжао Тун
Китай, 710049, г. Сиань, ул. Сан нин си лу, 28
E-mail: peng_ling2002@126.com

«Канон сыновней почтительности» — основной литературный памятник конфуцианства периода Чуньцю и Чжаньго. Несмотря на то, что его объем весьма небольшой, однако он системно и цельно излагает моральные принципы конфуцианства. Почитание родителей является основой данного канона, все вопросы, начиная с «Что есть принцип почитания родителей, каким образом осуществлять эти принципы и т. д.», изложены в нем. «Канон сыновней почтительности» стал эффективным средством управления страной во времена феодализма, а также основой морального кодекса китайского народа, передаваемого из поколения в поколение.

Ключевые слова: конфуцианство, «Канон сыновней почтительности», преданность родителям.

«CANON OF FILIAL PIETY» — THE CONFUCIAN TREATISE ON DEVOTION TO PARENTS

Zhao Shu In

Dr., Institute of Humanities and Social Sciences of Xi'an Jiao Tong University
28 San nin xi lu St., Xian, 710049 China

Pen Lin

Dr., Institute of Foreign Languages Xi'an Jiao Tong University
28 San nin xi lu St., Xian, 710049 China

The «Canon of filial piety» — is the main Confucian literary monument of Chunqiu and Warring States period. Despite the fact that its volume is very small, but it presents systematic and coherent moral principles of Confucianism. Honoring parents is the basis of the canon: all questions, beginning «what is the principle of honoring the parents, how to implement those principles, and so on,» are stated in canon. The «Canon of filial piety» became effective way in governing the country in the period of feudalism, and became the basis of the moral code of the Chinese people, transmitted from generation to generation.

Keywords: Confucianism, «Canon of filial piety,» devotion to parents.

赵述颖, 彭玲

《孝经》中的儒家孝道思想解读

[摘要]: 《孝经》是中华儒家经典中唯一的专门论孝的文献, 虽然篇幅很短, 但对《孝》有着丰富的论述, 比较系统、完整地阐发了儒家的伦理思想。《孝道》是中华民族传统文化之精髓, 对中华民族的发展, 增强民族凝聚力, 形成民族价值观的共识, 起到了积极作用。文章以《孝》为中心, 通过从《孝之本源》、《孝之诠释》以及《孝之践行》三个方面深刻阐释了先秦时期儒家的孝道观念。

[关键词]: 儒家; 《孝经》; 孝道

《孝经》成书于秦汉之际, 相传为孔子的门人所作, 是中华儒家经典中唯一的专门论孝的文献。

《孝经》是对孔子、曾子、孟子孝道思想的全面继承发展, 标志着儒家孝道理论创造的完成。在漫长的中国历史发展进程中, 《孝经》不仅被封建统治者视为治国平天下的有力武器,

也被历代学者所推崇和重视,更是广大黎民百姓广为传习的基本道德准则,对中国传统文化的发展具有积极的推动作用。

一、孝之起来源

《孝经》对《为何行孝》作了全面的发挥,不仅论证了孝道是一切道德的根本,是天经地义的人伦规范,而且还从人性方面强调了孝的重要地位。《孝经》从道德教化本身的角度论孝道的重要性,指出《孝》是先王的《至德要道》,将孝确定为一切道德的根本,认为孝是所有品行教化的本源,是所有道德当中的最高德目。作为人间的仪轨,孝更成为可以与《天之经》和《地之义》相提并论的终极真理。显然,《孝经》论《孝》,主要包括了《孝之始》的事亲人伦与《德之本》的人格修养。

其一,《孝之始》的事亲人伦

《孝》是中国传统文化的基石。因此,《孝》作为必然的人伦关系,是从上下辈血亲关系中引出的,《孝悌也者,其为仁之本与?》(《论语·学而》)《孝》是人类相生相养的自然情感,是人性的一种本能体现。人与父母之间存在着天然的血缘亲情,这种亲情关系是客观存在的。每个人一生下来,均不能免于父母之怀,血缘关系和父母的养育使孩子对父母产生真诚、自然、强烈的敬爱之情。孩子对父母的这种感情是其对哺育自己生命的人的感情,这是人的本性,是良知、良能的表现。

《父子之道,天性也。》(《孝经·圣治章》)

每个子女都无法选择自己的父母,却抹杀不掉与父母间的这种天然的情感。因此,《孝》是以血缘关系为纽带建立起来的人类最根本、最淳朴的关系,是人一切良好品德形成的道德基石。

《故不爱其亲而爱他人者,谓之悖德。不敬其亲而敬他人者,谓之悖礼。》(《孝经·圣治章》)

这就是说,若是一个人如果连生育抚养自己的父母都不爱,怎么能够去爱他人哪?故而广大的《仁爱》,必须从《孝亲》开始。

《居则致其敬,养则致其乐,病则致其忧,丧则致其哀,祭则致其严》。

这就是《孝经》按照人生老病死等生命过程,所提出《孝》的具体要求。《居则致其敬》,是作为一个真正的孝子在与父母相处的时候,应该极尽《诚敬》之心尽孝道,最为关键是要突出一个《敬》字。子曰:《今之孝者,是谓能养也。至于犬马,皆能有养。不敬,何以别乎?》(《论语·为政》)

其二,《德之本》的人格修养

《夫孝,德之本也,教之所由生也》(《孝经·开宗明义》),儒家思想把《孝》作为道德的根本,在倡导《以仁德治于天下》的儒家思想体系中,《孝》的地位之高。《没有对家的敬爱归属之情,就不会具备成‘仁’(a consummste human being),成为社会政治之‘君子’(exemplary person)所必需的道德和精神修养。《^[1]作为《孝》为《仁》的本原,而《仁》和《义》是《立人之道》。正如《周易·系辞》中所言:《立天之道,曰阴曰阳,立地之道,曰柔曰刚,立人之道,曰仁曰义。》

《内在修养与外在事功的一致与和谐,是孔子理想人格的最高层面。》^[2]《孝经》在诉求理想道德人格中不但展现了儒家学者《情理结合》的哲理精神,也体现了《德之本》的人格修养。

二、孝之诠释

中国最早的一部解释词义的著作《尔雅》对《孝》的定义是:《善事父母为孝》;汉代的贾谊在《新书》中界定《孝》为《子爱利亲谓之孝》;东汉许慎在《说文解字》中对《孝》解释为:《善事父母者,从老省、从子,子承老也》。^[3]意思是说,《孝》字是由《老》字而省略了下半部分,加上《子》字组合而成的会意字,其含义是《善事父母》。《孝》的古文字的形态结构是与《善事父母》的涵义是相吻合的。可

见,《孝》就是子女对父母的一种善行和美德,是处理家族与社会关系中晚辈与长辈之间关系必须遵循的道德准则,也是中华民族的优秀传统美德。对《孝》的重要性的认识主要在以下两个方面:

一方面,孝的政治维度:是天下安定平和的必然要求。

《孝经》以大量篇幅论述孝的社会政治功用,首先极言孝之美好:《是以其教不肃而成,其政不严而治》;《明王以孝治天下》就会《天下和平,灾害不生,祸乱不作》;《教民亲爱,莫善于孝》。如果治天下不讲孝,即使能够达到善治也不被称许:《不在于善,而在于凶德,虽得之,君子不贵也》。孝道的社会政治功用,即孝道能够敦睦长幼,能够醇化风俗,最终有利于天下安定和合。

《谨庠序之教,申之以孝悌之义,颁白者不负戴於道路矣。》

即向百姓申明孝道敦促其行孝道可以使老有所养、老有所依,这是王道平治天下的前提条件之一。

。

《不得乎亲,不可以为人;不顺乎亲,不可以为子》;

《获於上有道,不信於友,弗获於上矣。信於友有道,事亲弗悦,弗信於友矣》。

即孝养父母以取得父母的悦纳,是为人子者得以自立的条件,也是取得朋友信任进而获得君上青睐的先决条件。

《仁之实,事亲是也。》

即孝养父母是《仁》的根本。可见,《孝经》关于孝道的描述,主要从强调内心境界转移到为人子者对待双亲的外在态度上。也就是说在解释《什么是孝》这个问题,关注的不是为人子的内心情感或者情感的自然流露,而是强调外在的态度:

《孝子之事亲也,居则致其敬,养则致其乐,病则致其忧,丧则致其祭则致其严,五者备矣,然后能事亲。》

即居家要表现出对父母的恭敬,供奉饮食要表现出照顾父母的快乐,父母生病时要表现出对父母健康的忧虑关切,父母去世时要表达悲伤哀痛,祭祀的时候要表达敬仰肃穆,这些都做到了,即算是能事奉双亲尽孝道。

另一方面,孝的伦理维度:是《仁》作为一个崇高的道德范畴本身的要。

儒家思想的中心是《仁》,认为一切德目都由《仁》出发,而在诸德目中,孝又是最根本的。家庭是社会结构的一个基本细胞,家庭的稳定是社会稳定的首要前提,只有家庭稳定了社会才会稳定,社会稳定了人们的生活才有秩序,进而人们的根本利益才能得到保证。因此,才有了孟子《齐家、治国、平天下》的思想。《孝》是一切人都应遵循的道德规范。

《夫孝,天之经也,地之义也,民之行也。天地之经而民是则之。》(《孝经·三才章》)

这就是点明了,《孝》是天经地义的,是自然规律的体现和精髓,也是人的行为准则。天、地的运行规律是百姓依顺的法则。效法上天那永恒不变的规律,顺合地理形势所带来的益处,因势利导地顺应天下民事,即达到治理天下的目的。

《爱亲者,不敢恶于人;敬亲者,不敢慢于人。》(《孝经·天子章》)

以《孝》为核心的道德情感是建立在血缘基础之上的血亲关系。即要爱自己的父母亲人,而这种爱就是人性和人类之爱的体现;没有人性和人类之爱精神者,是既不会孝敬父母,更不会推己及人地爱其他人。不仅要对自己的亲人恪尽孝道,还要孝而广之。

《天地之性人为贵,人之行莫大于孝,……父子之道,天性也。》(《孝经·圣治章》)

《孝经》不仅指出孝道是一切道德的根本，是天经地义的人伦规范，而且还从人性方面对孝道根据进行了论证。天地间的万物生灵，只有人最为宝贵。人的各种品行中，没有比孝行更重要、更伟大的了。父子关系体现了人类天生的本性，所以他们相互亲爱，相互关心。这就从人性的角度指出孝道的合理性，即认为所有品行中最重要的孝道是合乎人性的，因为父母与子女之间的亲情关系是自然天生的本性。

《子曰：君子之教以孝也，非室至而日见也。教以孝，所以敬天下之为人父者也。教以悌，所以敬天下之为人兄者也。教以臣，所以敬天下之为人君者

诗云：恺悌君子，民之父母。非至德，其孰能顺民如此其大者乎？》（《孝经广至德章》）

君子要言传身教，敬父以孝，敬兄以悌，敬君以臣道，才能使上下同心同德，长幼有序，使孝道推而广之。孝道，是个人在家庭和社会安身立命并得君行道的必然要求。

三、孝之践行

《孝经》认为孝是人类固有的良知和美德，是先天生成的，这是从人性的角度说，来源于孟子的性善说。子曰：《欲正人，先正己》，《孝》德之对天子、诸侯、卿大夫、士、庶人等不同等级的人实行孝道的方法做出了具体规定，比如，天子治天下、诸侯治国、卿大夫事君、庶人事亲都是《爱敬尽于事亲，而德教加于百姓，刑于四海。》（《孝经·天子章》）

对于富有四海的天子，要对老亲做到爱敬，对民实行德治，用榜样的作用来感化人。也就是说，天子之孝是不仅要对自己的亲人恪尽孝道，还要推而广之，以此教育人民，规范天下。

《在上不骄，高而不危。制节谨度，满而不溢……富贵不离其身，保其社稷，和其民人。》（《孝经·诸侯章》）

对于诸侯的要求是生活节俭，慎行礼法典章，即使国库充裕，也不能奢侈腐化。如果做到这样就可以保其国家，而且使人民和睦。

《非先王之法服不敢服，非先王之法言不敢言，非先王之德行不敢行，是故非法不言，非德不行。口无择言，身无择行；言满天下无口过，行满天下无怨恶。》（《孝经·卿大夫章》）

对于卿大夫，要以《孝》为核心的道德原则来立身行事，特别强调其服饰，言论，行动都必须遵守礼制，为民众做出表率，然后才能保住地位，这就可以表述为《忠》，对上为《事君》，对下是《和民、利民》。《以孝事君则忠，以敬事长则顺。忠顺不失，以事其上。》（《孝经·士章》）

对于士人，要求将孝心化为忠顺。孝的基础是对母亲的爱和对父亲的敬，因此，士人要以对父亲的崇敬之心去侍奉君主，就能做到忠诚；以侍奉父兄来侍奉作为上级的公卿大夫，如果能永远保持忠诚和顺从之心，就能永远保住自己的俸禄和官爵《用天之道，分地之利，谨身节用，以养父母》。（《孝经·庶人章》）

在儒家孝道理论中，奉养父母的价值虽然要低于敬爱父母，但奉养父母仍然是非常重要的，是善事父母的最基本义务。对于庶人，行为谨慎，节省俭约，以此来孝养父母。虽然从道德价值上来说，尊敬父母、关心父母的确要高于奉养父母，但尊敬父母、关心父母无疑是建立在奉养父母的基础之上的。

《事亲者居上不骄，为下不乱，在丑不争。居上而骄则亡，为下而乱则刑，在丑而争则兵。三者不除，虽日用三牲之养，犹为不孝也。》（《孝经·纪孝行章》）

就是指明，孝子在社会生活中还要《居上不骄，为下不乱，在丑不争》，否则祸患临头。即使对父母供养得再好，也是不孝。

虽然每个等级由于社会地位不同，行《孝》时的责任和具体要求也就不一样。但是，对父母的养和敬却是相同的，也是一贯的。故而《孝经·庶人章》说：

《故自天子至于庶人，孝无终始而祸患不及者，未之有也。》

践行孝道的三个层次实际上是《孝经》对行孝的境界高下之分。譬如对于庶人来说，孝仅仅是《养父母》即《事亲》，而士人、卿大夫和诸侯是《事君》并立身扬名，天子行孝不仅是最高程度的立身扬名，而且可以在此基础上布德于四海。因此，《孝经》关于为人子者践行孝道的要求贯穿着这样一条逻辑顺序：孝行的最高境界是扬名显亲，而扬名显亲的必由之路则是事奉君上，尽孝和事奉君上也就互为表里、密不可分。

总体说来，《孝》不但是一个人道德品质的体现，也使中华民族的民族特征逐步得到强化。《儒家提倡的‘孝’，是中国人的重要的传统道德之一，是中国社会的上至天子、下至庶民所共同具有的最基本的一项伦理规范和行为准则。而这种孝道观又是中华民族区别于世界上其他民族的最大的文化特质》^[4]

参考文献：

[1][美]罗思文,安乐哲.生命之本——《孝经》的哲学诠释及英译[M].北京大学出版社, 2010: p. 2.

[2]朱义禄.儒家理想人格与中国文化 [M] . 上海: 复旦大学出版社, 2006: p.18.

[3]许慎.说文解字 [M] .中华书局,1963: p. 173.

[4]吴灿新. 辩证道德论——道德流变的立体图式 [M] .北京: 中国社会科学出版社, 2004: p. 192.

ИСТОРИЯ

УДК 316.42 (512.36)

КРИЗИСНЫЕ ЗОНЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ — МинОКН Монголии № 15-21-03006
«Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.»

© *Бадараев Дамдин Доржиевич*

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент кафедры теории социальной работы
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: damdin80@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению модернизационных аспектов в современном монгольском обществе с позиций комплексного подхода в политике, экономике, социальной и духовной сферах. Представлены новые данные статистики, проведен вторичный анализ результатов некоторых исследований. Отмечена производность миграционного настроя аратов-кочевников от состояния пастбищного скотоводства. Проанализированы наиболее кризисные периоды в становлении современного монгольского общества, которые названы «зонами турбулентности». Представлена периодизация зон/этапов турбулентности в монгольском обществе: 1991–1993, 1998–2000, 2008–2010 гг. На основе выявленной периодичности между зонами турбулентности выдвинуто предположение о вероятности возникновения нового четвертого этапа. Обретение Монголией независимого статуса на международной арене, наличие «минерально-сырьевого щита», экономический рост, открытость для иностранных инвестиций дают основания для позитивного прогноза в дальнейшей перспективе.

Ключевые слова: Монголия, трансформация, модернизация, турбулентность, социальная нестабильность.

CRISIS ZONES IN MODERNIZATION OF THE MONGOIAN SOCIETY

Damdin D. Badaraev

PhD, senior research fellow of IMBTS SB RAS, A/Professor of the department of social work
of Buryat State University
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Article is devoted to consideration of modernization aspects in the modern Mongolian society from positions of integrated approach in policy, economy, social and spiritual spheres. New statistical data are presented, the secondary analysis of the results of some researches is carried out. Derivativeness of the migratory spirit of nomads from the condition of pasturable cattle breeding is noted. The most crisis periods in formation of the modern Mongolian society which are called «turbulence zones» are analysed. The periodization of zones/stages of turbulence in the Mongolian society is presented: 1991–1993, 1998–2000, 2008–2010. The assumption of probability of emergence new — the fourth stage on the basis of the revealed frequency between turbulence zones is made. Finding of the independent status by Mongolia on the international scene, existence of «a mineral and raw board», economic growth, openness for foreign investments give the grounds for the positive forecast in further prospect.

Keywords: Mongolia, transformation, modernization, turbulence, social instability

Трансформационный период затронул все устоявшиеся общественные процессы в Монголии, что в результате сказалось на коренном преобразовании и переориентации дальнейшего развития Монголии.

По большому счету применительно к переходным обществам модернизация может являться средством, целью и результатом. Становление монгольского общества в новых экономических условиях начиная с 1990 г. можно назвать временем поиска ориентиров, стремления к фактическому обретению независимого статуса на мировой арене, временем волнообразных, а порой и «штормовых» процессов, причем некоторые из них до сих пор с трудом поддаются научному осмыслению. За четверть

века реформ монгольскому обществу были присущи спады и подъемы как в экономике, политике, так и в социальной сфере.

Если обратиться к статистике, то можно отразить основные социально-демографические и экономические характеристики монгольского общества: население в феврале 2015 г. достигло 3 млн чел.; городское население составляет 66,4 %, сельское — 33,6 %; в столице г. Улан-Батор население — 1 млн 363,0 тыс. чел.; занятое население — 1 млн 110,7 тыс. чел., экономически активное население — 1 млн 206,6 чел.; общая безработица — 95 856 чел. (7,9 %), регистрируемая — 36 970 чел. [11, с. 28].

Таблица 1

ВВП Монголии по отраслям экономической деятельности за 2011–2014 гг., в % [11, с. 218]

	2011	2012	2013	2014
Горнорудная промышленность	21,8	17,8	15,9	17,6
Оптово-розничная торговля	22,1	19,9	18,4	16,4
Сельское хозяйство	10,2	11,2	13,4	14,0
Обрабатывающая промышленность	8,6	9,0	10,7	10,6

Процессы, происходящие в монгольском обществе, практически по всем позициям совпадают с указанными американским социологом-экономистом Нейлом Смелзером признаками, который описывает модернизацию как комплексное, многомерное смещение в шести областях. В экономике отмечается появление новых технологий, коммерциализация сельского хозяйства, использование энергий и механизмов, урбанизация. В политике: система избирательного права, политических партий, демократического правления. В образовании — ликвидация неграмотности, рост ценности знаний, квалифицированного труда. В религиозной сфере — освобождение от влияния церкви. В институте семьи — ослабление внутрисемейных связей, функциональная специализация семьи, в стратификации — усиление мобильности, индивидуального успеха и ослабление предписаний в зависимости от занимаемого положения [12, с. 18]. Тому подтверждение количественные и качественные изменения в Монголии, которые происходили начиная с 90-х гг. XX в.:

1. В экономике: привлечение зарубежных специалистов разного профиля для внедрения новых технологий, особенно в горнорудной и обрабатывающей промышленности, строительстве и других отраслях экономической деятельности, приватизация практически всего сельского хозяйства, основанном на кочевом скотоводстве, использование энергий солнечного света, ветра скотоводами и планируемая система ветряных станций в местности Салхит Центрального аймака, гидроэлектростанций на реке Селенге и ее притоках, активная урбанизация Улан-Батора и других крупных городов.

2. В политике: новая форма государственного устройства закреплена Конституцией Монголии, которая принята в 1990 г. С тех пор Монголия стремится к базовым ценностям западной демократии, с выборной системой и многопартийностью. Высшим законодательным органом является Великий государственный хурал, а президент представляет исполнительную власть во главе с правительством.

3. В образовании: до 1990 г. система образования в Монгольской Народной Республике была создана по советскому образцу. Уровень грамотности среди взрослого населения МНР к 1990 г. достиг 95 %. Система высшего образования в Монголии полностью коммерциализирована и основана на двухуровневой болонской системе образования. В процессе реформирования образовательной сферы происходит укрупнение государственных и закрытие низко конкурентных частных образовательных учреждений. Получение образования занимает ведущую позицию в иерархии ценностей современной молодежи. Молодежь Монголии активно осваивает новые зарубежные пространства с целью получения качественного образования. Происходит быстрый рост престижа образования, которое, по мнению многих родителей и студентов, открывает более широкие возможности для овладения специальностью и получения в дальнейшем относительно высокооплачиваемой работы с соответствующим социальным статусом.

4. В религиозной сфере: в первые годы советской власти значительная часть монастырей была ликвидирована и разрушена, а ламы подвергнуты гонениям и репрессиям. В результате в социальной структуре монгольского государства в разы уменьшилась численность представителей буддийского духовенства — священнослужителей, лам и хувараков. Однако власти страны все же сохранили существовавшую религиозную систему, чему подтверждение функционирование на протяжении социа-

листического периода немногочисленных буддийских монастырей и храмов. В переходный период для Монголии было характерно проникновение самых разных религиозных течений и сект, что явилось следствием развития демократии, свободы вероисповедания, открытости страны для внешнего мира. В современной религиозной сфере Монголии представлены мировые религии наравне с развитием шаманизма, религиозных сект, движений и течений.

5. В институте семьи: проблемы семьи и брака в Монголии имеют особую актуальность в связи с преобразованием ценностных основ общества и ускорением процессов глобализации. В контексте современных модернизационных процессов все четче наблюдается столкновение семейных и внесемейных ценностных установок: с одной стороны, семья относится к важнейшим жизненным ценностям, с другой — индивидуальность и независимость человеческого поведения в рамках семьи и за ее пределами не всегда сопровождаются полноценным выполнением супругами семейно-ролевых функций и обязанностей.

6. В стратификации: современное монгольское общество обретает черты общества постпереходного периода. Однако структурирование населения страны представляется достаточно сложным процессом в силу незавершенности трансформационных процессов и отсутствием единых концептуальных подходов в изучении стратификации населения. Поэтому на сегодня целесообразно рассматривать социальную структуру Монголии по довлеющим отдельным социальным группам и стратам. Конституируются границы между социальными группами. Усиливается дифференциация и поляризация населения. Тенденции изменения и становления социально-стратификационной структуры населения находят свое подтверждение в статистических данных и результатах социологических исследований. В условиях трансформации усугубляются процессы дифференциации общества, ускоряется социальная мобильность населения. Одним из ведущих факторов социальной мобильности в обществе является образование.

В рассматриваемом ключе занятие традиционным скотоводством приобрело двусмысленный характер, поскольку, с одной стороны, многие араты-скотоводы предпочли поменять привычный тысячелетний кочевой образ жизни на городскую среду с многообещающими перспективами и возможностями, а, с другой — наоборот, часть горожан предпочла переселиться в худон (сельскую местность) для занятия скотоводством, чтобы прокормиться и избежать участи «социального дна». Значение кочевничества применительно к монгольскому обществу концептуально не изменилось за столь длительный период и в основном был связан с пастбищным скотоводством. Ориентируя экономику Монголии на развитие традиционного скотоводства, руководство страны предприняло ряд шагов по восстановлению и увеличению поголовья скота, поощрение скотоводов, планомерное поднятие цен на продукты и сырье животного происхождения. Выбранный курс принес реальные плоды, поскольку, по данным статистики, отмечается практически ежегодное увеличение поголовья скота в Монголии. Впервые, по данным за 2014 г., поголовье монгольского скота достигло 51,9 млн голов, из них лошадей — 3,0 млн, КРС — 3,4 млн, верблюдов — 0,3 млн, овец — 23,2 млн, коз — 22,0 млн голов. Численность частных домохозяйств, имеющих более 1000 голов скота, достигла 6 808, тогда как в 2010 г. их было 2 406 [11, с. 369, 377]. Ориентир на сохранение скотоводства выбран неслучайно, поскольку и экономически, и политически это имеет позитивный смысл. В рамках развития туризма и политики открытости исконная отрасль хозяйства монголов обретает черты реального бренда монгольской экономики наравне с отраслью минерально-сырьевых ресурсов. Кашемировая и кожаная индустрия, мясное производство небезосновательно считаются одними из показателей «знака качества» продукции Монголии. Следовательно, можно предположить, что от состояния кочевого скотоводства во многом зависит миграционный настрой аратов.

Основные причины и факторы миграционных потоков населения обусловлены современными рыночными, экономическими и демократическими процессами, ускоряемыми глобализацией и модернизацией. Резонно возникает дилемма цивилизационного характера, связанная с сохранением кочевого образа жизни или же началом вступления экономики страны в фазу ускоренного технологического развития по аналогии с высокоразвитыми странами.

Трансформационные изменения в постсоциалистической Монголии демонстрируют нестабильность политической и экономической систем, где достаточно высок риск проведения массовых политических акций и протестных движений. Кроме того, особое внимание широкой общественности привлекает проблема передела минерально-сырьевых ресурсов. По некоторым оценкам, в Монголии зарегистрированы более 6000 месторождений полезных ископаемых, в частности, имеются запасы 2 млрд тонн меди, 3 100 тонн золота, 7,55 млн тонн цинка, 150 млрд тонн угля, 5 млрд барреля нефти

[10]. Добыча полезных ископаемых на территории Монголии за последние десятилетия приобретает угрожающий экологическому равновесию характер. Учитывая действующие законы мирового рынка, возрастающие запросы ведущих экономических держав в минерально-сырьевых ресурсах, можно предположить, какие тенденции ожидают страну в ближайшие десятилетия.

Наиболее кризисные этапы переходного монгольского общества можно назвать «турбулентными», когда на одной плоскости пересекается ряд негативных политических, экономических, природно-климатических и социальных векторов.

Понятие «турбулентности» рассматривается в рамках концепции «общества всеобщего риска» О. Н. Яницким: «турбулентность» в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. «Турбулентность» это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами [13, с. 158].

После краха социалистической системы Монголия несколько раз попадала в турбулентные зоны. Данные статистики и результаты социологических исследований подтверждают усиление процессов турбулентных «завихрений» в определенные периоды времени [9]. Мониторинговые исследования, проведенные Институтом философии, социологии и права АНМ в 1991–1994 гг. выявили, что 40–50 % опрошенных практически постоянно выражали возрастающие негативные формы оценки своей жизнедеятельности и политической обстановки в стране [7, с. 121]. На начальном этапе реформ были подорваны основы функционирования производственной сферы Монголии, когда негативные социально-экономические и демографические процессы усугубили социальную напряженность в обществе — галопирующая инфляция, рост показателей бедности, безработицы, коррупции, нерегулируемой миграции, преступности, смертности при снижении рождаемости и т. д.

С учетом комплекса факторов можно условно выделить следующие турбулентные зоны в становлении Монголии после демократической революции 1990 г.:

1. Первая турбулентная зона — 1991–1993 гг.: начало кардинальных политических реформ с ориентиром на западные ценности демократии, многопартийную систему и рыночную экономику; инфляция, приватизация, резкое прекращение советского экономического патронажа — индекс ВВП упал на более чем 30 %, в 1991 г. составил 9,2 %, почти 25 % населения оказалось за чертой бедности, безработных стало более 70 тыс. чел., инфляция достигла в 1992 г. 325 % [4, с. 19].

2. Вторая турбулентная зона — 1998–2000 гг.: отставка первого правительства демократов как результат дезинтегрированности и неудачного опыта, «...политическая нестабильность из-за почти ежегодной смены премьеров и состава правительства, слабость экономической политики, в результате чего положение страны на конец 1999 г. по ряду показателей — внутренней и внешней задолженности, бюджетному дефициту, внешней торговли и др. — стало хуже, чем в 1966 г.» [6, с. 46]; мировой финансовый кризис 1998 г.; сильнейший дзут 1998–1999 и 1999–2000 гг. унес до 10 млн голов монгольского скота, что стало причиной роста социальной напряженности, падения уровня жизни скотоводов и вынужденной сельско-городской миграции.

3. Третья турбулентная зона — 2008–2010 гг. — июльская революция 2008 г., когда в ходе беспорядков погибли 5 человек, 300, в том числе 100 полицейских, получили ранения, 760 человек были арестованы, создание коалиционного правительства [5, с. 44], экономический кризис 2008 г. снизил ВВП Монголии в 2009 г. до –1,3 %, бескормица 2009–2010 гг., по некоторым оценкам, привела к потере до 8 млн голов скота.

Учитывая, что весь период новейшей истории Монголии имеет многочисленные казусы и перипетии, все же выделенные этапы представляются наиболее критическими, когда воедино слился ряд негативных факторов социального, экономического, политического и природно-климатического характера. В зоны «завихрения» каждой очередной турбулентности попадали простые араты-скотоводы, интеллигенция, формирующийся слой предпринимателей и бизнесменов и другие слабозащищенные слои общества. Выход из турбулентного состояния обуславливался ослаблением совокупного влияния негативных факторов и сопровождался снижением общей напряженности. Преодоление каждого последующего турбулентного этапа происходило на качественно новом уровне, что в некоторой степени демонстрирует конструктивный характер кризисных периодов в становлении современного монгольского общества. Так, показатели ВВП Монголии уже в 2010 г. составили 6,4 %, в 2011 г. — 17,5 %, в 2012 г. — 12,4 %, в 2013 — 11,7 %, а в 2014 г. — 7,8 % [11, с. 217].

Темпы экономического роста Монголии за последние несколько лет, политика, основанная на принципах «многоопорности» и «третьего соседа», дают основания полагать, что, несмотря на кризисные колебания в мировой экономике и нестабильности политического устройства, страна неуклонно стремится к выравниванию курса развития страны в направлении демократии, развитого гражданского общества, политического плюрализма и свободного рынка.

Тем не менее практика показывает, что турбулентность в модернизационном процессе для монгольского общества является неоспоримой константой, также как и для многих других обществ переходного периода. Данная характеристика демонстрирует элементы неопределенности, низкой социальной стабильности и устойчивости развития. Экономика Монголии, базирующаяся на минерально-сырьевой основе, горнорудной промышленности и скотоводстве, весьма уязвима и всецело зависима от мировых закупочных цен на природные ресурсы, а также от экологических и природно-климатических причин. Еще один фактор турбулентности — низкая финансовая самостоятельность страны, в связи с расширяющейся «долговой ямой» возникает еще большая зависимость Монголии от кредитно-денежной политики МВФ, Мирового банка, Азиатского банка и зарубежных стран-доноров.

Турбулентность в социальных процессах имеет противоречивый, нестабильный и неупорядоченный характер, поэтому и для современного этапа Монголии не исключены возможности наступления нового «турбулентного этапа», что может быть связано как с внутренними причинами, так и с внешними причинами — известными кризисными явлениями в мировой экономической и политической системе. Отмеченные зоны/этапы турбулентности продемонстрировали закономерность с 7–8 летним циклом, но все же имеющиеся проблемы дают основания полагать, что нарастающие «завихрения» могут перерасти в очередную — четвертую зону турбулентности.

Несмотря на пессимистические взгляды, появление подобных турбулентных зон должно только укрепить позиции Монголии в международной политической и экономической системе и дать толчки для дальнейшего экономического роста и развития гражданского общества.

Литература

1. Бадараев Д. Д. Модернизация монгольского общества: социальные аспекты // Власть. 2013. № 2. С. 188–191.
2. Батбаяр Т., Галиймаа Н. Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990–2008 гг.) // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 223–231.
3. Галиймаа Н. Внутренняя миграция населения в 1990–2010 гг. на примере г. Улан-Батор // Монголия на перекрестке внешних миграций. Улан-Батор, 2011. С. 5–9 (на монг. яз.).
4. Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: ИВ РАН, 2007. 254 с.
5. Гольман М. И. Монголия. Долгое эхо бурного лета 2008-го // Азия и Африка сегодня. 2009. № 3. С. 43–48.
6. Гольман М. И. Монголия. Демократы снова у власти // Азия и Африка сегодня. 2013. № 3. С. 43–48.
7. Жизнь страны во взглядах общественности (на монг. яз). Улан-Батор, 2007. 176 с.
8. Изменения в монгольском обществе. Улан-Батор, 2008. 512 с. (на монг. яз.)
9. Монголы в зеркале социологии. Улан-Батор, 2007. № 3. 51 с.
10. Спекуляция лицензиями начала влиять на национальную безопасность // Монголия сегодня. 2012. 20 марта.
11. Статистический ежегодник Монголии. Улан-Батор, 2015. 453 с. (на англ. яз).
12. Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. Улан-Батор, 2002. 148 с.
13. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: как проблема общества риска // Общественные науки и современность, 2011. № 6. С. 155–164.
14. Razlatsky A. B. 2014. Turbulence in Social Development and the Stratification of the Superstructure. URL: http://proletarianism.org/abr_turb.shtml (дата обращения: 7.03.2015).

УДК 902.03

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ХУННСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

© *Базаров Биликто Александрович*

научный сотрудник отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: bazar-b@ngs.ru

© *Миягашев Денис Алексеевич*

кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела истории и культуры Центральной Азии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: silker10@yandex.ru

В статье рассматривается один из вариантов расположения хуннских могильников — рядом с минеральными источниками. Подобная традиция была зафиксирована на территории Бурятии в археологических культурах эпохи бронзы и в средневековое время. Такая особенность не случайна и, вероятно, связана с религиозными воззрениями древнего населения. Весьма примечательно, что во всех случаях могильники возле минеральных источников расположены с левой стороны (на левом берегу). В 2015 г. археологическим отрядом ИМБТ СО РАН в пади Липовка был изучен интересный комплекс, представленный ингумацией ребенка в сосуде. Дальнейшие археологические исследования на памятнике покажут, являются ли эти детские погребения интрамуральными или нет.

Ключевые слова: топография, источник, могильник, археология хунну, детское погребение.

ONE OF THE VARIANTS OF THE TOPOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE LOCATION OF XIONGNU BURIAL GROUNDS

Bilikto A. Bazarov

research fellow of Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

Denis A. Miyagashev

PhD, research fellow of Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article deals with one of the options Xiongnu cemetery location — close to the mineral springs. This tradition has been registered on the territory of Buryatia in the archaeological cultures of the Bronze Age and medieval times. This feature is not accidental and is probably linked to the religious beliefs of the ancient population. It is noteworthy that in all cases the cemeteries near the mineral springs are located on the left side (on the left bank). In 2015, the archaeological squad IMBT SB RAS in the valley Lipovka was excavated an interesting complex represented by inhumation of the child in the pottery. Further archaeological survey is needed to understand whether this children's burial intramural.

Keywords: topography, spring, burial ground, archaeology of Xiongnu, child's grave.

Как предполагается, хунну попали на территорию современной Бурятии по долине р. Селенги и заняли междуречье ее главного русла и основных притоков — Джиды, Чикоя, Хилка и Уды. На сегодняшний момент в республике насчитывается около 100 археологических памятников хунну, в том числе 5 поселений, 2 городища, 33 могильника, из них 3 — с элитными курганами, и более 50 местонахождений остатков жизнедеятельности хунну [1, с. 176].

Характеризуя топографию хуннских могильников, П. Б. Коновалов в 1969 г. в одной из своих публикаций писал, что, исходя из анализа физико-географического характера расположения объектов,

можно выделить две группы: первая группа могильников расположена в лесистых падах, в глубине горных массивов, вдали от больших рек (могильники в Ильмовой и Черемуховой Падах, в Суджи, Цараме, Оргойтоне, Эдуе, Ургун-Хундуе и Бурдунах), а вторая группа расположена вблизи рек на открытых склонах или на ровном месте (могилы в Дырестуйском Култуке, Гуджир-Мыгэ, Хужир-Дэби, Хара-Бусуне и Нижней Иволге) [2, с. 165]. В последующем топографическая характеристика могильников немного усложнилась. В новой редакции топография могильников хунну выглядит следующим образом: часть могильников расположена рядом с реками (Дырестуйский Култук, Иволгинский), другие не遠далеке от берегов на плоских возвышенностях (Царам, Оргойтон, Цаган Усун, Енхор), третьи — в вершинах падей (Ильмовой, Черемуховой). Отмечено, что регулирование выбора мест захоронений осталось непонятным [1, с. 176]. Мы предлагаем описание четвертой группы хуннских могильников, которые располагаются у минеральных источников (аршанов, родников, ключей).

В одной из статей, посвященной минеральным источникам Селенгинского среднегорья, была показана возможность их интерпретации не только как ресурса восполнения дефицита минеральных веществ в организме, но и как сакрального пространства (культового объекта) [3]. Такой вывод напрашивался из-за наличия на территории расположения минеральных источников погребальных комплексов бронзового века и средневековья: «Гусиное Озеро. Ключ Булагын-Ехэ. Могильник» (бронзовый век), «Аршан-Булаг. Могильник 1» (бронзовый век), «Ута-Булаг» (бронзовый век), «Падь Аршаны. Могильник» (средневековье) [4]. Минеральный источник (аршан, ключ, родник) является естественным элементом ландшафта (по некоторым определениям: географический тип памятника, памятник природы), его рекреационным ресурсом, но в то же время минеральный источник является также и священным местом, культовым объектом, ареальным местом почитания, в некоторых случаях включающим в свои границы погребальные комплексы. Надо отметить, что такая топографическая особенность расположения могильников ранее не отмечалась и детального описания подобных объектов до настоящего времени не встречалось. Такая особенность не случайна и, вероятно, связана с религиозными воззрениями древнего населения. Весьма примечательно, что во всех случаях могильники возле минеральных источников расположены с левой стороны (на левом берегу). Левая сторона — это характеристика нижнего мира, месторасположение страны предков практически у всех народов Сибири [5].

В полевом сезоне 2015 года археологическим отрядом ИМБТ СО РАН в пади Липовка был изучен интересный комплекс, представленный ингумацией в сосуде ребенка возрастом 5–7 лет. Погребение было найдено в зачистке борта глубокого оврага, на дне которого пробивается источник. Захоронение расположено слева от источника. Большой глиняный сосуд вазообразной формы был уложен на древнюю дневную поверхность. Ребенок в нем лежал на спине, ногами в сторону донной части сосуда, у изголовья были поставлены два маленьких горшочка. Погребение с северным сектором ориентировки. Как известно, хунну детей до года хоронили в глиняных сосудах под полом жилищ, детей в возрасте от года до пяти лет хоронили на общем могильнике в глиняном сосуде [6, с. 34]. Этнографические данные показывают, что у сибирских народов сосуд и женский детородный орган (или утроба) воспринимаются как семантически близкие категории. В таком случае помещение покойника в сосуд воспроизводит акт возвращения умершего в материнское лоно для нового рождения в рамках основной идеи погребальной обрядности — идеи жизненного круговорота [7].

В 2006 г. в этом же месте были обнаружены хуннские материалы, характерные для поселений [8]. При обследовании территории памятника в 2015 г. на мысовидном выступе был найден выход каменной конструкции, похожей на отопительный дымоход — кан, который сооружался в жилищах хунну. При этом в 1898 г. практически в этом же месте Ю. Д. Талько-Грынцевич раскопал детское захоронение (8–10 лет) [9, с. 92].

Как мы надеемся, дальнейшие археологические исследования на памятнике покажут, являются ли эти детские погребения интрамуральными, т. е. находящимися на территории однокультурного им поселения, или нет. В противном же случае мы можем ограничиться лишь констатацией факта расширения хронологического списка памятников, подчиняющихся стереотипам размещения могильников у минеральных источников (аршанов, родников, ключей).

Литература

1. Коновалов П. Б., Данилов С. В., Крадин Н. Н. Эпоха хунну // История Бурятии: в 3 т. Т. 1. Древность и средневековье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 153–202.

2. Коновалов П. Б. По следам Ю. Д. Талько-Гринцевича (археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды БИОН. 1969. Вып. 12, сер. востоковедение. С. 156–167.
3. Базаров Б. А., Алкин С. В. Прогностно-поисковый потенциал для археологии региона месторасположений минеральных источников Селенгинского среднегорья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 100–102.
4. Базаров Б. А., Миягашев Д. А. Сакральное пространство минеральных источников (на примере Республики Бурятия) // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2015. С. 73–74.
5. Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
6. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 112 с.
7. Косарев М. Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 33–51.
8. Базаров Б. А. Изучение археологического наследия как один из факторов национально-культурного возрождения // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 7. С. 54–56.
9. Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Азиатика, 1999. Вып. 4. 123 с. (Сер. «Археологические памятники сюнну»).

УДК 327 (470+510)

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ОБРАЗ РОССИИ (О ПРИСУТСТВИИ КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО БИЗНЕСА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00439 «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии»

© **Ботоев Игорь Константинович**

PhD, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: botoev@yahoo.com

© **Тугулова Ольга Доржиевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: tugulova@bsu.ru

В статье рассматриваются особенности инвестиционного образа Сибири и Дальнего Востока России, формирующегося в представлении китайских и японских бизнесменов и определяющего их инвестиционную политику в данных регионах; анализируются меры по улучшению инвестиционного климата, предпринимаемые российским правительством. На социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока как приоритетное направление внутренней политики России нацелен ряд принятых законов, разработанных программ, а также определены стратегии развития, основан фонд развития. Однако нестабильность экономического роста, высокий уровень геополитических рисков, зависимость экономики от цен на углеводородное сырье, преобладание государственного сектора над частным в бизнесе снижают инвестиционную привлекательность региона. Для эффективного инвестиционного сотрудничества, способствующего социально-экономическому развитию макрорегионов, по общему мнению китайских и японских предпринимателей, необходимо совершенствование законодательной и налоговой системы, развитие транспортной инфраструктуры, повышение качества предоставляемых государственных услуг, изменение демографической ситуации.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, Китай, Япония, бизнес, образ, инвестиции, «восточный вектор».

INVESTMENT IMAGE OF RUSSIA: (ABOUT THE PRESENCE OF CHINESE AND JAPANESE BUSINESS IN THE SIBERIAN AND FAR-EASTERN REGIONS)

Igor K. Botoev

PhD, Associate Professor at the Department of Far Eastern country's philology, Institute of Oriental Studies, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Olga D. Tugulova

PhD, Assistant Professor at the Department of Far Eastern country's philology, Institute of Oriental Studies, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

This article is devoted to the case analysis for investment image of Siberia and Russian Far-East from the viewpoint of the Chinese and Japanese businessmen, investment image determines their investment policy in the regions; it examines the measures taken by the Russian government to improve the investment climate. Socio-economic development of Siberia and the Far East is considered as a priority direction of Russia's domestic policy, in this regard government adopted a number of laws, programs of development, identified the strategy of development and also based Fund of development. However, the volatility of economic growth, the high level of geopolitical risks, the dependence of the economy on hydrocarbons, the predominance of the public sector over the private business reduce the investment attractiveness of the region. In opinion shared by Chinese and Japanese entrepreneurs, for effective investment cooperation, contributing to the socio-economic development of the macro-region, it is necessary to improve legislative and tax system, develop of transport infrastructure, improve the quality of public services, change demographic situation.

Keywords: Russian Siberian and Far-eastern regions, China, Japan, business, image, investment, «eastern vector».

Представления действующих и потенциальных инвесторов о возможностях эффективного капиталовложения и связанных с этим рисках, их обобщенная оценка условий инвестиционной деятельности формируют инвестиционный образ того или иного региона, страны. Среди факторов, влияющих на формирование инвестиционного образа, выделяются, прежде всего, экономические, юридические, политические, социальные. В то же время сами инвестиционные реципиенты, повышая конкурентоспособность региона, улучшая инвестиционный климат, могут целенаправленно создавать положительный инвестиционный образ.

В начале XXI века в условиях глобализации мировой экономики и нарастающего дефицита традиционных энергоресурсов крупнейшие экономические державы обратили пристальное внимание на Сибирский и Дальневосточный регионы России. Географическое положение таких стран, как, например, Китай и Япония, граничащих с этими инвестиционно потенциальными территориями России, естественно, предполагает перспективность ведения там бизнеса, в том числе перспективность масштабных инвестиций в развитие производства и освоение богатых природных ресурсов. Кроме того, в условиях экономических санкций 2014–2015 годов Россия стремится к перераспределению крупных экономических интересов в пользу азиатского региона. «Восточный вектор» развития России в значительной степени направлен на дальнейшее углубление экономического сотрудничества со странами этого региона: Китая, Японии, Кореи, Монголии. В настоящей работе изучается инвестиционный образ Сибирского и Дальневосточного макрорегиона, сложившийся в китайских и японских деловых кругах, описываются меры, принимаемые российским правительством для его улучшения. В ходе исследования были привлечены работы экспертов в области инвестиционной политики, касающиеся инвестиционного климата в России в целом и в Сибирском и Дальневосточном регионах в частности [15–19], а также материалы официальных средств массовой информации, наблюдения над реальной деятельностью иностранных компаний.

Партнерство с Китаем и Японией представляется особенно актуальным в аспекте освоения Сибири и Дальнего Востока, ускоренное социально-экономическое развитие которых объявлено «одним из главных национальных приоритетов России в XXI веке» [1]. Правительством России разработан ряд программ, призванных обеспечить государственные решения, в том числе «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» и дополняющая ее подпрограмма «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года». Именно потенциал Сибири и Дальнего Востока рассматривается как возможность России занять свое место в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В ноябре 2011 года по инициативе Президента РФ и Председателя Правительства РФ с целью поддержки инфраструктурных проектов, развития инвестиционной деятельности макрорегиона основан «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона». Для координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 года образовано Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития России).

В целях создания оптимальных условий для привлечения инвестиций и ускорения социально-экономического развития в 2014 году принят закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ТОР). Первые площадки для его применения определены в Приморье и в Хабаровском крае. На ТОР планируется обеспечить пятилетние налоговые каникулы на прибыль, на добычу полезных ископаемых, на землю и имущество, льготной ставкой страховых взносов. Как минимум на трех из девяти созданных территориях уже есть китайские резиденты (в том числе Baoli Bitumina, Melco International Development Ltd и др.). По мнению китайских предпринимателей, данная программа имеет перспективы и станет одним из основных факторов развития макрорегиона.

Кроме того, следует отметить опыт в привлечении иностранных инвестиций в России особых экономических зон. Федеральный проект создания особых экономических зон (ОЭЗ) «направлен на региональное развитие путем привлечения прямых иностранных и российских инвестиций, ориентированных на высокотехнологичные отрасли экономики, импортозамещающие производства, судостроение и туризм» [2]. Затраты на проекты, которые планируется реализовывать в ОЭЗ, в среднем на 30–40 % меньше, чем обычно (в сравнении с общероссийскими показателями). В настоящее время около 370 инвесторов из более чем 20 стран, таким образом, инвестировали в российские ОЭЗ, среди

них можно выделить в том числе китайские компании-резиденты: «Lifan Motors» в ОЭЗ Липецк, «ABCSteel» и «Solar Systems» в ОЭЗ «Алабуга» и другие.

Необходимо отметить, что в 2010-е годы российско-китайские отношения достигли, возможно, наивысшего за всю историю взаимной торговли и экономического развития уровня. Китай выступает одним из важнейших экономических партнеров России, если не первым, в том числе и благодаря имеющемуся взаимопониманию по многим актуальным вопросам современности.

Знаковым событием стало принятие в 2009 году «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики», включившей более 200 конкретных проектов, касающихся всех областей двустороннего сотрудничества на региональном уровне.

Точек сближения с Китаем становится все больше. В сентябре 2012 года во Владивостоке состоялся саммит АТЭС, который получил широкое освещение в китайских СМИ. Для России саммит АТЭС стал возможностью продемонстрировать геополитические и геоэкономические амбиции, а также представить экономическую ситуацию страны. Именно тогда Президентом России В. Путиным было объявлено о повороте российской экономики к дальневосточным регионам. Все события, связанные с форумом, явились частью развития Сибири и Дальнего Востока. Практическими результатами саммита стали новые перспективы для развития русско-китайских отношений. Стоит отметить, что первая сделка на саммите АТЭС-2012 состоялась между Россией и Китаем, ее стоимость составила не менее 200 миллионов долларов США. Кроме того, в рамках Российско-китайского инвестиционного фонда были проведены переговоры по десяти крупным инвестиционным проектам в сельском хозяйстве и логистике.

Только за 2012–2014 годы, согласно статистике, приведенной руководителем канцелярии Центрального комитета Компартии Китая Ли Чжаньшу, В. Путин и Си Цзиньпин встречались 8 раз, 4 раза созванились и более 30 раз обменивались письмами [3]. Было подписано рекордное количество экономических соглашений, касающихся поставок газа по «восточному» (из Якутского и Иркутского центров газодобычи по магистральному газопроводу «Сила Сибири»), «западному» (по газопроводу «Алтай» между газовыми месторождениями в Западной Сибири и Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая) маршрутам, добычи полезных ископаемых, развития инфраструктуры на границе двух стран, логистики, туризма, сельского хозяйства, а также соглашений, способствующих наращиванию товарооборота, который в 2014 году достиг рекордных 90 млрд долларов в год. Уровень накопленных китайских инвестиций вырос в 2,5 раза.

Условия для притока китайского капитала в РФ совершенствуются, в частности, на встрече глав двух государств 8 мая 2015 года подписано соглашение между Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ), Российско-китайским инвестфондом (РКИФ) и China Construction Bank (CCB) о создании кредитного механизма, который будет содействовать кредитованию крупных российских компаний в китайских банках. Внешэкономбанком подписано рамочное кредитное соглашение на сумму 8 млрд долларов с Государственным банком развития Китая (China Development Bank, CDB). Средства планируется направить на развитие Дальнего Востока и Сибири, а именно на реализацию инфраструктурных проектов, проектов в сфере коммуникационных технологий и агропромышленного комплекса.

Необходимо отметить, что для китайских инвесторов интерес представляют различные сферы экономики, как отмечает «Жэньминьжибао», на сегодняшний день в России почти не осталось секторов, где нет китайских инвестиций [4]. Причем объем китайских инвестиций в российскую экономику продолжает расти: в первом квартале 2015 г. они выросли более чем на 14 % по сравнению с тем же периодом прошлого года.

Развитие более тесного сотрудничества между Китаем и Россией является взаимовыгодным для обеих сторон. Московский «Восточный вектор» совпадает со стратегией Пекина по оживлению старой промышленной базы в северо-восточных районах Китая. Обе страны позиционируют себя как крупнейшие соседи и партнеры для стратегического сотрудничества. Китай активно участвует в диверсификации своего энергетического импорта, и Россия надеется достичь диверсификации экспорта энергетических ресурсов.

Китайские инвесторы выражают надежду, что новая политика будет благоприятствовать разработке естественных ресурсов на Дальнем Востоке, способствовать росту инвестиций и стимулировать создание полноценной производственной цепочки в торговых отношениях Китая с Россией. И тому уже имеются значительные примеры. Так, китайской корпорацией Zoje Resources Investment по дого-

вору с правительством Забайкальского края, общая стоимость которого составляет 176 млн китайских юаней, передаются в аренду сельхозугодия площадью 115 тыс. га на срок 49 лет [5]. Предполагается, что продукция сельскохозяйственного предприятия двух стран будет сосредоточена на региональном и международном рынках, включая и Китай.

Вместе с тем нельзя не отметить, что уровень развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоящее время не в полной мере отвечает уровню сложившихся политических и торговых отношений двух стран.

Поставленная руководителями России и Китая задача увеличения китайских прямых инвестиций в российскую экономику к 2020 году до 12 млрд долларов выглядит весьма амбициозной. Тем не менее, по данным Минкоммерции КНР, наблюдается существенное увеличение притока китайских прямых инвестиций в Россию. По итогам 2013 года они составили 4 млрд 80 млн долларов против 660 млн долларов в 2012 году (+518,2 %). Общий объем накопленных прямых инвестиций достиг 7 млрд 661 млн долларов (+113,9 %). В 2014 году Центробанки России и Китая заключили соглашение о валютном свопе (150 млрд юаней, или 815 млрд рублей), к тому же был расширен список областей, в которых Россия и Китай осуществляют расчеты в национальных валютах, что будет способствовать развитию двусторонних экономических отношений за счет расширения возможностей по финансированию торговли и прямых инвестиций.

Главными направлениями инвестиционной деятельности КНР в России по-прежнему являются разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, бытовая электротехника, связь, строительство и сфера услуг. Крупнейшими вложениями китайских компаний в российские активы стали: покупка Китайской национальной нефтегазовой корпорацией 20 % акций в проекте «Ямал-СПГ» у компании «Новатэк» (оценивается в 810 млн долларов); покупка Китайской инвестиционной корпорацией 12,5 % акций «Уралкалия» (оценивается в 2 млрд долларов); вложение Китайской международной инженерно-строительной компанией цветной металлургии (NFC) в совместный проект с корпорацией «Металлы Восточной Сибири» в Республике Бурятия (оценивается в 750 млн долларов); инвестиции Государственной электросетевой корпорации Китая в совместные проекты с российской ГК «Синтез» (оценивается в 1,1 млрд долларов); приобретение Строительным банком Китая 2 % акций банка ВТБ (оценивается в 100 млн долларов); приобретение Российско-китайским инвестиционным фондом (РКИФ) 42 % акций лесопромышленного холдинга «Russian forest products group» (RFP Group) (стоимость сделки составила 110 млн долларов) [6].

Несмотря на меры, предпринятые российским правительством для улучшения инвестиционного климата в макрорегионе, азиатские инвесторы настроены довольно-таки скептически относительно его инвестиционной привлекательности. В частности, китайские предприниматели в России говорят о модели «откорма свиньи», когда сначала их активно приглашают инвестировать, затем, когда проект выходит на уровень доходности, они лишаются бизнеса тем или иным способом [7]. Подобный отрицательный опыт не может не оказывать влияние на представление о России следующих поколений инвесторов.

Совершенствование административных процедур, выработка четкого алгоритма взаимодействия инвесторов с органами власти представляется необходимым условием достижения успеха в привлечении инвестиций. Опыт Китая также свидетельствует, что качество государственных услуг, которые получают инвесторы, увеличивает вероятность их капиталовложений. Помимо необходимых консультационных услуг важно повышение уровня и эффективности обслуживания инвесторов. Результативным мог бы стать механизм «одного окна», позволяющий в одном месте обсуждать возникающие вопросы и устранять барьеры.

Залогом успеха также является правильный выбор приоритетных секторов, основанный на анализе существующего спроса восточных рынков. По мнению китайских предпринимателей, большой потенциал имеет сотрудничество в сельском хозяйстве, в частности, в производстве сои и животноводстве. Россия обладает производственными мощностями, а Китай представляет большой рынок сельскохозяйственной продукции, импортирующий зерно, мясо, овощи. В качестве успешно реализуемых проектов можно привести пример импорта Китаем из Японии экологически чистой пшеницы или бутилированной байкальской воды из России. Сотрудничество с Японией, о котором речь пойдет ниже, подтверждает, что может быть достигнуто в большем масштабе в отношении Китая: инвестиции в инновационные предприятия, автомобильную промышленность, перерабатывающую промышленность, производство органических продуктов питания и так далее.

Для осуществления подобных проектов необходимо развивать транспортную инфраструктуру, строить новые железные дороги, автодороги, мосты и порты. Транспортные коммуникации России должны стать привлекательными для оказания международных транспортных транзитных услуг, что сделает их более доступными (по ценам) и для российских производителей в разных регионах страны. Особое значение в этих процессах играет уникальное геополитическое положение Сибири и Дальнего Востока как «моста» между Европой и Азией. Например, Северный морской путь существенно короче, чем путь из стран АТР в Европу вокруг Азии, что делает его рентабельным и привлекательным для международных морских перевозчиков. Многие наикратчайшие маршруты — кроссполярные авиаперевозки — пролегают над территорией Сибири и Дальнего Востока. Сотрудничество в сфере строительства транспортной инфраструктуры имеет значительные перспективы. По результатам встречи В. Путина и Си Цзиньпина китайская сторона готова финансировать строительство железной дороги и порта на Дальнем Востоке (Ванино), а также железнодорожной линии в Сибири (Кызыл — Курагино).

Геополитическое положение России делает ее ключевой страной для реализации инициированного Китаем проекта «Экономическая полоса Великого шелкового пути», что станет новой базой для развития стратегических партнерских отношений между Россией и Китаем, позволит обеим странам укреплять связи в формате Евразийского экономического союза. В рамках данного проекта планируется строительство трансевразийской магистрали, уже начата работа по сооружению высокоскоростной магистрали Москва — Казань с участием китайского капитала. Идеология Шелкового пути подразумевает также проект развития БАМа и Транссиба, что позволит почти вдвое увеличить объем перевозок на данном направлении. Как отмечают китайские предприниматели [8], энергетические ресурсы и запасы полезных ископаемых Сибири и Дальнего Востока являются залогом стабильного интереса Китая и поддержания его устойчивого экономического роста, что влечет за собой развитие транспортной инфраструктуры.

Нельзя не отметить, что участие Китая в освоении богатств восточных регионов России сегодня сводится к закупке и вывозу для переработки на своей территории разнообразного сырья. Крупные перерабатывающие совместные предприятия, которые генерировали бы высокую добавленную стоимость, на сибирских просторах пока отсутствуют. Одновременно идет, по сути, скупка успешных российских предприятий китайским бизнесом, владеющим огромным свободным оборотным капиталом.

В то же время обвал китайского фондового рынка летом 2015 года вскрыл предкризисное состояние экономики Китая. Структурные проблемы китайской экономики, так называемые пузыри (пузыри на рынке недвижимости, на рынке кредитования, в промышленности), негативно повлияют на развитие мировой экономики, российской в том числе. Поскольку крупнейшая экономика мира зависима от импорта сырьевых ресурсов, ее падение вызовет снижение спроса на энергоресурсы и падение цен на нефть и газ, что сразу отразится на доходах России. Кроме того, под угрозой оказываются многие проекты России с китайскими инвестициями. Развитие ситуации будет зависеть от шагов, которые предпримет руководство КНР, но очевидно, что дальнейшее развитие российско-китайских отношений должно основываться не только на экспортно-импортных контрактах, но и на совместных научно-технических проектах.

На пути торгово-экономического сотрудничества двух стран существуют следующие барьеры: коррумпированность механизма взаимной торговли; неблагоприятный инвестиционный климат в России (китайские предприниматели отмечают запутанность законодательства, бюрократические барьеры со стороны как федеральных, так и местных властей); общая неустойчивость внутренней политики России в отношении иностранцев, что создает препятствия для выработки стратегии развития бизнеса; плохое знание российскими бизнесменами китайской деловой культуры; неразвитость инфраструктуры России, особенно в ее азиатской части; неразвитость рынка туристических услуг и высокая стоимость сервиса. Представления общества, в частности, бизнес-кругов, о стране-партнере также оказывают значительное влияние на выстраивание взаимоотношений, успешность сотрудничества.

Для улучшения инвестиционного климата, а значит образа России, проводились визиты на высшем уровне, расширялись сферы внешнеторговых интересов, проводились перекрестные годы, а также осуществлялись иные крупномасштабные проекты. Все это способствовало улучшению взаимопонимания между народами. Согласно отчетам Левада-центра и Всероссийского центра изучения общественного мнения (январь 2015 года), около 80 % опрошенных россиян положительно относятся

к Китаю, а около 50 % считают, что Китай — стратегический партнер России. Согласно опросам американского Pew Research Center (2014), более 66 % китайских респондентов испытывали положительные чувства по отношению к России. С одной стороны, Россия пользуется теплыми чувствами со стороны китайских партнеров старшего поколения, основанных на прошлом советско-китайской дружбы и общности исторического развития двух стран. С другой стороны, молодые поколения китайских граждан выросли уже на западной, прежде всего, американской культуре, изучали английский язык, мало знакомы с Россией и будут иметь тенденцию рассматривать ее как страну, компенсирующую экономическую слабость политической агрессивностью и, в условиях «ссоры» с Западом, все более зависящую от Китая. Личная популярность Президента России В. В. Путина — значительный фактор позитивного имиджа России в Китае. Только Президент России Владимир Путин и Президент США Барак Обама пользуются в Китае такой узнаваемостью (причем Путин, вероятно, даже превосходит Обаму по личной популярности). Большинство лидеров остальных стран простому китайскому обывателю практически неизвестны [9, с. 24].

Формирование положительного инвестиционного образа России в Китае требует последовательных действий в рамках четко определенной стратегии. Прежде всего, необходимо предоставлять исчерпывающую информацию: китайскому обществу разъяснять гуманитарную и правовую составляющую позиции России по крупным международным кризисам (Косово, Афганистан, Ирак, Сирия), по которым наблюдается совпадение точек зрения с Китаем. Представителям бизнес-структур необходимо разъяснять изменения в налоговом, таможенном, миграционном законодательстве, их преимущества в случае резидентства в свободных экономических зонах и на территории опережающего развития, организовывать для них, в том числе на территории Китая, инвестиционные семинары, освещать примеры успешной деятельности китайских предпринимателей на территории России. Подобная стратегия верна и в отношении других стран, прежде всего, в силу исторических, политических и очевидных экономических причин, Японии. Именно Япония, которая в так называемый период абэномики (2013–2015 годы) демонстрирует уверенный рост как по товарообороту, так и по объемам инвестиционной деятельности в России, является одним из самых опасных потенциальных конкурентов Китая.

На фоне бурно развивающихся с 2010 года российско-китайских экономических отношений, первый за последние 10 лет официальный визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Россию состоялся лишь в апреле 2012 года. Наряду с договоренностями о возобновлении переговоров по вопросу о подписании мирного договора между двумя странами, стороны также достигли соглашения о необходимости дальнейшего укрепления экономического сотрудничества. Лидеры России и Японии договорились о совместном освоении сибирских и дальневосточных регионов России, сотрудничестве в области развития инфраструктуры и охраны окружающей среды. Были достигнуты определенные договоренности о сотрудничестве в сфере энергоносителей, включая строительство объектов по производству сжиженного газа на Дальнем Востоке и Сибири. Стороны также согласились создать так называемую Платформу российско-японских инвестиций для оказания помощи японским компаниям в реализации бизнес-проектов в России. Договоренности президента России и премьер-министра Японии сделали возможным более активное привлечение японского капитала в отстающие в экономическом развитии регионы Сибири и Дальнего Востока.

По информации японского банка данных «Тэйкоку», на июль 2013 года в России было зарегистрировано 239 представительств японских компаний, большая часть которых ведет свой бизнес в сибирских и дальневосточных регионах [10]. Основными игроками являются крупные производственные и торговые бизнес-структуры, доля которых составляет 70,3 % от общего количества представителей японского капитала. 20,8 % компаний имеют центральные офисы в Приморье, Хабаровском крае и Сахалинской области. Результаты визита японского премьер-министра Синдзо Абэ позволяют сделать предположение о быстром росте присутствия японского бизнеса именно в малоосвоенных сибирских и дальневосточных районах России.

В январе 2012 года в Москве состоялся круглый стол с участием руководителей российских представительств крупнейших японских компаний. Основной темой обсуждения стали геополитические аспекты и перспективы экономического развития Сибири и Дальнего Востока России с точки зрения крупного японского бизнеса. В работе круглого стола приняли участие представители таких лидеров японской экономики, как «Сумитомо Сёдзи», «Марубени», «Японский банк международного сотрудничества JBIC», «Содзицу», «Мицубиси Сёдзи», «Тойота Цусё», «Комацу», «Итотю Сёдзи» и «Мицубиси Буссан» [11].

Участники дискуссии единодушно отметили наличие таких положительных тенденций в развитии российской экономики, как устойчивый рост ВВП, снижение инфляции, повышение потребительского спроса. Было особо отмечено улучшение большинства макроэкономических показателей именно на фоне общей стагнации в мировой экономике. Согласно последним прогнозам Международного валютного фонда, к 2020 году Россия должна занять четвертое место в мире по размерам ВВП после Китая, США и Японии [12]. Однако, по мнению большинства участников круглого стола, это слишком оптимистичный прогноз. Высокий уровень рисков геополитического и экономического характера в обозримом будущем не позволят России поддерживать прежний рост бурно развивающейся экономики. Террористические угрозы, межнациональные и межконфессиональные конфликты наряду с высоким уровнем бюрократизации органов власти и несовершенством налоговой системы вызывают особую озабоченность у японских предпринимателей.

Недовольство россиян резко возросшим за последнее время уровнем коррупции во всех эшелонах власти и административном аппарате государственных корпораций может привести к повышению социально-политической активности населения с последующими негативными последствиями для иностранного бизнеса. С другой стороны, антикоррупционная составляющая оппозиционного движения, по мнению японских экспертов, может послужить толчком для дальнейшего развития застоявшихся экономических реформ и модернизации экономики России. Адекватная оценка и соответствующая ей реакция российских властей на данные процессы в обществе станет важным показателем, на который будут ориентироваться иностранные инвесторы.

Основной причиной для подобных опасений является существенная зависимость экономики России от мировых цен на углеводородное сырье. Высокие цены на нефть и газ в начале 2000-х годов позволили России достичь некоторой стабильности в экономике и обществе в целом, но гарантий на возможность поддержания выгодных цен не существует. Отрицательная динамика цен на нефть, сложившаяся в середине 2015 года, в полной мере доказывает правомерность данных негативных оценок. Вследствие «революции сланцевого газа» в США и неустойчивой ситуации в арабских странах экспорт природного газа из России в Европу сократится, что приведет к неизбежным финансовым потерям. Однако эти потери частично могут быть восстановлены путем увеличения поставок углеводородного сырья в такие страны, как Китай, Япония, Корея, Тайвань, а также в страны Юго-Восточной Азии. В отношении Японии особый акцент должен быть сделан на производстве и экспорте сжиженного газа в рамках проектов «Сахалин-2» и «Сахалин-3».

В качестве не менее существенного фактора, препятствующего увеличению присутствия японского капитала в экономике Сибири и Дальнего Востока России, так же как и в ситуации с китайским бизнесом, была названа проблема непривлекательности инвестиционного климата в данных регионах. Вступление России в ВТО может способствовать созданию более благоприятных условий для иностранных инвестиций, особенно в области автомобилестроения, машиностроения и производства электроники. Тщательно продуманные меры российского правительства по совершенствованию системы дифференцированного налогообложения и созданию особых экономических зон смогут повысить доверие иностранных партнеров к российскому бизнесу.

По общему мнению выступающих, отрицательное влияние на развитие экономических отношений между Россией и Японией оказывает преобладание государственного сектора в российской экономике, а также высокий уровень бюрократизации управленческих и контролирующих органов государства. Но даже сохранение высокой доли государственного участия в экономической деятельности позволит вести успешный бизнес при обязательном условии изменения делового мышления субъектов коммерческой деятельности в отношении условий создания конкурентной среды. Не менее важным станет и принятие срочных мер по упрощению различных бюрократических процедур в процессе регистрации и ведения бизнеса, получения рабочих виз и квот для высококвалифицированных иностранных сотрудников управленческого звена [13].

Другим важным результатом дискуссии стало единодушное признание особой роли сибирских и дальневосточных регионов в развитии российско-японских экономических отношений. Результаты деловой активности компаний — участников круглого стола доказывают тот факт, что даже в условиях глобального экономического спада ресурсы Сибири и Дальнего Востока России позволяют японским компаниям вести успешный бизнес. Для японского бизнеса предоставляется прекрасный шанс наверстать упущенные возможности, которые стали результатом чрезмерно осторожной и долговременной кампании оценки потенциала российского экономического пространства.

К огромному сожалению участников круглого стола, очень медленно продвигаются процессы, запущенные в результате достигнутых в 2007 года договоренностей между президентом Владимиром Путиным и премьер-министром Синдзо Абэ. Этот фактор вызывает скептическое отношение представителей японского бизнеса и к результатам саммита АТЭС 2012 года во Владивостоке. Одними из основных итогов работы этого авторитетного международного форума как раз должны стать изменение вектора развития России в сторону азиатского направления и повышение внимание российских властей к интенсивному развитию сибирских и дальневосточных регионов страны.

Повышающаяся из года в год активность китайского бизнеса на востоке России также вызвала определенные опасения у представителей японского капитала. Особый интерес Китая к природным богатствам Сибири и Дальнего Востока, имеющий очень глубокие исторические корни, уже в ближайшее время может стать серьезной проблемой для японских инвестиций. Успешный ход российско-китайских переговоров по территориальным проблемам (в отличие от практически безрезультатных российско-японских переговоров) придаст еще более мощный импульс для расширения китайского присутствия на сибирском и дальневосточном рынке. Китайские компании уже заняли прочные позиции в стратегически важных отраслях российской экономики, связанных с лесопереработкой, добычей минерального сырья и освоением энергетических ресурсов. Японским компаниям предстоит очень серьезная конкурентная борьба в данных направлениях инвестиционной деятельности.

Несмотря на осознание российскими властями важности сибирских и дальневосточных регионов, по мнению представителей японского бизнеса, центральное правительство по-прежнему уделяет недостаточное внимание решению проблем этих удаленных от центра территорий. Государственный управленческий аппарат, основные органы которого сконцентрированы в столице, не может в полной мере осуществлять контроль и руководство над всеми политическими и экономическими процессами на гигантских просторах к востоку от Урала. Неравномерное в пользу западной части страны размещение производственных мощностей делает положение Сибири и Дальнего Востока еще более невыгодным для иностранных инвестиций. Единственная транспортная артерия в виде Транссибирской магистрали, которая должна обеспечить экономические связи центральных и периферийных регионов России, не справляется с возложенными на нее функциями. Работы же по строительству альтернативных путей сообщения продвигаются не столь быстро, как это требуют интересы России и ее иностранных экономических партнеров.

Недостаточная развитость логистической системы в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока не позволяет осуществлять в необходимой мере транспортные перевозки товаров из России и обратный поток оборудования и материалов, необходимых для строительства различных объектов производства на территории самой страны. Задержки с обустройством современных портовых терминалов на дальневосточном побережье России вызывают особую озабоченность у японских экспертов, так как, в отличие от китайских бизнес-структур, японские компании не могут использовать прямые сухопутные перевозки. Наряду с этим японские компании — производители автомобильной и строительной техники, уже ощутили острую необходимость в развитии инфраструктуры, обеспечивающей не только выпуск конечной продукции, но и ее последующее сервисное обслуживание. Участники дискуссии отметили и тот факт, что сырьевая направленность российской промышленности особенно заметна именно в сибирских и дальневосточных регионах страны [11]. Увеличивающиеся объемы добычи природных ресурсов должны сопровождаться их дальнейшей переработкой внутри страны, что опять же сможет создать новые возможности для экономического сотрудничества России и Японии.

Немало вопросов у японских бизнесменов вызывает и демографический аспект экономического развития удаленных регионов России. Отрицательные демографические показатели в долгосрочной перспективе могут стать серьезной проблемой для продолжения японских инвестиций в российскую экономику. К тому же имеющиеся производственные мощности в восточной части страны не могут в полной степени обеспечить трудоустройство и без того небольшого населения этих регионов. Этот фактор, в свою очередь, может привести к проблеме острого дефицита высококвалифицированных кадров, столь необходимых для внедрения передовых иностранных технологий.

В последнее время четко прослеживается стремление России отстроиться вокруг себя «единое евроазиатское экономическое пространство». Для того чтобы стать его привлекательным центром, Россия должна приложить немалые усилия для изменения своего негативного имиджа в Японии и других партнерских странах. Наряду с мерами, ожидаемыми от российской стороны, участники круглого

стола также обсудили круг вопросов, касающихся возможных конструктивных действий самих японских компаний в работе по улучшению российского имиджа и всего делового климата в целом.

Имидж России, сложившийся в Японии в результате длительного противостояния в первой половине XX века, не может не беспокоить потенциальных японских инвесторов. Среднестатистический японский обыватель все еще рассматривает Россию в качестве противника, противостоявшего Стране восходящего солнца во время ряда войн и конфликтов на Дальнем Востоке. Особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, с их суровыми климатическими условиями, ставших местом размещения японских военнопленных после Второй мировой войны. Холодная война во второй половине XX века вновь вынудила Японию и Россию оказаться по разные стороны баррикад. На этот раз Япония выступала на стороне уже бывших своих геополитических соперников во главе с США и противостояла многочисленным соперникам в лице стран бывшего социалистического лагеря. Даже после развала Советского Союза имидж России не претерпел значительных изменений, несмотря на гигантский прорыв в отношении стран Восточной Европы. По мнению представителей японского бизнеса, для изменения негативного имиджа России большую роль могут сыграть и сами японские бизнесмены при обязательной поддержке на официальном уровне.

Примеры успешной работы флагманов японской экономики в Сибири и на Дальнем Востоке России, такие как «Сахалинские шельфовые проекты» и проект «Соллерс — Буссан» во Владивостоке [14], должны активно освещаться в средствах массовой информации Японии, что может также привлечь новых участников для совместного освоения восточных районов России. Подобные примеры помогли бы изменить чрезмерно осторожное и предвзятое отношение руководства японских компаний к экономическим возможностям российского рынка. Такое отношение является не столь характерным для коммерческих структур США, европейских стран, Китая и Кореи, что и позволило им занять лидирующие позиции в инвестиционной деятельности. В особенной степени это касается мелких и средних компаний из префектур япономорского побережья, которые уже в течение длительного времени имеют крепкие побратимские связи со многими сибирскими и дальневосточными регионами. Быстроразвивающихся в настоящее время культурных и научно-образовательных связей разного уровня уже явно недостаточно.

К тому же многие стереотипы относительно российских экономических реалий, твердо укоренившиеся в сознании японцев, на самом деле не отражают в полной мере истинную картину. Такие проблемы, как гипербюрократизация системы управления, несовершенство законодательной базы, дефицит высококвалифицированных кадров, взяточничество, вполне преодолимы путем адаптации особенностей японского бизнеса к российским условиям.

Таким образом, участники круглого стола отметили перспективность российского экономического пространства для широких иностранных инвестиций. Значительные успехи в модернизации экономики в начале двухтысячных годов придали новый импульс процессу интеграции российского бизнеса в мировое экономическое пространство. Для дальнейшего укрепления своих позиций Россия должна приложить максимальные усилия для поддержания прежних темпов экономического роста. Сам факт проведения подобных форумов говорит о высоком уровне заинтересованности японских бизнесменов в развитии российско-японских экономических отношений. Значительное место в стратегических планах японского капитала занимают сибирские и дальневосточные регионы России. Координация действий российского и японского бизнеса при полномасштабной поддержке правительственных кругов обеих стран поможет решить многочисленные проблемы этих экономически малоосвоенных территорий.

В начале XXI века Российская Федерация начала интенсивные переговоры по вхождению в «Организацию экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР), в состав которой входят ведущие мировые экономические державы. Процесс вхождения России в данную организацию предполагает проведение ряда экономических и правовых реформ, направленных на модернизацию внутрироссийской экономики-правовой системы в соответствии с международными правилами и стандартами. По мнению ведущих экономических аналитиков, результаты, полученные на данный момент в результате экономического сотрудничества между Россией и Китаем, уже играют важную роль на международном рынке. В ближайшем обозримом будущем эта роль будет еще более значима не только для экономик стран Северо-Восточной Азии, но и для всего мирового экономического сообщества в целом.

Исходя из необходимости проведения открытой экономической политики, российское руководство вынуждено уделять особое внимание адаптации внутренних экономических и правовых реалий к

требованиям мирового рынка, для того чтобы создать благоприятные условия для потенциальных инвесторов из стран Северо-Восточной Азии, и прежде всего Китая и Японии. Рост показателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) говорит о том, что некоторые работы в этом направлении уже ведутся. Тем не менее, как показывает опыт китайских и японских компаний, существует еще множество проблем, которые препятствуют становлению потенциально богатого региона привлекательным рынком для новых крупномасштабных инвестиций.

Нестабильность основных показателей экономического роста и высокий уровень геополитических рисков являются основными причинами, снижающими деловую активность китайских и японских инвесторов. Еще одним немаловажным фактором, оказывающим негативное влияние на общий инвестиционный климат, является существенная зависимость российской экономики от мировых цен на углеводородное сырье. Нельзя не отметить и влияние факторов внешнеполитического характера. Примеры успешного проведения российско-китайских переговоров по территориальным проблемам (в противоположность аналогичным российско-японским переговорам) в полной мере доказывают важность отсутствия территориальных претензий для развития двусторонних экономических отношений.

Многочисленные статьи в СМИ, результаты проведения деловых встреч и анализ реального опыта работы иностранных компаний показывают, что китайские и японские бизнесмены имеют общее мнение по поводу чрезмерного преобладания государственного сектора в российской экономике над частным. Данный фактор приводит к повышению уровня бюрократизации и коррупции в государственных органах управления и контроля. Несовершенство налоговой системы и недостатки в правовом обеспечении приводят к многочисленным примерам конфликтов между субъектами государственной администрации и представителями иностранного бизнеса. Незрелость логистических систем как в центральных, так и в приграничных регионах России также создает трудности для эффективной работы японских и китайских предприятий.

Многие проблемы возникают по причине чрезмерно высоких цен на предоставляемые российскими структурами услуги при довольно низком их уровне. И наконец, максимальное внимание российского правительства должно быть привлечено к решению демографических проблем, так как негативные демографические показатели в долгосрочной перспективе могут стать серьезной проблемой для расширения иностранных инвестиций. Координация работы российского и зарубежного капитала при полномасштабной поддержке со стороны российских государственных структур может решить большинство проблем, препятствующих улучшению инвестиционного образа слабых регионов Сибири и Дальнего Востока России.

Литература

1. Послание Президента Федеральному собранию. 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 12.06. 2015).
2. Россия. Особые экономические зоны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russez.ru/oez/> (дата обращения: 12.06.2015).
3. Встреча Владимира Путина с руководителем канцелярии ЦК Компартии Китая Ли Чжаньшу 19 марта 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47887> (дата обращения: 20.06.2015).
4. «Жэньминьжибао» онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0615/c31518-8906971.html> (дата обращения: 24.06.2015).
5. URL: <http://www.newsru.com/russia/24jun2015/rosselhos.html> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая. Сайт Минэкономразвития РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ (дата обращения: 26.06.2015).
7. Габуев А. Дальневосточные инвесторы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2674988> (дата обращения: 24.06.2015).
8. Eluosi Xiboliya he Yuandong diqu weilai fazhanqushizhong de beilunji qi dui Zhong-E guanxi de yingxiang (Paradox in the future development trend of Siberia and the Far East and It's Impact on Sino-Russian relations) [Электронный ресурс]. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-worldlook-247527-1.shtml> (дата обращения: 14.06.2015).
9. Смирнова Л. Н. Россия — Китай: 20 предложений для экономического, научного и гуманитарного партнерства. М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia20China.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).
10. URL: <http://www.tdb.co.jp/report/watching/press/p130703.html> (дата обращения: 20.08.2015).
11. URL: http://www.jftc.or.jp/shoshaeye/pdf/201203/201203_11.pdf (дата обращения: 20.08.2015).

-
12. URL: https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2014/pdf/ar14_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
 13. URL: http://www.jetro.go.jp/world/russia_cis/ru/reports/07001623 (дата обращения: 20.08.2015).
 14. URL: http://sollers-auto.com/ru/about/structure_sollers/Sollers_Bussan/ (дата обращения: 20.08.2015).
 15. Bayulgen O. Foreign investments and political regimes: the oil sector in Azerbaijan, Russia, and Norway. New York: Cambridge University Press, 2010.
 16. Drahokoupil J. Globalization and the state in Central and Eastern Europe: the politics of foreign direct investment. London: Routledge, 2009.
 17. Holm N. (ed.) Russia: select trade and investment analyses. New York: Nova Science Publishers, 2013.
 18. Iwasaki I., Suganuma K. Economics of emerging markets and foreign direct investment empirical evidence from Russia and Hungary. Tokyo: Nihon-hyoronsha, 2014.
 19. Турлай И. С. Влияние региональной экономической интеграции на привлечение прямых иностранных инвестиций: теоретические, методологические, эмпирические аспекты. М.: Инфра-М, 2014.

УДК 94:39(5–015)

НОМАДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© *Буреаев Алексей Игнатьевич*

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: buraev1961@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с этническими взаимоотношениями кочевников Центральной Азии. Автор обращается к вопросам взаимодействия этносов, разделенных этнической и даже расовой неидентичностью. Исследуются отношения между племенами эпохи неолита, населением культуры плиточных могил и культуры курганов херексурсов, хунну и сяньби, средневековыми племенами на территории региона. Все рассматриваемые культуры взаимосвязаны и сосуществовали на значительном временном отрезке, сменяя друг друга. Прослеживаются этногенетические контакты между населением этих культур. Основой их сосуществования является этническая и расовая толерантность. Комплексный анализ взаимодействия этих культур и этносов позволил сделать вывод об их существенном влиянии на процесс формирования современных центральноазиатских этносов.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевники, неолит, плиточные могилы, херексурсы, хунну, сяньби, средневековые племена, этногенетические контакты, археология, антропология.

THE NOMADS OF CENTRAL ASIA (ETHNOGENETIC ASPECT)

Aleksei I. Buraev

PhD, research fellow of Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article deals with the problems of ethnic interrelations of ancient nomads of Central Asia. The author addresses to issues of interaction of peoples separated on ethnic and racial principal. The relations between Neolithic tribes, population of the Slab graves culture and the culture of Kherekurs barrows, Xiongnu and Xianbei, the Medieval tribes are analyzed. Ethnic and racial tolerance was the basis of the tribes' coexistence. The complex analysis of these cultures and peoples interaction allows us to make a conclusion about their essential influence on the process of formation of modern people of Central Asia.

Keywords: Central Asia, nomads, neolithic tribes, slab burials, Kherekurs, Xiongnu, Xianbei, medieval tribes, ethnogenetic contacts, archaeology, anthropology.

Современный мир сотрясают межэтнические и межконфессиональные конфликты, причем последние зачастую также имеют этническую составляющую. В настоящее время противостояние приобретает глобальный характер, что чревато катастрофическими последствиями для всех народов.

Исходя из сложившихся обстоятельств, главным делом гуманитарных наук является доведение до как можно большего количества людей, казалось бы, очевидной истины — нет в мире этнических образований, не прошедших в своем развитии через смешение с другими народами. В исторической ретроспективе этносы меняли наименование, язык, государственную принадлежность, религиозные доминанты.

В этой связи территория Прибайкалья и Забайкалья, определяемая как северная периферия Центральной Азии, представляет несомненный интерес. Номадизм позволяет предполагать наличие здесь мощных миграционных потоков, вплоть до полной смены населения в регионе. Вместе с тем в источниках неоднократно отмечается факт сближения (поглощения) между племенами номадов Центральной Азии.

Таким образом, одной из основных региональных исторических проблем является проблема сохранения или прерывания генетической преемственности населения Прибайкалья и Забайкалья в исторической динамике.

В статье суммируются взгляды автора на этническую историю региона в древности и средневековье.

Археолого-антропологические материалы показывают довольно сложную, связанную с влиянием других доэтнических и этнических образований историю формирования народов Байкальского региона. В то же время этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о безусловной родственности монгольских народов.

Сопоставление данных археологии и этнографии позволяет аргументированно настаивать на зарождении предмонгольской лингвокультурной общности в эпоху бронзы.

Таким образом, на современном этапе изучения этнической истории Прибайкалья и Забайкалья достигнуты довольно существенные результаты. В то же время налицо существование значительных лакун в древней истории региона. Так, на сегодняшний день неясны взаимоотношения между носителями неолитических культурных традиций. Кроме того, при почти тотальном, по сравнению с другими локальными подразделениями, датировании памятников эпохи в Прибайкалье, там появились значительные временные перерывы. Выявился довольно длительный хронологический разрыв между культурой плиточных могил и хунну, последовательно сменяющих друг друга на территории исследования. Нет определенности и в хунно-сяньбийском сосуществовании на территории региона, где не так давно открыты памятники сяньби. При существенной разработанности средневековой археологии и антропологии нет единства мнений в культурной идентификации отдельных групп памятников. Слабо разработана глоттохронология алтайской языковой семьи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с V тыс. до н. э. (эпоха неолита) по XVI в. н. э. (эпоха средневековья), что определяется появлением первых серийных антропологических материалов (начальная дата) и формированием на территории Прибайкалья и Забайкалья антропологического типа, идентичного современному (конечная дата).

Неолит. Автор начинает изложение своих взглядов на этническую историю номадов с неолитического периода исходя из двух предпосылок: во-первых, население эпохи неолита непосредственно предшествовало кочевым образованиям; во-вторых, по мнению большинства исследователей, носители неолитических культур являлись прямыми предками номадов эпохи бронзы.

Археология неолита Прибайкалья имеет свою достаточно длинную и сложную историю. По мере накопления материала среди исследователей развернулась плодотворная дискуссия о культурно-хронологической идентификации памятников. Появились скрупулезно разработанные схемы периодизаций прибайкальского неолита.

Одна из них была предложена А. П. Окладниковым [30], другая М. М. Герасимовым [7]. Камнем преткновения явилось положение китойской культуры на хронологической шкале. А. П. Окладников считал китойскую традицию наиболее поздней среди неолитических культур региона, его оппонент полагал, что китойский этап предшествовал серовскому, объединенному с исаковским.

В настоящее время полученные разными исследователями данные по C¹⁴, а на сегодня имеется более 500 дат по погребениям финального мезолита, неолита и ранней бронзы, неопровержимо указывают на наибольшую древность в эпоху неолита китойских памятников.

В Западном Забайкалье Л. Г. Ивашиной была разработана своя хронологическая градация неолитических памятников [17, с. 106–122]. В последние годы с появлением радиоуглеродных дат внесены уточнения в хронологию памятников Западного Забайкалья. Первая группа погребений Фофановского могильника имеет абсолютные даты 7610–6350 лет назад [8; 29]. Погребения I группы могильника Бухусан датированы по C¹⁴ также периодом раннего неолита — 6650 лет назад [18, с. 58–59]. К этому же периоду относятся мухинская стоянка, верхний слой ошурковского поселения и ряд одиночных погребений в разных районах Республики Бурятия (Ивашина, 2000). В свою очередь, к позднему неолиту относятся памятники из района еравнинских озер (поздние погребения могильника Бухусан, стоянки Сосновая, Исинга I, II, III, IV, Гунда, Тулдун I, II, III [17, с. 117]). Энеолит и ранний бронзовый век представлены фофановским этапом древней истории региона. Явные аналогии в инвентаре позволяют соотнести данный этап с глазковскими памятниками Прибайкалья.

При наличии многочисленных аналогий с прибайкальским неолитом стоянки и погребения Западного Забайкалья демонстрируют не менее существенные связи с синхронными восточнозабайкальскими памятниками.

Собственно в неолите Восточного Забайкалья выделяются два круга культур — ононский и доронинский. Исследователи выделяют чиндантский (ранний неолит), будуланский (развитый неолит) и амоголонский (поздний неолит) этапы генезиса неолитических культур Восточного Забайкалья.

Выделяемые этапы ононской культуры соотносятся с западнозабайкальскими. С неолитом Прибайкалья возможны лишь хронологические сопоставления.

Создается впечатление, что наиболее интенсивные контакты неолитического населения Восточного Забайкалья происходили в юго-восточном направлении.

В итоге археологического исследования циркумбайкалья создана хронологическая шкала неолитических памятников. С другой стороны, остались нерешенными вопросы преемственности между

ранним и поздним периодами неолита, взаимоотношений населения поздненеолитических культур, перехода к энеолиту и бронзе.

Репрезентативные краниологические данные способствовали возникновению научной дискуссии о роли и месте неолитического населения в антропологической истории региона. Суть полемики о происхождении антропологических особенностей неолитического населения Прибайкалья состояла в некотором ослаблении монголоидного комплекса признаков по сравнению с другими древними и современными монголоидными группами региона.

Собственно, обе точки зрения на указанную проблему были высказаны Г. Ф. Дебецем. В своих ранних работах по этой проблематике он указывал на несомненное наличие европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья [14, 15]. Позднее им же было высказано неожиданное предположение о протоморфном монголоидном типе у неолитических племен Прибайкалья, характеризующемся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей [16].

Наиболее аргументированно против гипотезы о протоморфном недифференцированном типе неолитического населения выступил М. Г. Левин. Исследователь пришел к выводу о несомненном присутствии в составе населения Прибайкалья европеоидного компонента [24; 25].

Новые материалы безусловно подтверждают наличие европеоидной примеси у населения Прибайкалья и позволяют настаивать на неправомерности употребления термина «палеосибирский антропологический тип» [3].

Исследование взаимоотношений между хронологическими и территориальными группами неолитического населения Байкальского региона в первую очередь связано с именем Г. Ф. Дебеца [14, 15, 16]. Исследователь, признав неоднородность древнего населения региона, отметил, что различия между древними сериями «в масштабе межгрупповой дифференциации признаков у современных народов Сибири невелики» [16, с. 83]. Автор также не нашел различий между выделенными сериями черепов по степени их европеоидности, т. е. по удельному весу доли европеоидной примеси в их составе.

К выводу о неоднородности антропологического населения циркумбайкалья пришли М. М. Герасимов и, на материалах Верхоленского могильника, М. Г. Левин. В то же время последний, опровергнув тезис об отсутствии европеоидной примеси, согласился с заключением Г. Ф. Дебеца «об отсутствии типологических различий между краниологическими сериями разных стадий неолита и бронзового века Прибайкалья» [25, с. 164].

Сложная история краниологии циркумбайкалья достаточно активно разрабатывалась Н. Н. Мамоновой. Общая характеристика неолитического населения Прибайкалья, данная Г. Ф. Дебецем, по мнению исследователя, не изменилась [26, с. 22]. Автор констатировала неоднородность серий, признав морфологически более близкими серовскую и глазковскую группы. Наиболее значимым представляется выделение китойской серии. Монголоидный комплекс на черепках китойской серии выражен явно сильнее, чем у других неолитических групп Прибайкалья.

В то же время Н. Н. Мамонова практически отвергает влияние европеоидного в той или иной степени населения на формирование антропологических особенностей древних обитателей Прибайкалья [28, с. 102].

Автору предлагаемой работы, напротив, представляется, что метисация монголоидных и европеоидных (скорее всего, это были уже смешанные группы) популяций оказала определяющее влияние на формирование особенностей как отдельных территориальных и хронологических групп, так и всего населения байкальского региона в эпоху неолита. Хотя различия между группами и невелики, наличие четко фиксируемая территориальная дифференциация по комплексу признаков.

Таким образом, неолитическое население байкальского региона подразделяется на группы по степени присутствия монголоидного (европеоидного) компонента в антропологическом составе того или иного родоплеменного образования.

На настоящий момент просматриваются два миграционных потока на территории Прибайкалья — с востока (монголоиды) и с запада (европеоиды). По всей вероятности, исследуемая территория являлась крайней восточной зоной взаимодействия представителей двух больших рас. Популяции с долей европеоидной примеси достигали озера Байкал и здесь, по всей видимости, сталкивались с встречным движением монголоидных групп Забайкалья и Монголии.

Переход к энеолиту с антропологической точки зрения не представляет собой резкой границы. Носители глазковской культуры вполне соответствуют статусу наследников предшествующих им сообществ.

В 1954 г. была опубликована первая серия по антропологии древнего населения Забайкалья, присходящая из Фофановского могильника [9]. В последующих работах исследователем введены в научный оборот новые данные по Фофановскому могильнику и нескольким черепам, представляющим различные районы Бурятии, причем географический размах локализации находок очень велик [12; 13]. В целом, согласно современной расовой систематике, население, оставившее Фофановский могильник, «занимает промежуточное положение между центральноазиатской и байкальской расами, приближаясь к последней» [13, с. 20]. Вывод, сделанный по отдельно взятому могильнику, можно распространить на всю забайкальскую серию. То есть древние насельники Забайкалья по антропологической характеристике являлись ярко выраженными североазиатскими монголоидами.

При всех особенностях неолитическое население байкальского региона, скорее всего, приняло значительное участие в формировании антропологического состава последующих обитателей этой территории.

Эпоха бронзы и раннего железа. В последующие неолитическому и энеолитическому времени эпохи бронзы и раннего железа в регионе проживало население, создавшее памятники культуры плиточных могил, и племена, оставившие после себя курганы-херексуры. Их справедливо считают первыми кочевниками на территории региона.

На основании археологических изысканий определены хронологические и локальные рамки культуры плиточных могил, установлена ее идентичность на всей территории распространения.

По настоящее время остаются по крайней мере спорными существенные вопросы происхождения, развития и исторической судьбы этой самобытной культуры.

Наиболее аргументированными на сегодняшний день представляются две точки зрения. Первая из них, высказанная В. Е. Ларичевым, связывает происхождение культуры плиточных могил с культурой каменных ящиков бронзового века Дунбэя — области на северо-востоке Китая [23]. Аргументация основывается на выявленных параллелях в погребальном обряде и инвентаре. Кроме того, исходя из доказанного существования у дунбэйцев смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства, обусловленного географическими особенностями их расселения [23, с. 68], апологеты гипотезы не видят противоречий в укладе жизни населения рассматриваемых культур.

Вторая позиция отрицает генетические связи населения двух культур. Исследователи аргументируют свои возражения первой версии резкими различиями между ярко выраженными кочевниками (плиточники) и земледельцами (дунбэйцы).

Между приверженцами данного направления существуют глубокие различия в определении исходных групп населения, создавших культуры, на основе которых возникло объединение плиточников. В. В. Волков предположил, что культура плиточных могил возникла на основе карасукской культуры, а именно на забайкальском ее варианте, тесно связанном с культурами карасукского типа северной и центральной Монголии. С ним резко не согласился А. Д. Цыбиктаров, полагая, что культура плиточных могил сложилась на местной основе раннебронзового времени. В обозначившейся коллизии автор предлагаемой работы безусловно поддерживает предположение А. Д. Цыбиктарова, так как, кроме археологических и хронологических несоответствий, антропологический тип карасукского населения резко отличается от населения культуры плиточных могил. Все вышесказанное никак не противоречит наличию типично карасукских вещей в плиточных могилах, а только указывает на устойчивые культурные связи в восточносибирском регионе.

В числе возможных родственников носителей культуры плиточных могил в последние десятилетия выделяют культуру верхнего слоя Сяцзядянь в северо-восточном Китае. Для такого предположения есть существенные причины. Представителей этой культуры идентифицируют с племенами дунху, общепризнанными предками монголов. Напомним, что население культуры плиточных могил также связывают с протомонголами — дунху [6, с. 114–119]. Культура плиточных могил датируется с XIII по IV в. до н. э., а культура верхнего слоя Сяцзядянь с IX по IV в. до н. э.

Последующая судьба населения культуры плиточных могил складывается весьма непросто: начиная с VII в. до н. э. начинаются постоянные набеги хунну, или их предков, на кочевья дунху, при этом поначалу они не оставляют на территории Забайкалья сохранившихся до наших дней памятников; дунху под жестким давлением вынуждены либо покинуть родину, либо подчиниться новому гегемону; к III в. до н. э. они либо ассимилированы, либо проживают на окраинах центральноазиатского кочевого мира в Приаргунье и Приольхонье.

Полная антропологическая характеристика и историческая интерпретация краниологических материалов по населению культуры плиточных могил даны И. И. Гохманом [10; 11; 13]. Исследователь

однозначно определен с расовой принадлежностью населения, захороненного в плиточных могилах. В антропологической систематике оно относится к североазиатским монголоидам, сближаясь по основным параметрам с байкальской расой.

Таким образом, плиточные могилы дали выразительный, четко идентифицированный и, самое главное, однородный краниологический материал. Происхождение этого населения от неолитических популяций Забайкалья «не вызывает сомнений» у мэтров российской антропологии [2, с. 69], его участие в этногенезе монгольских народов представляется более чем вероятным. Тем более что, основываясь исключительно на китайских летописях, В. С. Таскин блистательно аргументировал наличие этнических связей между дунху и монголами [32, с. 39–62].

Археология херексурсов разработана значительно слабее материальной культуры плиточных могил. К настоящему времени большинство исследователей сходятся в понимании однокультурности данного конгломерата памятников на всей огромной территории их распространения. Датировка херексурсов достаточно сильно варьирует в зависимости от автора и территории исследования в связи с почти полным отсутствием датирующего материала. Не впадая в дискуссию, отметим, что для Бурятии представляется приемлемой хронология, предложенная А. Д. Цыбиктаровым: конец II — начало I тыс. до н. э. [33, с. 140–141].

Антропология населения, оставившего херексуры, изучена еще более фрагментарно, чем археология. С другой стороны, учитывая декларируемую коллегами однокультурность всего массива памятников подобного типа, можно предположить, что, как и в Монголии [3, с. 231], большинство погребенных европеоидны, хотя, согласно А. Д. Цыбиктарову, череп из могильника Улзыт III был характеризован И. И. Гохманом как монголоидный и схожий с черепами из плиточных могил [33, с. 144]. Здесь нет непреодолимых противоречий. Вне всяких сомнений, при довольно значительном перекрывании ареалов друг друга [33, с. 194, рис. 2] и, как представляется, длительном (по крайней мере, несколько веков) проживании в соседях, население культуры плиточных могил и херексурсов смешивалось как генетически, так и механически. Совместная территория обитания и один образ жизни (кочевой) неизбежно должны были привести к метисации двух рассматриваемых популяций.

Итак, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. впервые среди кочевников исследуемой территории фиксируются этногенетические контакты между представителями не только разных этносов, но и разных рас.

Хунно-сяньбийские взаимоотношения и их влияние на этническую историю региона. Дальнейшая история региона связана с племенными объединениями хунну и сяньби. Среди исследователей материальной культуры хунну в целом нет разногласий в датировке и локализации оставленных ими памятников.

Историческая судьба кочевой империи и ее влияние на судьбы мира хорошо известны. В то же время, как это ни странно, в археологии и общей истории хунну существуют серьезные нерешенные проблемы.

В первую очередь остается нерешенным вопрос о происхождении культуры хунну. Ряд исследователей видит предками хунну носителей культуры «ордосских бронз». Другие считают, что корни хунну следует искать в культуре верхнего слоя Сяцзядянь. С другой стороны, как уже отмечалось при описании культуры плиточных могил, некоторые китайские и российские коллеги считают культуру верхнего слоя Сяцзядянь родственной культуре плиточных могил.

П. Б. Коновалов решает сложившуюся коллизию, признавая смешанный характер культуры хунну, и считает, что обе вышеназванные культуры являются протосюннскими [21, с. 61–62].

Исследователи идентифицировали полученные материалы с хунну, констатировали их монголоидность, не исключая наличия небольшой европеоидной примеси, поначалу связываемой с неолитическим населением Прибайкалья. Особое внимание в краниологической характеристике привлекла мезокrania хуннской серии, резко выделяющая их на фоне брахикранного населения региона.

Современный анализ материала позволяет сделать вывод о синхронном сосуществовании различных расовых типов на территории байкальского региона в хуннское время. По всей видимости, европеоидное и монголоидное население региона активно контактировали между собой на всем протяжении I тыс. до н. э. и в первые века н. э. Таким образом, байкальский регион в указанный период, как и в предшествующий, являлся маргинальным для монголоидных и европеоидных популяций.

Здесь уместно будет отметить прецедент сохранения на территории Бурятии генетической преемственности, возможно, прослеживающейся по настоящее время. Таким образом, население культуры плиточных могил, вероятно, сохранило свое присутствие на территории байкальского региона и в

«хуннское» время. Что касается европеоидного компонента в хуннской серии, то пока нет достаточных данных для определения его происхождения. Наиболее адекватным представляется вариант генетической преемственности с населением, соорудившим херексуры, но настаивать на таком утверждении по меньшей мере преждевременно.

К этому же времени относятся археологические памятники с территории Восточного Забайкалья, определяемые читинскими коллегами как памятники сяньби. Полученные материалы позволяют поверить в реальность сообщений китайских хронистов и монгольских преданий о том, что предки монголов были вынуждены уйти из «мест обетованных» куда-то на Восток.

Исследование черепов сяньби позволяет настаивать на их абсолютной монголоидности и предполагать их происхождение от «плиточников». Таким образом, прародина средневековых монголов определяется нами в аргументированно локализованном месте — Приаргунье. Наиболее адекватная интерпретация китайских письменных источников также свидетельствует о проживании сяньбийцев на территории Восточного Забайкалья [32, с. 56].

По всей очевидности, часть кочевников циркумбайкалья, не приняв гегемонию хунну, ушла на восток, поселившись в богатых приаргунских степях. По ясным, на наш взгляд, причинам (чувство Родины и близость к непресекающимся источникам существования) прамонгольские народы позже вернулись на родину предков.

Исходя из вышеизложенного, представляется следующая гипотетическая схема европеоидно-монголоидного, межэтнического и межплеменного взаимодействия на территории байкальского региона в эпоху древних кочевников. В указанный период не было жесткой этнической и даже расовой дифференциации между населявшими центральноазиатские степи кочевыми объединениями. На основании общности бытового и духовного уклада жизни отдельные племена, роды, семьи и индивидуумы легко интегрировались в более крупные социально-политические образования, принимая сторону более сильного и успешного. В письменных источниках неоднократно отмечаются факты поглощения доминирующим в степи племенным образованием номадов более слабых на данный момент соседей [32, с. 45; с. 297–298].

Представляется очевидным, что во времена хунно-сяньбийского противостояния, или взаимодействия, происходила беспрецедентная нивелировка родового и племенного самосознания. Люди самостоятельно или под принуждением достаточно легко меняли свою племенную принадлежность, и это становилось обычной практикой. В этом родо-племенном котле вызревала новая этническая общность.

Согласно данным письменных источников, археологическим, этнографическим, лингвистическим и антропологическим материалам, древние кочевники являлись непосредственными предками средневековых монгольских племен.

Средневековый период в истории Сибири и Центральной Азии занимает особое место. Именно в это время здесь произошли крупные исторические события, повлекшие за собой значительные изменения в различных сферах. Современная этническая и расовая ситуация в регионе сложилась в средние века.

В археологии территорию исследования подразделяется на три культурные зоны: Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье.

Прибайкалье. На сегодняшний день исследователи выделяют здесь две средневековые культуры: курумчинскую и сменяющую ее культуру монгольского периода.

По мнению большинства исследователей, из местных племен эпохи бронзы — по всей вероятности, тунгусоязычных носителей культуры плиточных могил и хунну к VI в. н. э. — в Прибайкалье сформировался курыканский племенной союз. Тюрки-курыкане активно контактировали с родственными по языку племенами Южной Сибири. С X в. начинается продвижение сюда монголоязычных племен, закончившееся к XIV в. ассимиляцией курумчинцев. Однако связи с тюркским миром сохранялись и в этот период. В период с XVI по XVIII в. на территории Прибайкалья шло формирование бурятского этноса.

Западное Забайкалье. До недавнего времени исследователи выделяли здесь две средневековых археологических культуры: хойцегорскую VII–X вв. и саянтуйскую XIII–XIV вв. Новые данные позволили П. Б. Коновалову сделать вывод о принадлежности хойцегорских и саянтуйских памятников к одной культуре. Исследователь предлагает назвать культуру раннемонгольской, выделяя в ней хойцегорский (VIII–X вв.) и саянтуйский (XI–XIV вв.) этапы. На первом этапе культура имела «смешан-

ную тюрко-монгольскую основу», на втором — произошла «полная монголизация населения по обе стороны Байкала» [20, с. 19].

В целом можно выделить две основные точки зрения на этнокультурные процессы в Западном Забайкалье в средние века.

Согласно первой из них, до монголоязычного населения в крае проживали тюркские племена. Монгольские племена начали расселяться по степной и лесостепной зонам Южной Сибири и Центральной Азии не ранее XI в. В Забайкалье достоверные памятники монголоязычных групп относятся к XIII–XIV вв. Таким образом, не исключая значительного влияния тюркоязычных предшественников на монгольские племена, можно предположить, что в начале II тыс. н. э. произошли значительные изменения в этническом составе населения Западного Забайкалья.

Согласно второй точке зрения, этнокультурные изменения на исследуемой территории в указанный период не были столь существенными. Начало активных контактов монголоязычных и тюркоязычных групп относится здесь к концу I тыс. до н. э. и связывается с носителями культуры плиточных могил и хунну.

Завершая обзор археологической литературы по средневековым памятникам Западного Забайкалья, отметим, что в племенах первой половины II тыс. н. э. все исследователи видят предков современных бурят.

Восточное Забайкалье. Здесь на основе археологических материалов исследователями выделены бурхотуйская, дарасунская, древнемонгольская и ундугунская культура I — середины II тыс. н. э.

В начале II тыс. н. э. бурхотуйские и дарасунские племена были ассимилированы уже собственно средневековыми монголами.

Кроме древнемонгольской в Восточном Забайкалье выделяется одновременная ей ундугунская культура, связываемая с предками современных эвенков.

Сопоставляя результаты археологических исследований в Прибайкалье, Западном и Восточном Забайкалье, нельзя не отметить нерешенность вопросов преемственности между племенами I и II тысячелетий н. э., а также их взаимоотношений с предшествующим и современным населением региона. Их решение невозможно без палеоантропологических данных.

В результате антропологического изучения средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья установлено, что в исследуемый период здесь проживало в основном монголоидное население, неоднородное в пределах рас второго порядка. Отдельные группы населения характеризуются комплексом признаков байкальской и центральноазиатской групп популяций. В то же время доказано пребывание на территории Прибайкалья европеоидов памиро-ферганского облика. В качестве возможных предков средневекового населения фигурируют носители культуры плиточных могил, а его потомками являются, по всей видимости, современные буряты.

Обращаясь ко всему исследованному материалу, в первую очередь отметим сходство всех серий, связываемых исследователями-археологами с монгольскими племенами. Большинство погребений, откуда происходит материал, датируется X–XIV вв. Выявляются связи древних монголов с населением предшествующего периода и в первую очередь с племенами шивэй, которым принадлежат памятники бурхотуйской культуры. Что касается Западного Забайкалья, предварительно можно предположить преемственность населения на протяжении всего этого периода.

В археологической литературе происхождение средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья связывается, прежде всего, с населением культуры плиточных могил, хунну и сяньби.

При сравнении групп средневекового населения с сериями плиточников и сяньби выявляется сходство по большинству параметров. Исключение составляет серия курумчинской культуры, радикально отличающаяся от носителей культуры плиточных могил и сяньби.

Таким образом, предположение об участии населения культуры плиточных могил в формировании курумчинцев, сделанное на основании археологических данных, пока не находит подтверждения на антропологических материалах. Но есть все основания предполагать генетическую преемственность между плиточниками и средневековыми монгольскими племенами.

При сопоставлении хуннской серии со средневековыми материалами Г. Ф. Дебеца И. И. Гохман, как уже отмечалось, при рассмотрении черепов из плиточных могил констатировал отличие хунну и от средневекового населения Забайкалья [10].

Материалы эпохи средневековья, на наш взгляд, подтвердили правомерность сделанного заключения. Отметим, что по такому признаку, как черепной указатель, хуннская серия значительно отличается от всех средневековых групп, за исключением курумчинской. Учитывая выявленные Б. Б. Даши-

баловым археологические параллели между двумя культурами, свидетельство китайских летописей о происхождении курыкан (гулигань) от хунну [4, с. 301; 22, с. 36], можно предположить, что отмеченное морфологическое сходство не случайно.

Рассмотренными материалами исчерпываются данные о ближайших предшественниках средневекового населения на исследуемой территории. Синхронные серии из Минусинской котловины, Тувы и Приамурья подобраны для сопоставления на основании археологически выявленных контактов со средневековыми племенами Прибайкалья и Забайкалья.

Исходя из данных письменных источников, можно предположить наличие генетических контактов между курыканами и уйгурами, с которыми связывают и западнозабайкальские племена VII–X вв. В антропологической литературе известна лишь одна серия, происходящая из погребений VIII–IX вв. в Туве, принадлежавших, по мнению исследователей-археологов, средневековым уйгурам. Серия «уйгуров» резко отличается от всех средневековых групп из Прибайкалья и Забайкалья, так же как другие серии памиро-ферганского облика, зафиксированные в регионе.

Все авторы, обращавшиеся к материалам бурхотуйской культуры, отмечают их сходство с мохэскими памятниками Приамурья. Е. В. Ковычев, обобщивший данные о средневековых памятниках Восточного Забайкалья, объяснил близость между культурами вхождением в их состав родственных племен [19]. Сделанное предположение во многом основывается на сообщениях китайских хроник о сходстве языка мохэ и шивэй [32, с. 140]. Однако автор наиболее полных переводов китайских летописей, относящихся к древним монголоязычным народам, В. С. Таскин высказал сомнение в справедливости этого утверждения, считая соответствующую фразу источника ошибочной [32, с. 364, прим. 4].

Сопоставление краниологических серий бурхотуйцев и мохэ не выявило родственных связей между группами.

Сравнение по основным характеристикам показало близость современных бурят к средневековым монголоязычным племенам Прибайкалья и Забайкалья.

В целом рассмотренный краниологический материал позволяет достаточно уверенно связывать этногенез монголов и бурят с монголоязычными племенами Прибайкалья и Забайкалья эпохи средневековья.

Заключение

Изучение антропологических материалов с территории исследования выявляет гетерогенность антропологического состава на всем протяжении этнической истории циркумбайкалья. Начиная с эпохи неолита можно констатировать присутствие здесь неоднородных в антропологическом отношении групп. Появились веские данные для признания за населением китойской культуры Прибайкалья статуса мигрантов из юго-восточных степных районов региона. Эта группа демонстрирует и наиболее выраженную монголоидность среди других неолитических серий. Серовская же и исаковская группы сходны между собой и, безусловно, имеют в своем составе европеоидную примесь. Выявилась четкая географическая доминанта в доле европеоидной примеси в антропологическом составе населения. К юго-востоку и северо-востоку, при приближении к районам, где проживало монголоидное население, доля европеоидной примеси уменьшается. Судя по характеру европеоидного сдвига в сериях черепов эпохи неолита, в Прибайкалье пришли уже метисированные популяции. Представляется, что в неолитическое время именно здесь проходила условная граница проникновения европеоидного компонента на Восток. В Западном и Восточном Забайкалье в этот период проживает неоднородное, но выражено монголоидное население.

Население эпохи бронзы, скорее всего, произошло от предшественников на территории проживания. В то же время высказанное предположение относится только к части населения околобайкальского пространства. В этот период отчетливо проявляется дуалистический характер этнокультурной ситуации в регионе. Здесь сталкиваются два мощных потока, культурно и этнически разнородных. По всей вероятности, население культуры плиточных могил и племена, создавшие курганы-херексуры, соперничали между собой. Но длительность сосуществования, захоронение практически в одних и тех же местах, находка в кургане Улзыт III погребенного монголоидного облика (а строители херексуров в основном европеоидны) позволяют предполагать наличие элементов этнического и культурного взаимопроникновения. Нельзя забывать и о кочевом образе жизни, объединявшем, как представляется, население обеих культур на индивидуальном, бытовом уровне. По всей вероятности, в конце эпохи бронзы на территории Прибайкалья и Забайкалья сложился своеобразный расово-культурный паритет. Монголоидные плиточники и европеоидные носители культуры херексуров бы-

ли вынуждены к сосуществованию общностью территории и невозможностью полного уничтожения противника.

Европеоидная примесь, зафиксированная в неолите, никак не связана с европеоидностью населения эпохи бронзы и раннего железа, она результат масштабной миграции непосредственно в этот период. В пользу высказанного утверждения свидетельствует и выраженная монголоидность плиточников, по всей очевидности, являвшихся автохтонным населением по отношению к пришлым племенам (культура курганов-херексуров).

В следующую эпоху противостояние дунху и их наследников сяньби с хунну, кроме негативных последствий (воинствующий антагонизм), вело к интенсификации процессов культурного и этнического смешения. Зафиксированные в китайских династических хрониках прецеденты перехода значительных групп населения, чаще всего не по своей воле, из одного племенного образования в другое подтверждают достоверность движения именно в этом направлении.

Если население, оставившее после себя курганы-херексуры, было, как представляется, почти полностью европеоидным, то в составе хунну можно говорить лишь о европеоидной примеси. Хотя создается впечатление, что эта примесь синхронна времени бытования хунну в регионе. Такое предположение связано с наличием в составе хунну морфологически противоположных вариантов — европеоидного и монголоидного. Последний, несомненно, происходит от населения культуры плиточных могил. Происхождение же европеоидного варианта, скорее всего, нужно связать с новой волной миграции в регион, хотя участие предшественников не исключается. В любом случае монголоидное население значительно преобладает в количественном отношении. Наличие метисированных черепов позволяет предположить, что именно в рассматриваемый период начинается процесс формирования антропологического единства населения Прибайкалья и Забайкалья, как и севера Центральной Азии в целом, завершившийся образованием характерных особенностей центральноазиатской расы.

Отмеченные процессы получили свое завершение в средние века. Монголоидный элемент численно возобладал, практически растворив в себе европеоидный. В то же время в погребениях средневековых культур еще встречаются морфологические европеоиды. Но содержание европеоидной примеси хронологически меняется. Большинство европеоидных индивидов, обнаруженных в погребениях этого периода на территории Прибайкалья и Забайкалья, относятся к раннему средневековью (до X в.). В период монгольской экспансии на запад удельный вес европеоидной примеси в антропологическом составе населения региона значительно снижается, сходя на нет приблизительно к XIV в. н. э.

От средневекового населения, вне всяких сомнений, происходят современные буряты и монголы. Их принадлежность к центральноазиатской расе, выстроившаяся цепочка генетической преемственности от эпохи неолита, отчетливо выявленное участие европеоидов в происхождении средневекового населения, а через него и современного, позволили подтвердить гипотезу формирования центральноазиатской расы в результате смешения монголоидов байкальского типа с европеоидами.

Полученные данные показывают значительную интенсивность миграционных процессов в регионе. Как уже отмечалось, прослеживается генетическая преемственность населения от эпохи неолита до настоящего времени, что позволяет предполагать наличие сильных гомеостатических тенденций на территории Прибайкалья и Забайкалья. По-видимому, главным фактором этнической стабильности, несмотря на все перипетии истории, явилось сохранение части населения на территории региона, чему явно способствовали географические условия.

И последнее, что необходимо отметить. В погребальных памятниках каждого исторического периода на территории Прибайкалья и Забайкалья встречаются захороненные по одному обряду, с идентичным инвентарем люди, относящиеся к разным большим расам (монголоидной и европеоидной). А это свидетельствует об их принадлежности к одному племенному образованию и равных правах при жизни. Таким образом, древнее население региона демонстрирует яркий пример расовой и этнической толерантности, так необходимой миру сегодня.

Литература

1. Алексеев В. П. Основные этапы антропологических типов Тувы // Советская этнография. 1962. № 3.
2. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
3. Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.

5. Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. // История и филология стран Востока. Л., 1958. (Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 7).
6. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
7. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М., 1955. 585 с.
8. Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
9. Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. 1954. Вып. 20.
10. Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 18.
11. Гохман И. И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов в Забайкалье // Советская этнография. 1967. № 6.
12. Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л.: Наука, 1977. Вып. VII.
13. Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 5-34. (Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР).
14. Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. Ассоц. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. фак-те МГУ. 1930. Т. 3, № 2 а.
15. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 4).
16. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 204 с.: ил. (Тр. Ин-та этногр. СССР. Нов. сер. Т. 17).
17. Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 157 с.
18. Ивашина Л. Г. Элементы китойской культуры в неолите Забайкалья / Л. Г. Ивашина // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. I.
19. Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989.
20. Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989.
21. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
22. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 491 с.
23. Ларичев В. Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сб. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Вып. I.
24. Левин М. Г. Антропологический материал из Верхолесского могильника / М. Г. Левин // Антропологический сб. М., 1956. Т. 33. (Тр. Ин-та этногр. Нов. сер.)
25. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 36. 359 с. (Тр. Ин-та этногр. Нов. сер.)
26. Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
27. Мамонова Н. Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии: (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980.
28. Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. 1983. Вып. 71.
29. Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология. 1989.
30. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I, II. 411 с. (МИА. № 18).
31. Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. III // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. Русского географического о-ва. М., 1901. Т. 4, вып. 2.
32. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.
33. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 287 с.
34. Цыбиктаров А. Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. Вып. 2.

УДК 94(519)

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В 1960-х — 1970-х годах: ИДЕИ ПРЕЗИДЕНТА ПАК ЧЖОНХИ

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ
«Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока)
в странах Северо-Восточной Азии», № 14-03-00439

© **Буряев Дмитрий Игнатьевич**

доктор исторических наук, заведующий кафедры истории и регионоведения стран Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: railia@mail.ru

© **Бадархаев Дмитрий Владимирович**

аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: marklarmd@gmail.com

Пример ускоренного экономического развития Республики Корея до сих пор привлекает внимание многих ученых. У истоков этих коренных изменений стояло новое руководство в лице военных во главе с Пак Чжонхи, пришедшие к власти в 1961 году. Именно Пак Чжонхи считают главным архитектором так называемого корейского экономического чуда. Для того чтобы понять суть процесса модернизации в Корею, необходимо исследовать идейную основу этого процесса, которая была изложена в книгах и речах президента.

В статье дается краткое описание идей лидера корейского государства о причинах отсталости страны и процессе модернизации. Рассмотрены главные задачи, которые ставил Пак Чжонхи: индустриализация, создание самостоятельной экономики, консолидация народа с помощью «здорового» национализма, корейзация демократии. Целью этих задач было создание сильного современного демократического государства, которое могло бы противостоять угрозе со стороны КНДР и не зависело от экономической помощи США.

Ключевые слова: Республика Корея, Пак Чжонхи, модернизация, индустриализация, административная демократия, национальная демократия, демократия по-корейски, национализм, «корейское экономическое чудо», «чудо на реке Ханган».

MODERNIZATION OF THE REPUBLIC OF KOREA IN 1960-s — 1970-s:
PRESIDENT PARK CHUNG HEE'S IDEAS

Dmitriy I. Buraev

DSc, professor Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Dmitry V. Badarkhaev

Research Assistant, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The rapid development of the Republic of Korea is still a subject of study for many researchers. The military authority headed by Park Chung Hee that seized power in 1961 stood at the origins of those fundamental changes. This is precisely why Park is considered to be a designer of so-called «miracle on the Han river». And to understand the process of modernization in Korea, we need to investigate the ideological base of that process. It was set out in Park's books and speeches.

This article observes Park Chung Hee's ideas towards Korean modernization and origins of Korea's backwardness. The author reviewed key tasks of Korean modernization, those are industrialization, independent economy, consolidation of people by «healthy» nationalism, koreanization of democracy. The purpose of those tasks was to build up a strong modern democratic country that could counter the possible challenge from DPRK and exist without economical aid from the USA.

Keywords: Republic of Korea, Park Chung Hee, modernization, industrialization, administrative democracy, national democracy, Korean style democracy, nationalism, «Korean economic miracle», «miracle on the Han river».

Самым большим достижением Республики Корея в XX в. стала успешная модернизация ускоренным темпом. Она оказала влияние не только на сектор экономики, но и на все южнокорейское общество в целом.

Несмотря на то, что процесс модернизации страны продолжался на протяжении десятилетий, отправной точкой быстрого развития Кореи стал приход к власти военных во главе с Пак Чжонхи в результате переворота (или, как писал сам Пак Чжонхи, «революции 16 мая»). Не будет преувеличением сказать, что именно новая власть сыграла решающую роль в процессе модернизации страны, определив главной целью индустриализацию.

За время правления Пак Чжонхи Республика Корея, одна из беднейших стран мира на тот момент, совершила рывок к индустриальному обществу. За 20 лет внутренний валовой продукт увеличился в 18 раз (примерно с 80 долларов в 1960 г. до 1500 долларов в 1980 г.). Республика Корея превратилась в страну с динамично развивающейся экономикой. Практически все специалисты сходятся во мнении, что особую роль в становлении экономики страны сыграла личность президента Пак Чжонхи. Соответственно, для того чтобы понять суть процесса модернизации в Корее, необходимо изучить идеи главы государства относительно причин отсталости и его концепцию модернизации Кореи.

Под модернизацией принято понимать процесс перехода от традиционного к современному типу общества, от феодально-аграрного к индустриальному обществу. В общем модернизация включает в себя изменения в трех основных сферах: в политической жизни общества, экономической и духовной. С такой точки зрения необходимо обратить в первую очередь внимание на идеи Пак Чжонхи о демократии в Корее, экономическом развитии и духовном «преобразовании» (чжонсин кэчжо). Однако следует заметить, что идеи Пака будут рассмотрены с позиций того, что он был политическим деятелем, а не философом, что значит, что его идеи не имели вид законченной философско-социальной концепции, но явились основой для дальнейших преобразований в стране. Идеи Пака были изложены в основном в его книгах и речах.

Пак Чжонхи в своей книге «Путь нашей нации» (1962 г.) указал задачи, которые стоят перед корейским народом. Первая — «освобождение нации». Пак пишет, что корейцы должны избавиться от следов «полуфеодальных и полукOLONиальных» отношений. Он призывает к «здоровому» национализму, в целом считая его необходимым для выживания неразвитых стран. Одной из проблем явилось то, что за 16 лет после освобождения от господства Японской империи корейцы не смогли избавиться от психологии подданных Японии, а также в мировоззрении корейцев по-прежнему были сильны мотивы садэжэуый — «низкопоклонства» перед «старшим братом» (на протяжении столетий таким «братом» был Китай), сохранившиеся со времен государства Чосон. Пак считал, что раз Корея теперь политически независимое государство, то и в психологии должно произойти «освобождение». Для такого «духовного освобождения» необходим был национализм, он должен был стать основой для объединения людей в достижении цели — модернизации государства [6, с. 128].

Второй задачей объявлялось достижение «экономической независимости». В начале 1960-х годов бюджет Кореи на 52 % формировался из помощи США. Таким образом, Корея напрямую зависела от США экономически. Это значило, что в случае, если в США будет экономический кризис или изменится их собственная политика по отношению к Корее, это повлечет тяжелые последствия для экономики Кореи. Поэтому Пак утверждает, что страна должна добиваться независимой экономики [6, с. 128–129].

И наконец, третьей задачей для развития государства было «восстановление здоровой демократии». Пак пишет: «Провал корейской демократии в том, что мы напрямую переняли систему других стран, не приняв в расчет историю нашей нации, поэтому демократия не смогла прижиться на корейской земле. ...Пришло время осознать необходимость «демократизации по-корейски. Демократия — это не свобода своеволия и самодурства, а свобода самоконтроля, поэтому демократия также должна быть управляемой» [6, с. 129–130]. То есть Пак утверждает, что демократия должна пройти процесс корейзации — подстраивания под особенности политической культуры Кореи. Его идея об «управляемой демократии» находит воплощение в концепции «административной демократии», которая в дальнейшем видоизменяется в «национальную демократию» (с 1963 г.), а затем в «демократию по-корейски» (с начала 1970-х гг.). Административная демократия — переходный этап к либеральной демократии, необходимый в случае, если в стране неразвиты политические и экономические отношения.

Важной особенностью современных государств явилась модернизация путем индустриализации экономического сектора. Понимая это, Пак делает главной из вышеперечисленных задач построение

сильной и независимой экономики. Пак был привержен принципу приоритетности развития экономики перед другими сферами общества. Он утверждал, что сильная экономика должна стать базой для демократизации и дальнейшего развития общества [6, с. 177–178, с. 225–226]. В начале 1970-х гг. он пишет: «В случае Кореи мы начали процесс модернизации с развития экономики, так как тогда неотложным делом было спасение людей от нищеты» [2, с. 184]. Другими словами, развитие экономики было неотложной задачей, требующей решения в кратчайшие сроки, тогда как демократизация была долгосрочной задачей.

Для выполнения поставленной задачи по развитию независимой экономики Пак Чжонхи с 1964 г. берет курс на индустриализацию и экспортоориентированную модель экономики. Государство проводит политику протекционизма, разрабатывает и принимает законы относительно налогообложения, финансовой системы; для повышения конкурентоспособности на международном рынке инвестиции вкладываются только в промышленный сектор. Такая стратегия была единственным выходом для Кореи, чтобы в условиях недостатка капитала и технологий догнать развитые страны в краткие сроки.

Необходимо отметить то, что правительство Пак Чжонхи применяло принципы планирования развития экономики: Управление экономического планирования разрабатывало пятилетние планы, первый был начат в 1962 г. Однако принцип планирования не был отвергнут и последующими правительствами, и лишь в 1997 г. после окончания 7-го пятилетнего плана от этого принципа отказались. Сам Пак считал, что в неразвитых странах выполнение экономических планов, разрабатываемых правительством и находящихся под его контролем, является «ключевым условием для достижения настоящей демократии не только в Корее, но и в Азии в целом» [6, с. 227].

По мнению Пак Чжонхи, современной экономической системой является капитализм. Современная экономическая система в Корее начала складываться в период колониальной зависимости от Японской империи. Тогда японцы впервые в истории Кореи начали вводить принципы капитализма через земельные реформы. Пак писал: «Установление первого в истории Кореи права собственности на землю нового типа в 1918 году явилось важнейшим историческим событием. ...Но модернизация была импортирована под видом колониального правления японского капитализма. Корейский капитализм начался с установления права частной собственности на землю, однако он был насильно насажен японцами, поэтому до сих пор находится в подавленном состоянии» [6, с. 120]. Таким образом, Пак считает капитализм современной экономической системой в силу наличия права частной собственности на землю и, соответственно, экономической свободы.

Как было отмечено выше, Пак Чжонхи утверждал необходимость национализма в неразвитых государствах для модернизации. Пак дает следующее определение национализму: «По-моему, национализм — это полное искоренение духа садэчжуй⁸, духа подчиненной колонии, следов средневековья и феодализма и установление самостоятельности народа, осознание самобытности нашей нации» [5]. Во всех постколониальных странах для проведения модернизации происходило сочетание индустриализации и национализма, который выполнял роль фактора, необходимого для мобилизации широких народных масс и включения их в процесс быстрого развития экономики [10, с. 173]. Пак Чжонхи также делает акцент на том, что национализм должен служить делу развития экономики и дальнейшей модернизации.

Большое внимание Пак Чжонхи уделяет и политическим преобразованиям, необходимым для развития Кореи. В работах корейских историков существуют разные точки зрения на проблему демократии в работах Пака. Одни утверждают, что административная демократия, национальная демократия и демократия по-корейски различаются между собой, поэтому их необходимо изучать отдельно, чтобы понять их суть [1, с. 298–299; 3, с. 129–130]. Другие утверждают, что все три понятия демократии в общем носили национальный характер, характер «корейзированной» демократии, поэтому не стоит их рассматривать по отдельности [7, с. 255]. На наш взгляд, все три понятия имеют сходство в одном — они вышли из необходимости корейизации демократической системы и подгона ее под реалии корейской политической культуры. Однако имеет смысл анализировать каждое из понятий отдельно, для того чтобы понять, в чем была необходимость введения того или иного термина в оборот, и сравнить их между собой.

Пак Чжонхи обозначает установление демократии одной из задач модернизации в Корее, однако при этом нужно учитывать корейские реалии. Он объясняет провал демократии в Корее тем, что предыдущие власти в лице первого президента Ли Сынмана переняли форму западной демократии и

⁸Садэчжуй — кор. «низкопоклонство перед сильными».

пытались ее насадить, не учитывая потребности в ее видоизменении под национальные особенности политической культуры Кореи [6, с. 129–130]. Соответственно, для того, чтобы демократия прижилась, был необходим переходный этап в виде национальной демократии (административной, или демократии по-корейски).

Пак пишет: «В революционный период мы должны стремиться не к демократии западного типа, а демократии, которая подходит социальным и политическим реалиям нашей страны. Такой демократией является административная демократия» [6, с. 229]. Административная демократия опирается на бюрократический аппарат для продвижения процессов модернизации. Сам бюрократический аппарат является органом контроля и мобилизации народа [1, с. 129].

На наш взгляд, объективной причиной для введения нового термина было идеологическое объяснение установления централизованной власти, концентрирующейся в руках Верховного совета национальной перестройки (куккачжэгон чхвегохвэй). Такие процессы, как индустриализация, которые требуют мобилизации огромных масс населения, должны проводиться под непосредственным контролем государства, поэтому вполне логичным было сосредоточение политической власти в руках одного комитета. Попытка властей Второй республики ввести либеральную демократию окончилась провалом в экономическом секторе, так как власти проводили лишь популистские реформы, направленные на развитие аграрного производства. В отличие от такой политики правительства Чан Мёна Пак Чжонхи нацеливался на осуществление долгосрочных проектов, таких как индустриализация и модернизация общества в целом. В условиях Кореи того периода для претворения в жизнь таких проектов нужна была централизованная власть.

Пак приводит следующие причины, почему в Корее на тот момент невозможна западная демократия. Во-первых, экономическая отсталость и беднота, во-вторых, культурные и исторические отличия от Запада. Преодоление экономической отсталости планировалось осуществить в рамках первых пятилеток. А для того чтобы демократия устоялась в Корее, был начат процесс корейзации демократии, результатом которой явилась административная демократия. Сам Пак Чжонхи отмечает, что такая политическая система будет существовать только в период военной администрации, длившийся с 1961 по 1963 г. [9, с. 155].

В 1963 году Пак Чжонхи избирается президентом Республики Корея и в этом же году вводит новый термин «национальная демократия» [4, с. 519–520]. Для Пака национальная демократия заключалась в конечном счете в достижении «свободы и процветания народа» за счет осуществления задач «Модернизации Родины» и «Возрождения нации» на основе независимости и самостоятельности. Скорее всего, под свободой народа подразумевалось в том числе и объединение южных и северных корейцев. Пак Чжонхи считал, что главными угрозами нации являются тяжелая экономическая ситуация — беднота, голод, безработица и т. д. (внутренний фактор) — и опасность агрессии со стороны Северной Кореи [6, с. 41]. Поэтому национальная демократия ставила своей основной задачей отстаивание права на существование корейской нации.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Исходя из идеи о том, что для нормального функционирования демократической системы должны быть полностью подготовлены условия в государстве, политическая свобода может быть отложена, и в условиях политической стабильности правительство может эффективно проводить работу по модернизации. Отсюда Пак делает выбор в пользу жесткой центральной власти для осуществления задуманных проектов, результатом такого выбора становится идея о национальной демократии [8, с. 256].

Принцип «демократия по-корейски» появляется в речах Пака Чжонхи в начале 1970-х гг., и его появление, скорее всего, было подготовительным этапом к переходу на «систему Юсин». Демократия по-корейски продолжала традиции административной и национальной демократии, утверждая необходимость синтеза традиционного наследия и исторического опыта с демократическими принципами, который должен привести к социально-политической самостоятельности и процветанию нации. Демократия по-корейски утверждала еще большую роль национального лидера в процессе модернизации.

Если подвести небольшой итог относительно идей Пака Чжонхи о модернизации в Корее, он будет следующим. Для Пака Чжонхи модернизация в первую очередь заключалась в ускоренной индустриализации, переходе от аграрного к индустриальному обществу, то есть в ускоренном экономическом развитии. Целью было не столько обеспечить народ продовольствием, сколько опередить КНДР экономически и этим показать людям, что есть иной путь развития, отличный от коммунизма. Таким путем был избран капитализм, который обеспечивал право на частную собственность и свободные рыночные отношения.

Однако индустриализация была лишь одной из составляющих процесса модернизации, пусть и самой значимой. Под модернизацией Пак понимал также и социальную революцию. Такой революцией он считал события 16 мая. Пак Чжонхи считал, что это была социальная революция, целью которой было создание экономического равенства и достижение экономической свободы для каждого человека. Для этого было необходимо наделить людей правом на частную собственность и совершить духовный переворот — сломать менталитет преклоняющегося народа и настроить на созидание и работу. Пак также считал, что люди, получив экономическую независимость, в конце концов, могут участвовать и в политической жизни государства. Поэтому преодоление состояния бедноты было одной из неотложных задач новой власти.

В условиях неразвитости экономики, политических отношений, внешней угрозы со стороны КНДР Пак Чжонхи приходит к выводу, что либеральная демократия на тот момент не отвечала требованиям времени, она не могла обеспечить необходимую политическую стабильность для выполнения таких долгосрочных и сложных проектов, как индустриализация. Поэтому выбирается модель развития экономики, направляемой государством (кукка чжудохён кёнчже). Однако несмотря на контроль государства и планирование экономики, это не означало отсутствие рынка. Выбор такой модели был обусловлен отсталостью промышленного сектора, недостатком капитала и технологий. В то же время Пак Чжонхи указывает на необходимость создания независимой экономики. Под этим подразумевалась не система, замкнутая и самообеспечивающаяся, наподобие автаркии, а система, которая могла бы существовать и обеспечивать нормальное функционирование общественных институтов и без внешней экономической помощи. Во многом по причине сокращения финансирования со стороны США произошел экономический спад в 1960 году, что привело к усилению просеверокорейских взглядов и активизации левых сил. Для того чтобы не допустить подобную ситуацию, необходимо было создать самостоятельную экономику (чжачжучжок кёнчже).

В заключение хотелось бы отметить актуальность идей Пак Чжонхи о развитии государства и в настоящее время. Пак очень сильно критиковал политику Советского Союза на Корейском полуострове, обвиняя в разделе Кореи на Север и Юг и в установлении нелегитимного режима компартии Северной Кореи, а также считал реальной военной угрозой со стороны СССР и КНДР [7, с. 141, 144–145]. Для него коммунисты — враги. И тем не менее не будет преувеличением сказать, что Пак Чжонхи указал путь для проведения реформ не только постколониальным странам, но и современной России. Ситуация в России 1990-х гг. схожа с тем, что происходило в Корее в конце 1950-х — начале 1960-х гг.: социальная нестабильность, провал экономических проектов, неспособность власти обеспечить порядок и целостность территории и т. д. В таких условиях единственно верным путем сохранения государства и дальнейшей его модернизации было установление жесткой централизованной власти, обладающей четким представлением о проблемах общества и стратегией развития. Приход к власти В.В. Путина и дальнейшие реформы в России имеют много общего с событиями в Корее 1960-х — 1970-х гг. Современный путь России схож с корейским. В состоянии, близком к коллапсу страны, невозможно проводить реформы без жесткого контроля, без учета национального фактора, без вмешательства государства в экономику. Вероятно, это единственный путь развития в таких условиях.

Литература

1. Moon, Chung-in and Jun, Byung-joon, Modernization Strategy: Ideas and Influences (in The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea, by Kim, Byung-Kook and Vogel, Ezra F., Harvard University Press, 2011.
2. Park, Chung Hee, To Build a Nation, Acropolis Books, Ltd., Washington, 1971.
3. 강정인, 「박정희대통령의민주주의담론분석」 (『철학논집』, vol.27, 2011, 298-299쪽).
4. 대통령비서실, 『박정희대통령연설문집 1권』, 최고회의편: 1961.07-1963.12, 서울: 대통령비서실, 1973.
5. 박정희, 「서울중·고교교정에서행한대통령선거연설에서(1963.9.28)」
6. 박정희, 『우리민족의나갈길』, 서울: 동아출판사, 1962.
7. 박정희, 『하면된다! 펼쳐일어나자』, 서울: 동서문화사, 2005.
8. 정운재, 「제3,4공화국의성격과리더십: 박정희대통령의근대화리더십에관한연구」, 『동북아연구』 (vol.1, 1995).
9. 조갑제, 『내무덤에침을뱉어라 5권: 김종필의풍운』, 서울: 조선일보사, 1999.
10. 홍석률, 「1960년대한국민족주의의두흐름」, 『사회와역사』, vol.62, 2002.

УДК 735.29

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГА
В ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖАХ ДЛЯ B2B**© **Бутова Татьяна Георгиевна**

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
Сибирского федерального университета
Россия, 660049, Красноярск, пр. Свободный, 41
E-mail: tgbutova@mail.ru

© **Багаев Максим Сергеевич**

аспирант, преподаватель кафедры менеджмента Сибирского федерального университета
Россия, 660001, Красноярск, ул. Менжинского, 11а
E-mail: bagaeff@mail.ru

Статья посвящена исследованию эффективности маркетинговых инструментов интернет-магазинов. На основе анализа реакции клиентов предлагается методика увеличения эффективности e-mail-маркетинга путем введения алгоритма автоматической сегментации клиентов и перехода от широкополосных рассылок по всей базе клиентов к таргетированной рассылке специально подготовленных рекламных предложений. Внедрение данной методики позволяет повысить конверсию клиентов и снизить процент отказавшихся от рассылок.

Ключевые слова: интернет-маркетинг; e-mail-маркетинг; конверсия; коэффициент отказа от рассылки; сегментация клиентов; таргетированная реклама.

B2B ONLINE TOOLS ENHANCEMENT*Tatyana G. Butova*

DSc, Professor of Management, Siberian Federal University
41 Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660049 Russia
E-mail: tgbutova@mail.ru

Maxim S. Bagaev

Research Assistant, Lecturer, Department of Management, Siberian Federal University
11a Menzhinskogo St., Krasnoyarsk, 660001 Russia
E-mail: bagaeff@mail.ru

The article explores the effectiveness of marketing tools online stores. Based on analysis of customer feedback, this article provides a method of increasing the efficiency of e-mail-marketing, by introducing automated customer segmentation algorithm and the transition from broadband e-mailing to targeted delivery of special offers. The using of this technique makes possible to increase the conversion of customers and reduce the e-mail lost rate.

Keywords: Internet Marketing; e-mail-marketing; conversion; e-mail lost rate; customer segmentation; targeted advertising.

За последние два года структура интернет-продаж в России претерпела значительные изменения. До 2013 г. объемы покупок в российских интернет-магазинах и зарубежных интернет-магазинах росли примерно одинаково, то в последние два года наметился серьезный дисбаланс в сторону трансграничных покупок. Объем трансграничных продаж практически удвоился — с 37 млн покупок на сумму 3,5 млрд долларов в 2013 г. до 80 млн покупок на сумму 6 млрд долларов в 2014 г.

В целом в 2014 г. рост рынка интернет-продаж составил 34 %, а доля трансграничных покупок выросла с 16 до 30 % [1]. Лидером среди иностранных интернет-магазинов и по объему продаж и по числу покупок стал китайский интернет-магазин www.aliexpress.com (35 %), обогнавший более известные www.amazon.com (30 %) и www.ebay.com (7 %) [2].

Причин такой популярности несколько — от изменений в инфраструктуре до смены потребительских предпочтений. Во-первых, за последние 2 года при активной работе «Почты России» и «Почты Китая» средний срок поставки был снижен с 4 месяцев до 7 дней. Во-вторых, увеличилось число пользователей интернета в России — только в 2014 г. их число выросло на 4,3 млн человек и составило 73 млн человек. В-третьих, выросла популярность безналичных систем оплаты — в 2014 г. доля

безналичных сделок удвоилась и составила 20 %. И главное, что лидеры среди китайских интернет-магазинов AliExpress.com, JD.com, DHGate.com позволяют людям значительно экономить. Средний чек покупателей AliExpress составляет всего 800 р., что значительно ниже среднего чека покупателя Ebay или Amazon (3300 р. за 2014 г.).

Желание купить недорого качественный товар привело к росту популярности тех производителей, которые ранее были доступны только на территории Китая. Например, в категории «Мобильные телефоны», которая традиционно входит в топ-5 пользующихся спросом в интернет-магазинах товарных групп, среди российских пользователей стали популярными и востребованными такие производители смартфонов, как Xiaomi, Oppo и OnePlus [3]. Сервис Yandex.Wordstat, отслеживающий количество запросов определенного слова в поиске Yandex, сообщает о более чем 400 000 запросов со словом «Xiaomi» на территории РФ.

В итоге быстрое развитие трансграничной интернет-торговли и увеличение числа приверженцев недорогих и качественных товаров китайских производителей привело к появлению в России множества интернет-магазинов новой направленности — сайтов, занимающихся продажей, гарантийным и сервисным обеспечением товаров одного выбранного китайского производителя. Такие сайты создаются в различных товарных категориях — электронике, одежде, товарах для детей, посуде и т. п. Аудитория таких сайтов имеет ряд особенностей — у нее есть опыт покупок через Интернет и она требовательна к цене, поэтому способность компании-продавца построить долгосрочные отношения с клиентом посредством эффективного интернет-маркетинга является одним из ключевых факторов успеха.

Интернет-маркетинг предлагает значительное число инструментов взаимодействия с покупателем, однако одним из самых эффективных является e-mail-маркетинг [4]. Цель данной работы в том, чтобы предложить и опробовать методику повышения эффективности e-mail-маркетинга, увеличив конверсию получателей e-mail-рассылок, совершивших целевое действие, и снизив долю пользователей, отказавшихся от получения писем в дальнейшем. Разработка и тестирование модели проходили на примере действующего интернет-магазина MiRussia.ru.

Как известно, для любой торговой организации важно построить долгосрочные взаимоотношения со своими клиентами. Если клиент остался удовлетворен опытом сотрудничества, то вероятно, что разовое обращение в компанию в дальнейшем перейдет в регулярное сотрудничество. Компания экономит средства на привлечении новых клиентов, а клиент получит товары проверенного качества, а также не потеряет ни денег, ни времени, то есть взаимоотношения обоих контрагентов будут взаимовыгодными. Именно поэтому организациям очень важно не забывать про клиентов, которые ранее к ним уже обращались.

Если компания не занимается прямыми продажами через представителей, то способов дистанционно донести такое предложение у нее немного — это звонок по телефону, SMS-рассылка или отправка клиенту предложения по e-mail. Информирование клиентов по телефону является оптимальным решением в случае работы компании на рынке B2B, однако если компания работает на розничном рынке и необходимо донести информацию до большого количества клиентов, то такой способ будет неоправданно дорог. SMS-сообщения также имеют ряд недостатков — они способны донести до клиента только текстовую информацию, могут дойти до клиента с задержкой в неудобное для прочтения время, обходятся дороже, чем рассылка по e-mail, и в целом вызывают негативную реакцию у клиентов.

Инструменты e-mail-маркетинга, под которым мы будем понимать любые маркетинговые взаимодействия с клиентом посредством e-mail, в частности e-mail-рассылка, таких недостатков не имеют. Она способна донести информацию практически до любого количества клиентов, может представить ее в наиболее привлекательном для потребителя виде, с использованием текста, изображения, инфографики или видео. Кроме этого, инструменты e-mail-маркетинга позволяют получить достоверную информацию о том, было ли письмо получено клиентом, было ли оно прочитано, было ли выполнено целевое действие, например, совершен переход по ссылке на информацию о предлагаемом товаре или услуге, была ли совершена покупка, или наоборот — клиент выбрал отказ от будущих рассылок. Используя эту информацию, компания может анализировать результаты e-mail-рассылок и, внося необходимые изменения, повышать эффективность данного инструмента при решении задачи построения долговременных отношений с клиентами, добиваться роста числа постоянных клиентов и увеличения частоты их покупок. Еще одной важной задачей в организациях, занимающихся информированием

своих клиентов посредством e-mail, является снижение числа получателей писем, отказавшихся от получения рассылок в будущем.

Работа по повышению конверсии получателей e-mail-рассылок в покупателей была проведена в компании «MiRussia.ru». Это IT-компания, занимающаяся продажей устройств, произведенных китайской компанией Xiaomi, и осуществляющая сервисную и гарантийную поддержку техники данного производителя, как через офлайн — через 4 магазина в городах Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ и Новокузнецк, так и через онлайн-канал продаж — свой интернет-магазин www.mirussia.ru.

Компания использует рассылки электронных писем по фирменной клиентской базе. Интервьюирование менеджмента компании показало, что она столкнулась с проблемой невысокой конверсии (0,4–0,5 %) получателей писем. Также при рассылках наблюдается процесс, когда около 0,3 % получивших письма отказываются от получения дальнейших рассылок компании «MiRussia.ru». Учитывая размер клиентской базы — около 15 000 клиентов, оставивших свои почтовые адреса, речь идет о том, что каждая рассылка приводит к тому, что теряется контакт с 40–50 клиентами. За это время дисконтные карты получают те же 40–50 клиентов, и фактически клиентская база не растет. Эти проблемы и обусловили необходимость проведения исследования, которое позволило совершенствовать методику повышения эффективности e-mail-рассылок.

Компания «MiRussia.ru» использует только широкополосные рассылки по всей клиентской базе. Проанализировав литературу, посвященную рассмотрению проблем повышения эффективности e-mail-маркетинга, мы предложили методику сегментирования клиентов, включающую методы анализа доли конверсии — процесса трансформации посетителей сайтов в покупателей, методы анализа доли отказов от рассылки для различных сегментов. Предлагаемая методика, на наш взгляд, более эффективно обеспечит информирование клиентов компаний посредством e-mail-рассылок.

Методика включает следующие процедуры:

- 1) разработан профиль покупателя и введена сегментации клиентов по нескольким признакам (поведенческим, коммерческим и информационным);
- 2) введены алгоритмы автоматической сегментации клиентов в корпоративную базу данных;
- 3) проанализировано, к каким категориям относятся клиенты отказывающиеся от получения информации о компании в дальнейшем;
- 4) проанализирован процент конверсии получателей писем в покупателей у различных категорий клиентов при широкополосных рассылках;
- 5) разработана новая методика для информирования клиентов компании о коммерческих предложениях посредством e-mail.

Для разработки профиля покупателя и введения сегментации клиентской базы необходимо определить критерии сегмента. Эти критерии могут быть коммерческими, когда для определения сегмента будут использоваться данные об истории покупок клиента — количестве, частоте и объеме совершенных покупок, или информация о составе покупок клиента, когда необходимо определить его «интересы». Также сегменты могут носить демографический, географический или профессиональный (по роду занятий) характер. Для каждой организации в зависимости от особенностей обслуживаемого рынка характера и рыночного предложения сегментирование клиентов будет отличаться. В литературе, посвященной сегментации клиентов, рекомендуется для достижения практического эффекта придерживаться следующих принципов:

1. Сегментирование должно быть прикладным, т. е. помогать решать практическую задачу, стоящую перед организацией.
2. Сегмент должен быть большим по численности или покупательскому потенциалу, чтобы организации было выгодно с ним взаимодействовать.
3. Сегмент должен быть измеримым и стабильным.

Авторами была предложена методика сегментирования розничных покупателей, которая была апробирована в компании «MiRussia.ru»:

- В зависимости от времени первой покупки клиенты были отнесены или к группе «новички» (совершившие покупку менее 20 дней назад), или к группе «опытные».
- В зависимости от числа совершенных покупок клиенты поделены на «совершивших разовую покупку» (1–2 покупки) и на постоянных покупателей (3 и более покупок).
- По времени последней покупки клиентов можно поделить на «активных» (последняя покупка не более 3 месяцев назад) и «заснувших».

– В зависимости от составов прошлых покупок каждому клиенту была присвоена «карта покупательских интересов» — список тех устройств, которые он приобрел ранее. Опираясь на данную информацию, в будущем можно или предлагать ему аксессуары к купленным ранее товарам, или, наоборот, делать предложения о покупке новых товаров из категорий, которые он ранее в компании «MiRussia.ru» не приобретал.

В идеальной ситуации клиент из базы данных компании начинает как контрагент с признаками «новичок» и «разовая покупка», а в процессе последующего информирования по e-mail о предложениях, учитывающих его интересы, и совершения покупок превращается в «опытного» и «постоянного клиента».

Рассылка e-mail в компании «MiRussia.ru» осуществляется при помощи внешнего модуля 1С, который позволяет отследить число отправленных писем и количество пользователей, отказавшихся от получения рассылок в дальнейшем.

В тексте писем используются ссылки с специальными UTM-метками, позволяющие в инструментах веб-аналитики, таких как Яндекс.Метрика и GoogleAnalytics [5], отследить количество пользователей, совершивших переход на целевые страницы из ссылки в письме. Также данные инструменты позволяют определить время нахождения этих пользователей на сайте и зафиксировать факт покупки или любого другого целевого перехода.

В настоящий момент компания может начать конверсию «пользователей в заявки» — процент пользователей, заинтересовавшихся письмом и перешедших на сайт компании за более подробной информацией. Настройка инструмента «Цели» из Яндекс.Метрики [6] позволяет получить информацию о числе получателей рассылки, перешедших на сайт и в дальнейшем совершивших целевое действие — например, совершивших покупку товара или заказавших услугу, о которых сообщалось в письме. Эта информация позволяет подсчитать «конверсию в клиентов» — отношение числа покупателей к общему числу получателей рассылки.

Наличие этих данных позволяет начать внедрение алгоритмов автоматической сегментации клиентов в корпоративной базе данных. Было составлено техническое задание на внедрение автоматической сегментации клиентов. В компании используется СУБД 1С 7.7, которая в ежедневном режиме производит изменения в статусах клиентов:

- 1) по прошествии 20 дней с момента выдачи дисконтной карты меняет статус клиента «Срок сотрудничества» из «новичков» в «опытных клиентов»;
- 2) при совершении 3 и более покупок переводит меняет статус клиента «Регулярность покупок» из «разовая покупка» в «постоянный покупатель»;
- 3) при более чем 3-месячном отсутствии покупок меняет статус клиента «Активность покупателя» из «активный клиент» на «заснувший клиент»;
- 4) при каждом совершении покупки товара из категории ранее не приобретаемой клиентом, добавляет данную категорию товаров в «Товарные предпочтения»;
- 5) добавляет стоимость каждой покупки клиента к параметру LTV (Lifetime Value) при достижении суммы LTV более 200 000 р. меняет статус «Тип клиента» на VIP;
- 6) в случае если две последние покупки были сделаны у одного и того же менеджера XXX, меняет статус клиента «Менеджер» на XXX.

Таблица 1

Анализ конверсий и отказов от рассылки в различных сегментах при широкополосных рассылках

Показатели	Срок сотрудничества		Регулярность покупок			Итого
	Новички	Опытные покупатели	Разовая покупка	Постоянный покупатель	Заснувший	
	Рассылка по всей базе e-mail адресов клиентов компании «MiRussia.ru» — «Рекомендации по выбору лучшего подарка на Новый год» 15.12.2014 г.					
	241	11460	3420	6236	2045	11701
Переходы на сайт	8	680	126	508	54	688
Совершено покупок	0	19	2	17	0	19
Отказ от рассылок	22	31	36	6	11	53

Конверсия в заявки, %	3,32	5,93	3,68	8,15	2,64	5,88
Конверсия в покупателя, %	0,00	0,17	0,06	0,27	0,00	0,16
% отказов в рассылке	9,13	0,27	1,05	0,10	0,54	0,45

При анализе данных была поставлена задача об обнаружении зависимости полученных результатов от сегмента, к которому относится покупатель. Первым параметром, по которому был проведен анализ, стал процент отказов от дальнейших рассылок. Обнаружена явная зависимость между критерием «Срок сотрудничества» и процентом получателей рассылки, отказавшихся от получения e-mail-рассылок от компании «MiRussia.ru» в дальнейшем. Доля клиентов, относящихся к сегменту «новичок», отказавшихся от дальнейших рассылок, в 20 раз превышает данный показатель в среднем по всей выборке.

Во-вторых, был проведен анализ показателей «конверсия в заявки» (процент людей, прочитавших письмо и перешедших на сайт для получения более подробной информации о предложении) и «конверсии в покупателей» (процент совершивших покупки). Полученные результаты невысоки — рассылка по 11 701 адресу частных лиц, ранее совершавших покупки в компании «MiRussia.ru», вызвала интерес у 688 (конверсия в заявки 5,88 %), и лишь 19 человек совершили покупку (конверсия в покупателей 0,16 %).

На основании полученных данных было принято решение об отказе от массовых e-mail-рассылок и переходу к узконаправленным рассылкам, с учетом параметров «Срок сотрудничества» и «Товарные предпочтения». Была подготовлена e-mail-рассылка для покупателей смартфонов Xiaomi с предложением приобрести внешний аккумулятор Xiaomi на льготных условиях. Рассылка проводилась по клиентам, входящим в сегмент «опытные», имеющих в «Товарных предпочтениях» информацию о прошлых покупках смартфона Xiaomi.

Таблица 2

Анализ конверсий и отказов от рассылки в различных сегментах при рассылках по выбранному сегменту

Показатели	Срок сотрудничества		Регулярность покупок			Итого
	Новички	Опытные покупатели	Разовая покупка	Постоянный покупатель	Заснувший	
	Рассылка сегменту клиентов компании «MiRussia.ru», Опытные/Интересы-Смартфоны Xiaomi — «Увеличиваем работу Вашего Mi» 23.03.2015					
	0	1450	65	1197	188	1450
Переходов на сайт	0	355	17	314	24	355
Совершено покупок	0	8	2	6	0	8
Отказ от рассылок	0	2	0	1	1	2
Конверсия в заявки, %	—	24,48	26,15	26,23	12,77	24,48
Конверсия в покупателя-ли, %	—	0,55	3,08	0,50	0,00	0,55
% отказов в рассылке	—	0,14	0,00	0,08	0,53	0,14

Анализ полученных данных показал, что при уменьшении аудитории e-mail рассылки в 7,9 раза, с 11 460 до 1 450 человек, мы получили снижение доли отписавшихся от дальнейших рассылок в 3,2 раза (с 0,45 до 0,14 %). В абсолютном выражении это 2 отказа против 53 в случае рассылки по всей клиентской базе.

Конверсия в переходы на сайт выросла в 4,2 раза с 5,88 до 24,48 %, а конверсия в покупатели выросла в 3,4 раза (19 при массовой рассылке и 8 — при рассылке сегменту).

Проведенное исследование позволило сделать выводы, что в настоящее время все больше организаций используют в качестве инструмента e-mail-маркетинга e-mail-рассылки как таргетированное средство информирования своих клиентов, позволяющее наилучшим образом представить товары и донести эту информацию до любого числа клиентов. Однако отказ от затратных массовых рассылок за счет проведения сегментации клиентов позволяет решить сразу две проблемы e-mail-маркетинга: снизить число отказавшихся от получения писем в будущем и значительно повысить конверсию потребителей интернет-магазинов.

Литература

1. Рожков Р. Онлайн-ритейл прирос Сибирью [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2693223>
2. Россияне оставляют в зарубежных интернет-магазинах до 240 млрд рублей [Электронный ресурс] // РБК. 2014. URL: <http://www.rbc.ru/business/18/11/2014/546a2a42cbb20f672cdc7296>
3. Как известный «плагиатор» Xiaomi Tech привлекает миллиарды у инвесторов [Электронный ресурс] // РБК. 2014. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/10/11/2014/545facc3cbb20f23d0e0213a
4. Вирин Ф. Интернет-маркетинг. Полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2012.
5. Данченко Л. А. Маркетинг в социальных медиа. СПб.: Питер, 2013.
6. Клифтон Б. Google Analytics для профессионалов: пер с англ. М.: Вильямс, 2013.
7. Стелзнер М. Контент-маркетинг. Методы привлечения клиентов в эпоху Интернета: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2012.
8. Успенский И. В. Интернет-маркетинг. СПб.: СПбЭУиФ, 2003.

УДК81:39(510)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НОВЫХ БАРГУТОВ КИТАЯ© *Бухоголова Саяна Батуевна*

старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: Sayana050379@yandex.ru

В статье рассматривается этническая идентичность новых баргутов КНР, представляющих отколовшуюся некогда часть хоринских бурят Республики Бурятия. Осознание новыми баргутами себя новым этносом и необходимость отличия от российских хоринцев привело к тому, что новыми баргутами была проведена реструктуризация собственного этнического состава. Этническая идентичность новых баргутов представляется следующим образом: в Хулунбуире предки новых баргутов вначале представляли собой субэтническую группу хоринцев. Но долгое их обитание в условиях политической зависимости от маньчжуров, что выразилось в навязывании им нового имени «шинэ барга», плотное иноэтническое окружение и полный отрыв от соплеменников привели к тому, что у этих хоринцев полностью сменились этническое самосознание и самоназвание. Сейчас новые баргуты, называющие себя только как шинэ барга, утверждают, что они не имеют ничего общего с живущими в Бурятии хоринцами, хотя их родовой состав целиком, за небольшим исключением, идентичен этническому составу хоринских бурят.

Ключевые слова: новые баргуты, этническая идентичность, этническое самосознание, род, племенная общность, генетическое ядро, признаки этнической идентичности, язык, культура, религия.

ETHNIC IDENTITY NEW BARGUTS OF CHINA*Sayana B. Buchogolova*

Senior Lecturer, Inner Asia Countries Philology Chair, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In this article the ethnic identity of new Barguts of China is examined. They are the part of Khori tribe of Buryats of Buryat Republic. Awareness new barguts itself new ethnos and from Russian khori brought a necessity over of difference to that new barguts was conducted restructuring of the own ethnic composition. The ethnic identity of new barguts appears as follows: in Khulunbuire ancestors of new barguts in the beginning were subethnic group of khori. But their long dwelling in the conditions of political dependence on man'chzhurs, that was expressed in imposing by him the new name of shine barga, dense surroundings and complete tearing away from fellow tribesmen resulted in that at these khori ethnic consciousness and selfname was fully replaced. New barguts, naming itself only as shine barga, assert now, that they have nothing in common with above-ground in Buryatiya of khori.

Keywords: new barguts, ethnic identity, ethnic consciousness, family, pedigree community, genetic kernel, signs of ethnic identity, language, culture, religion.

В современной науке изучение этноса представляет одну из главных проблем социального познания и получило отклик в сегодняшнем обществе. Актуальность исследований этноса, этничности и этнической идентичности постепенно возрастает со второй половины XX в., когда у личности в обществе начало проявляться чувство принадлежности к определенному этносу (этнической общности) и люди начали делиться на группы именно по этническим основаниям. Данный процесс привел к этническому возрождению современного человечества.

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности [10, с. 15].

В психологии этническая идентичность рассматривается как одна из черт личности, являющейся социальной по своим последствиям. Этническая идентичность — это осознание своей принадлежности к определенной этнической общности и обособление от других этносов. Этническая идентичность — это переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделение от других. Этничность определяется по ряду объективных показателей: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре [11, с. 8].

Структура этнической идентичности состоит из двух основных компонентов:

1. Когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков).

2. Аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней) [10, с. 15].

Основными признаками этнической идентичности являются язык, культура, религия, историческая память.

Очень важным показателем сохранности этноса в своем изначальном виде является язык. Человек может владеть языком другого народа как родным и не знать никакого языка, кроме этого, и все же всегда будет чуждым народной душе этноса-хозяина, чуждым его религиозным ценностям и нравственным идеалам. Лишь в той мере, в какой мы являемся потомками наших предков, для нас сохраняется не только связь времен, но и возможность максимально использовать данный нам от рождения язык, вращаться в нем, познавать через него мир духовных ценностей предков, жить ими. В языке живет душа народа. Если же язык народа начинает существенно меняться, то неминуемо будет изменяться и генетическое ядро народа, с небольшим опозданием, но меняться. Ни одному народу не удалось сохранить свою полную антропологическую и этнопсихологическую идентичность, потеряв свой язык. Язык очень чутко реагирует на переселение этноса, на изменение географической среды обитания, на процессы этнического смешения, на перемену религиозной веры народом [7, с. 55].

Этническую идентичность новых баргутов можно определить так: в Хулунбуире предки новых баргутов вначале представляли собой субэтническую группу хоринцев, но долгое их обитание в условиях политической зависимости от маньчжуров, что выразилось в навязывании им нового имени «шинэ барга», плотное иноэтническое окружение и полный отрыв от соплеменников привели к тому, что у этих хоринцев полностью сменились этническое самосознание и самоназвание. Сейчас новые баргуты, называющие себя только как «шинэ барга», утверждают, что они не имеют ничего общего с живущими в Бурятии хоринцами, хотя их родовой состав целиком, за небольшим исключением, идентичен этническому составу хоринских бурят.

В 1734 г. хоринцы для несения охранной службы на русско-китайской границе, проходившей на востоке по р. Аргунь, из Цэцэн-хановского аймака Халхи были уведены маньчжурами в Хулун-Буир. Там им отвели земли рядом со старыми баргутами, которые также были переселены в Хулун-Буир для охраны границы в 1732 г. из-под нынешнего г. Цицикара. Так как старые баргуты стали жителями Хулун-Буира двумя годами раньше, то им маньчжурская администрация дала имя хуушан барга — «старые баргуты», а хоринцам, прибывшим туда позже, — шинэ барга, или шинэ зохиосон барга, что значит «новые баргуты», или «по-новому организованные баргуты». Если старые баргуты официально были названы своим исконным именем, то новые баргуты — по месту своего прежнего обитания, каковым был Баргуджин-Токум. Считаем нужным еще раз подчеркнуть, что новые баргуты до 1734 г. называли себя хоринцами. Они, в том числе и те хоринцы, которые на рубеже XVI–XVII вв., предводительствуемые Бальжин-хатун, с большим трудом пробивались из восточной части Монголии к себе на родину, в преданиях самих хоринцев проходят только как хоринцы. То же самое наблюдается и в русских архивных документах XVII в. — середины XVIII в. В них разные группы хоринцев, с которыми пришлось иметь дело русским, именуются только по своему самоназванию.

Этническое самосознание, по определению этнологов, — это чувство принадлежности к определенному этносу, его важный признак, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и проявляющийся в форме самоназвания [9, с. 114]. Считается, что для отколовшихся частей этноса число этнических признаков сокращается, но пока у них сохраняются некоторые специфические черты в культурно-бытовой сфере и, самое главное, этническое самосознание, они считаются принадлежащими к родному этносу. Так как у новых баргутов связь с материнским этносом — племенем хори — к настоящему времени полностью утрачена, то однозначно можно сказать, что, прибыв в Хулунбуир, они со временем, по мере сокращения своих исконных этнических признаков, стали осознавать себя новой самостоятельной этнической общностью. В этом плане очень показательна подвергшаяся перестройке в общественном сознании новых баргутов хоринское генеалогическое предание о Хоридой-мэргэне. Теперь в подкорректированной редакции предания, уже соответствующей новым жизненным реалиям новых баргутов, на берегу озера охотится не Хоридой-мэргэн, а Баргу-батор. Он женится на девушке-лебеди и от этого брака на свет появилось одиннадцать сыновей, которые стали основателями родов, составивших костяк этнического объединения новых баргутов.

По прибытии в Хулун-Буир хоринцы включены в знаменную военно-административную организацию маньчжуров. По цветам знамен маньчжуров было образовано восемь хошунов: четыре хошуна левого крыла (Шинэ Барга Зүүн гарын дөрвөн хошуу) и четыре хошуна правого крыла (Шинэ Барга Баруун гарын дөрвөн хошуу). В состав хошунов левого крыла входили: Шулуун хөх хошуу, Шулуун цагаан хошуу, Хөвөөт цагаан хошуу, Хөвөөт шар хошуу. Правое крыло состояло из хошунов: Хөвөөт Улаан хошуу, Хөвөөт Хөх хошуу, Шулуун Шар хошуу, Шулуун Улаан хошуу.

Мы также полагаем, что осознание себя новым этносом и необходимость отличия от российских хоринцев привели к тому, что новыми баргутами была проведена переструктуризация собственного этнического состава. В результате бывшие хоринские кукуры (шоно, хонтон, хайтал, алагуй и др.) в их родовой структуре были возведены в статус полноценных родов. Такой же статус получили вошедшие в состав новых баргутов этнические элементы со стороны (харанут, сартул, хурлат и др.). Если у хоринцев примкнувшие к ним роды включались в их состав, как правило, на правах кукуров, то у новых баргутов они сразу становились полноправными родами. По этой причине у новых баргутов отсутствует понятие «кукур». В целом их этнический состав таков.

В Восточном хошуне расселены такие новобаргутские роды: галзууд, шарайд, Гу Чид, хуасай, хөвдүүд, харгана, худай, халбин, бодонгууд, батнай, саганууд, даарьтан, баатууд (багатуд), хүйцлэг (хүй алаг), хурлаад, өзөөн, сартуул, хагшууд, хүтгээд, харзал, сахираад, тавнангууд, зайлхан, еншөөбүү, жорон, улиад, хорчууд, их зон, жооргон, шарнууд, урианхан, болойзон, эмгэнүүд, манхилиг, хонтон, абхан, сээрчин, эрээгэн, сээжингүүд, юнжигөбүүд, хуалан, хатигин, сээхэр, сүүжин, мөсөлөн, чонод.

В составе новых баргутов Западного хошуна имеются следующие роды: харгана, худай, галзууд, Гу Чид, бодонгууд, шарайд, далангууд, чочолиг, эзэд, хүйцлэг, сартуул, хөх хайтал, одонгууд, тавнан, боргил, цоохор, хорлад, чибчин, урианхай, бажиндар, оримос цагаадай, хобхир цагаадай, хонтон, төмөрчин, улиад, алагуй, харангууд, хөхнүүд, халхин, хашиинууд, өзөөн, цагаан ураг, цагаан өргөө, тонгойд, номчин, жооргон, хангин, авгачууд, еөншөөбүү, дайртан, хагшууд, хатагтай, сахар, их зон.

Всего в состав новых баргутов входит 71 родовое подразделение, названия которых не повторяются. Основу этой общности составляют одиннадцать хоринских родов и часть их кукуров. В то же время в перечне новобаргутских этнонимических названий имеются такие, которые отсутствуют у бурятских хоринцев. Роды с такими наименованиями (даарьтан, хүйцлэг, хүтгээд, сахираад, сээжингүүд, юнжигөбүүд, хуалан, бажиндар, оримос цагаадай, хобхир цагаадай, хонтон, төмөрчин и др.) появились у новых баргутов в процессе контактов и взаимодействия с окружающим населением.

И наконец, осознание себя новой этнической общностью привело к тому, что новыми баргутами были утрачены некоторые устойчивые элементы в традиционной хоринской культуре, входившие в комплекс этнической символики хоринцев и выполнявшие функцию маркеров, отличая их от членов других этнических общностей. Из числа таких элементов в первую очередь следует назвать широкую обшивку (сагаалса) у ворота на верхней поле мужской верхней одежды, которая состоит из последовательно расположенных полос бархата и шелка светлых и темных тонов и обозначает этническую принадлежность ее носителей. Поэтому утрата сагаалса, выполнявшей яркую этноразличительную функцию, означала, что в Хулун-Буире на месте хоринцев возник новый этнос шинэ барга. По воспоминаниям информаторов, последние образцы одежды, напоминавшие наличием сагаалса хоринскую, исчезли в новобаргутских хошунах на рубеже XIX–XX вв. [8].

К какому типу этнической общности следует отнести новых баргутов? Приняв во внимание тот факт, что хоринцы, с которыми новые баргуты некогда составляли единое целое, в типологическом плане представляют собой племенное объединение, что в составе новых баргутов имеются все одиннадцать хоринских родов, мы новобаргутскую общность, как и хоринскую, также можем считать племенем. Разумеется, в настоящее время общность новых баргутов нельзя рассматривать как социопотестарное образование. Однако сохранявшийся у них еще сравнительно недавно обычай эндогамии, наличие сейчас таких ярко выраженных признаков, как общая, начинающаяся с Барга-батара, генеалогия, единый языковой диалект, одинаковые обычаи и обряды, общие сакральные места и т. д., позволяют сказать, что новые баргуты составляют племенное объединение, которое, согласно теоретическим разработкам отечественных этнологов, более точно можно классифицировать как племя-этнокос. Этнокосом в современной этнологической литературе обозначается общность, характеризующаяся только собственно этническими свойствами при

отсутствии присущих этносоциальным организациям атрибутов власти (племенной совет, вождь и т. п.) [9, с. 146–147, 154–155].

Таким образом, новые баргуты являются частью племенной общности хори, истоки этногенеза которых прослеживаются до сопредельных районов Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтая. У хоринцев, составлявших здесь единую этнокультурную общность с кууларами, хонгодорами, шошолоками и другими родоплеменными группами, генетическая связь с байегу, предками старых баргутов, не выявляется.

Литература

1. Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961.
2. Дарбаев Д. Доклад о происхождении одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
4. Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
5. Зимин Ж. А. История Аларского района. Иркутск, 1995.
6. Зориктуев Б. Р. Этническая ситуация в Прибайкалье во второй половине I тыс. — первой половине II тыс. н. э. // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1989.
7. Ларионов В. Е., Городова М. Н. Священное наследие. М., 2010. С. 55.
8. Пурэв О. Полевые материалы авторов.
9. Свод. 1995.
10. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН, 1999.
11. Султанбаева К. И. Курс лекций по дисциплине этнопедагогика и этнопсихология. Абакан, 2010.

УДК 316.356.2

РОЛЬ СЕМЬИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурное пространство столиц Внутренней Азии (на примере г. Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ), г. Улан-Батор (Монголия), г. Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия КНР))», проект № 14-31-01299

© *Буянтуева Гэрэлма Цырен-Доржиевна*

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра монголоведческих исследований Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: buyan1984@yandex.ru

Статья посвящена освещению значимости роли семьи в современном социокультурном пространстве. Особое внимание уделяется сравнению устоев семейных традиций в г. Улан-Удэ и Улан-Батор. В результате исследования выявлено, что традиционная бурятская и монгольская семья претерпела значительные изменения в структуре семьи и в принципах ее формирования, а именно поменялись критерии подбора спутника жизни, супружеские отношения теперь мыслятся как равноправные, а размер семьи становится все меньше и меньше.

Ключевые слова: семья, воспитание, современная молодежь, семейные традиции.

THE ROLE OF FAMILY IN THE DEVELOPMENT OF THE MODERN BURYAT AND MONGOLIAN YOUTH

Gerelma Ts.-D. Buyantueva

PhD, senior researcher of the Center of Mongolian research of Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the significance of the role of the family in modern socio-cultural space. Particular attention is paid over the foundations of family tradition in the cities Ulan-Ude and Ulan-Bator. The study revealed that traditional Buryat and Mongolian family has undergone significant changes in family structure and principles of its formation, and it changed the criteria for the selection of a life partner, conjugal relations are now thought of as equal, and family size is becoming smaller and smaller.

Keywords: family, education, modern youth, family traditions.

Роль семьи в жизни ребенка является темой, которая не теряет своей актуальности. Именно семья обеспечивает преемственность поколений, традиций, обычаев и считается фундаментом стабильности и развития современного общества.

Ведь семья является важнейшим из феноменов, сопровождающих человека в течение всей его жизни. Его значимость, сложность и проблематичность обуславливают различные подходы и определения данного феномена, встречающиеся в научной литературе. Многие общественные науки рассматривают семью как предмет исследования. Каждая из этих наук стремится дать свою специфическую трактовку данному понятию, а также определить ее основные функции. К важнейшим и наиболее давним объектам исследования социологии, безусловно, относятся семья и брак.

Семья как объект исследования затрагивается в трудах многих социологов, педагогов, психологов. Так, например Г. Спенсер начал свою научную деятельность с исследования проблем семьи, воспитания, выделял этапы эволюции семьи, раскрывал взаимную связь между типом общества и типом семьи, рассматривал изменения семейных отношений, которые происходят внутри семьи под влиянием социального прогресса [2].

В настоящее время большинство ученых, которые занимаются проблемами современной семьи, выделяют основные функции семьи: продолжение этнокультурных традиций, формирование национального самосознания, знакомство с национальной культурой, ценностями, основами религии. Ведь через семью из поколения в поколение передаются такие общественные ценности, как этническая культура, религиозное верование, отношение к представителям других этносов, этническое самосознание. Дети в дальнейшей жизни копируют действия, привычки своих родителей неосознанно. На самом деле все события, происходящие в окружающем нас мире, являются результатом воспитательного процесса любой семьи.

Сегодня в бурятском и монгольском обществе идет активный процесс переосмысления роли семьи, назначения культуры, в частности, традиций и обычаев как ее составной части. При сохранении национальной самобытности и поиска своего места в мировом сообществе и буряты, и монголы всегда придавали большое значение семейно-бытовой сфере жизнедеятельности. В течение многих веков сложился целый комплекс традиций, обычаев, которые дают возможность взаимоотношений между социальными группами.

Традиционно и бурятская, и монгольская семья представляла собой большую по размеру семью, которая объединяла до 4–5 поколений в одном доме, а современная бурятская семья состоит только из родителей и детей или только из супругов (хотя в представлениях некоторых присутствуют бабушка и дедушка). Как принято у бурят, главой каждого семейства является отец, который обладает большой властью и авторитетом. Рядом с семьей отца обычно живут семьи всех его детей. В хорошей бурятской семье господствует любовь и взаимное уважение прав и прерогатив всех членов — от стариков до самых маленьких детей. Все члены семьи знают свои обязанности, и каждый делает свое дело, не вмешиваясь в чужое. Раньше не допускалось спорить со старшими, пререкаться и грубить, некрасивым считалось вести себя шумно и вызывающе, неуважительно, а сейчас семейные традиции нарушены, некоторая городская молодежь может позволить себе нагрубить, поспорить и даже выгнать родителей из дома.

В семье бурята каждый должен был знать историю своего рода и генеалогию племени — как минимум двенадцать поколений своих предков, а также родовые легенды, мифы, предания и песни. Это нужно для того, чтобы человек все время помнил о своей принадлежности к древнему роду, о своей связи со всем племенем, народом, человечеством в целом.

В традиционной жизни бурятского народа, по данным нашего исследования, семейные традиции играют важную роль, а у монгольского народа — народные традиции, затем по важности занимает у бурят профессиональные традиции, а у монголов — религиозные традиции [1:131, 3:96]. Буряты как часть монголоязычного народа считали, что в условиях семьи дети знакомятся с национальной культурой, ценностями, основами религии. С раннего детства они начинают принимать участие в национальных праздниках, таких как Сагаалган, Сурхарбаан, Наадам и т. д.

Также примерно с 6–7 лет приходит осознание себя как этноса, дети начинают относить себя к определенной этнической группе. Они задают своим родителям следующие вопросы: к какой национальности я отношусь, отличия одних национальностей от других. Как правило, не всегда дети получают полные устные ответы у родителей, прежде всего, родители своим поведением и отношением к определенным национальностям подают урок своим детям.

Социокультурные обычаи и традиции занимают основное место в семейных отношениях. Анализ показывает, что данные традиции практикуются среди значительной части населения, тогда как другие демонстрируют пассивное отношение к ним.

Наиболее популярными в жизни современных монголов и бурят являются свадебные традиции. Следует отметить, что в современном мире многие молодые семьи не придерживаются свадебного обряда, теряют свои исконно национальные черты. Сценарий торжественного бракосочетания предполагает обычно аренду помещения, множество гостей, концертную программу.

Как мы отмечали выше, уважение и почтительное отношение к старшим относится ко всем прогрессивным традициям всех восточных народов. Ведь они являются источником жизненной мудрости, который передается младшему поколению.

В целом, обобщая данные исследований, следует отметить, что традиции и обычаи, связанные со свадебными мероприятиями, и семейные традиции в качестве общественного института играют огромную роль в национальном сознании и образе жизни. В то же время мы приходим к выводу, что в современных условиях отношение бурятского и монгольского народов к социокультурным традициям и обычаям свидетельствуют о динамичности данных традиций.

Изучая социокультурный опыт бурятского и монгольского народов, наблюдая последние события, происходящие в нашем мире, можно сделать вывод, что происходят значительные изменения в психологии людей под воздействием новых форм человеческой активности.

Главным отличием современной городской семьи является стремление к финансовой самостоятельности и экономической независимости супругов, профессиональной реализации женщин и отсутствие у мужчин желания содержать семью.

В бурятском обществе все больше людей предпочитают не вступать в брак в самом начале своих отношений или вовсе не вступать в брак, повышается возможность поиска альтернативных форм ее

устройства у молодых людей в своей собственной жизни. Эта позиция — прямое отношение к изменению социокультурного характера феномена молодежи.

В числе важнейших традиционных ценностей, которые присущи бурятскому народу, — любовь к своей земле, стремление к знаниям, доброжелательное отношение к другим народам, бережное отношение к природе. Передовым представителям бурятского народа свойственны такие личностные качества, как сдержанность, терпимость, гостеприимство. Традиционные ценности, присущие бурятскому народу, передаются новым поколениям, прежде всего через семью, которая является хранителем национальных традиций. В настоящее время в числе ушедших в небытие этнических ценностей — особое почитание родителей, родных и предков, стремление к этнической окрашенности своего быта, предметной и экологической среды обитания.

В соблюдении национальных традиций появились определенные трудности, прежде всего финансового характера. Под влиянием социально-экономических условий меняется процесс проведения монгольских и бурятских праздников.

В настоящее время, как и прежде, велика роль семьи и семейных отношений в этносоциальной стабильности в городах Улан-Удэ и Улан-Батор. Это обусловлено тем, что в одном из основных институтов общества выражаются индивидуальные, межличностные, групповые и общественные потребности и интересы людей, их этнокультурные ценности. Через институт семьи транслируются непреходящие гуманистические ценности, вырабатываемые многими поколениями людей.

Для каждого человека семья выполняет эмоциональную и рекреативную роль, которая защищает человека от стрессовых и экстремальных ситуаций.

Выделяя особенности воспитания современной молодежи в бурятской и монгольской семье, следует отметить, что в современных условиях видна неразрывная связь с традиционным воспитанием, вместе с тем некоторые ценности и нравственные и моральные устои сохранились. В городских семьях можно выделить стремление возродить и поддерживать самобытную культуру, обычаи, традиции и давно сложившую семейную традицию.

Литература

1. Бабуева В. Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 142 с.
2. Кон И. С. Социологическая концепция Герберта Спенсера // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / под ред. И. С. Кона. — М.: Наука, 1979. С. 40–52.
3. Намжил Т., Тунгалаг Д., Увш П. Монгол гэр бүл: хөгжил, өөрчлөлт, төлөв. Улаанбаатар, 2004. 174 с.
4. Осинский И. И., Гылыкова Э. В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI веков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. 352 с.

УДК 391 (517.3)

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ ИГРА ДЭМБЭЭ

© *Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: dug-vema@mail.ru

Статья посвящена монгольской народной игре — дэмбээ. Данная игра имеет давние традиции и связана с кочевым скотоводством, из молока кобылиц (саам) готовят айраг, который является почитаемым молочным напитком, и во время изобилия айрага играют в дэмбээ. Дэмбээ в основном получила распространение в Архангайском, Булганском, Среднегобийском и Центральном аймаках Монголии — в местах, богатых айрагом. При игре в дэмбээ существуют особые правила. Каждая цифра имеет свое устойчивое стихотворное название. Игроки показывают различные цифровые комбинации пальцами правой руки, а на другой ведут счет. Во время игры участники делают несколько действий одновременно — поют, угадывают, сколько пальцев руки покажет соперник, тренируют интуицию, внимательность и подвижность пальцев рук, ведут счет на левой руке.

Ключевые слова: кочевая культура, скотоводство, монгольская народная игра, айраг, дэмбээ, правила игры.

THE MONGOLIAN FOLK GAME DEMBEE

Dugvema N.-D. Vasilieva

PhD of Philology, associate Professor of Department of Philology Central Asia, Oriental Institute
of Buryat State University
4 Ranzhurova St., 670000, Ulan-Ude Russia

The article is devoted to the Mongolian folk game — dembee. This game has a long tradition and is associated with the nomadic pastoralism — namely, from milk of mares (saam) prepared airag, which is revered milk drink, and in the time of abundance of airag play dembee. Dembee mainly spread in Arkhangai, Bulgan, Dundgobi and Tuv aimags of Mongolia — in places rich with airag. There are special rules in the game of dembee. Each number has its own established poetic name. Players show different combinations of digits by fingers on the right hand, and on the other one count. During the game, participants do several actions simultaneously — sing, guess how many fingers will rival show, train intuition, attentiveness and agility of the fingers, count by the left hand.

Keywords: nomadic culture, pastoralism, Mongolian folk game, airag, dembee, rules of the game.

Приехав в семью скотовода и изнутри познакомившись с кочевой культурой, мы узнали как монголы готовят молочные продукты: ааруул, бяслаг, өрөм, айраг и т. д. Айраг получают из молока кобылиц. В Западной Монголии айраг готовят и из коровьего молока. Надоенное молоко называют саам. Кобылиц начинают доить (монг. гүү татах) с первого месяца лета и до конца осени. В день доят несколько раз с перерывом от 1 часа до 2. Каждый вечер в большой емкости (некоторые семьи скотоводов продолжают использовать традиционный хөхүүр) сбивают айраг в среднем 2–3 часа непрерывно, затем оставляют на ночь (монг. амрааж хонуулах) и на следующее утро можно пить готовый напиток с неповторимым кисловатым вкусом, прекрасно утоляющим жажду. Айраг содержит много витаминов, чрезвычайно полезен, предотвращает развитие некоторых болезней и является экологически чистым продуктом кочевого скотоводства.

Кроме того, айраг считается почетным пищевым продуктом, который подают на праздниках и свадьбах гостям в знак особого уважения и почтения. Вспомним выражение «айрагийн тав» («пятерка айрага»), «айрагийн таванд орох» («войти в пятерку айрага») — первые пять лошадей, пришедших на дистанции первыми, которым воспевают восхваления (монг. «морьны цол»). Существуют особые традиции и правила, дошедшие до настоящего времени из глубокой древности, — как принять чашу (монг. хул) с айрагом, какое количество выпить и сколько необходимо оставить на дне чаши. Когда хозяйка дома подает чашу с айрагом, берут двумя или правой рукой, желательно сидя. Не следует пить его полностью, по традиции в чаше оставляют айраг на 1–2 пальца. Если вы его выпили до дна, значит, хозяйка вам нальют снова.

Айрагом славятся 4 монгольских аймака: Архангайский (монг. Архангай), Центральный (Төв), Булганский (Булган), Среднегобийский (Дундговь). С этим традиционным напитком тесно связана игра «дэмбээ». В нее издревле играли и продолжают играть кочевники-скотоводы на праздниках и в минуты отдыха. Пить айраг и дэмбээдэх — два действия, получивших свое начало в местах, где разводят лошадей и доят кобылиц, т. е. игра получила развитие в местах, богатых айрагом. В данной связи существует негласный запрет играть в дэмбээ без айрага.

Дэмбээ — это игра взаимного угадывания соперниками количества цифр под мелодию народной песни в такт движения пальцев рук. Основным принципом игры дэмбээ является то, что игрок должен под мелодию песни пропеть цифру, одновременно показать сказанное количество пальцами одной руки. Игра идет одновременно: поют, показывают и угадывают сумму пальцев руки оба игрока. В случае если количество показанных пальцев у обоих игроков равно единице, то игрок загибает один палец на левой руке, что означает победу. Таких побед должно быть 5. Другими словами, левой рукой ведется счет: загибают большой палец, после второго угадывания — указательный, в третий — средний. После 4-го угадывания игрок обязательно должен пропеть «дэмбээ цацлаа», что означает, что осталось угадать один раз. Если угадал в пятый раз, то выигрывает со словами «цацлага», одновременно раскрывая пальцы на руке. По словам уроженца сомона Дэрэн Среднегобийского аймака Зоригтбаатара [<https://www.facebook.com/pages/Bright-FutureGereltIreedui/453034214786184?fref=nf>] на 5-й раз говорят: «...Еөгөө хангай ч юмуу арын сайхан гэх юм бол хожчихож байна гэсэн үг юм. Эхэлж л таван оноогоо авсан гэсэн үг», что означает, что он угадал 5 раз и выиграл, получив 5 очков).

Начинают дэмбээ со словами «Дэмбээ мэдэх үү хө», в других местах «Дэмбээ вандан даа». По правилам в начале игры нельзя загибать большой палец, иначе игрок, сделавший это, проиграл. Цифры от 1 до 10 имеют свои устоявшиеся стихотворные названия. Например, ганган ганцаа, хоёрын хоёроо, гунан гурваа, дөгөөтэй дөрвөө, талын таваа, зурвасын зургаа, долоотой домбоо, найзын наймаа, есийн дэгээ, арвын хангай. Следует отметить, что в зависимости от местности, языковых и диалектных особенностей слова игры, мелодия различаются. Например: один из игроков напевает «талын таваа» и показывает 3 пальца на правой руке, а второй — 2 (в сумме получилось 5), то со словами «дэмбээ мөн дөө хө» он получает одно очко. Соперник со словами «долоо домбо» показывает 4 пальца, и если в сумме получается, к примеру 8, не угадав, поет «дэмбээ биш ээ хө» или «дэмбээ биш байнаа».

В дэмбээ можно играть с каждым участником по отдельности или разделившись на 2 команды. Проигравший пьет айраг или поет песню.

Хуа-Дэмбээ

«Ганган ганца Ганган ганц Ганган ганц
Хоёрын холбоо Хөөмий хоёр Хоёрхон вандан даа
Гунан гурваа Гуулиа гурав Гуравхан вандан даа
Дөгөөтэй дөрвөө Дөгөөтэй дөрөв Дөрөвхөн вандан даа
Талын таваа Талын тав авын вандан даа
Зурвасын зургаа Зурвасын зургаа Зургаа вандан даа
Долоотой домбоо Долоотой домбо Долоо домбоо
Найзын найма Найзын найм Найзын найм
Есийн дэгээ Есийн дэгээ Есийн дэгээ
Арвын хангай» Арвын хангай Арвын хангай

Текст дэмбээ, записанный в сомоне Сайхан Булганского аймака

Буурал аавын маань буян байнаа
Буянтай малын маань сэ(и)мэн байнаа
Хул бүүрэн айраг байна
Хундаг тавилгүй тогтоогоорой
Хуруу гарыг маань мойног гээ юу
Хувитай хутгийг минь мохоо гээ юу

Текст дэмбээ под слова и мелодию народной песни «Алгирмаа»

Жан жангийн торгон хадгийг задалж сууна аа Алгирмаа яа хө,
Заяанаас учирсан Алгирмаатайгаа жаахан дэмбээдээд сууя даа хө.
Хоёр нь байвал гурав бишээ,
Таваар нь байна аа биш юм аа хө.
Найзын наймаа, ес нь байна аа.

Дэмбээ или дэмбээдэх — своего рода недюжинная гимнастика для ума, которая тренирует подвижность пальцев и их скорость, внимательность, слух, интуицию, музыкальные способности человека. Существуют три вида мелодий дэмбээ: медленная, средней скорости и быстрая. При игре ударение в песне всегда ставится на первый слог слова. В последние годы в целях популяризации данной игры в Монголии проводятся турниры по дэмбээ, где выявляются чемпионы в такой сложной и в то же время интересной и притягательной игре.

Литература

1. URL: [https://www.facebook.com/pages/Bright-Future-Gerelt Ireedui/453034214786184?fref=nf](https://www.facebook.com/pages/Bright-Future-Gerelt-Ireedui/453034214786184?fref=nf)

УДК 294.3 (510)

ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ КИТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

© *Гарри Ирина Регбиевна*

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: irina.garri@gmail.com

Статья анализирует современное состояние тибетского буддизма в КНР на основании полевых источников автора, китайских и тибетских источников. Основное внимание уделяется политике китайского правительства в отношении буддийской церкви Тибета, восстановлению монастырей и возрождению монастырской системы. Отмечается, что религиозная ситуация в Тибете характеризуется большими проблемами, связанными с ограничительной политикой китайского правительства. Автор приходит к выводу о том, что главным ключом для разрешения тибетского вопроса и восстановления нормального функционирования буддийской религии в Тибете является решение проблемы статуса Далай-ламы XIV.

Ключевые слова: тибетский буддизм, буддийские монастыри, Тибет, Китай, Далай-лама, тибетская диаспора.

TIBETAN BUDDHISM IN CONTEMPORARY CHINA

Irina R. Garry

DSc, senior research fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Russian Academy of Sciences
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article analyses the contemporary situation of the Tibetan Buddhism in China on the basis of author's field research, Chinese and Tibetan sources. It focuses on religious policy of the Chinese government, reconstruction of the Tibetan monasteries and revival of the monastic system. It is argued that the religious situation in Tibet is characterized by big problems caused by the restrictive policy of the government. The author reasons that the main clue for the Tibetan question and normal functioning of the Buddhist religion in Tibet is the resolution of the Dalai Lama's status in Tibet.

Keywords: Tibetan Buddhism, Buddhist monasteries, Tibet, China, Dalai Lama, Tibetan diaspora.

До 1959 г. в Тибете существовала своеобразная система правления, имевшая название «единство религии и политики» (тиб. *chos-sridzung- 'brel*, кит. *zhengjiaoheyi*). В ней буддийская церковь в лице верховного правителя Далай-ламы и его правительства играла главенствующую роль. Понимание Тибета как государства религиозного являлось основной сутью тибетской национальной идентичности. Религия была средоточием всей духовной жизни тибетского народа, так как вся тибетская культура, ее философия, искусство, архитектура, медицина, астрология, литература, сугубо религиозные в своей основе, были сконцентрированы и развивались вокруг нее.

После тибетского восстания и бегства Далай-ламы XIV и его окружения в Индию в 1959 г. система «единства религии и политики» перестала существовать, религия была отделена от государства, буддийская церковь Тибета полностью утратила свое политическое, экономическое и социальное положение. Через четыре года после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. в Тибете и в стране в целом начались радикальные реформы. Либерализация экономики и социальной сферы вкупе с огромными инвестициями в регион вызвала быстрый рост доходов населения, восстановление монастырей, возрождение культуры. Сейчас Тибет является национальным регионом Китая с одним из самых высоких показателей ВВП, Лхаса предстает в глазах иностранных туристов как современный город, в котором доступны все современные удобства и развлечения.

Китайская конституция утверждает, что свобода вероисповедания является фундаментальным правом китайских граждан, китайское правительство считает, что оно уважает и защищает это право в соответствии с законом [1; 12, с. 118]. Сначала посмотрим на цифры. К началу проведения реформ Тибетский автономный район являлся самым отсталым по стране: 28 % населения жило в ужасающей

бедноте и было лишено даже достаточного для поддержания существования количества пищи и одежды, 320 тысяч семей, для того чтобы выжить, были полностью зависимы от экстренной правительственной помощи» [цит. по: 9, с. 568]. Я посетила Тибет в первый раз в 1986 г., и хотя шел уже 6-й год реформ, застала ужасающую бедность и толпы нищих на улицах Лхасы. В результате целого ряда государственных программ в Тибет хлынули колоссальные по своим масштабам инвестиции, которые привели к стабильному росту ВВП — в среднем по 12 % в год в период с 1993 по 2014 г. В 2014 г. ВВП региона составило 92,5 млрд юаней (15,11 млрд дол. США), удвоившись с 1994 г. [11]. Материальные условия в тибетских регионах теперь сопоставимы с внутренними районами КНР, но не с прибрежными. Обеспеченность тибетцев из Тибета, работающих в государственных учреждениях и приезжающих в западные страны на различные форумы, существенно превысила таковую их соотечественников из диаспоры.

Огромные средства были выделены на восстановление монастырей, воссоздание системы буддийского образования, создание различных религиозных органов, лояльных государству. Если в начале 1950 г. в Тибете было около 4–5 тыс. монастырей¹, то в результате «демократических реформ» (1959–1966) было разрушено 80 % монастырей, а после «культурной революции» (1966–1976) в Тибетском автономном районе оставалось всего 8 монастырей и 800 монахов [7, с. 31]. С 1980 г. начался настоящий бум восстановления разрушенных монастырей и храмов, в котором приняли участие практически все тибетцы, были вложены огромные государственные средства, так что к 1998 г., согласно «Белой книге китайского правительства», в Тибетском автономном районе уже действовали 1 787 мест отправления религиозного культа и насчитывалось 46 380 буддийских монахов и монахинь [10, с. 299]². Среди наиболее масштабных проектов по восстановлению самых знаменитых объектов культурного наследия, таких как дворец Потала, храм Джокханг, монастыри Дрепунг, Сэра, Гандэн, Ташилунпо и др., центральное правительство в списке своих особых заслуг отмечает выделение средств на реставрацию ступ панчен-лам, что составило 6,7 млн юаней, 111 кг золота, более 2 тыс. кг серебра и большое количество драгоценностей, а также 66,2 млн юаней и 650 кг золота на сооружение ступы и зала Панчен-ламы Х [10, с. 300]. Среди амбициозных проектов, спонсированных правительством, следует назвать публикацию тибетского буддийского канона: 124 тома критического издания Данчжура и 108 томов Ганджура, каждый из которых имеет в среднем от 1100 до 1500 стр.

Большое внимание государство уделяет созданию лояльных религиозных структур и привлечению в госорганы лояльных священнослужителей. Тибетский автономный район и каждый из семи его уездных городов имеют свою собственную буддийскую ассоциацию, Буддийская ассоциация ТАР имеет свой журнал и типографию для издания буддийских текстов. Главными проектами по восстановлению буддийского образования следует назвать учрежденную в 1987 г. Панчен-ламой в Пекине Высшую буддийскую академию для перерожденцев *тулку (ринпоче)*, или по-китайски *живых будд (хофо)*, и Тибетский институт буддизма, открытый в 1983 г. под эгидой Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации. Оба учреждения финансируются за счет государственного бюджета. Кроме того, в настоящее время при каждом крупном и среднем монастыре имеется свой собственный буддийский институт, содержащийся за счет средств монастыря и платы за обучение. В 1981 г. в рамках Тибетской академии общественных наук образован Тибетский институт религий, в 1984 г. — факультет буддологии и кафедра религии при Тибетском университете. Тибетские монахи обучаются также в Институте религий при Китайской академии общественных наук и в Институте Южной Азии при Пекинском университете [1, с. 19–20].

Так, согласно китайским источникам, правительство приложило огромные усилия для восстановления буддизма в Тибете, религия в настоящее время процветает в Тибете, а тибетцы в полной мере обладают религиозной свободой. Действительно, монастыри и храмы теперь восстановлены по всему Тибету, в большом количестве строятся новые. Каждый известный монастырь считает долгом построить при себе буддийский университет, особого размаха достигли монастыри и буддийские университеты Восточного Тибета. Все они заполнены монахами и монахинями, паломники совершают

¹ По китайским данным мы насчитали 4 549 монастырей и 282 450 монахов по всему этнографическому Тибету [6, с. 66, 76, 117]. Далай-лама называет цифру 6200, его сестра — около 4000 [3, с. 285]. Приблизительно получается 4–5 тыс. монастырей — цифра колоссальная при любом рассмотрении.

² Интересно, что эти же самые цифры приводятся Информационным офисом Госсовета КНР за 2013 г. [11]. Несомненно, что в настоящее время реальное количество монастырей намного превысило эту сумму, и речь идет только об официально зарегистрированных монастырях.

подношения, молятся и совершают священные обходы. Ринпоче (кит. хофо — живые будды) проводят буддийские учения, на которые собирается огромное количество учеников, включая внушительное число этнических китайцев. Разъезжающие на супердорогих джипах ринпоче и монахи в бордовых одеяниях стали обыденным явлением не только по всему Тибету, но и во всех крупных городах Китая. Побывав недолгое время в Тибете, китайские и иностранные туристы обычно приходят к выводу, что в Тибете действительно все нормализовалось, и тибетцы наконец обрели полную религиозную свободу.

В действительности религиозная свобода, которую можно наблюдать со стороны, существует лишь в рамках дозволенного правительством. В намерения Пекина не входит восстановление религии в том объеме, в каком она существовала в старом Тибете, поскольку это, несомненно, представило бы вызовы стабильности, объявленной государством в качестве важнейшего приоритета государственной политики. Поэтому КНР старается, с одной стороны, «исправить ошибки» культурной революции, с другой — не позволить религии выйти из-под контроля государства.

Для этой цели используются различные средства. В качестве законодательных в 1994 г. было принято Постановление о мерах по управлению местами отправления религиозного культа, в статье 4-й которого указывалось, что монастыри должны воздерживаться от любой благоприятствующей сепаратизму деятельности и не иметь никаких связей с зарубежными монастырями [13]. В 2007 г. был издан Указ Государственного управления по религиозным делам о «Мерах по управлению перерождениями Живых Будд в тибетском буддизме», предписывающий обязательное утверждение всех *тулку* (перерожденцев) государственными органами, в противном случае они объявлялись незаконными [5]. Существуют ограничения на размеры монастырей и количество монахов, запрет на создание новых религиозных организаций, запрет на монашескую жизнь до достижения 18-летнего возраста, ограничения религиозной деятельности представителей народной религии (например, шаманов), критика некоторых традиционных для Тибета религиозных обрядов (например, гаданий), запрет на фотографии Далай-ламы и т. д.¹

Очевидно, что действия всех этих законов направлены на противодействие влиянию зарубежной тибетской диаспоры на религиозную ситуацию внутри Тибета. А в этом заключается главное преткновение религиозной политики КНР в Тибете, поскольку все религиозные лидеры Тибета как раз и являются членами диаспоры. В настоящее время ситуация такова, что все высшие руководители основных школ тибетского буддизма — Далай-лама, Сакья Тризин, Кармапа, Дуджом Ринпоче, Тартанг Тулку, Намхай Норбу Ринпоче и многие другие известные тибетские учителя — находятся в эмиграции.

С отсутствием официальных связей между тибетскими монастырями внутри Тибета и вовне связаны основные трудности восстановления тибетской монастырской системы. Это факт, что монастырская система в Тибете стихийно развивается, несмотря ни на какие ограничения властей. Кроме официально разрешенных религиозных учебных заведений имеет место большое количество неофициальных, то есть действующих без всяких разрешений. Особую известность среди них получил Буддийский университет Сэрта в Тибетском автономном округе Ганьцзы провинции Сычуань (Восточный Кхам). Он был создан нингмапинским ламой Кенпо Джигме Пунцогом. В настоящее время в местности Ларунг Гар раскинулся настоящий университетский городок, в котором обучаются буддизму десятки тысяч учеников, среди которых большое количество этнических китайцев, и власти ничего не могут поделать с этим фактом².

Основной же проблемой всех этих учебных заведений является отсутствие квалифицированных преподавательских кадров, вызванное разрывом традиции буддийского образования в период «демократических реформ» и «культурной революции». В 1959 г. с потоком беженцев из страны эмигрировало и около 5–6 тыс. монахов [8, с. 187], в числе которых были многие высокопоставленные ламы, тулку и высокообразованные монахи, составлявшие цвет тибетской буддийской учености. На юге Индии их усилиями было восстановлено традиционное тибетское монастырское образование. В Ти-

¹ Несмотря на все эти ограничительные меры, власти зачастую сквозь пальцы смотрят на их выполнение. Запрет на портреты Далай-ламы давно не выполняется в Восточном Тибете, они стоят на главном месте практически во всех монастырях, кроме самых главных, часто посещаемых официальными лицами. Во всех монастырях большое количество детей-послушников, число монастырей также давно вышло из-под контроля государства.

² Полевые материалы автора в Тибетском автономном округе Ганьцзы, 2011 г.

бете же другая ситуация. Выжившие ученые монахи старшего поколения, испытавшие все перипетии «культурной революции», возвратились в свои монастыри и воспитывают новое поколение монахов. Однако все они очень преклонного возраста и один за другим уходят из жизни, среднее поколение не смогло получить полноценного монастырского образования, а молодым для получения ученой степени *геше* — «доктора буддийской философии» требуются долгие годы интенсивной учебы в 15–20 лет. Поскольку политический конфликт не позволяет устанавливать контакты с тибетскими монастырями в Индии, старые монахи боятся, что новое поколение тибетских священнослужителей в скором времени, когда уйдет старшее поколение, не будет готово взять в свои руки систему традиционного образования¹. Ситуацию усугубляет тот факт, что в антикитайских волнениях зачастую участвуют самые одаренные и перспективные из молодых монахов, вследствие чего многие из них подвергаются наказанию или бывают вынуждены бежать из страны.

Немаловажным фактором религиозных проблем является пристальный контроль властей над религиозной деятельностью. Во всех больших монастырях установлены видеорегистраторы, постоянно находится большое количество полицейских в штатском, поблизости рассредоточены армейские подразделения. Власти существенно ограничили поездки тибетских монахов в Индию на учебу и приезд тибетских лам из-за границы. Особое отторжение вызывают сессии «патриотического воспитания», навязываемые монастырям после каждого случая волнений, во время которых монахов заставляют отречься от Далай-ламы и подписывать письма в поддержку Коммунистической партии Китая.

Таким образом, говоря о положении тибетского буддизма в современных реалиях Китая, необходимо отметить две составляющие вопроса. Во-первых, это усилия китайского правительства в исправлении ошибок культурной революции и восстановлении религиозных институтов Тибета, на что власти выделяют огромные бюджетные ассигнования. Восстановлены практически все наиболее значимые монастыри и храмы Тибета, возрождается монастырская система, возобновлена обычная религиозная деятельность верующих. Другой стороной вопроса является то, что ограничения правительством свободы религиозной деятельности вкупе с нерешенностью проблемы Далай-ламы вызывают большие протестные настроения тибетцев, выражающиеся в периодических вспышках волнений. На нынешнем этапе протестное движение тибетцев вылилось в беспрецедентное в мировой практике движение самосожжений. Поскольку Его Святейшество Далай-лама является бесспорным лидером тибетского народа, постольку решение проблемы его статуса в Тибете и КНР в целом является ключом для разрешения тибетского вопроса и восстановления нормального функционирования буддийской религии в Тибете.

Литература

1. Гарри И. Р. Буддизм и политика в тибетском регионе КНР. Улан-Удэ, 2009.
2. Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Пер.: Ахметшин Н. Х. М., 1984.
3. Дава Норбу. Тибет: The Road Ahead. New Delhi, 1997.
4. <http://www.china-embassy.org/eng/zt/zgxz/t1225807.htm>.
5. http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm.
6. Jia Guangrong. Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan. Beijing, 1994.
7. Ma Rong. Xizang de jingji xingtai jiqi bianqian. Beijing, 1997.
8. Tom Grunfeld. The Making of Modern Tibet. New York, 1987. P. 187.
9. Warren Smith. Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations. 1996.
10. White papers of the Chinese government (1996–1999). Vol. 2. Beijing, 2000.
11. http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2013-10/22/content_30367967.htm.
12. White Papers of the Chinese Government. Vol. 3. Beijing, 2002.
13. Zongjiao huodong changguan litiao lie Zhonghua renmin gonghe guo guojia minzu shiwu weiyuan hui // <http://www.seac.gov.cn>.

¹ Полевые материалы автора — интервью с тибетскими монахами, 2008–2012 гг.

УДК 94(520)+94(519)

«КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА» В ЯПОНИИ

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского гранта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», №14-03-00439

© *Гармаханов Мунко Цыденович*

аспирант кафедры истории и регионоведения Восточного института
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: mahanibe@gmail.com

В статье рассматривается «корейская волна» как культурный феномен, описанный множеством ученых и получивший признание многих из них как явление, имеющее непосредственное отношение к принципу мягкой силы, как средство достижения экономических и политических целей. Также проведен обзор влияния «корейской волны» на политику Японии и экономический эффект Халлю в разные годы.

Ключевые слова: Республика Корея, «корейская волна», мягкая сила, экспорт культуры, политика, феномен, Халлю, Япония.

«KOREAN WAVE» IN JAPAN

Munko Ts. Garmakhanov

Research Assistant, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

This article observes the «Korean Wave», and examples of its work of this cultural phenomenon in addition. Many scientists had described this phenomenon and many of them had recognized this phenomenon as something directly related to the principles of soft power as it means achieving economic and political goals. Also, in this article I reviewed the effect of the «Korean Wave» to the politics of Japan and economical effect.

Keywords: Republic of Korea, Korean wave, Soft Power, export of culture, politics, the phenomenon, The Hallyu, Japan.

В Японии «корейская волна»¹ начала распространяться после успешного вещания телесериала «Зимняя соната» в 2003-м году. Исполнители главных ролей Пэ Юн Чжун и Чхве Чжи У стали очень популярны в Японии [1]. Тогда Халлю в Японии в основном была ориентирована на аудиторию, состоящую из женщин среднего возраста [3]. Популярность корейской культуры возросла также благодаря корейским музыкальным исполнителям Bo A и Dong Bang Shin Ki. Их альбом «Избранное» в 2010 году дебютировал на 1-м месте в рейтингах «Oricon»², достигнув по продажам отметку в 413 000 копий. Так был побит 15-летний рекорд по недельным продажам среди иностранных групп, который в последний раз был установлен группой Bon Jovi в 1995 году.

Следующей музыкальной группой, завоевавшей популярность в Японии, стала группа «BIGBANG», которая во время своего дебютного тура по Японии оказалась в рейтингах «Oricon» на втором месте [6].

В 2010 году такие корейские женские группы, как «Girls Generation» и «Kara», добились популярности в Японии, открыв возможности и для других исполнителей К-поп музыки, после того как заняли первые пять строчек в рейтингах «Oricon». К-поп группы, состоящие из девушек, начали завоевывать рынок Японии, ориентируясь на молодежную аудиторию и подростков. К-поп группы рассматривались как «крутые и привлекательные» с «сильным характером», в отличие от «милых», «привычных» состоящих из девушек J-поп групп. В 2011 г. новый сингл «Take Off» группы 2PM занял верхнюю строчку в нескольких хит-парадах, в особенности в хит-парадах USEN J-поп, и, что самое значительное, третью строчку в рейтинге «Oricon». После получения крупной аудитории поклонников в Японии и несмотря на относительно долгосрочную задержку в выпуске альбомов, ориентиро-

¹ кор. 한류 Халлю — «Корейская волна»

² Oricon inc. — японская компания, предоставляющая статистику и информацию о музыке и музыкальной индустрии Японии

ванных на японский рынок, группа «Girl's Generation» установила рекорд со своим первым альбомом, вышедшим в июне 2011 г., когда за первую неделю было распродано 232 000 копий. Затем «Girls' Generation» стала первой корейской группой, преодолевшей рубеж 500 000 дисков в этой стране. Многие корейские группы также стали известными, дебютировав в Японии [6].

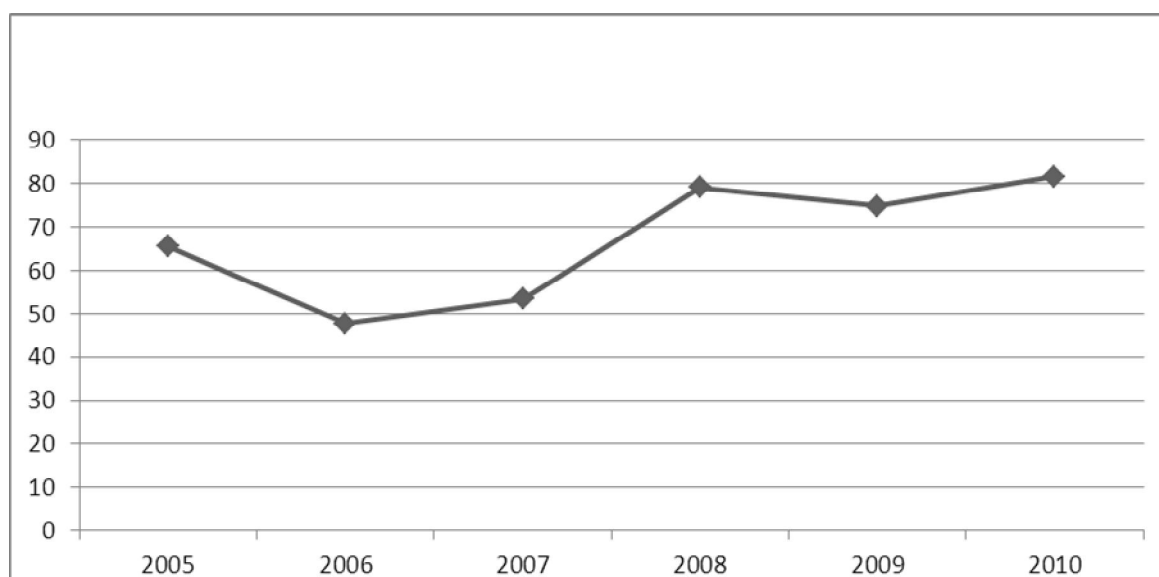
По словам профессора Ян, для «корейской волны» азиатские рынки стали доступны в 1990-х. Корея изначально начала экспортировать культурную продукцию таким соседям, как Япония, Тайвань и Китай. Позже область экспорта расширилась и перешла на новые рынки. Хотя до сих пор более половины экспорта культурной продукции приходится на Азию. Северная Америка является вторым по величине континентом, импортирующим корейские товары. И Япония еще с начала 2000-х гг. является одним из важнейших импортеров «корейской волны» [5].

Ближе к концу 2000-х гг. экспортные рынки в Китае и Юго-Восточной Азии растут и приближаются к значениям Японии. В 2006 году Япония занимает 27,2 % от общего числа культурного экспорта Республики Корея. В 2008 г. на долю только телевизионных проектов, экспортированных в Японию, пришлось 20,6 % общего экспорта культурной продукции Кореи [6].

Таблица 1

Экспорт корейской телевизионной продукции в млн дол.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Япония	65,511	47,632	53,494	79,113	74,791	81,615

Однако Халлю также была встречена и критикой со стороны соседей. Следует упомянуть, что консервативно настроенные и националистские группы Японии организовали анти-Халлю демонстрации. 7 августа 2011 года около 500–2000 пикетчиков вышли перед штаб-квартирой Fuji Television в Одайбе, Токио, выступая против чрезмерного количества корейских драм, вещаемых телекомпаниями. Еще одна демонстрация против «корейской волны» прошла 21 августа.

Среди митингующих преобладало число ультраправых националистов. Некоторые демонстранты размахивали старыми Японскими императорскими флагами, маршировали вокруг телевизионной станции и распевали национальные гимны. Другие выкрикивали лозунги вроде «Да здравствует император!». Протестующие обвиняли телевизионную компанию в показе чрезмерно большого количества корейских телесериалов и требовали от правительства лишить компанию лицензии на вещание. В целом и общем демонстранты представляли собой японских националистов, недовольных «корейской волной» [6].

И хотя движение против «корейской волны» все еще ведется ультраправыми и теми, кто их поддерживает, телевизионные программы вроде FujiTV и даже национальная телекомпания NHK все же продолжают пускать в эфир популярные корейские телесериалы и приглашают на свои телепередачи такие К-поп группы, как «Girls' Generation» и «Kara».

По сообщению Korea Times, посещаемость митингов против «корейской волны» находится относительно на низком уровне и пока нет необходимости в введении серьезных ограничительных мер в японской медиаполитике. Тем не менее рестораны, косметические салоны и магазины сувениров в Tokyo's Korea Town столкнулись с падением продаж с января 2013 г. в связи с ростом анти-корейских настроений.

«Мой бизнес в Японии близок к провалу, — заявил анонимный корейский кинопромоутер, — в этом году я еще не подписал ни одного контракта в Японии из-за антикорейских настроений. Но с этой проблемой столкнулся не только я. Я думаю, что это проблема для всех корейских предпринимателей, ориентирующихся на продажу культурных продуктов в Японии» [2].

Ссылаясь на опрос примерно 900 японских граждан, Korea Economic Daily сообщила в декабре 2013 г., что почти 10 процентов из них заявили о том, что они удовлетворены качеством корейских продукции в целом, но не будут покупать их, потому что они были сделаны в Корее. Ежедневный обозреватель добавил, что крупные японские сайты, которые способствуют распространению корейской культуры, наблюдают спад количества посетителей.

Например, WK, самый крупный японский сайт подобного рода, который в свое время привлекал около 40 млн посетителей в месяц, заявлял о падении посещаемости ресурса на четверть на волне обострения анти-Халлю настроений [2].

Подобные тенденции также ощущается в японских книжных магазинах. Три из 10 наиболее продаваемых публицистических изданий посвящены обсуждению проблем военной истории и других острых вопросов взаимоотношений между двумя странами, сообщает влиятельная в Японии газета «Asahi Shinbun» от 11 февраля 2014 г.

Продажи одной из трех книг достигли отметки в 200 000 экземпляров с момента начала продаж в декабре, сообщает Asahi Shinbun, в то время как другая книга, изданная в 2005 году, был продана в один миллион копий на волне недавних антикорейских настроений [6].

26 июля 2005 г. в Японии была выпущена книга комиксов «Ненависть к корейской волне» (яп. マンガ嫌韓流). Комикс с откровенным названием стал бестселлером — количество продаж достигло 360 тысяч экземпляров. Некоторое время спустя она стала бестселлером № 1 в японском подразделении Amazon.com. Герой комикса подросток Канама учится понимать, что представляет собой Корея на «самом деле». Подросток постигает, что своим экономическим взлетом Корея, безусловно, обязана своему японскому соседу. Одна из героинь комикса восклицает: «Это Япония создала Южную Корею, никакого преувеличения здесь нет» [6].

Автор комикса сначала размещал его на собственном сайте, а потом опубликовал в печатном виде. Популярность книги поразила издателей. Один из них признался, что никак не ожидал, что антикорейские чувства в обществе достигнут таких масштабов. Между тем одну из глав для комикса написал известный японский общественный деятель, председатель Японского общества по реформе учебников истории Кандзи Нисиро. А консервативная газета «Санкэй симбун» вообще написала, что «антикорейский комикс верно и рационально отражает проблемы взаимоотношений между двумя странами» [6].

Японский актер Сосукэ Такаока открыто выражал свою неприязнь к корейской волне в своем Твиттере, которая спровоцировала интернет-движение по бойкоту корейских передач на японском телевидении 8 августа 2011 года. Ранее, в июле того же года, актер был уволен его агентством за слухи, которые он распускал, выступая против наплыва корейских сериалов. Но, несмотря на все это, были и высказывания, не проявляющие агрессии к «корейской волне»: Кеничиرو Моги (Kenichiro Mogi), известный невропатолог и ведущий собственного телешоу, высказал свое отношение к происходящему: «Это просто ребячество — критиковать вещательные системы за то, что они обращаются в сторону корейской волны. Незрелый культурный национализм в эпоху глобализации лишь больше ослабляет Японию» [6].

«Корейская волна» является поводом для национальной гордости для многих корейцев. Ли Донг Ын из Korea Journal писал, что «если корейская волна продолжит наращивать темпы, тем самым отражая дипломатические отношения на базе капиталистической логики, а не на базе дифференциации культурных вкусов масс, тогда она должна будет вынуждена ввязаться в ожесточенную борьбу с японским гибким национализмом» [2].

Существуют разные мнения, когда дело доходит до потенциальных возможностей решения этой проблемы. Японский государственный служащий, живущий недалеко от Токио, заявил газете The

Korea Times в интервью по электронной почте, что продолжающийся конфликт может рассматриваться как неприятие консервативными японцами корейской поп-культуры, которая завоевала массы в Японии в течение относительно короткого периода времени. «Во времена спада экономического развития японцы тешат себя верой, что Япония по-прежнему превосходит любые другие азиатские страны в плане культурного развития и в относящемся к нему бизнесе», — сказал 30-летний чиновник. «Но резкий подъем К-поп и корейской драмы в Японии разрушили эту веру. Я думаю, что потеря этой уверенности и сыграла решающую роль в пробуждении анти-Халлю настроений» [2].

Профессор Джо Янг Хён из Корейской Национальной Дипломатической Академии заявил, что он предполагает существование нескольких видов политических сил, которые провоцируют общественность и поддерживают антикорейские настроения по различным причинам.

«Мы должны обратить внимание на то, почему анти-Халлю настроения всплыли сразу после того, как Синдзо Абэ вступил в должность (в декабре 2012),» — сказал Джо. «Абэ вступил в должность с основной миссией активизации экономики Японии. Все, что он делает и говорит, направлено на выполнение этой миссии. Консервативные деятели Японии испытывают сильную ностальгию по тем временам, когда у Японии в руках было мощное влияние как второй по величине экономики в мире. Для них рост корейской культуры, очевидно, раздражающее событие».

«Создание образа общего врага помогает усилить чувство единства японского народа», — сказал профессор, добавив, что Абэ может в полной мере использовать схемы влияния на своих политических оппонентов и проталкивать политику, призванную реализовать его идею «Сильной Японии» [4].

Профессор Ли Ганчан из университета Сонгюнган в Сеуле предсказывает, что анти-Халлю настроения продолжат существование до тех пор, пока японская экономика находится в упадке.

«Возможно, есть какая-то эмоциональная составляющая в этой продолжающейся вражде, но я думаю, что в данной ситуации большую роль играет экономическая ситуация, — сообщил Ли, — в неблагоприятное экономическое время, люди становятся щедрыми к окружающим» [2].

Кимура Кан, профессор университета Кобэ и президент Пан-Тихоокеанского форума, утверждал в колонке под названием «Почему Сеул и Токио не могут ужиться?» на сайте Nippon.com 30 января, что у Японии остается всего два возможных курса действий.

«Одним из них является работа по решению исторических и территориальных вопросов и стремление уменьшить их значение. Другой заключается в повышении значимости Японии для Южной Кореи в других областях. Если внутренние обстоятельства Японии останутся столь же сложными, то последний вариант останется единственно возможным», пишет Кан [4].

Литература

1. Асмолов К.В. Современная ситуация и проблема феномена «корейской волны» [Электронный ресурс]. URL: <http://makkawity.livejournal.com/819307.html> (дата обращения: 12.05.2012).
2. Anti-hallyu voices growing in Japan. The Korea Times. 2014-02-21. Park Si-soo [Электронный ресурс]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/culture/2014/02/386_152045.html (дата обращения: 16.02.2015).
3. Faiola, Anthony. Japanese Women Catch the 'Korean Wave', The Washington Post (August 31, 2006) (дата обращения: 7.05.2010).
4. Why Can't Seoul and Tokyo Get Along? Kimura Kan. 30.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nippon.com/en/in-depth/a02701/> (дата обращения: 09.10.2014).
5. Lee, S. (2006). The Korean Wave in Japan: Winter Sonata and Its Implications Through Audience Perception. Conference Papers — International Communication Association, 1-27. Retrieved from Communication & Mass Media Complete database.
6. Seiko Yasumoto The Impact of the «Korean Wave» on Japan: A case study of the influence of trans-border electronic communication and the trans-national programming industry [Электронный ресурс]. URL: <http://coombs.anu.edu.au/SpecialProj/ASAA/biennial-conference/2006/Yasumoto-Seiko-ASAA2006.pdf> (дата обращения: 11.05.2012).

УДК 327 (571.54:519.5)

**СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14–03–00439 «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии»

© *Дашибалов Эрдэм Баирович*

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения стран Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: erdem10120@yandex.ru

В статье раскрываются особенности и направления двусторонних отношений между Республикой Бурятия и Республикой Корея. Автором выделено три направления взаимодействия: 1) торгово-экономическое сотрудничество; 2) сотрудничество в научно-образовательной сфере; 3) сотрудничество в сфере культуры. Сделан вывод, что, несмотря на определенную положительную динамику, потенциал двустороннего экономического сотрудничества пока реализован не полностью. В научно-образовательной сфере отмечено два важных направления сотрудничества: медицина и высшее образование. Подчеркивается важная роль Бурятского государственного университета в процессе взаимодействия Бурятии и Южной Кореи. Также отмечено, что весомый вклад в организацию партнерских отношений между Республикой Бурятия и Республикой Корея вносит двустороннее взаимодействие в сфере культуры, которое активно развивается в последние годы.

Ключевые слова: Республика Корея, Бурятия, российско-корейские отношения, международное сотрудничество, Бурятский государственный университет.

**COOPERATION OF THE REPUBLIC BURYATIA
AND THE REPUBLIC OF KOREA AT THE PRESENT STAGE**

Erdem B. Dashibalov

PhD, assistant Professor of department of history and regional studies of Asia,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article reveals the peculiarities and directions of bilateral relations between the Republic of Buryatia and the Republic of Korea. The authors identified three areas of cooperation: 1) trade — economic cooperation; 2) cooperation in science and education; 3) cooperation in the field of culture. It was concluded that, despite some positive developments, the potential of bilateral economic cooperation is not fully implemented. In the scientific and educational sphere noted two important areas of cooperation: the medical sphere and cooperation in the field of higher education. Author emphasizes the important role of the Buryat State University in the interaction of Buryatia and South Korea. It is also noted that a significant place in the organization of the partnership between the Republic of Buryatia and the Republic of Korea plays the bilateral cooperation in the sphere of culture, which is being actively developed in recent years.

Keywords: Republic of Korea, Buryatia, Russian-Korean relations, international cooperation, Buryat State University.

Современная внешняя политика России формируется с учетом новых тенденций и особенностей в глобальном и региональном развитии. В ее задачи органически входит всемерное содействие обеспечению мира и безопасности, созданию необходимых условий для стабильного подъема экономики, включая сбалансированное отраслевое и региональное развитие Российской Федерации, выстраивание ее гармоничных связей с зарубежными партнерами на основе взаимного уважения и сотрудничества [3]. Потенциал азиатских стран и само последовательное смещение центра тяжести мировой экономики и политики в Азиатско-Тихоокеанский регион расширяет возможности России в осуществлении планов экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. Как было сказано в послании Президента РФ Федеральному собранию, «Россия как тихоокеанская держава будет всесторонне использовать этот громадный потенциал» [5]. Важное место в воплощении данных планов в жизнь занимает сотрудничество российских регионов Сибири и Дальнего Востока с Республикой Корея.

В сотрудничестве Республики Бурятия с Южной Кореей можно выделить три основных направления:

- 1) торгово-экономическое сотрудничество;
- 2) сотрудничество в научно-образовательной сфере;
- 3) сотрудничество в сфере культуры.

1. Торгово-экономическое сотрудничество.

На сегодняшний день Республика Корея является важнейшим торговым партнером Республики Бурятия и занимает 4-е место в обороте внешней торговли республики, в том числе 5-е место в экспорте и 5-е место в импорте по итогам 2014 г. Начиная с 2010 г., значительно вырос объем внешне-торгового оборота между Бурятией и Республикой Корея (2010 г. — 258 000 тыс. дол. США, 2014 г. — 128,9 млн дол. США). При этом следует отметить, что в структуре товарооборота доля экспорта значительно превышает долю импорта (экспорт в 2014 г. — 127 008,7 млн дол. США, импорт — 1 931,7 млн дол. США). Основу экспорта Республики Бурятия на рынок Республики Корея составляют поставки каменного угля (в 2014 г. — 125 млн дол. США).

В структуре импорта из Республики Корея основную часть составляют поставки машиностроительной продукции (72 %, или 1,4 млн дол. США), в том числе оборудование и механические устройства, электрические машины и запасные части для средств наземного транспорта [1].

Таблица 1

*Торгово-экономическое сотрудничество Республики Корея с Республикой Бурятия в 2010–2014 гг., тыс. дол. США**

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
ОБОРОТ	258	589,5	120 063	142 572	128 940,4
темп роста, в %	99,8	в 2,3 р.	в 204 р.	118,7	90,4
ЭКСПОРТ	40,4	21	118 179	140 682	127 008,7
темп роста, в %	147,4	51,9	в 5628 р.	119	90,3
ИМПОРТ	217,6	568,5	1 883,7	1 889,6	1 931,7
темп роста, в %	94,2	в 2,6 р.	в 3,3 р.	100,3	102,2

* По данным Министерства экономики Республики Бурятия.

В июне 2011 г. в Сеуле успешно прошла презентация инвестиционного потенциала Республики Бурятия. Основной акцент в ней делался на возможности развития туризма и участия южнокорейского бизнеса в освоении природных ресурсов. В июле 2012 г. в г. Улан-Удэ состоялись восьмое заседание Комитета по Дальнему Востоку и Сибири Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и третий Российско-Корейский бизнес-форум с участием руководителей Министерства регионального развития, Министерства экономического развития РФ, представителей Министерства иностранных дел России, руководителей органов исполнительной власти регионов Сибири и Дальнего Востока, представителей ряда ключевых министерств Республики Корея, правительств провинций Канвондо и Кенсан.

Тем не менее, несмотря на заметный рост объемов товарооборота, можно констатировать, что потенциал двустороннего экономического сотрудничества пока реализован не полностью. Если рассматривать ситуацию с точки зрения южнокорейской стороны, можно сделать вывод о том, что инвестиционный климат в России в целом и в Бурятии в частности до сих пор уступает другим странам. Как следствие этого, объем южнокорейских прямых инвестиций в экономику Бурятии относительно невелик. Очень часто у корейских предпринимателей, приходящих на местный рынок, возникают языковые и юридические проблемы. В Южной Корее достаточно сложно найти квалифицированных специалистов с русским языком, а опыт и умения корееведов из Бурятии часто остаются невостребованы местными властями.

Кроме того, негативно на развитие двусторонних экономических отношений влияет снижение деловой активности в России ввиду санкционного режима. Хотя Республика Корея и не присоединилась к антироссийским санкциям, нужно учитывать, что данная страна является всеобъемлющим стратегическим партнером США со всеми вытекающими из этого статуса обязательствами [2].

Важную роль в активизации двустороннего сотрудничества сыграла отмена визового режима между Россией и Республикой Корея. Данное решение было принято по итогам российско-южнокорейского саммита на высшем уровне в Сеуле в ноябре 2013 г. Начиная с 2014 г., значительно возрос объем туристического потока в обоих направлениях. Кроме установления безвизового режима, этому способствовало открытие прямого авиарейса Улан-Удэ — Сеул — Улан-Удэ. Южнокорейские туристы отмечают, что Бурятия является для них привлекательным местом для посещения в силу географической близости и возможности посетить озеро Байкал. С другой стороны, многие туристы считают, что низкий уровень инфраструктуры и невысокое качество сервиса служат препятствием для увеличения туристического потока из Южной Кореи в Бурятию.

В свою очередь среди туристов, отправляющихся из Бурятии в Корею, отдельно стоит выделить группу так называемых медицинских туристов. Начиная с прошлого года, данное направление активно развивается в Бурятии, однако начавшийся в конце 2014 г. рост курса доллара заметно снизил количество пациентов, желающих получить высококвалифицированную помощь в клиниках Республики Корея.

2. Сотрудничество в научно-образовательной сфере

Сотрудничество в медицинской сфере заключается не только в области медицинского туризма, но и во взаимодействии медицинских учреждений Республики Бурятия и Южной Кореи. За последние годы делегации корейских клиник неоднократно посещали больницы республики, делились опытом с коллегами, проводили совместные научные конференции. В рамках договора о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Южной Кореи и Медицинской палатой Республики Бурятия прошли стажировку в одной из ведущих корейских клиник 6 врачей, 4 из которых — сотрудники Республиканской клинической больницы им. Н. А. Семашко. Как отметили стороны, это был первый и серьезный шаг в сторону развития сотрудничества между Южной Кореей и Буртией. Опыт, приобретенный нашими специалистами в Южной Корее в области диагностики, проведения исследований, тактики ведения лечения пациентов, сыграет огромную роль для населения республики. Кроме того, южнокорейские коллеги готовы оказать дальнейшую помощь по внедрению в практику высокотехнологичной медицины: минимальной инвазивной хирургии, гибридных операций и др. [4].

Важную роль в укреплении сотрудничества между Буртией и Республикой Корея в научно-образовательной сфере играет Бурятский государственный университет. В 2001 г. по инициативе ректора БГУ, почетного консула Республики Корея в Буртии С. В. Калмыкова на восточном факультете было создано отделение корейского языка. За истекший период было подготовлено около 50 специалистов со знанием корейского языка, истории, литературы, экономики и культуры Кореи. Многие из них продолжили работать в сфере корееведения, внося тем самым весомый вклад в развитие двусторонних отношений. БГУ успешно поддерживает партнерские отношения с рядом университетов Южной Кореи (Пусанский университет иностранных языков, Канвонский национальный университет, Университет Кёнчжу). С вузами-партнерами налажен регулярный студенческий обмен, также практикуются взаимные приглашения преподавателей для чтения лекций. С каждым годом увеличивается количество корейских студентов, желающих изучать русский язык в БГУ. Студенты отмечают, что Бурятия их привлекает высоким уровнем преподавания, отсутствием межнациональных проблем, отзывчивостью и доброжелательностью местного населения.

Важной вехой в развитии корееведения в Бурятском государственном университете явилось открытие Института имени короля Сечжона в сентябре 2014 г. Институт имени короля Сечжона — одно из самых активно развивающихся образовательных учреждений по изучению корейского языка и культуры за рубежом. Созданный по инициативе Министерства спорта, культуры и туризма Республики Корея в марте 2008 г. Институт имени короля Сечжона стремится к созданию доступной среды для изучения корейского языка по всему миру. В настоящее время в 54 странах мира насчитывается 131 отделение данного Института. В России созданы отделения в трех городах: Москва (2008), Находка (2011) и Улан-Удэ (2014). К 2017 г. планируется увеличить число зарубежных отделений до 200, чтобы удовлетворить постоянно растущий спрос на образование в области корейского языка и культуры.

Институт был назван в честь короля Сечжона Великого (годы правления: 1418–1450) — четвертого короля корейского государства Чосон. В 1420 г. король Сечжон учредил придворную академию «Зал достойных», ученые которой с участием самого короля разработали слоговой алфавит «Хангыль», являющийся в настоящее время основой корейской письменности.

Институт имени короля Сечжона выступает как мировой бренд, популяризирующий корейский язык и корейскую письменность посредством взаимодействия с правительственными учреждениями, повышая престиж и доступность изучения корейского языка по всему миру.

Создание Института имени короля Сечжона на базе Бурятского государственного университета стало возможным благодаря содействию Пусанского университета иностранных языков. Культурно-образовательная деятельность Института способствует дальнейшей популяризации корейского языка и культуры среди населения Республики Бурятия. На сегодняшний день в Институте обучается около 70 слушателей, при этом количество желающих изучать корейский неуклонно увеличивается.

Говоря о двустороннем сотрудничестве в научно-образовательной сфере, нельзя не отметить важную роль деятельности Генерального консульства Республики Корея в г. Иркутске. Генеральное консульство ежегодно выделяет грант на развитие корееведения в БГУ, оказывает содействие в регулировании сотрудничества университета с корейскими научно-образовательными организациями. 9 октября 2015 г. при содействии Генерального консульства в научной библиотеке БГУ состоялось открытие зала корейской культуры. В нем представлен широкий спектр новейшей учебной и научной литературы по корейскому языку, а также по культуре и истории Кореи. Несомненно, что наличие такого зала будет способствовать дальнейшему развитию корееведения в университете.

Представляется, что БГУ должен сыграть первостепенную роль в установлении контактов между Россией и Республикой Корея в разных сферах сотрудничества. Уже сейчас сотрудники, студенты и выпускники корейского отделения БГУ активно принимают участие в сотрудничестве Республики Бурятия и Республики Корея в экономике, здравоохранении, культуре и образовании.

Многие выпускники корейского отделения БГУ работают в Корее и имеют возможность наладить взаимодействие с корейскими компаниями. Также нужно отметить, что для осуществления действительно крупных проектов, таких как строительство железной дороги, прокладка газопровода и поставки электроэнергии, в большом количестве необходимы специалисты по Корее. В связи с этим кадровый потенциал БГУ может быть востребован как в российских частных компаниях, так и на государственном уровне.

3. Сотрудничество в сфере культуры.

Важную роль в организации партнерских отношений между Бурятией и Республикой Корея играет двустороннее взаимодействие в сфере культуры. При содействии известного южнокорейского дирижера Но Тхэчхоля в Бурятском государственном академическом театре оперы и балета им. Г. Ц. Цыдынжапова регулярно проходят концерты корейских певцов, которые пользуются постоянным успехом у аудитории. Корейские исполнители отмечают, что «сотрудничество Бурятии и Кореи очень интересно, особенно тем, что, смешивая традиции и обычаи двух культур, получается что-то новое и оригинальное». Исполнитель Юн Хёкджин говорит о том, что «в Бурятии очень доброжелательные люди. Наши народы очень похожи, не только внешне, но и внутренне. Буряты и корейцы близки друг другу. И после первого визита в Бурятию я смог увезти часть бурятского духа и бурятской души в Корею» [6].

Отдельно стоит упомянуть о популярности среди молодежи Бурятии корейской массовой культуры (К-поп). В июне 2015 г. в стенах Бурятского государственного университета с большим успехом прошел фестиваль корейской поп-культуры, который являлся Сибирским отборочным туром на «2015 K-Pop World Festival» в Южной Корее.

Однако следует отметить, что образы российской культуры в целом и Бурятии в частности достаточно слабо представлены в Корее. Сегодняшние представления большинства южнокорейцев о Бурятии весьма поверхностны и приблизительны. Преодоление такого положения, создание и закрепление положительного образа Бурятии в общественном сознании требуют долговременной последовательной работы. Такая работа должна включать разовые крупномасштабные мероприятия, осуществление совместных проектов с ведущими южнокорейскими печатными изданиями, формирование рабочих групп в составе представителей общественных, академических и деловых кругов обеих стран. Думается, что в случае проведения подобной целенаправленной работы можно ожидать активизации двусторонних отношений по всем направлениям.

Литература

1. Данные Министерства экономики Республики Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.govrb.ru>.

-
2. Кокарев К. А. Внешняя политика России и российско-корейские отношения [Электронный ресурс]. URL: <http://old.riss.ru/analitika/4248-vneshnyaya-politika-rossii-i-rossijsko-korejskie-otnosheniya#.ViWqL37hDIU>
 3. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289ea62097f9d325787a0034c255/d32577ca0017434944257b16051bf7f>
 4. Подведены итоги визита корейских врачей в РКБ им. Н. А. Семашко [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkbsemashko.ru/>
 5. Послание Президента Федеральному собранию, 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>
 6. URL: <http://www.uumoda.ru/news/651/155805/>

УДК 398 (=512.31)

**НАДЕЖДА ОСИПОВНА ШАРАКШИНОВА —
ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БУРЯТСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

© *Дамдинова Елена Гурбазаровна*

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: vostokelena@mail.ru

Статья посвящена краткому историографическому обзору основных трудов видного бурятского ученого, крупного собирателя и исследователя фольклора монгольских народов Надежды Осиповны Шаракшиновой. Ее имя вошло в круг выдающихся личностей, внесших своим неустанным и плодотворным трудом огромный вклад в развитие бурятской науки и культуры. Исследования Н. О. Шаракшиновой таких жанров фольклора, как мифы, сказки, улигеры, пословицы, загадки, песни, сохранили свою значимость до настоящего времени и по-прежнему остаются объектом всестороннего изучения.

Ключевые слова: историография, буряты, бурятский фольклор, мифы, героический эпос, малые жанры.

**ABOUT AN OUTSTANDING RESEARCHER
OF BURYATIAN FOLKLORE NADEZHDA OSIPOVNA SHARAKSHINOVA
(DEDICATED TO HER 100TH ANNIVERSARY)**

Elena G. Damdinova

PhD, Senior Lecturer of Department of Philology of Central Asia, Buryat State University
4 Ranzhurova St., 670000, Ulan-Ude Russia

The paper is dedicated to a short historiographic review of the main works written by the famous Buryatian scientist, a major collector and a researcher of Mongolian peoples' folklore N. O. Sharakshinova. Sharakshinova's name is included in a circle of the most outstanding researchers who contributed greatly to Buryatian science and culture development with her indefatigable productive work. Her studies of such genres of Buryat folklore as myths, fairy tales, stories, proverbs, riddles, and songs are important up to modern time and are still an object of the detailed research.

Keywords: historiography, the Buryats, Buryatian folklore, myths, heroic epos, «small» genres.

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Надежды Осиповны Шаракшиновой (1915–2000), выдающегося исследователя фольклора и литературы монгольских народов, доктора филологических наук, профессора Иркутского государственного университета, автора 12 монографий и свыше 150 научных статей. Научное наследие ученого имеет большое значение для специалистов-монголоведов и бурятоведов, особенно для молодого поколения фольклористов, литературоведов и этнографов. Стараниями Надежды Осиповны открыты для изучения неизвестные ранее имена сказителей и редкие произведения бурятского устно-поэтического творчества.

Надежда Осиповна родилась 1915 г. в селе Бохан Восточно-Сибирской губернии (бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ). В 1941 г. закончила факультет русского языка и литературы Бурят-Монгольского пединститута. Научную деятельность начала в 1946 г., когда ее направили в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. С 1951 г. ее научная и преподавательская деятельность была связана с Иркутским госуниверситетом.

Еще в 1968 г. в интервью А. Граниной, действительного члена географического общества СССР, Шаракшинова говорила: «Я работаю в области бурятского фольклора почти 25 лет и буду продолжать трудиться дальше. Мне хочется выполнить заветы известных бурятских этнографов и фольклористов М. Хангалова и Ц. Жамцарано, ввести в общую культурную струю советского народа все жанры фольклора бурят и сохранить это для будущих поколений» [2].

За более чем 40 лет Шаракшиновой было проведено более 50 фольклорных экспедиций, в которых участвовали студенты филологического факультета и бурят-монгольского отделения ИГУ. Экспедиции проводились ежегодно и охватывали все районы проживания бурят на территории России, а также несколько аймаков Монголии. Одной из самой первой записи ученого является «Миф о том, как

образовалась земля», рассказанная сказителем и шаманом Морхоном Шобоновым в Обусинском булуке Осинского района Иркутской области в марте 1944 г. [5, с. 41].

В 1959 г. Шаракшинова выпустила первое учебное пособие «Бурятский фольклор», в котором затронула все основные виды устного поэтического творчества бурят: легенды и предания, пословицы и поговорки, загадки, песни, сказки и улигеры [5]. Профессор В. Сидельников в рецензии на пособие писал, что книга «полезна и необходима. Это первая и удачная попытка представить богатейшие образцы бурятского фольклора в научно-исследовательском освещении. Она будет с успехом использована не только в учебных заведениях Бурятии, но и там где изучается фольклор, язык и вообще культура бурятского народа» [4]. Фольклорист Р. А. Шерхунаев отмечает: «Если сравнительно много работы было проведено по собиранию фольклорных материалов, то еще крайне мало было трудов, обобщающих и анализирующих их. Не было все еще пособия по фольклору для студентов. Вот почему появление в свет книги Н. О. Шаракшиновой “Бурятский фольклор”, первого научного обобщающего труда в бурятской фольклористике, было большим событием. Надо сказать, что после выхода в свет книги “Бурятский фольклор” прошла целая эпоха — свыше 40 лет, а названная книга в национальной фольклористике остается единственным трудом обобщающего характера» [14, с. 17].

В 1968 г. увидела свет книга «Героический эпос бурят», в которой были изложены первые результаты собирания и исследования героического эпоса бурят [8]. В этой работе Шаракшинова впервые дала исчерпывающую научную характеристику эпоса бурят и отметила его особое место среди прочих монгольских эпосов. Она подняла и исследовала вопросы генезиса, периодизации и классификации бурятских улигеров. Автор пришел к выводу о том, что каждая из трех основных групп героических сказаний бурят — эхирит-булагатские, хоринские и унгинские — имеет специфические особенности и при всей жанровой общности отличается по времени создания, сюжету, системе образов, композиции и языку.

В 1969 г. Шаракшинова выпустила учебное пособие «Героический эпос о Гэсэре», в котором изложила историю изучения Гэсэриады, представила характеристики всех версий эпоса и научный перевод бурятского эпоса «Абай Гэсэр хубун», исполненного знаменитым рапсодом Маншудом Эмгеевым (1849–1908) [9]. В приложении к переводу разместила «Слова, заимствованные из русского языка», «Слова и выражения, малопонятные и переведенные приблизительно» и «Слова, мало употребляемые в современном бурятском языке».

В своей монографии «Лирические песни бурят» во введении она подробно останавливается на истории собирания и изучения песен, классификации лирических песен, композиции народных песен [11]. В исследовании автор ставит проблему изучения бурятских лирических песен в тесной связи с историей народа. Шаракшинова считает, что изучение «композиции помогает понять не только внешнее построение, но прежде всего осмыслить содержание песни, раскрыть ее тему» [11, с. 33]. Ко всем бурятским песням, приведенным в качестве примеров, автором дан русский перевод.

В 1975 г. Шаракшинова выпускает новое пособие для студентов «Бурятское народное поэтическое творчество», также охватившее почти все жанры бурятского фольклора [6]. Книга написана на основе анализа новых полевых материалов, собранных автором и его учениками — студентами Бурятского отделения филологического факультета ИГУ.

Шаракшинова также является одним из основоположников изучения бурятской мифологии. Фольклорные экспедиции ИГУ записали ряд бурятских мифов, что позволило ей в 1980 г. на основе архивных материалов и полевых записей опубликовать специальную монографию, посвященную бурятским мифам [12]. В рецензии, написанной научными сотрудниками сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, философии и филологии СО РАН СССР В. Евсюковым и С. Комиссаровым, отмечается, что «на протяжении многих лет ощущалась настоятельная необходимость в издании, где в сконцентрированном виде содержалось бы изложение наиболее важных и ярких сюжетов мифологии бурят, доступные не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей. Ныне этот пробел в известной мере восполнен книгой известного ученого-филолога Н. О. Шаракшиновой, удачно сочетающей серьезный научный анализ предмета с общедоступной формой изложения» [3]. Во введении «Мифов бурят» автор знакомит с историей собирания и изучения бурятских мифов и с сожалением отмечает, что собирание мифов было начато слишком поздно, и многое уже утрачено. Автор высоко оценивает вклад О. М. Ковалевского, М. П. Хангалова, Ц. Жамцарано, С. П. Балдаева в дело собирания и изучения бурятских мифов. Первая глава посвящена космогоническим мифам: о сотворении мира, небе и земле, появлении человека, солнце и луне, звездах, грозе, небесных кузнецах, появлении огня и хозяевах огня, об эжинах земли и вод. Во второй

главе рассматриваются тексты, связанные с западными и восточными тенгриями и хатами. В третьей главе дано описание генеалогических мифов бурят: о Буха нойоне, прародителях хоринских бурят, предках ольхонских бурят. Особую ценность в данной работе имеет «Краткий мифологический словарь», представленный в приложении. Таким образом, в своей монографии ученый впервые в бурятской фольклористике на богатой источниковой базе в систематизированном виде представил научную классификацию мифов бурят.

В учебном пособии «Загадки» рассматриваются вопросы происхождения загадок, их функций, тематического диапазона и художественной формы [10]. В работе более чем на 60 страницах Шаракшинова привела образцы бурятских загадок, снабдив их переводом на русский язык.

В 1987 г. выходит в свет очередная монография, посвященная исследованию бурятских улигеров, — «Героико-эпическая поэзия бурят» [7]. В этой фундаментальной работе Шаракшиновой обобщены все предыдущие изыскания автора и выдвинуты новые идеи с учетом современных теоретических трудов по фольклору, литературоведению и поэтике. В рецензии фольклорист Д. А. Бурчина отмечает, что «новый труд Н. О. Шаракшиновой прослеживает исторический путь эпоса, при этом развитие эпического творчества автор рассматривает в тесной связи с историей этноса. Ставится также проблема изучения бурятских улигеров в соотношении с эпосом тюрко-монгольских народов, которая до настоящего времени не затрагивалась в бурятском эпосоведении. Основываясь на обширной источниковедческой базе, архивных и рукописных материалах, фольклорных текстах, автор анализирует большой круг вопросов — от общей характеристики героических сказаний до их художественного своеобразия» [1, с. 136].

В последние годы жизни Шаракшинова увлеченно работала над текстами улигеров и их переводами, записанными ею в разные годы. Эта большая работа ученого завершилась подготовкой книги «Улигеры бурят» [13], которая была опубликована в конце 2000 г. уже посмертно. В книгу вошли записи улигеров, сделанные Шаракшиновой в 50-х гг. XX в. у сказителя П. Д. Дмитриева, — «Алтан Шагай», «Хаан Сагта Абхай», «Суутын долоон хулагша» и улигеры «Амгалан Богдо» и «Зээрдэй Мэргэн» из уст сказителя И. А. Хангалова.

Несмотря на большое количество работ, связанных с исследованием бурятского фольклора и мифологии, появившихся в последние два-три десятилетия, книги Шаракшиновой сохраняют свою научно-познавательную ценность и актуальность. Это во многом объясняется тем, что в ее работах на богатой источниковедческой базе (полевые записи и архивные материалы автора) ставились и решались важные и малоисследованные вопросы бурятской фольклористики. В ее научном наследии неизменно прослеживается любовь к своему народу, его истории и культуре, преданность к изучаемому предмету.

Литература

1. Бурчина Д. А. Новое исследование // Байкал. 1988. № 6. С. 136.
2. Гранина А. Звонкая песня Гэсэр // Восточно-Сибирская правда. 1968. 19 июня.
3. Евсюков В., Комиссаров С. Исследование по бурятской мифологии // Тувинская правда. 1983. 2 июля.
4. Сидельников В. Таланты народа неисчерпаемы // Правда Бурятии. 1961. 6 мая.
5. Шаракшинова Н. О. Бурятский фольклор. Иркутск, 1959. 228 с.
6. Шаракшинова Н. О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975. 234 с.
7. Шаракшинова Н. О. Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск, 1987. 304 с.
8. Шаракшинова Н. О. Героический эпос бурят. Иркутск, 1968. 160 с.
9. Шаракшинова Н. О. Героический эпос о Гэсэре. Иркутск, 1969. 348 с.
10. Шаракшинова Н. О. Загадки. Иркутск, 1981. 113 с.
11. Шаракшинова Н. О. Лирические песни бурят. Иркутск, 1973. 148 с.
12. Шаракшинова Н. О. Мифы бурят. Иркутск, 1980. 167 с.
13. Шаракшинова Н. О. Улигеры бурят. Улан-Удэ, 2000. 156 с.
14. Шерхунаев Р. А. След на земле. О профессоре Н. О. Шаракшиновой // Проблемы фольклористики, литературоведения и языкознания. Иркутск, 2002. С. 13–18.

УДК 902/904

**ХУННОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ****© Коновалов Прокопий Батюрович**

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: konpb@yandex.ru

© Базаров Биликто Александрович

научный сотрудник отдела истории и культуры
Центральной Азии Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: bazar-b@ngs.ru

© Миягашев Денис Алексеевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела истории и культуры Центральной Азии
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: silker10@yandex.ru

В статье освещены некоторые итоги многолетнего изучения хунну Западного Забайкалья. Очерчен круг вопросов хуннской археологии, и задан вектор перспективных направлений исследований хунну. За более чем столетнюю историю изучения хуннских памятников на территории Западного Забайкалья выявлено около 100 разнообразных памятников. Детальные исследования некоторых из них позволили достигнуть выдающихся результатов, но, несмотря на это, актуальными остаются проблемы этнической природы хунну, вопросы, связанные с хронологией хуннских памятников, которые, в свою очередь, тесным образом связаны с проблемой корреляции письменных и археологических источников, со структурой общества, с определением хозяйственно-бытового уклада жизни хунну, с использованием методов наук естественно-научного цикла. Также остаются малоизученными вопросы роли региона в экономике хуннского государства и места Западного Забайкалья в распределении политической власти в общеперсской системе. Для этого необходимо заняться целенаправленным анализом памятников хунну в их территориальной автономности, выделением локальных групп, выявлением взаимосвязи между поселенческими и погребальными комплексами в отдельных районах их распространения, изучением выделенных территориальных групп по отдельности. Исследования полевого сезона 2015 г. шли в этом русле, в ходе работ был открыт новый могильник хунну в районе улуса Нур-Тухум, начаты раскопки на поселениях Нижний Мангиртуй и в пади Липовка.

Ключевые слова: хунну, Западное Забайкалье, Иволгинское городище, Баян-Ундэр, Ильмовая падь, Ца-рам, поселение Нижний Мангиртуй, Дурены.

XIONGNU STUDIES IN TRANSBAIKALIA: SOME RESULTS AND PERSPECTIVES*Prokopiĭ B. Kononov*

DSc, professor, senior research fellow
of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

Bilikto A. Bazarov

research fellow of Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

Denis A. Miyagashev

Ph.D., research fellow of Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article describes some of the results of archaeology of Xiongnu in Western Transbaikalia, outlines the issues Xiongnu archeology and given vector promising areas of research. For more than a century of studying Xiongnu sites in Western Transbaikalia identified about 100 different sites. Detailed studies of some of them allowed to achieve outstanding results, but, despite this, the problems of ethnic nature of the Xiongnu, issues related to the chronology of Xiongnu sites, which, is closely related to the problem of correlation of textual and archaeological sources, the structure of society, the definition of household lifestyle of Xiongnu, the using of the methods of the natural sciences cycle were still actual, also the question of the role of region in the economy and the place of the Western Transbaikalia in the distribution of political power in the empire-wide system remains unexplored. The purposeful analysis of the Xiongnu sites in their territorial autonomy, allocation of local groups, the identification of the relationship between the settlement and funerary complexes in some areas of their distribution, the study identified regional groups separately is needed. The researches of surveying season in 2015 was aim to this course, in a result of this work was discovered a new Xiongnu cemetery in Ulus Nur Tukhum, the excavations of settlements Nizhniy Mangirtuy and valley Lipovka began.

Keywords: Xiongnu, Western Transbaikalia, Ivolga fortress, Bayan-Under, Il'movaya pad', Tsaram, settlement Nizhniy Mangirtuy, Duryony.

Узловые проблемы истории и археологии хунну находятся в постоянном фокусе внимания научного сообщества — подводятся некоторые итоги, имеющие промежуточный характер, очерчивается круг вопросов хуннской археологии, и задается вектор перспективных направлений исследований хунну [1; 2; 3; 4; 5]. В ряду основных проблем находятся этническая природа хунну, структура общества, вопросы хронологии хуннских памятников, которые, в свою очередь, тесным образом связаны с проблемой корреляции письменных и археологических источников, определение хозяйственно-бытового уклада жизни хунну, использование методов наук естественно-научного цикла и т. д.

На территории Западного Забайкалья исследование памятников хуннской эпохи было начато в конце 19-го столетия кяхтинским врачом-антропологом Ю. Д. Талько-Грынцевичем. В количественном отношении объем изученных им погребений составил 95 захоронений, в территориальном отношении его исследования затронули долины р. Селенга и ее боковых притоков — Джиды, Чикой и Хилок [6, с. 21, табл. 1]. В 1928–1929 гг. Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством Г. П. Сосновского проводила сплошное археологическое обследование Бурятии, которое коснулось и хуннских памятников. В рамках работ этой экспедиции в Ильмовой пади было раскопано 11 могил [7]. С 1956 г. начались раскопки грунтового Иволгинского могильника под руководством А. В. Давыдовой, которые наряду с раскопками городища продолжались около двух десятков лет [8; 9]. В 1960-х гг. П. Б. Коновалов совершил объезд по следам Ю. Д. Талько-Грынцевича всего района распространения хуннских памятников Юго-Западного Забайкалья — в системе рек Селенга, Джиды, Чикой и Хилок [10]. Результаты дальнейших раскопок погребальных памятников на территории Бурятии — в Черемуховой и Ильмовой падах, Дырестуйском Култуке и Эдуге — были опубликованы им в серии статей и двух монографиях [6; 11]. В 1981 г. археологическая экспедиция Кяхтинского краеведческого музея под руководством А. Д. Цыбиктарова открывает новые хуннские памятники [12]. В 1980–1983 гг. бурятские археологи выявили еще два поселения с могильниками (в местности Баргай на правом берегу р. Селенга и в районе улуса Енхор на правом берегу р. Джиды) и один могильник у горы Баин-Хара в долине р. Тугнуй [1]. В 1980–1990-е гг. С. С. Миняев осуществил сплошные раскопки Дырестуйского могильника, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. раскопал царский курган в Цараме [13; 14]. В 2000-е гг. на могильнике в Ильмовой пади работала Байкальская археологическая экспедиция под руководством Б. Б. Дашибалова. Была раскопана серия рядовых могил, но, к сожалению, опубликовать материалы погребений Б. Б. Дашибалов не успел.

Для решения комплекса назревших проблем требуется не только более углубленное изучение имеющихся материалов, но и исследование новых памятников хунну (как могильников, так и поселений). С одной стороны, новые, впервые обнаруженные памятники увеличивают источниковедческую базу; с другой — расширяют географию хуннских памятников.

В связи с вышесказанным следует отметить, что нынешний полевой сезон 2015 г. ознаменовался открытием нового, крупного по количеству объектов хуннского могильника в Селенгинском районе,

чего не случилось достаточно давно. Авторы предварительно дают следующее наименование выявленному объекту археологического наследия — «Нур-Тухум. Хуннский могильник». Выявленный объект археологического наследия находится в 2,7 км юго-западнее улуса Нур-Тухум, в 7,6 км восточнее р. Селенга, между двумя могильниками бронзового века «Нур-Тухум. Серегино (15 августа)» и «Нур-Тухум. Обон-Тухум». Памятник археологии расположен на юго-юго-восточном пологом склоне, площадь частично занята сосновым лесом. В составе могильника насчитывается 76 рядовых могил. Площадь могильника вытянута по линии север-юг на протяжении 475 м, ширина — в пределах 100–135 м. Небольшая группа хуннских могил (10 кладок) находится в залесенной части и отделена от основной группы грунтовой дорогой и трассой волоконно-оптической линии связи. Основная группа могил (66 кладок) расположена южнее, на открытой незалесенной части площади памятника. В большинстве случаев надмогильные сооружения выражены на современной дневной поверхности кольцевидной каменной кладкой с западиной посередине, реже — едва видимая западина или западина отсутствует, еще реже — отсутствует кольцевидная каменная кладка. В двух случаях (могилы 4 и 19) надмогильные конструкции имеют в плане подпрямоугольный вид.

Восточнее могильника находится старая пашня, которая протягивается параллельно площади объекта археологического наследия. Анализ космоснимка территории пашни в программе «Google Планета Земля» дает нам основание считать, что количество могил неокончательное. Можно предположить, что на территории пашни находится примерно такое же количество могил, а возможно и больше. В данном случае актуально применение геофизических методов разведки, которые могут дать план расположения могил, у которых в результате распашки надмогильные конструкции были уничтожены. На следующий полевой сезон на новом объекте запланированы комплексные археолого-геофизические работы.

Дальнейшим шагом в хуннской археологии можно считать открытие и изучение поселенческих памятников хунну на территории Западного Забайкалья. Выдающиеся результаты были достигнуты на основе раскопок Иволгинского городища на р. Селенга и поселения Дурены на р. Чикой, установлено наличие у хунну оседлости, развитого земледелия, керамического производства и металлообработки [8; 15]. Раскопки на городище Баян-Ундэр на р. Джиды позволили идентифицировать его как резиденцию определенного уровня правителя [16; 17; 18, с. 38]. Были зафиксированы еще три поселения хунну — Баргай на р. Селенга, Енхор в долине р. Джиды [1, с. 41; 12, с. 134] и Нижний Мангиртуй на р. Хилок [19, с. 61].

Наличие на территории Западного Забайкалья оседлых поселений, а также большого количества могильников, в том числе с захоронениями элиты, говорит о тесной интеграции этой территории в экономику и политику хуннского государства. Однако до сих пор малоизучена роль региона в его экономике и место Западного Забайкалья в распределении политической власти в общеимперской системе. Для этого необходимо заняться целенаправленным анализом памятников хунну в их территориальной автономности, выделением локальных групп, выявлением взаимосвязи между поселенческими и погребальными комплексами в отдельных районах их распространения.

Суммируя данные предшествующих исследований, нами были начаты работы по изучению картографии археологических памятников хунну на территории Западного Забайкалья. Разветвленная система расположения поселений в долинах крупных рек Бурятии — Селенга, Джиды, Чикой и Хилок свидетельствует о сплошном освоении этого региона в эпоху хунну. По имеющимся на сегодня данным, предварительно можно установить районирование хуннских владений на территории Западного Забайкалья и обозначить несколько территориальных групп:

I. Хилокская территориальная группа — Мангиртуй-Эдуйский комплекс — поселение Нижний Мангиртуй, Елань, Хаян, могильники Эдуй и Сухой Ручей. Локализуется группа в Бичурском районе, в долине среднего течения р. Хилок.

II. Джидинская территориальная группа локализуется в долине р. Джиды и включает два комплекса: а) Дырестуйский — городище Баян-Ундэр, могильники — Дырестуйский Кулдук, Хужир Дэби, Гуджир Мыгэ, Хара-Усу II, Луковый Утес II, Оргойтон I, Нижняя Чонда; б) Енхорский комплекс, состоящий из поселения Енхор и могильника Енхорский.

III. Селенгинская территориальная группа, куда относятся памятники, расположенные в долине р. Селенга, в рамках границы Республики Бурятия: а) Иволгинский (Нижне-Иволгинский) комплекс состоит из одноименного городища и могильника; б) Баргайский комплекс — стоянка и могильник в местности Баргай; в) Усть-Кяхта-Царам-Суджинский комплекс, включающий в себя следующие объекты: стоянки Сава и Липовка, могильники Царам, Суджи, Ильмовая падь и Черемуховая падь; Нур-

Тухумский могильник. В будущем поисковые работы будут направлены на выявление поселенческого материала.

IV. Чикойско-Кударинская территориальная группа локализована в долине р. Чикой, его притока р. Кудара и включает в себя поселение Дурены, стоянку Хутор, могильники Озерное, Улзыт II, III, IV, Хуктохан IX и Ошун.

В каждой территориальной группе наблюдается наличие как поселенческих, так и погребальных комплексов, однако установить четкую взаимосвязь между ними бывает затруднительно, за исключением случая с Иволгинским комплексом, где принадлежность могильника к городищу безусловна. В других же случаях нам приходится говорить о связи лишь из посыла, что поселения неизбежно должны были сопровождаться могильниками, в этом случае подтверждением может служить лишь относительная близость того или иного могильника к поселению.

Все выделенные комплексы расположены в южной части Западного Забайкалья: долины крупных рек — Селенга и ее притоки: Джиды, Чикой и Хилок. Основные экологические ниши — степи и лесостепи, сочетание межгорных впадин и кулисообразно расположенных средневысотных хребтов северо-восточного простирания. Эти физико-географические характеристики региона обусловили формирование климата, распространение почвенно-растительного покрова и предопределили закономерности хозяйственного освоения территории. Степи и лесостепи идеальны для кочевого скотоводства, в то же время, несмотря на недостаток влаги, на этих землях, как показывают исследования соответствующих специалистов, вызревают пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо, овощи [20; 21, с. 86]. Археологические материалы из раскопок Иволгинского городища — наконечники сошника, мотыги, серпы, зернотерки — напрямую свидетельствуют о том, что его население занималось земледелием [8, с. 43–46].

Вытесненные из мест активного контакта с оседло-земледельческой цивилизацией Древнего Китая, они вынуждены были осваивать суровые аридные пространства северных степей и гор Центральной Азии, и в этой ситуации им необходимо было соответствующее хозяйственно-экономическое и социополитическое обустройство жизни. Проявлением этих процессов и является появление поселенческих комплексов, некоторые из которых выполняли функции городов и административных центров, а также возрастание роли земледелия в хозяйстве хунну.

Земледельческая и ремесленная направленность установлена для поселений Дурены и Иволгинского городища (наличие земледельческих орудий, злаков, следов ремесленного производства). Другая картина наблюдается на городище Баян-Ундэр, где следов земледелия и производства зафиксировано не было, высказана мысль, что оно могло быть резиденцией определенного уровня правителя [18, с. 38].

Иволгинское городище является самым северным среди хуннских памятников как пограничный форпост, имевший укрепление в виде фортификационных сооружений [8; 22]. В радиусе 200 км от Иволгинского городища нет элитных (княжеских) захоронений, зато таковые концентрированно представлены в Усть-Кяхта-Царам-Суджинском комплексе (Ильмовая Падь, Царам) и Джидинской территориальной группе с центром, вероятно, в городище Баян-Ундэр, вблизи которого известны некрополь в Оргойтоне, курган с элементами элитного захоронения, зафиксированный на Луковом Утесе, на противоположном от Баян-Ундэра берегу р. Джиды. Таким образом, можно предположить, что политический центр хуннского владычества в Западном Забайкалье находился в треугольнике стыка рек Джиды и Селенга.

Для выявления роли Западного Забайкалья в экономике хуннского государства необходимо изучение выделенных территориальных групп по отдельности. В 2015 г. нами были начаты работы на поселении Нижний Мангиртуй. Л. В. Лбова определила данный памятник как городище [19, с. 61], однако полевыми работами этого сезона остатки оборонительных сооружений не были выявлены. В ходе работ этого года было раскопано одно жилище полуземляночного типа, аналогичного жилищам Иволгинского городища и поселения Дурены. Также проведено исследование части территории памятника методами геофизической разведки. По предварительным данным, на поселении фиксируются свидетельства ремесленного производства, хозяйственную направленность данного поселения по материалам одного жилища восстановить сложно. Все же есть основания утверждать, что жители поселения занимались скотоводством. Явных признаков занятия земледелием зафиксировано не было, но ответ на это — скорее всего лишь вопрос времени.

В 2015 г. нами были проведены рекогносцировочные работы на местонахождении в пади Липовка, расположенной недалеко от известного могильника Ильмовая падь. В 2006 г. Б. А. Базаров и

Б. Б. Дашибалов зафиксировали здесь поселение хунну [23]. В ходе работ 2015 г. в зачистке борта оврага было обнаружено детское захоронение в глиняном сосуде. В 100 м западнее детского захоронения был обнаружен выход на дневную поверхность каменной конструкции, очень похожей на отопительный дымоход. Примечательно, что на заре становления хуннской археологии Ю. Д. Талько-Грынцевич исследовал в этой местности грунтовое захоронение ребенка в возрасте от 8 до 10 лет [24]. Как известно, у хунну детей до года хоронили в глиняных сосудах под полом жилищ, детей в возрасте от 1 до 5 лет хоронили на общем могильнике в глиняном сосуде [25, с. 34]. На данном этапе данных для полной характеристики памятника пока недостаточно.

Исследование поселений Баргай и Енхор затруднено из-за плохой сохранности в результате сильной эрозии. Возможно, использование геофизических методов разведки позволит выявить остатки сооружений, хотя, к сожалению, культурный горизонт уже переотложен.

В порядке конкретных практических задач необходим сопоставительный анализ территориальных групп с целью выявления общих черт и различий между ними, а также закономерностей их распределения. Ряд новых перспектив в изучении истории и культуры хунну могут дать исследования временных стоянок — Елань и Хаян в долинах рек Хилок, Хутор, Чикой. Планомерные исследования в данном направлении позволят понять стратегию хозяйственного освоения Западного Забайкалья, установить роль региона в экономике хуннского государства, место и значение Западного Забайкалья в структуре распределения политической власти хуннской державы от общеимперского центра. Необходимо широкое использование естественно-научных методов, например, радиоуглеродное датирование, немаловажное значение будет иметь сотрудничество со специалистами — зоологами, ботаниками, генетиками и т. д.

В заключение отметим, что экономические и социокультурные особенности населения забайкальской зоны хуннского государства ранее освещались в совместной монографии Н. Н. Крадина и др., а также в соответствующем разделе коллективного труда «История Бурятии» [3; 26].

Таким образом, дальнейшие исследования по археологии хунну, в известном смысле новый подход к ним на современном методическом и историко-методологическом уровне должны наполнить хуннологию историческим содержанием и способствовать пониманию роли байкальской периферии хуннской империи как ее богатой природными ресурсами хозяйственно-экономической базы и вместе с тем своеобразного этнокультурного региона.

Литература

1. Коновалов П. Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 41–50.
2. Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Хуннская культура Забайкалья // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. С. 183–199.
3. Коновалов П. Б., Данилов С. В., Крадин Н. Н. Эпоха хунну // История Бурятии: в 3 т. Т. 1. Древность и средневековье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 153–202.
4. Крадин Н. Н. Актуальные проблемы археологии хунну // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. № 1(5). С. 108–122.
5. Brosseder U., Miller B.K. State of research and future directions of Xiongnu studies // Xiongnu archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder and B. Miller. — Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 19–33 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
6. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.
7. Сосновский Г. П. Раскопки в Ильмовой пади // Советская археология. 1946. № 8. С. 51–67.
8. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995. 287 с.
9. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с.
10. Коновалов П. Б. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича (археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды БИОН. 1969. Вып. 12. С. 156–167.
11. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.
12. Цыбиктаров А. Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986. С. 133–135.
13. Миняев С. С. Дырестуйский могильник. Археологические памятники сюнну. СПб.: Европейский дом, 1998. Вып. 3. 118 с.
14. Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 159–166.
15. Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс памятников у с. Дурены. СПб.: Азиатика, 2003. 164 с.

16. Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян Ундэр — новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 26–36.
17. Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 111–114.
18. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
19. Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.
20. Предбайкалье и Забайкалье / отв. ред. В. С. Преображенский и др. М.: Наука, 1965. 492 с.
21. Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
22. Дашибалов Б. Б., Миягашев Д. А., Дашибалов Э. Б. Новые исследования на Иволгинском городище // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Улан-Удэ, 2011. С. 51–60.
23. Базаров Б. А. Изучение археологического наследия как один из факторов национально-культурного возрождения // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 7. С. 54–56.
24. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну. СПб.: Азиатика, 1999. Вып. 4. 123 с.
25. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 112 с.
26. Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2002. 105 с.

УДК 37.013 (517.3)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ© *Маланов Иннокентий Александрович*

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики

Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: pedagogika@bsu.ru

В статье рассматривается влияние природно-климатических, этнографических, культурно-исторических факторов, определяющих своеобразие хозяйственной деятельности, образ жизни и развитие этноса, на становление образовательного пространства бурят-монгольской кочевой цивилизации. Автор анализирует процесс самоопределения личности, выделяет ценности и смыслы образования, основанного на этнокультурных традициях.

Ключевые слова: кочевая цивилизация, нomaдизм, образ жизни, тип культуры, гармония, пространство и время, макрокосм, микрокосм, созерцательное восприятие мира, образовательное пространство.

EDUCATIONAL SPACE OF BURYAT-MONGOLIAN NOMADIC CIVILIZATION: VALUES AND MEANINGS*Innokentii A. Malanov*

DSc, Professor, Department chair of the General Pedagogics

of the Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article considers the influence of climatic, ethnographical, and historical factors determining the originality of economic activity, lifestyle and the development of ethnic groups in the educational space of the Buryat-Mongolian nomadic civilization. The author analyzes process of self-determination of the personality, allocates values and meanings of the education based on ethnocultural traditions.

Keywords: nomadic civilization, nomadism, lifestyle, type of culture, harmony, space and time, the macrocosm, the microcosm, contemplative perception of the world, educational space.

Рассмотрение специфики образовательного пространства региона в условиях бурят-монгольской кочевой цивилизации предполагает обращение к понятию «кочевая цивилизация». Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества, а определенный «мир» как пространственно-временной культурно-экономический континуум, у которого есть «своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [8; 6].

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н. э. Выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация — это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни — такой же исторический феномен, как и городской, сельский.

Классическую эпоху существования кочевой цивилизации историки разделяют на три периода:

1) гуннский (III в. до н. э. — V в. н. э.) — эпоха великого переселения народов, когда происходит изменение политической карты Великой Степи и сопредельных территорий (Китай, Индия, Европа), формирование новых этнокультурных сообществ;

2) тюркский (VI–XII вв. н. э.) — тюркизация Центральной Азии, Великой Степи, Южной Сибири;

3) монгольский (XII–XIV вв.) — апогеем станет существование державы Чингисхана [5].

Именно монгольская кочевая цивилизация оказала решающее влияние на становление бурятской этнической общности, ее основной хозяйственной деятельности и культуры. Однако цивилизационные процессы при формировании и развитии бурятского этноса имели свои социально-экономические и культурно-исторические особенности.

Для осмысления глубины цивилизационных процессов и их влияния на образование необходимо обратиться к изучению природно-климатических, этнографических, культурно-исторических факто-

ров, определявших своеобразие хозяйства, образ жизни и становление этноса в период бурят-монгольской кочевой цивилизации.

Обширная территория этнографической Бурятии, расположившаяся на стыке различных географических зон, отличается разнообразием природно-климатических условий и характеризуется рядом особенных черт и свойств.

Бурятия расположена почти в самом центре Азии. Здесь соседствуют монгольские степи и сибирская тайга, отдельные участки степи глубоко проникают в таежную зону. Разнообразие ландшафтов — от горно-тундровых и горно-таежных до степных и полупустынных — в совокупности с крупнейшим в мире и древнейшим пресноводным озером Байкал определяет разнообразие культур местного населения в конкретных исторических условиях.

В Предбайкалье преобладают луговые степи, а в Забайкалье — сухие степи. Поэтому издревле степи Предбайкалья были предрасположены к скотоводческо-земледельческому освоению, а степи Забайкалья — к скотоводческому.

Данные природно-климатические условия определили тип основной хозяйственной деятельности — занятие скотоводством (кочевое и комплексное с преобладанием скотоводства) как особым типом производственной деятельности.

До сих пор неясно, что же побудило ранних кочевников начать осваивать Предбайкалье и менять тип хозяйства на полуседлый и оседлый. По нашему мнению, этому способствовал сложный комплекс факторов, непосредственным же толчком, по-видимому, послужило изменение климата: периодические усыхания степей, которые приводили к перемещению ранних кочевников в переходные зоны. Они, освоив Предбайкалье, создали своего рода хозяйственно-культурную базу для переселения сюда больших масс кочевых народов.

Таким образом, в котловинных степях Забайкалья со II тыс. до н. э. складывается экстенсивное скотоводство. В эпоху раннего железа кочевники начинают осваивать Предбайкалье, менее пригодное для кочевничества. В процессе освоения его котловинных степей происходит постепенное освобождение экологической ниши от диких животных, и эти территории осваиваются скотоводами, а вспомогательной отраслью становится плужное земледелие. Пришлое население создает семейно-брачные союзы с местными охотниками и перенимает у них традиции охоты в тайге. Вследствие этого происходит становление и формирование комплексного скотоводческого хозяйства Прибайкалья как специфической системы материального производства и соответствующего образа жизни. Хозяйственная деятельность скотоводческого населения этого региона была неразрывно связана с кочевой культурой кочевников Центральной Азии. Рубеж XV–XVI вв. знаменуется общим кризисом кочевой цивилизации, что приводит к упрощению системы хозяйствования скотоводов Предбайкалья. Именно на этом этапе в XVII в. они знакомятся с русской культурой и постепенно входят в состав Российского государства [3].

Кочевой (номадный) тип хозяйствования определяет особый образ жизни, формирует особые жизненные ценности, самобытную культуру.

Образ жизни — это характеристика деятельности общества, живущего в определенных социально-экономических и культурных условиях и представляющего собой определенный этнос или этносоциальную общность. Образ жизни представляет собой устойчивое явление, обладающее большой традиционностью и инерцией и существующее вследствие этого длительный отрезок времени. Все элементы образа жизни как из сферы экономической и материальной, так и этнической и духовной, должны рассматриваться с позиций их качественного значения для образа жизни в целом. Однако только некоторые из них являются решающими и их можно определить как качество (характер) жизни [5].

Номадизм — образ жизни народов, которые не проживают постоянно на одном месте, а перемещаются циклически или периодически. В его основе лежат временные центры, стабильность которых зависит от имеющихся пищевых ресурсов и технологии их эксплуатации. Кочевники-скотоводы, основой жизни которых является разведение домашнего скота, мигрируют на определенной территории, где они могут найти пастбища для скота.

Образ жизни и способ хозяйствования оказали влияние на выбор веры и особенности развития материальной и духовной культуры. Одной из самых ранних форм религии автохтонного населения этнической Бурятии (эвенков и бурят) является особая специфическая система верований и культов, в основе которой лежат одухотворение и обожествление объектов и явлений природы, вера в возможность магического воздействия на окружающий мир других людей с помощью духов, с которыми в

состоянии мистического транса общается человек, наделенный особой магической силой.

Мифологическое сознание кочевника связывало в одно целое природу (макрокосм) и человека (микрокосм), а образ горы выполнял в этом сознании очень важные функции, играя роль медиатора (посредника) между различными началами и силами (стихиями) мироздания — человеком и природой, небом и землей и т. д. [4].

Почитанием и различными ритуальными обрядами характеризуется отношение бурят к животным и птицам, в основе которого идея общности мира людей и мира животных. Наиболее ярко это выражено в тотемах бурят, согласно которым прародителями некоторых бурятских родов были волк, орел, лебедь, налим, собака и др. Соответственно этому и строился весь сложный ритуальный, обрядовый и поведенческий комплекс отношения как к своим тотемам, так и вообще к животному миру.

В основе многих обрядов лежит чувство благодарности, благоговения, что подчеркивает, возможно, еще неосознанное глубинное понимание хрупкости экологической среды. В связи с этим можно говорить о наличии рациональных механизмов адаптации к среде обитания, умении сохранять длительный баланс во взаимоотношениях со средой главным образом путем осуществления стихийных природоохранных мер. Хорошо известны системы строгого ограничения времени, места и масштабов охоты на животных, сбора растений.

Элементы экологического сознания и образность многих шаманских заклинаний, гимнов, призываний буквально пронизаны экологической информацией. Создатели шаманских мифов, легенд, призываний, осмысливая окружающую природу, давали живое красочное ее описание, обращаясь к владыкам гор, рек, озер, создавали возвеличенные гиперболизированные образы, представляющие большой эстетический интерес. В устном народном творчестве бурят можно обнаружить удивительные по поэтической силе лирические и эпические произведения о природе.

Культурологи различают типы культур, которые, как и личности, ориентированы преимущественно на экстравертную модель жизнедеятельности (активность направлена на внешнюю предметную деятельность, общение и активное познание окружающего) или на интравертную, ориентированную на самопознание, анализ явлений внутреннего мира как высшей ценности. Экстравертный тип культур (условно западная культура) подвижнее и динамичнее, но обладает недостаточным иммунитетом к вирусу потребительства, более прагматичен в своих творческих устремлениях.

Культуры интравертного типа (условно восточная культура) более насыщены духовно, но зачастую их жизнедеятельная активность ослаблена. К традиционным чертам восточной культуры относятся аккумулирующий опыт предков как высшая ценность, взгляды и концепции, базирующиеся на канонизированных стилях мышления, синкретический подход к ментальности без разделения мира на мир природы и социума, естественный и сверхъестественный, материальный и нематериальный.

Цивилизация западного типа называется техногенной по свойственным ей характерным чертам и признакам. Выделяя восточный тип культуры и цивилизации, известный в научной литературе под синтетическим названием «традиционного общества», известные философы и социологи отмечают, что исторически, геополитически, мировоззренчески и духовно-нравственно восточная цивилизация объективно детерминирована общей спецификой, отличной от западной цивилизации культурами Древней Индии и Китая, а также национальными особенностями образования буддийского мира.

Рассматривая факторы развития западной и восточной культур, ученые-востоковеды выделяют проблемы пространства и времени. Приоритетность понятия пространства в западной культуре сыграла выдающуюся роль в формировании методологии науки и экономики, религии, общественном устройстве. Пространство отобразилось прежде всего в виде меры длины расстояния: в математике — во всех ее разделах, начиная от понятия точки и геометрии Евклида и кончая ее новейшими разделами; в науке с позиций пространства рассматривается проблема дискретности; в культуре — крайнее проявление (экспрессионизм, кубизм, «золотое» сечение, принципы Фибоначчи); в музыке — ритмы, такты (гармония).

Достижения западной культуры общеизвестны — проникновения в тайны микромира и макрокосмоса путем изобретения микроскопа и телескопа. Особенность этой культуры выразилась в открытии новых земель, постоянном стремлении покорить пространство. Они привели к огромной миграции населения и естественному распространению этой культуры по всему миру. Отсюда миграция населения, захват новых земель и, как следствие, многочисленные войны.

Восточная же культура развивается с приоритетом фактора времени. Самая главная особенность — рассмотрение мира с точки зрения целостности. Выдающимся достижением восточной культуры является открытие периодичности явлений, т. е. перехода в микромир. Время непосред-

ственно связано с существованием материи в виде поля. Поскольку материя не возникает и не исчезает, то время не выступает мерой материи: в микромире властвуют законы симметрии, понятие же времени появляется в макромире. Такой подход к миру через призму времени определяет особенности повседневной жизни отдельного человека и государства.

В работах Г. Гачева, исследующего национальные образы мира, также затрагивается проблема пространства и времени. Он считает, что кочевники делят плодородящую силу (жеребца, кобылу), т. е. потенцию, и их жизнь протекает в расчете на время; земледельцы же делят место, пространство. Космос земледельца звучит непрерывно и многообразно. В степи для кочевника нет природной подосновы, прообраза звучаний; музыка не эмоциональна, а информационна [2].

Кочевым народам присущи своеобразные представления о времени. Время для кочевника — понятие не векторное, а цикличное. Интересно не течение времени, а то, что в нем происходит, время — не пустая деятельность, а промежуток жизни, наполненный событиями. С понятием цикличности времени связывается и представление о неразрывной связи прошлого, настоящего, будущего. Статическое восприятие времени определяет этические, эстетические оценки и характеристики мира кочевого народа. Символика мира ориентирует на ценности традиционного мировосприятия, прежде всего на созерцание как способ отношения к миру и с миром [8].

Созерцание как культурная исконная традиция этноса предполагает многоуровневое содержание. Это и способ освоения природы, и восприятие красоты Вселенной, ее бесконечности, и осознание движения. Кочуя, цивилизация сохраняет равновесие между ценностями, усвоенными человеком из естественных закономерностей природы и созданными творческой деятельностью человека. Только природа, ее естественные законы определяют всю суть и ценностное содержание кочевой цивилизации и культуры.

Человек является сотворцом природы, и поэтому он ее досконально изучает, подражает, следует ей, что обуславливает тип мышления, образ жизни и быта, всю систему ценностной мотивации и деятельности человека, а также всю специфику и особенности этического, эстетического освоения человеком окружающего мира. Природа, космос — это источник этической и эстетической идей, совершенный идеал для кочевника, вся жизнь которого протекает в таинственной безграничной степи под вечным синим небом. Гармония, упорядоченность, ритм, исходящие от природы, определяют весь строй эмоциональных чувств и представлений человека, кочующего в степи.

Гармония — единственная, всеобщая, неповторимая — есть основная этическая и эстетическая ценность кочевого народа. Ею определяется не только мир прекрасного и искусства, но и вся кочевая культура: ее ценностное содержание и способ выражения. Гармония и возвышенное как основные эстетические понятия сконцентрированы в образе неба — Тэнгэри. Для кочевого народа Тэнгэри — единственная опора в его нелегкой жизни в безграничной степи, и потому оно — главный объект преклонения и почитания [6].

Другим не менее важным носителем гармонии и возвышенного является сам человек. В нем отражается единство противоположных начал, как и в природе, — телесного и духовного. Человек — самая высокая ступень одухотворенности в природе. Очеловечивание всего мира — неотъемлемая черта мышления кочевников. Принцип гармонизации всего предопределяет основополагающий и глубокий символизм кочевой культуры.

Поскольку идея гармонии детерминировала мировосприятие кочевника, то процесс событийности, определяющий сущность образовательного пространства, был направлен на постижение подростками образа мира и своего места в нем, которое достаточно гармонично сочеталось с образом жизни и основной хозяйственной деятельностью.

Представление о пространстве и времени складывалось в процессе диалогического взаимодействия природы (макрокосм) и человека (микрокосм), что и определяло нравственные основы воспитания кочевников. Мифологическое мышление, складывавшееся у подрастающего поколения, давало представление о едином одухотворенном мире, в котором каждый представитель рода может вступать в диалогическое взаимодействие как с миром живых существ, так и с миром неживых, что давало некоторую уверенность в будущем, если предки и боги рода благоволили человеку. А для этого необходимо с детства усвоить обрядовую традицию. Собственно уважение к старшим во многом было обусловлено тем, что старейшины рода аккумулировали в себе огромный социальный интеллект, выражавшийся в способности выживать и адаптироваться в условиях суровой природной среды. Эта способность и передавалась подрастающему поколению, а верность традициям обеспечивала успех в видах деятельности, присущих кочевому образу жизни.

Созерцательность, как уже отмечалось выше, — исконная культурная традиция бурят-монгольского этноса, обусловленная особенностями образа жизни, природного окружения и историей, — отразилась на особом образном восприятии мира. Эта особенность восприятия окружающей действительности отразилась на эстетическом воспитании детей, привитии им песенно-поэтической, изобразительной культуры, носящей прикладной характер и отражающей мировоззрение кочевника.

Таким образом, сложившееся в условиях кочевого образа жизни образовательное пространство способствовало становлению личности — носителя традиционной кочевой культуры. Трансляция социального опыта подрастающего поколения осуществлялась с помощью богатой устной культуры, аккумулированной этносом в процессе своего многовекового развития.

Некоторая замкнутость образа жизни, ограниченность межкультурных и социальных контактов, ориентация на ценности своей этнической культуры и родовые отношения бурят-монгольской кочевой цивилизации обусловили особенности образовательного пространства. Опыт передавался подрастающему поколению преимущественно локальным способом, т. е. в процессе включения детей в жизнедеятельность семьи и рода, что определяло невысокие темпы культурно-цивилизационного прогресса кочевого сообщества. Человек фактически образовывался в естественной среде.

Вместе с тем такое воспитание способствовало восприятию жизни как некоего гармоничного целого, когда жизнь человека, семьи, рода, этноса была вплетена в целостный мир природы, подчиняющийся могу Чему закону цикличности жизнедеятельности, во многом формировало представление о вечности, гармоничности, величии и устойчивости окружающей социально-культурной реальности и ее незыблемости.

Феноменология образовательного пространства, основанная на идеях, гармонии, единстве и целостности мира, определяла созерцательность, самодостаточность ментальности кочевника, особую этику и эстетику кочевой культуры.

Такое воспитание формировало стержневое качество личности кочевника — умение выживать в суровых природных условиях, гибкость, подвижность мышления, способность выстраивать отношения с соседями, что во многом определило устойчивость, живучесть базовых основ кочевой культуры в течение многовековой истории.

Дети в традиционной системе ценностей бурят занимали особое место и считались главным богатством человека и чем больше было детей в семье, тем счастливее были родители.

Рождение ребенка, особенно сына, было одним из самых значительных событий в жизни семьи. В мальчике видели не только наследника, будущего хозяина и продолжателя рода. Он с самого рождения зачислялся как мужчина в состав общины и при переделах общинных покосных угодий получал «душевой» надел, в чем немало была заинтересована семья. Рождение девочки, хотя и оно было важным событием в семье, встречалось менее радостно, чем рождение сына.

Большая любовь к детям, стремление сохранить их жизнь при существующей высокой смертности порождали и поддерживали у бурят веру в различного рода обереги и магические действия. Соблюдение и их исполнение в представлениях бурят были столь обязательными и существенными, что их придерживались повсеместно с момента рождения ребенка. Из всего комплекса обрядов и церемоний чрезвычайно ответственным и заботливым было отношение к последу, поскольку считалось, что послед — это душа ребенка, и жизнь новорожденного зависела от того, какие предосторожности предпринимались относительно послета. Потому захоронению послета, его убержению буряты придавали исключительно важное значение. Действия, связанные с этим обрядом, основывающиеся на архаичных религиозных представлениях, соблюдались в различных вариациях всеми бурятами.

У всех локальных групп бурят был известен праздник милаангууд (милаага, милаагад), посвященный ребенку.

Милаангууд — древний обычай, его первоначальный смысл, вероятно, представлял собой посвящение, прием в члены родового коллектива нового человека. Для милаангууд — обязательного праздника, обряда в честь каждого ребенка — необходимо было приготовить столько мяса и угощений, чтобы их не только хватило на всех присутствующих, но и каждая семья непременно могла бы получить определенную долю домой. Каждый пришедший на милаангууд, в свою очередь, обязательно приносил подарок, чаще деньги (или указывал какую-либо скотину), причем подарок был не от семьи в целом, а от каждого участника. На протяжении столетий этот древний обычай трансформировался, претерпел в каждой локальной группе свою эволюцию. И потому в дореволюционные годы он в разных местах имел свои особенности [9].

Поскольку основной сферой социализации детей в традиционном обществе была семья и семейно-

родственная группа, то и у бурят дети с малых лет приобщались к труду, усваивали весь комплекс народных знаний, выработанных предшествующими поколениями, необходимых для ведения скотоводческого, земледельческого, промыслового хозяйства, постигали своеобразные экологические знания во всем их разнообразии очень бережного, осторожного, внимательного отношения к окружающей природе.

В формировании нравственных принципов, привычек решающую роль играли нравы, традиции и обычаи народа. Дети в повседневной жизни на примере соблюдения старшими принятых в обществе норм и правил взаимоотношений, проявления доброты, чести и справедливости воспринимали и усваивали эстетические и этические идеалы народа, его представления о человеческих добродетелях и пороках. Высоко ценили в народе такие качества, как трудолюбие, честность, справедливость, доброжелательность, скромность, мужество, которые родители старались воспитать в детях. Огромную роль в воспитании этих качеств играли произведения устного народного творчества, во всех жанрах которого ярко отражена народная система ценностей и жестоко высмеиваются и осуждаются лень, трусость, эгоизм и другие человеческие пороки. Вообще знакомству с фольклором у бурят придавалось большое значение. Слушая рассказы стариков, дети проходили своеобразную домашнюю школу, усваивали богатейшее наследие устного народного творчества, знакомились с историей и генеалогией рода, племени.

Последовательное усвоение этих богатств, норм социального поведения в духе этнических установок, приобщение к новым условиям жизни было основой социализации подрастающих поколений. Таким образом, семья выступала в качестве стабилизирующего начала в функционировании и развитии этноса, что особенно ярко проявлялось в трансмиссии этнокультурного наследия.

С точки зрения современной педагогической науки воспитательная практика, сложившаяся в условиях бурят-монгольской кочевой цивилизации, носила ярко выраженный гендерный контекст.

Генезис семейного воспитания на протяжении многовекового развития бурятского этноса сформировал содержание системы воспитания, основанной на представлениях об идеальном образе мужчины и женщины: «Девять наук настоящего мужчины» и «Семь талантов женщины».

Система воспитания мальчиков «Девять наук настоящего мужчины» предполагала овладение следующими умениями: 1) агнаха (охотиться); 2) эбэр номын хубшэ татаха (уметь натягивать тетиву рогового лука); 3) урилдаанай мори унаха (уметь быть наездником); 4) барилдаха (уметь бороться); 5) дархалха (уметь выполнять кузнечные работы); 6) урлаха (уметь мастерить); 7) наймаар могойшо-лоод минаа гурэхэ (уметь плести 8-миременной бич). 8) гурбилаа шудзр томохо (уметь вить путы-треножки); 9) һээр (һээр) шааха (уметь ломать одним ударом остистую кость позвонка крупного рогатого скота). Перечень требований, заложенный в систему воспитания мальчиков, говорит о его древнем происхождении [1].

Воспитание мальчиков с 5–6 лет в основном осуществлялось отцами. Поэтому в воспитании и развитии мальчиков личность отца оказывалась решающим фактором. Обучение под руководством самого близкого, любимого, авторитетного в глазах детей человека оказывало сильное влияние на качество восприятия и осмысления информации, принятия целей деятельности. Авторитет отца повышал не только активность детей, стимулировал добросовестное, ответственное выполнение поручений, заданий, дел, но сказывался и в восприятии сыновьями его значимых личностных качеств. Таким образом, отец продолжал себя в них, транслировал свой «творческий «потенциал». В таком случае дети рано приобретали самостоятельность, инициативность, способность к поиску гуманных решений [10].

Основополагающим в воспитании девочек является идеал добропорядочной жены, умелой хозяйки, заботливой матери. Эти идеи обусловили содержание их приучения к женским обязанностям.

Практическая подготовка девочек, охватывающая профессиональный, психологический, этический, эстетический, интеллектуальный, коммуникативный, поведенческий аспекты, осуществлялась через систему «Эхэнэр хунай долоон (юһэн) шанар» (Семь (девять) талантов женщины).

В соответствии с названной системой девочки должны были овладеть семью (или иногда говорят девятью) умениями: 1) уметь оказывать родителям почтение речами, угощением и мягкой постелью (эхэ эсэгдээ гур-бан зеелэниие шутеэхэ — угын зеелэн, эдээнэй зеелэн, унтариин зеелэн); 2) уметь воспитывать детей хорошими людьми (ухибуудээ һайн хунгууд болгохоо хумуужуулхэ); 3) уметь вести дом, хозяйство, поддерживать семейный очаг (гэр байраяа, гал гуламтаяа һайнаар сахиха); 4) уметь ухаживать за домашними животными (мал адуугаа тобир тарганаар адууһалха); 5) уметь готовить молочные блюда (һоор сагаан эдээ бэлдэжэ шадаха); 6) уметь уважать мужа и принимать гос-

тей (эрэ нухэроо, айлшадаа хундэлхэ); 7) быть хозяйкой серебряного наперстка — владеть искусством шитья (мунгэн хурабшын эзэн болохо) [1].

Как видно, приобщение детей в семье к труду с раннего возраста имело сильный воспитательный эффект оттого, что взрослые и дети были объединены одними и теми же заботами, делами и преследовали довольно прозаичные цели — обеспечить материальную, экономическую основу жизни. Главным условием становилось постепенное приобщение к традиционным видам занятий с выполнениями самых простых поручений и заданий, серьезное и требовательное отношение к детскому труду. Сильное опосредованное влияние на интеграцию личности в семейный коллектив оказывал характер традиционных межличностных отношений в процессе значимой для всех совместной деятельности. Педагогическое руководство со стороны родителей разносторонним развитием детей, в основу которого были положены методы внушения, приучения, убеждения, требования, получающие мощное идеологическое обеспечение через фольклор, традиции, обычаи и обряды, обеспечивало непрерывное, дифференцированное, профессиональное образование подрастающих поколений. Трудовая занятость детей всегда была связана с определенными перспективами, близкими или далекими, но всегда привлекательными. Это могла быть публичная и справедливая оценка вклада детей, реальное изменение отношения к ребенку, признание его на равных, подарок, поездка к родственникам. Необходимо отметить, что дети в бурятской семье рано выросли и становились самостоятельными. Когда сын входил в подростковый возраст, то отношение отца к нему заметно менялось, и устанавливались «мужские» взаимоотношения на равных. Отец мог делиться с ним заботами, планами, бедами. Доверие, совместное выполнение дел, уважительное отношение отца к мнению сына сближали их и между ними устанавливалось взаимопонимание. С 13–14 лет, когда сын достигал совершеннолетия, отец посвящал его во все семейные дела, часть их полностью передоверяя ему.

Несколько иначе выглядели взаимоотношения матери с дочерью. Вообще, общение и поведение женщины было строго регламентировано, поэтому к девочкам предъявлялись более повышенные требования и со стороны матери, и со стороны общества. Чрезвычайно поощрялось как можно быстрое и раннее приобретение требуемых семи специальностей — умение принять, угостить гостей, вести беседы на стандартные темы, послушание, аккуратность, доброта, т. е. те умения и качества, которые одобрялись этносом в женщинах.

Таким образом, анализ становления образовательного пространства бурят-монгольской кочевой цивилизации позволяет сделать следующие выводы:

1. Специфика образовательного пространства архаических сообществ, каким являлось кочевое этническое бурятское общество на заре своего цивилизационного развития, определялась образом жизни, аккумулирующим в себе хозяйственно-экономические, материальные, культурно-этнические и духовные основы общества. Образ жизни скотоводов (номадов) формировал особые жизненные и образовательные ценности, самобытную кочевую культуру, в т. ч. и педагогическую.

2. Образовательное пространство бурятской кочевой цивилизации было наполнено событийностью, носящей циклический, устойчивый характер, обусловленный биологическими циклами жизни животных. Образовательными ценностями, детерминированными номадным образом жизни, являются воспроизводство в детях соответствующих способов хозяйствования, выживания в суровых природно-климатических условиях степи, освоение ими этнической духовной и материальной культуры.

3. Мировосприятие кочевников определялось космогоническими воззрениями, сформировавшимися в древней религиозной культуре бурятского этноса (шаманизме), основанной на представлении о гармонии между природой (макрокосм) и человеком (микрокосм), особое место в шаманизме занимал культ горы, на которой держалось мироздание, а также вечно синего неба — «тэнгэри». Отсюда происходят ритуальные обряды почитания природных объектов, стихий, животного мира. Обряды и традиции детерминировали этику и эстетику кочевой культуры и определяли поведение детей.

4. Этические представления детей формировались на основе гармонии человека с природой, у детей воспитывалось особое бережное отношение к природе, почитание божеств, охраняющих природный мир, уважение к родовым традициям, обрядам, к старшим как носителям социальной мудрости.

5. Эстетическая культура, формировавшаяся у подрастающего поколения и основанная на созерцательности, была во многом обусловлена особенностями образа жизни, природного окружения, этнической истории и отразилась на особом образно-поэтическом восприятии мира. Детям прививались соответствующая песенная и изобразительная культура, носящая прикладной характер и отражающая мировоззрение кочевника.

6. Педагогическая культура, сформировавшаяся в образовательном пространстве кочевой цивилизации, характеризуется гуманизмом, абсолютно ненасильственным воспитанием, обусловленным культом детей, естественной его организацией путем органичного включения детей в ткань жизнедеятельности, гендерной дифференциацией в связи с существовавшим разделением труда, большим доверием к детям в процессе их хозяйственной деятельности, что стимулировало формирование у них самодостаточности как важнейшего качества личности кочевника.

7. Представления об идеальном образе мужчины и женщины, имеющем вековые этнокультурные корни, определили содержание системы воспитания мальчиков и девочек. Хотя содержание образования подрастающего поколения носило утилитарный характер, оно было ориентировано на формирование знаний, умений по организации хозяйственной деятельности, поддержание образа жизни, вместе с тем оно также давало прочную основу в выработке умений и качеств по выживанию кочевника в природно-климатических условиях степи как стержневого качества представителя этноса.

Литература

1. Васильева М. С. Этническая педагогика бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 134 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М.: Прогресс-культура, 1995. 480 с.
3. История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. 624 с.
4. Манзанов Г. Е. Религиозные традиции в культуре бурятского народа. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 192 с.
5. Мартынов А. И. Модель цивилизационного развития в степной Евразии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 7–15.
6. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. 287 с.
7. Морохоева З. П. Личность в культурах Востока и Запада: к постановке проблемы. Новосибирск: Наука, 1994. 206 с.
8. Никифоров К. А. Пространство и время как факторы развития западной и восточной культур // Наука и культура региона: концепции развития: сб. науч. тр. Улан-Удэ: Изд-во БНЦСО РАН, 1993. С. 3–12.
9. Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002.
10. Хангалов М. Н. О бурятах, населяющих Иркутскую губернию // Собр. соч.: в 3 т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. Т. 1. 508 с.

УДК327(470)+(517.3)

О ПЕРСПЕКТИВАХ НОВОГО РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОЮЗА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках международного научно-исследовательского проекта РГНФ-МОНМ
«Энциклопедия российско-монгольских отношений», проект № 15–21–03008

© **Родионов Владимир Александрович**

кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: vladimir198025@yahoo.com

В статье исследуются перспективы создания военно-политического союза между Россией и Монголией. Увеличение взаимного внимания Москвы и Улан-Батора к двустороннему сотрудничеству по-новому поставило вопрос о будущем отношений. Ряд факторов свидетельствует о гипотетической вероятности сближения России и Монголии в форме военно-политического союза. Однако, несмотря на это, внутриполитический и международно-региональный контексты скорее препятствуют, нежели способствуют созданию подобного союза. Анализу данных факторов посвящена статья.

Ключевые слова: Россия, Монголия, военно-политический союз, стратегическое партнерство.

NEW RUSSIA-MONGOLIA ALLIANCE PROSPECTS

Vladimir A. Rodionov

PhD (political science), associate professor of History and Regional Studies of Asia chair
of Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper studies the prospects for the creation of Russia and Mongolia military-political alliance. Increasing mutual attention of Moscow and Ulan-Bator to bilateral cooperation raised questions about the future of relations. A number of factors indicates the likelihood of a hypothetical rapprochement between Russia and Mongolia in the form of military-political alliance. However, despite these ones, domestic political and international regional context rather hinder, rather than promote the creation of such a union. Russia's foreign policy concept, Mongolia's foreign policy strategy of multi pillar relations and the factor of China and USA are serious obstacles for new alliance. The paper is devoted to analysis of these factors.

Keywords: Russia, Mongolia, military political alliance, strategic partnership.

На рубеже 1990–2000-х гг. по мере внутренней стабилизации в России по-новому стали осмысляться российские внешнеполитические приоритеты, уже не связывавшиеся только с «достойным уходом» с постсоветского пространства. Все эти процессы породили в российском и зарубежном публичном поле дискурс «возрождения российской державности» [4; 8] и связанные с этим страхи по поводу возможных последствий для соседей России и мира в целом [47; 49].

Ряд обозревателей (как в Монголии, так и за ее пределами) стал рассматривать Монголию в качестве одной из стран, чьи интересы могут столкнуться с «имперскими амбициями» Москвы [1; 2; 42; 43, р. 77–87]. Описывая активизацию России на монгольском направлении ее внешней политики, некоторые авторы сравнивают российскую политику с политикой СССР в отношении МНР и делают вывод о «втором пришествии “старшего брата”» [15].

Периодически появляющиеся информационные вбросы лишь подливают масла в огонь, усиливая страхи части монгольской общественности по поводу планов России. В российском и монгольском сегменте пользователей Интернета активно обсуждалось некое заявление министра иностранных дел Сергея Лаврова, который якобы озвучил факт того, что с 2014 г. Монголия войдет в состав Российской Федерации на правах автономной республики. Несмотря на официальное опровержение со стороны российских властей, данная информация имела определенный ажиотаж как в российском, так и в монгольском обществе [36].

Для нового российско-монгольского военно-политического союза существует ярко выраженный исторический прецедент. Советско-монгольские отношения представляли собой классический вариант военно-политического и идеологического союза. Большая часть истории внешней политики Мон-

голии XX в. — это тесные союзнические отношения с СССР, а опыт проведения иной, не связанной с союзническими отношениями внешней политики у Улан-Батора гораздо менее богатый.

Достаточно напомнить, что Москва и Улан-Батор трижды (в 1936, 1946 и 1966 гг.) заключали договоры о взаимной помощи, включавшие в себя обязательства советской стороны оказать военную поддержку МНР в случае нападения извне. На основании двусторонних договоренностей советские войска трижды вводились на территорию Монголии с целью защиты страны от внешних угроз. Именно военные обязательства Москвы перед Улан-Батором стали основой для оказания помощи МНР в боях на реке Халхин-Гол против Японии. Кроме того, военные гарантии СССР перед МНР, как правило, сопровождались экономическими, научно-образовательными и иными взаимными преференциями. Например, на основе и во исполнение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1966 г. между СССР и МНР был заключен ряд договоров и соглашений, направленных на развитие и углубление экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Можно сказать, что союзнические отношения между странами стали формальной основой для системной модернизации монгольского общества в XX в. Экономические (крупные совместные предприятия, межрегиональная приграничная торговля) и социокультурные (русский язык, российское образование и искусство) связи, наработанные за долгие годы советско-монгольского союза, при определенных обстоятельствах могут быть рассмотрены в качестве базы для восстановления былых союзных отношений.

Общая активизация российской внешней политики в отношении Монголии в начале 2000-х гг. выразилась в усилении частоты официальных визитов на высшем и высоком уровне. В течение первого десятилетия XXI в. состоялись визиты президентов России в Монголию в 2000 и 2009 гг., визиты председателей правительства РФ в 2002, 2006, 2009 гг., многократные визиты представителей законодательной власти и федеральных министров. На фоне «дипломатической тишины» 1990-х гг. данные визиты выглядели особенно выражено. Одним из наиболее символических успехов российской дипломатии стало подписание совместной с Монголией Московской декларации 2006 г., в которой отношения между странами были подняты до уровня стратегического партнерства [20]. Стоит отметить, что Россия стала первой страной, с которой Монголия подняла отношения до данного уровня. Наконец, рабочий визит В. В. Путина в Монголию в сентябре 2014 г., состоявшийся на фоне охлаждения отношений России с Западом, может быть также рассмотрен в качестве очередного шага, сближающего страны.

Наряду с укреплением межгосударственных связей получили развитие связи между ведущими партиями двух стран — «Единой Россией» и МНРП. В марте 2008 г., незадолго до парламентских выборов в Монголии, руководством двух партий было парафировано «Соглашение о сотрудничестве», а представитель «Единой России» К. Косачев заявил, что «выбор МНРП в качестве партнера — это выбор стратегический» [14]. Такие тесные межпартийные связи вызвали в монгольском обществе неоднозначную реакцию, а некоторые эксперты даже склонны говорить о взаимном копировании партиями методов и принципов политической деятельности [48].

В 2000-е гг. началось заметное оживление военного сотрудничества. В Улан-Баторской декларации 2000 г. была подчеркнута «важность восстановления военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров» [35, с. 516]. Из-за отсутствия у Монголии финансовых возможностей закупать современное российское вооружение Москва стала постепенно возобновлять характерную для социалистического периода отношений практику безвозмездной передачи военной техники монгольской стороне. Первым практическим шагом в этом направлении стало заключенное в марте 2004 г. межправительственное соглашение между двумя странами о военно-технической помощи со стороны России на безвозмездной основе. Хотя конкретная сумма помощи в соглашении не была оговорена, но, по словам начальника управления Комитета РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами В. Дзиркална, она должна была быть «определена в соответствии с запросами монгольской стороны, которая подходит к этому вопросу очень разумно» [16].

По данным РИА «Новости», в 2004–2006 гг. российская сторона передала монгольской стороне вооружений на общую сумму 5 млн дол. [29], при том, что общий военный бюджет Монголии в указанный период не превышал 20–25 млн дол. в год. В начале 2008 г. была достигнута договоренность о поставке из России двух военных вертолетов МИ-8МТ и М-24В [19]. В начале 2012 г. монгольской стороне были переданы до 50 основных боевых танков Т-72А, 40 модернизированных бронетранспортеров БТР-70М и автомобили «Урал» [18]. По словам министра обороны Монголии Л. Болда, по

условиям межправительственного соглашения с Россией 2008 г. Монголией было импортировано вооружений и экипировки на общую сумму 100 млн дол. [45].

Еще одной формой развития военного сотрудничества стало восстановление практики подготовки монгольских военных в российских вузах и училищах. Во время визита главы российского правительства М. Е. Фрадкова в Улан-Батор летом 2006 г. российская сторона выразила намерение увеличить количество монгольских офицеров, обучающихся в военных вузах России также на безвозмездной основе [28]. По итогам официального визита в Россию начале 2013 г. министра обороны Д. Бат-Эрдэнэ была достигнута договоренность относительно продолжения в дальнейшем обучения военно-служащих Монголии в военных академиях и вузах РФ по льготным условиям и по линии оказания помощи. Также в соответствии с договоренностью между министерствами обороны двух стран стороны решили продолжить обучение монгольских детей в суворовских училищах и кадетских корпусах России [7].

Начиная с ноября 2008 г., впервые за постсоциалистическую историю отношений между двумя странами на регулярной основе стали проводиться совместные армейские полевые учения под кодовыми названиями «Дархан» и «Селенга». Если целью первых двух учений было усовершенствование работ по ремонту автомашин и тылового обеспечения в полевых условиях [22], то, начиная с учений «Дархан» в 2010 г., российские и монгольские военные отрабатывали методы блокирования и уничтожения нерегулярных вооруженных формирований на территории России и Монголии [6; 25; 30].

Возможный союз с Монголией выглядит логичным продолжением российской политики по выстраиванию системы региональной безопасности в Центральной Азии через заключение соответствующих договоров с рядом постсоветских республик. Важной составляющей российского политического присутствия в Центральной Азии является наличие военных баз в Киргизии (авиабаза Кант) и в Таджикистане (201-я российская военная база), тесное военно-техническое сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном. Главным организационным оформлением такой системы является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в основе которой лежат военные гарантии России перед своими союзниками. В частности, согласно статье 4 Договора о коллективной безопасности, «если одно из государств-участников подвергнется агрессии, то это будет рассматриваться государствами-участниками как агрессия на все государства-участники настоящего Договора. В случае совершения агрессии государства-участники незамедлительно предоставят необходимую помощь, включая военную» [10, с. 312]. Экономическим закреплением союзнических отношений России с членами ОДКБ — Казахстаном и Белоруссией — является Таможенный союз ЕврАзЭС, предоставляющий особые торгово-экономические права его членам.

Еще одним фактором возможного российско-монгольского союза может стать гипотетическая актуализация китайской угрозы для безопасности обеих стран. Часть российского экспертного сообщества стоит на довольно откровенных антикитайских позициях. В этой системе взглядов Монголии, как правило, отводится роль «буфера», «защиты», «заслона от неизбежных агрессивных действий со стороны Китая». Известный российский ученый-этнолог С. А. Арутюнов весьма красноречив в своих рассуждениях о роли Монголии в отношениях России с Китаем: «Реально у России только один враг, но враг огромный, сильный, коварный и беспредельно наглый — это коммунистический Китай. Нам предстоит еще долгая и тяжелая конфронтация с ним и с его где ползучим, а где и нахрапистым напором. И иметь дружественный бастион против этого напора в лице Монголии очень хорошо. Когда-то у СССР были в Монголии неслабые военные базы. Развивая дружественные отношения с Монголией, следует думать и о возможности их восстановления, и о возможности эвентуального членства Монголии в СНГ и ОДКБ» [53].

Как видно из вышесказанного, для возрождения военно-политического союза между Москвой и Улан-Батором существует немало факторов, совокупность которых может способствовать развитию российско-монгольских отношений по «союзническому сценарию».

Заключение между Россией и Монголией военно-политического союза, в том числе подписание нового договора безопасности, гарантирующего военную защиту последней, может иметь ряд серьезных последствий как для двусторонних отношений, так и для международно-региональной ситуации в целом. Возобновление военного присутствия России в Монголии будет способствовать усилению военной составляющей российской политики в регионе, включающем в себя российско-китайское приграничье. Это, в свою очередь, может привести к слому существовавшего в последние годы регионального военного баланса, зафиксированному в том числе в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Согласно статье 7 Договора, «договаривающиеся Сто-

роны осуществляют меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений» [11].

Вне всякого сомнения, Пекин крайне негативно отреагирует на российское военное присутствие в Монголии. Достаточно вспомнить относительно недавние исторические события, связанные с советско-китайской конфронтацией. В тот период одним из так называемых «четырёх препятствий» для улучшения отношений с Москвой Пекин называл советское военное присутствие в МНР [33, с. 476]. Как пишет китайский политолог Ванг Пейран, «нейтральная Монголии в интересах Китая и всей системы безопасности в Восточной Азии. Пекин определенно не потерпит того, чтобы Монголия вновь стала “военной базой” для угрозы безопасности Китая с севера» [50, р. 79].

Китайская сторона очень чувствительна к любым внешнеполитическим шагам Монголии, которые идут вразрез с национальными интересами КНР. Достаточно вспомнить жесткую реакцию Пекина на более безобидные с точки зрения безопасности КНР шаги Улан-Батора, связанные с визитами в Монголию Далай-ламы XIV. В 2002 г. во время очередного визита верховного буддийского иерарха в Монголию китайская сторона на несколько дней перекрывала железнодорожное сообщение с Монголией, создав значительные экономические трудности этой стране [13]. В случае установления российского военно-политического доминирования в Монголии вероятно снижение торговых и инвестиционных связей между странами, возвращение отношений между Москвой, Улан-Батором и Пекином к состоянию конфронтации, характерному для второй половины 1960-х — первой половины 1980-х гг. Достаточно напомнить, что численность советских войск на советско-китайской границе и в МНР с 1975 до конца 1980-х гг. увеличилась с 200 до 500 тыс. человек [33, с. 443], а доля КНР во внешне-экономических связях МНР периода конфронтации составляла менее 1 % [21, с. 76].

Не менее критичной будет позиция западных стран в первую очередь США, чьи официальные представители неоднократно предпринимали попытки воздействия на российско-монгольские отношения и по менее важным и резонансным вопросам. П. Слущ, посол США в Монголии в период 2003–2006 гг., выразила свое «сожаление по поводу неясности ситуации с выплатой Монголией так называемого “большого долга” России» [41]. Американский правительственный фонд «Вызовы тысячелетия» в качестве одного из условий предоставления Монголии суммы в размере 188 млн дол. потребовал проведения аудиторской проверки российско-монгольского СП УБЖД [3]. Первые лица США неоднократно подчеркивали связь между развитием монголо-американских отношений и выбором Монголии в пользу многоопорной внешней политики [26; 44]. Логично предположить, что попытки Улан-Батора изменить внешнеполитический курс в сторону союза с Москвой не вызовут одобрительной реакции Вашингтона. Это может привести к прекращению практики льготных кредитов и безвозмездной помощи Монголии от стран Запада и подконтрольных им международных финансовых организаций — МВФ, АБР, ЕБРР и др.

Нельзя исключить и возможный рост антироссийских настроений в монгольском обществе в связи с размещением в стране военных баз России. Среди части политической и интеллектуальной элиты Монголии распространено мнение о том, что военное присутствие СССР на территории МНР в большей степени нанесло ущерб национальной безопасности, нежели обеспечило ее. По словам Д. Бямбасурэна, «последнее, самое крупное и продолжительное военное присутствие в Монголии мало что имело общего с национальными интересами Монголии» [5, с. 100]. Также существует мнение о том, что советское военное присутствие нанесло непоправимый ущерб экологии страны, и российская сторона должна компенсировать его [27, с. 52; 31].

Таким образом, развитие событий в рамках союзнического сценария с большой долей вероятности может привести к возникновению нового очага конфронтации в Восточной Азии, что повлечет за собой ряд серьезных, преимущественно негативных политических и социально-экономических последствий как для России, так и для Монголии.

Согласно проведенному нами опросу, основная часть представителей экспертного сообщества России и Монголии ни в среднесрочной, ни в долгосрочной перспективе не склонна ожидать заключения между Москвой и Улан-Батором отношений союзнического характера. При этом почти 40 % экспертов не исключают установления военно-политического союза в отдаленной перспективе, что, возможно, объясняется гипотетической вероятностью военной активизации в отношениях с соседями [23].

Таблица 1

Возможно ли возрождение военно-политического союза России и Монголии по аналогии с социалистическим периодом?, %

Краткосрочный период		Среднесрочный период		Долгосрочный период	
Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
11,67	88,33	10,00	90,00	38,34	61,66

Какие факторы могли повлиять на подобные настроения экспертного сообщества двух стран?

Во-первых, внешнеполитическая стратегия России, обозначенная в ряде соответствующих документов, не предполагает увеличения военного присутствия в регионе за счет размещения военного контингента в Монголии. В частности, в принятой в 2013 г. Концепции внешней политики в части, касающейся отношений с Монголией, указано только то, что «Россия намерена укреплять традиционно дружественные связи с Монголией» [17]. В статье 4 Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве 1993 г., основополагающего документа в двусторонних отношениях России и Монголии, сказано, что «Российская Федерация будет уважать политику Монголии, направленную на недопущение размещения на ее территории и транзита иностранных войск» [12]. Можно резюмировать, что в основных документах, описывающих внешнеполитическую стратегию России, а также в двусторонних российско-монгольских нормативно-правовых актах нет никаких указаний на намерения Москвы развивать отношения с Монголией на уровне военно-политического союза.

Во-вторых, можно допустить, что во внешнеполитической стратегии России по какой-то причине произойдут кардинальные изменения, и Москва возьмет курс на союз с Монголией. Для такого непростого хода российской стороне необходимо располагать набором соответствующих внешнеполитических ресурсов — финансовых, материально-технических, дипломатических, идейно-политических. По замечанию одного из классиков теории международных отношений М. А. Хрусталева, «управление системой сателлитов — дело в принципе сложное и экономически весьма затратное» [37, с. 12]. Чтобы склонить политические элиты Монголии к односторонней пророссийской ориентации, российской стороне необходимо как минимум предложить не меньше, чем могут предложить иные великие державы. На данный момент экономический ресурс России в отношениях с Монголией выглядит более скромным по сравнению с ресурсом КНР, США, Японии. Например, по итогам 2014 г. доля России во внешней торговле с Монголией составила 14,6 % [40, с. 322]. Доля российских инвестиций в монгольскую экономику по состоянию на 2011 г. составляет менее 1,67 % [24]. Ассортимент товаров, покупаемых у Монголии и поставляемых на российский рынок, крайне скуден и исчисляется лишь несколькими наименованиями: нефть и нефтепродукты — 61,8 %, машины, оборудование и транспортные средства — 15,3, продовольственные товары и сельхозсырье (в основном зерно) — 9,2 [34].

У современной России отсутствует идеология, способная привлечь политические элиты и широкие народные массы других стран (какой была идеология социализма у Советского Союза). Опыт социально-экономических реформ постсоветской России далек от идеала и вряд ли может стать достойным примером для подражания. В рейтинге конкурентоспособности стран мира в 2013 г. Россия занимает лишь 42-е место [52]. Наконец, российское руководство не готово и скорее всего не желает нести ответственность за развитие сопредельных государств, выступать для них патроном, каким был Советский Союз. В принятой в 2013 г. новой Концепции внешней политики России в качестве приоритетного направления указано «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ».

В-третьих, не менее важный фактор, препятствующий осуществлению настоящего сценария, — это внешнеполитическая стратегия Монголии, в основе которой лежит принцип многоопорности. Одной из важных составляющих многоопорной политики является принципиальный отказ Монголии от размещения иностранных войск на своей территории, закрепленный в конституции страны и концепции национальной безопасности. Бывший начальник министерства обороны Монголии Б. Эрдэнэбат в конце 1990-х гг. отмечал, что «тенденция развития военных отношений с другими странами на международном уровне ни в коей мере не должна направляться на установление “союзнических отношений”» [38, с. 88].

Представления о желаемых условиях экономической безопасности Монголии также не дают повода говорить о возможном союзе между странами на основе особых экономических предпочтений. В кон-

цепции внешней политики Монголии 2011 г. указано о необходимости «обеспечить экономическую безопасность, избегая попадания в чрезмерную экономическую зависимость от какого-нибудь государства» [39]. Часть монгольской общественности склонна подозревать Россию в прямых попытках давления на Монголию, используя экономические рычаги. В частности, так называемый «бензиновый кризис», возникший в Монголии весной 2011 г. по причине сокращения поставок нефтепродуктов из России, многие монгольские эксперты были склонны объяснить стремлением российской стороны обеспечить победу РЖД в международном тендере за право разработки угольного месторождения Таван Толгой [32; 46; 51]. Подобные подозрения и обвинения с монгольской стороны ярко свидетельствуют о ее неготовности вступать с российской стороной в особые экономические отношения.

Таким образом, четкое осознание монгольскими политическими элитами реальных военно-стратегических, дипломатических, социально-экономических и даже культурно-психологических последствий от ухудшения отношений с КНР и Западом станут практически непреодолимым препятствием для создания союза с Россией. В то же время необходимо отметить, что данные обстоятельства не отменяют стратегической внешнеполитической задачи России — развитие взаимовыгодных партнерских отношений с Монголией прежде всего в экономической сфере.

Литература

1. Баабар. Хотят ли русские войны [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M58a4c809a74.html#1
2. Баатар Б. Цена победы С. Баяра и В. Путина // Улс төрийн тойм. 2011. 19 дек.
3. Безвозмездная помощь Фонда вызовы тысячелетия подобна сказке Мюнхгаузена [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/mongolia-pressa_2008+M546377173cf.html#1
4. Бусыгина И., Филиппов М. Модернизация и идея «великой державы»: цена державности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document161602.html>
5. Бямбасурэн Д. Монголо-российские отношения на пороге XXI века // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: сб. ст. М., 1998.
6. В Бурятии начались российско-монгольские военные учения [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/09/01/n_1541475.html
7. Визит открыл новую страницу в военных отношениях между двумя странами // Монголия сегодня. 2013. 28 февр.
8. Выступления и дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377_type63381type82634_118097.shtml
9. Декларация о развитии стратегического партнерства [Электронный ресурс]. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html
10. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия: в 4-х т. / сост. Т. А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4
11. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 16 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/31979.html>
12. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией [Электронный ресурс]. URL: http://www.projects.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_55411.html
13. Его Святейшество Далай-лама продолжает даровать Учение в Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://khurul.ru/?p=8811>
14. «Единая Россия» договорилась о сотрудничестве с ведущей партией Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2008/03/25/mongol/>
15. Западня: о российско-монгольских отношениях [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M5d0bc083f5e.html#1
16. ИТАР-ТАСС, 03.03.2004.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
18. Монголия вооружилась полусотней танков Т-72 [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2012/09/24/t72a/>
19. МОНЦАМЭ, 06.02.2008.
20. Московская декларация. 08.12.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067
21. Кундышев Я. Монголия и АТР // Монголия: трудный путь к рынку. М., 1994.
22. О совместных монголо-российских полевых учениях [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M55d1fe34161.html#1

23. Один из таких сценариев был описан в китайской газете Wenweipo: Будущая война России с Китаем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newbur.ru/articles/14298>
24. Отчет Департамента иностранных инвестиций Министерства иностранных дел Монголии 2011. Улаанбаатар, 2012.
25. Подразделения Восточного военного округа РФ и армии Монголии проведут совместные учения «Селенга-2011» // ИТАР-ТАСС. 2011. 31 авг.
26. Президент встретился с Б. Обамой. Монцамэ. 2011. 17 июня.
27. Пурэвдорж Ч. Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: сб. ст. М., 1998.
28. РИА «Новости», 2006. 10 июля.
29. РИА «Новости», 2006. 14 дек.
30. Россия и Монголия проведут совместные учения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/04/20/972157.html>
31. Свою территорию, превращенную в минные поля, очистим руками русских [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/mongolia-pressa_2008+M56d85fe9749.html#1
32. Связано ли сокращение поставок горючего из РФ с Таван Толгой? // Монголия сегодня. 2011. 15 февр.
33. Системная история международных отношений. М., 2000. Т. 3.
34. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией в 2011 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search>
35. Улан-Баторская декларация, 14 ноября 2000 года // Внешняя политика и безопасность современной России: хрестоматия: в 4-х т. М.: РОСПЭН, 2002. Т. 4.
36. Уровень доверия во многом был довольно высоким, поскольку она была опубликована на сайте одной из крупнейших поисковых систем в России Рамблер [Электронный ресурс]. URL: <http://news.rambler.ru/14739351/>
37. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008.
38. Эрдэнэбат Б. Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности: сб. ст. М., 1998.
39. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pmis.gov.mn>
40. Монгол улсын үндэсний статистикийн эмхтгэл 2014 (Монгольский сборник национальной статистики). — Улаанбаатар, 2015.
41. Өнөөдөр, 17.05.2005.
42. Auslin M. Genghis Putin. June 24, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://online.wsj.com/article/SB121425497342197899.html?mod=googlenews_wsj
43. Bedeski R. Mongolia as Modern Sovereign State // The Mongolian Journal of International Affairs. 2006. № 13. P. 77–87.
44. Clinton pushes democracy on Mongolia trip [Электронный ресурс]. URL: <http://english.news.mn/content/113910.shtml>
45. L. Bold Entire battalion going to eastern Sudan [Электронный ресурс]. URL: <http://english.news.mn/content/80676.shtml>
46. Minister D. Zorigt admits the Russian pressure on TT and railway issues [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-mongolia.com/mongolia/2011/06/28/minister-d-zorigt-admits-the-russian-pressure-on-tt-and-railway-issues/>
47. Putin's Russia: Still an Empire, Still Evil. March 11, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.americanthinker.com/2013/03/putins_russia_still_an_empire_still_evil.html
48. Russia and Mongolia: Once and Forever. Tuesday, December 14, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5617&Itemid=41
49. The Putin Doctrine. Russia's Quest to Rebuild the Soviet State. March 8, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139049/leon-arons/the-putin-doctrine>
50. Wang Peiran. Mongolia's Delicate Balancing Act // China security. Vol. 5, № 2. Spring 2009.
51. What will happen if Mongolia doesn't cooperate with Russia? [Электронный ресурс]. URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=6520&Itemid=39
52. World Competitiveness Ranking 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imd.org/wcc/news-wcy-ranking/>
53. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2009/08/28/667422.html>

УДК 81:39

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ БУРЯТИИ¹

© *Трегубова Динара Дмитриевна*

кандидат исторических наук, ученый секретарь Института научной информации
по общественным наукам Российской академии наук
Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21
E-mail: inionran@mail.ru

Статья посвящена актуальному вопросу развития современной бурятской культуры — языковой идентификации.

Ключевые слова: Бурятия, язык, бурятская культура, бурятский язык.

CONTEMPORARY LANGUAGE IDENTIFICATION IN ETHNIC BURYATIA

Dinara D. Tregubova

PhD (histori), The Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences' scientific secretary
51/21 Nakhimovskii prs., Moscow, 117997 Russia

The article is devoted to the language identification — one of the topical issues of contemporary Buryat culture development.

Keywords: Buryatia, language, Buryat culture, Buryat language.

Выражая благодарность Вестнику Бурятского государственного университета и главному редактору выпуска «Востоковедение» Д. И. Бураеву (одному из вдохновителей наших научных изысканий) за первую «пробу пера», отметим, что в статье 2007 г.² довольно подробно³ рассмотрены основные этапы формирования современного бурятского литературного языка.

После очередного XI Конгресса антропологов и этнологов России, прошедшего в июле 2015 г. в Екатеринбурге, складывается устойчивое впечатление, что настала пора говорить о важности проблемы языковой идентификации в развитии нашей культуры⁴.

Язык является одним из ключевых этнических идентификаторов и, с точки зрения американского социолога С. Хантингтона, в этом смысле уступает место только религии⁵.

Однако этноязыковая идентификация современных бурят отличается особой сложностью⁶. Со-

¹ Поскольку читательская аудитория Вестника Бурятского государственного университета выходит далеко за пределы нашего региона, поясню, что границы этнической Бурятии не совпадают с современными границами республики. В основном это территория вокруг Байкала. Подробнее см., напр.: Буряты. М., 2004. С. 8; Трегубова Д. Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 3.

² Трегубова Д. Д. К вопросу о формировании бурятского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 5. С. 129–133.

³ Хотя и с точки зрения этнолога-антрополога, а не филолога-лингвиста

⁴ Значительная часть изложенного здесь материала вошла в статью Трегубовой Д. Д. «Родоплеменная идентификация и модернизация в этнической Бурятии». Предполагается, что она станет частью коллективной монографии с примерным названием «Идентичность и модернизационные процессы среди кочевников Центральной и Северной Азии» под ред. Н. Н. Крадина, однако точная ее судьба пока неизвестна.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 98.

⁶ Бурятский язык является многодialeктным. В настоящее время бурятская диалектология обладает колоссальным, хорошо отработанным, транскрипционно унифицированным материалом. Этот материал — результат диалектологических экспедиций языковедов БИОН (ныне ИМБит) СО РАН, проведенных в 1957–1967 гг. и позже. Накопление материала продолжается и по сей день. В течение десяти с лишним лет все населенные пункты этнической Бурятии были охвачены ежегодными диалектологическими экспедициями. Постоянными участниками экспедиций тех лет были Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев, Д. Г. Дамдинов, С. Б. Будаев, Н. Б. Дугаров, Л. Д. Шагдаров, А. Р. Бадмаев, У.-Ж. Ш. Дондуков, Д. Б. Базаржапов, Э. Р. Раднаев, В. И. Рассадин, Д. М. Мадасон, Ц. Ш. Цырендоржиева и др. В последующие годы было опубликовано множество статей, посвященных анализу фонетических, грамматических, лексико-семантических особенностей, присущих тому или иному говору, появился ряд монографических исследований, где диалекты получили полное и системное описание. Таким образом, получены достаточно полные данные, позволяющие бурятским языкове-

зданный в советское время и по сей день существующий бурятский литературный язык является продуктом и способом конструирования этничности (создания бурятской нации) и для многих представителей этноса не является в полной мере родным. К примеру, в докладе «Нарративы современной национальной школы: казус бурятской глубинки», сделанном на XI конгрессе антропологов и этнологов России, С. К. Малахаева осветила проблему изучения бурятского литературного языка в школах Эхирит-Булагатского района бывшего Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Родители школьников зачастую находят это изучение бессмысленным и даже вредным. Оно связано с опасностью забывания «своего по-настоящему родного языка» (эхирит-булагатского диалекта), не ассоциирующегося в Эхирит-Булагатском районе с современным литературным бурятским. С точки зрения как самих школьников, так и их родителей, часы, выделяемые на изучение «ненужного» языка, сфера применения которого до сих пор крайне ограничена, полезней было бы посвятить изучению русского: как для более успешной сдачи ЕГЭ¹, так и для повышения будущей конкурентоспособности на общероссийском рынке труда². Даже в Республике Бурятия хорошее владение русским языком при поступлении в вуз и трудоустройстве играет более важную роль, чем знание современного бурятского литературного языка. Подобная ситуация возникает в Тункинском районе и описана в монографии Е. А. Строгановой, посвященной бурятскому национально-культурному возрождению: «Тункинские буряты говорят на особом диалекте, заметно отличающемся от хоринского, легшего в основу бурятского литературного языка. Поэтому, чтобы прочесть даже имеющиеся книги на этом языке, надо им еще овладеть. Но местная школа такой возможности им давно уже не предоставляла: преподавание в ней после начальных классов велось исключительно на русском языке. В результате именно русский стал языком литературы и даже, как это ни парадоксально, языком, на котором многие впервые познакомились с Гэсэром³». Получается, что в значительной мере оправдались опасения академика Б. Я. Владимирцова. Он утверждал, что создание литературного языка на основе одного из диалектов в сочетании с форсированным подходом к процессу его создания вызовет неприятие со стороны представителей других диалектов⁵.

Языком «межгруппового общения» для представителей различных родоплеменных групп бурят также является русский. В наиболее комфортной языковой ситуации и привилегированном положении оказались таким образом современные представители хори-бурят, которые, по нашим наблюдениям, среди **городских бурят московской диаспоры** используют бурятский язык в повседневной жизни чаще представителей других субэтнических групп⁶.

Для полноты картины необходимо заметить, что при ответе на вопрос о родном языке (к примеру, при проведении переписи) носители разных диалектов с наибольшей долей вероятности укажут бурятский⁷.

Мы же полагаем, что в сложившейся сегодня ситуации бурятский литературный язык заслуживает

дам дать научную классификацию бурятских диалектов. Подробнее см. Бурятский язык и его диалекты / И. Д. Бураев, У.-Ж. Ш. Дондуков, В. И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров // Бурятия. 2004. 12 и 16 июня; или Трегубова Д. Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 174–176.

¹ Сдача Единого государственного экзамена по русскому языку является обязательной. По тем же причинам (ради успешной сдачи ЕГЭ выпускниками) в средних школах Чувашии сокращается количество учебных часов, выделяемых на чувашский (Смирнова Л. П. Председатель правления Общества чувашской культуры Москвы. Доклад на круглом столе «Стратегические задачи государственной национальной политики по консолидации российской нации». ГБУ «Московский дом национальностей», 24 сентября 2015 г.).

² Малахаева С. К. Нарративы современной национальной школы: казус бурятской глубинки: доклад на XI конгрессе антропологов и этнологов России. Екатеринбург. 2015. 4 июля.

³ Гэсэр — богатырь, главный герой бурятского эпоса.

⁴ Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х — середина 90-х гг. XX в., Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001. 150 с.

⁵ Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия. Улан-Удэ, 2002. *Ее же*. Бурятский язык в условиях двуязычия. Улан-Удэ, 2002. С. 20–21.

⁶ В детстве, изучая бурятский язык в школе, я не догадывалась, почему так спокойно могу говорить по-бурятски с дедом и совершенно не понимаю «тот же язык», когда дед говорит с бабушкой. «Прозрение» пришло только во время написания диплома на кафедре этнологии исторического факультета МГУ. Один из крупнейших филологов республики, один из лидеров бурятского национально-культурного возрождения И. Д. Бураев прекрасно владел бурятским литературным языком, но дома говорил на эхирит-булагатском диалекте.

⁷ При этом каждый будет вкладывать в это собственный смысл.

более позитивного восприятия со стороны всех представителей этноса. Он был создан для нас и, несмотря на описанные выше проблемы, относительно успешно функционирует уже почти 80 лет. Учитывая «среднюю продолжительность жизни» других языков, срок, конечно, совсем небольшой. Однако у нас уже есть бурятская литература, радио, телевидение и другие средства массовой информации.

Современный «бурятский язык и орфография, созданные на основе русской графики, являются системой письменности, максимально учитывающей специфические особенности бурятского языка. Многолетняя практика применения нового алфавита показала его большое преимущество перед ранее употреблявшимися в бурятском языке алфавитами. Новая система письменности послужила важным рычагом в дальнейшем усовершенствовании и окончательном формировании и становлении бурятского литературного языка»¹. И если мы хотим сохранить свою культуру и осознавать свою общность, то бурятский литературный язык необходим всем нам.

Использование в системе образования «двуязычия и многоязычия как эффективного пути сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия российского общества» является одной из задач государственной национальной политики Российской Федерации в сфере образования, патриотического и гражданского воспитания подрастающего поколения². При этом территория этнической Бурятии — единственный на земном шаре регион, где может сохраниться и развиваться бурятский язык³. Наверное, прежде чем начинать обучение школьников бурятскому литературному языку, необходимо донести до них важность его изучения.

¹ Дондуков У.-Ж. Ш. К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. Улан-Удэ, 1998. С. 147.

² О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666.

³ Буряты. М., 2004. С. 234.

УДК 004.738.5(510)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В КИТАЕ© **Федорова Елена Александровна**

аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, Сахьяновой, 6
E-mail: elka-88@list.ru

В статье рассматриваются история и этапы становления Интернета в Китае, его специфика, заключающаяся в повсеместном государственном контроле. Основное внимание уделяется описанию методов цензурирования Интернета. Делается вывод о том, что с дальнейшим развитием Интернета в КНР он может оказаться одним из главных вызовов существованию нынешней политической системы Китая.

Ключевые слова: Интернет, Золотой щит, Великий китайский фаервол, цензура, домен, контент, вирус, КНР.

THE SPECIFICITY OF THE FUNCTIONING OF THE CHINESE INTERNET*Elena A. Fedorova*

Research assistant of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article deals with the history and stages of development of the Internet in China, its specificity consisting in widespread state control. The focus is on the description of the methods of censoring the Internet. The conclusion is that with the further development of the Internet in China, he may be one of the main challenges the existence of the current political system of China.

Keywords: Internet, Golden Shield, China's great firewall of censorship, domain, content, virus, China.

Из истории китайского Интернета

Интернет в Китае впервые был запущен 20 сентября 1987 г. Тогда в Пекинском институте физики и высоких энергий профессор Цянь Тяньбай в рамках проекта CANET (Chinese Academic Network) отправил первое электронное письмо из Китая. Сайт института [1] — один из самых старых и наиболее известных интернет-ресурсов в Китае и за рубежом — стал стартовой площадкой для многих государственных и коммерческих веб-страниц. Содействие развитию китайского сегмента Интернета оказали учебные заведения Германии и Канады. В октябре 1990 г. была зарегистрирована китайская доменная зона .cn, и в том же году официально открылся сервис электронной почты из этой доменной зоны. В 1994 г. был осуществлен первый выход в Интернет через 64 бит/с линию Sprint, и Китай был официально признан Международным сообществом страной, обладающей полным набором функций Интернета [2].

Стремительному развитию Интернета в Китае способствовал взятый компартией в 1995–1996 гг. курс на развитие китайской науки и техники, который включал и разработки в области интернет-технологий. В настоящее время Интернет в Китае пользуется огромной популярностью: 23 июля 2015 г. Китайский информационный центр сети Интернет (CNNIC) опубликовал 36-статистический отчет о развитии Интернета в Китае. По данным отчета, количество китайских пользователей Интернета достигло 668 млн на конец июля 2015 г. К концу июня 2015 г. уровень распространения Интернета в Китае достиг 48,8 %, причем только за последние полгода более 18 млн новых пользователей внедрились во Всемирную паутину [3].

Интернет оказывает огромное влияние на все сферы общества. Правительство Китая долго не могло определиться со своей политикой по отношению к Интернету, но уже в конце 1996 г. он получил «благословение» государства, и интерактивные технологии были включены в официальные планы развития китайской науки и техники. Кроме того, государство широко поощряет развитие коммерческих услуг в сети, особенно связанных с дистанционным обучением, образованием и медициной. Приоритеты в сфере сетевых услуг отдаются, конечно же, банковской сфере, однако и электронная коммерция, и развлечения, и другие сферы тоже поощряются.

Специфика китайского Интернета

Современный Китай отличает стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий. Оно происходит за счет увеличения числа пользователей Интернета в КНР и расширения его инфраструктуры. В то же время центральное правительство Китая пытается осуществлять жесткий контроль над потоком информации в Интернете, негласно считая, что в результате пользования Интернетом могут возникнуть потенциальные проблемы в гражданском обществе, политике, экономике и международном сообществе. Естественно, что развитие информационных коммуникаций и свободное распространение информации представляют большие вызовы для политической системы Китайской Народной Республики, в связи с чем китайское правительство находит весьма действенные способы контроля и противодействия распространению нежелательной информации, с тем чтобы свести к минимуму возможные негативные политические последствия. Прилагаются огромные усилия для эффективной сетевой цензуры. В основном же наблюдение за работой пользователей ведется на местах и начинается уже с момента регистрации пользователя. Для того чтобы стать интернет-пользователем, физическое лицо должно пройти проверку в местном полицейском отделении и предоставить провайдеру справку установленного образца [4].

Осознавая, что тотальный контроль над всеми действиями китайских пользователей в сети попросту нереален, власти перераспределили функции контроля над сетью между операторами связи и органами власти на местах. Главным органом, контролирующим Интернет в Китае, является Министерство промышленности и информатизации. Министерство было создано в 2008 г. для развития в стране Интернета, беспроводной связи, производства электронных и информационных товаров, индустрии программного обеспечения [5].

Регулирование контента и электронной медиаиндустрии возложено на другое ведомство — Государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения. Оно ответственно за блокирование интернет-провайдерами на централизованном уровне доступа к порнографическим ресурсам и сайтам, предлагающим азартные игры. Специальные фильтры, которые провайдеры Интернета обязаны устанавливать за свой счет, блокируют также доступ к зарубежным ресурсам политической направленности с помощью использования ключевых слов, как, например, «диссидент», «Тайвань», «Тибет» и др. Они автоматически заменяются на точки, а сами сообщения удаляются. В число ресурсов, подвергающихся цензуре, входит большинство западных СМИ, сайты множества американских университетов, поисковая система «AltaVista». Нарушение данных правил влечет серьезное наказание: провайдеров могут лишиться лицензии на предоставление услуг связи, а частным лицам может грозить суровое наказание, вплоть до смертной казни за публикацию неразрешенных материалов [5].

Китайские законы и нормативные акты, регулирующие функционирование Интернета, отличаются особой жесткостью. В 1994 г. Госсовет КНР издал Правила регулирования, обеспечивающие безопасность компьютерных и информационных систем, в соответствии с которыми Министерство государственной безопасности получило права и полномочия на контролирование сети на предмет безопасности и противодействия терроризму. Также существует множество государственных служб и структур, в обязанности которых входит цензура в сети, среди них можно выделить Государственный совет КНР, Министерство информационной индустрии, Центральный отдел пропаганды, Министерство общественной безопасности, Министерство телекоммуникаций, Министерство культуры, Министерство коммерции, Государственное управление радио, кино и телевидением, Управление печати и издательской деятельности, Комитет по государственной тайне и др.

В соответствии с этими Правилами правительство имеет право нейтрализовать практически любой неудобный ресурс. Так, например, предусмотрена ответственность за публикацию «материалов, вредящих репутации государства» [8], что представляет определенную проблему для интернет-пользователей ввиду амбивалентности данного определения.

С помощью подобных мер власти отвечают на вызовы, связанные с использованием Интернета, и даже используют Интернет в целях расширения своего влияния и авторитета.

Цензура китайского Интернета

Что касается контроля и цензуры Интернета в Китае, то следует отметить два аспекта, связанные с развитием информационных технологий в КНР. Первый можно охарактеризовать как положительный. Он заключается в том, что с помощью Интернета можно стимулировать развитие экономического роста, оптимизацию бюрократии и внедрение электронных государственных услуг населению.

Второй аспект проводимой политики контроля Интернета заключается в ограничении доступа к информации, а также ограничении и блокировании оппозиционных сайтов.

Гигантский с точки зрения аудиторных и финансовых параметров интернет-сектор Китая вполне уживается со сложной системой цензуры, которая состоит из трех базовых элементов:

1. Система фильтрации трафика «Золотой щит» (она же «Великий китайский фаервол»).
2. Система блокировки поиска нежелательной информации.
3. Ручная система фильтрации контента, публикуемого в социальных сетях и блогосфере [6].

«Золотой щит»

«Золотой щит», или «Великий китайский фаервол» (англ. Great Firewall of China) — это система фильтрации интернет-контента, разработка которой началась в 1998 г., а официальный запуск состоялся в 2003 г.

По оценкам экспертов, стоимость ее создания составила до 800 млн дол., в ее разработке приняли участие крупнейшие американские корпорации, в том числе IBM [7]. Целью «Золотого щита» стало блокирование доступа пользователей из материкового Китая к некоторым интернет-ресурсам, расположенным на серверах за пределами страны. Список запрещенных ресурсов формируется непосредственно в Пекине и в него входят сайты политической направленности и, что более важно, ведущие мировые социальные сервисы, неподконтрольные пекинским властям. В списке заблокированных находятся Facebook.com, Youtube.com, Twitter.com, Blogspot.com, Blogger.com, Vimeo.com, Nytimes.com, WordPress.com, а также крупнейшие порнографические ресурсы сети. Известные российские социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» доступны китайским пользователям возможно потому, что ими пользуется лишь незначительное количество китайского населения.

«Золотой щит» сочетает в себе практически все возможные на сегодняшний день технические методы фильтрации, используя их выборочно по отношению к тем или иным ресурсам. Это повышает гибкость и точность интернет-цензуры: одни ресурсы могут блокироваться полностью, а другие — лишь частично. Анализ пакетов и блокировка VPN и TOR-соединений, в свою очередь, усложняют обход государственных фильтров для рядовых пользователей [8].

Следует отметить, что нехватка иностранных сервисов и коммуникаций весьма успешно восполняется отечественными. С момента запуска системы «Золотой щит» крупнейшие локальные компании непрерывно копируют наиболее успешные западные интернет-продукты. Так, в Китае существуют практически полные (а зачастую даже усовершенствованные) аналоги сервисов Google (Baidu), Facebook (RenRen), Twitter (SinaWeibo), YouTube (Tudou, YouKu), Wikipedia (Baiké). Аналогами коммерческих сервисов Amazon и eBay являются, соответственно, порталы Dangdang и Taobao.

Основная задача «Золотого щита» заключается не в блокировании доступа китайских пользователей к политической информации, размещенной на зарубежных сайтах, а в создании условий для государственного контроля над ключевыми участниками китайского интернет-рынка. Именно поэтому блокировке подвергаются прежде всего глобальные социальные сервисы, предназначенные для обмена информацией между людьми, а отнюдь не политические ресурсы.

Блокировка нежелательной информации

На все поисковые системы, работающие в китайском сегменте Интернета, распространяются правила фильтрации поисковой выдачи по ряду ключевых запросов. Все заблокированные ключевые фразы можно разделить на две группы: постоянные и временные.

Постоянная блокировка касается наиболее чувствительных тем, связанных с критикой Коммунистической партии Китая и вопросами прав человека. Примерами постоянно заблокированных ключевых слов являются «демократия», «права человека», «диктатура», «митинг», «красный террор», «репрессии», «независимость Тибета» и др. Также в списке заблокированных поисковых запросов находится большинство имен китайских диссидентов и лидеров запрещенного религиозного культа Фалуньгун. Примечательно, что среди заблокированных поисковых запросов есть и словосочетание «китайско-российская граница», что связано с распространенной критикой в адрес правительства со стороны пользователей, посчитавших демаркацию границы между двумя странами предательством национальных интересов [9].

Временной блокировке подвергаются слова и фразы, связанные с ограниченными во времени кризисными ситуациями, вне зависимости от их характера. Речь может идти о политических выступлениях, экологических бедствиях или коррупционных скандалах. В этом случае блокировка предназначена снизить потенциальную «вирусность» темы и градус ее обсуждения в блогосфере. Такая блокировка может действовать несколько дней, недель или месяцев [10].

Фильтрация контента в социальных медиа

Несмотря на то, что в публичном поле преимущественно обсуждается «Великий китайский фаервол», ключевую роль в фильтрации контента играет совсем не он, а десятки тысяч интернет-цензоров, которые вручную просматривают и фильтруют сообщения, публикуемые сотнями миллионов китайских интернет-пользователей в блогах и социальных сетях.

Просмотр и анализ различных китайских веб-сайтов, в том числе социальных сетей (Renren.com, Kaixin.com), блогов (SinaWeibo.com) и др., обнаруживает многочисленные негативные отзывы о работе правительства, резкую критику в адрес государства, информацию о жестоком обращении полиции с гражданами Китая, случаях наркоторговли, проституции и т. д.

Цензоры начинают действовать, когда негативный для китайских властей информационный повод приобретает «вирусные» черты, грозя перерасти в массовые политические выступления, панику или политические движения, в том числе виртуальные. Задачей является «срезать» информационную волну, снизив масштаб и накал обсуждения, и в целом китайским «интернет-полицейским» это зачастую удается.

Так, американские исследователи при помощи масштабного анализа и задействования сложного технического инструментария выявили перечень цензурируемых тем и различные параметры, связанные с фильтрацией контента [11]. Как показали данные их исследования, логика вмешательства следующая: как только количество сообщений по какой-то теме начинает резко возрастать, а сама тема приобретает характер «информационной волны», цензоры предпринимают меры для разрушения коммуникативных связей между пользователями и препятствуют дальнейшему обсуждению темы. Спустя непродолжительное время пользователи, лишившиеся возможности публиковать или получать отклик аудитории на свои сообщения со стороны других пользователей, начинают терять интерес к теме.

В то же время в спокойной информационной ситуации, не предвещающей массовых политических выступлений и информационных скандалов, критика правительства, региональных чиновников и различных явлений общественно-политической жизни не возбраняется. Китайское правительство с большим вниманием относится к критическим публикациям блогеров, особенно в части критики региональных чиновников, воспринимая это как один из ключевых элементов необходимой «обратной связи» для управления страной.

При возникновении потенциально опасной «информационной волны» предпринимаются меры, направленные не только на фильтрацию отдельных сообщений, но и на ликвидацию ключевых источников негативной информации. Аккаунты наиболее активных блогеров удаляются, а сами они могут подвергнуться преследованию со стороны правоохранительных органов.

Разумеется, цензоры не в состоянии вручную отслеживать абсолютно все сообщения, публикуемые в системе микроблогов. Мониторинг осуществляется двумя путями. Во-первых, при помощи поиска ключевых слов, относящихся к фильтруемой теме, включая слова-заменители, используемые пользователями для обхода системы фильтрации контента. Второй способ — это персональный мониторинг наиболее «неблагонадежных» пользователей, ранее замеченных в обсуждении чувствительных для китайских властей тем. Их сообщениям уделяется наиболее пристальное внимание [12].

Китайское государство внимательно следит за тем, чтобы к его гражданам не попадала запрещенная информация. Если веб-сайт содержит такую информацию, он фильтруется, и доступ к нему из Китая закрывают.

Интернет имеет огромное значение для развития Китая. Правительство КНР с середины 1990-х гг., того самого момента, когда оно разрешило интернет-компаниям осуществлять в стране коммерческую деятельность, самым серьезным образом относится к Всемирной паутине, воспринимая ее и как угрозу политического характера, и как феномен, приносящий экономические выгоды. Власти КНР создали самую изощренную в мире систему фильтрации и блокирования зарубежных сайтов, охватывающую, если брать наиболее известные примеры, большинство ресурсов Google, Facebook и Twitter. В то же время Пекин стимулирует динамичное развитие отечественной телекоммуникации и интернет-отрасли, предоставляя пользователям широкий ассортимент китайских социальных сетевых платформ, онлайн-информационных служб, услуг Интернета и мобильной связи, а также технических средств, производимых китайскими компаниями. Устанавливая для посредников Интернета строгую политическую и правовую ответственность, власти вынуждают частные фирмы, в том числе финансируемые западным капиталом, не только оплачивать из собственных средств значительную долю расходов на цензуру и слежку в Интернете, но и собственноручно осуществлять значительный объем цензурных и мониторинговых функций.

Правительственный контроль над Интернетом заключается не только в выявлении, блокировке, удалении нежелательных контентов, но и в мониторинге общественного мнения, которое проводится для улучшения работы правительства, государственных органов, местных чиновников, полиции и др. Китайское правительство создает условия для того, чтобы люди могли осуществлять надзор над работой правительства, уделяет большое внимание надзорной роли Интернета, тем проблемам, о которых люди заявляют посредством сети, требует от администраций различных уровней своевременно проводить соответствующие расследования и разрешать вопросы, чтобы докладывать потом населению о достигнутых результатах. Подавляющее большинство сайтов правительственных ведомств публикует адреса электронной почты и телефоны для того, чтобы население могло сообщать о существующих в работе правительства проблемах. В последние несколько лет многие вопросы, о которых было заявлено через Интернет, получили свое разрешение. Для того чтобы население могло сообщать о случаях взяточничества, коррупции и нарушении их прав, Центральный орган контрольно-ревизионного надзора, Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура и др. открыли специальные сайты, где можно оставлять соответствующие жалобы и сообщения. Открытие таких сайтов, как сайт надзорного органа Центральной дисциплинарной комиссии и сайт Государственного Управления по предупреждению коррупции, играет важную роль в деле наказания и предупреждения взяточничества и коррупции.

Таким образом, согласно проведенному нами анализу китайского Интернета, очевидно, что место и роль Всемирной сети во всех сферах китайского общества поистине огромны. В настоящее время китайский Интернет объединяет самую большую в мире сеть пользователей. С его помощью китайское правительство осуществляет многие свои функции: мониторинг общественного мнения, стимулирование экономического роста, оптимизация бюрократии, внедрение электронных государственных услуг населению и т. д. Спецификой китайского Интернета является его повсеместный контроль со стороны государства, который осуществляется им не без определенного успеха. Несомненно, что с дальнейшим развитием Интернета государству все труднее будет осуществлять функции контроля над Всемирной сетью, что уже явно обнаруживается и в настоящее время, так что Интернет может оказаться одним из главных вызовов существованию нынешней политической системы КНР.

Литература

1. Institute of High Energy Physics Chinese Academy of Sciences [сайт]. URL: <http://www.ihep.cas.cn>
2. 互联网发展史 [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/link?url=gAWHpwbIRyPgD3jQRbvlpKVajrB617PgERYci5e2ZjkchGu2EUypic3RtLIHBus> (дата обращения: 19.10.2015).
3. CNNIC releases 36th Statistical Report on Internet Development in China [Электронный ресурс]. URL: http://www1.cnnic.cn/AU/MediaC/rdxw/2015n/201507/t20150727_52663.htm (дата обращения: 22.10.2015).
4. Там же.
5. Белая Книга: Состояние Интернета в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.showchina.org/02/42/> (дата обращения: 30.09.2015).
6. Положение Интернета в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857458_8.htm (дата обращения: 26.10.2015).
7. Китай: механизм интернет-цензуры [Электронный ресурс]. URL: <http://south-insight.com/node/1011> (дата обращения 31.10.2015)
8. Мальцев А. Китайский Интернет: как за каменной стеной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webplanet.ru/review/life/2008/06/11/china.html> (дата обращения: 12.10.2015).
9. Интернет-цензура в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com/12060576/ИнтернетцензураВКитае> (дата обращения: 15.10.2015)
10. Доклад Гонконгской Ассоциации журналистов 2012 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.hkja.org.hk/site/Host/hkja/UserFiles/File/annualreport/e_annual_report_2012.pdf (дата обращения: 05.05.2014).
11. China: Further information: Chinese housing activists' sentences upheld. Amnesty International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amnesty.org/en/library/info/ASA17/025/2012/en> (дата обращения: 13.10.2015).
12. Статья «Китай присоединяется к борьбе за сферы влияния». Британская газета «TheGuardian» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr> (дата обращения: 14.10.2015).
13. Китай: механизм интернет-цензуры [Электронный ресурс]. URL: <http://south-insight.com/node/1011> (дата обращения: 31.10.2015).

УДК 323 (517.3)

ПОНЯТИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОНГОЛОВ О ДЕМОКРАТИИ: ИЗМЕНЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ

(Сравнительный анализ на основе статистических данных Азиатского барометра и критериев демократического правления-DGI)

© *Хатанболд Ойдовын*

докторант, научный сотрудник отдела политологии Института философии Академии наук Монголии
Монголия, 13343, г. Улан-Батор, ул. Жукова, 77, корпус 1
E-mail: khatanboldo@gmail.com; khatanbold@yahoo.com

В данной работе мы не придерживались только одного из определений демократии. На основе изучения концепции, широко используемой в международных исследованиях при оценке качества демократии, методики Международного института поддержки демократии и выборов, методики исследования демократии Азиатского барометра, методики критерия власти Всемирным банком, мы установили свои примерные показатели и разработали свою методику, анкеты и инструменты исследований. В последние годы эта методика использовалась Институтом философии, социологии и права при поддержке Программы развития ООН в серии исследований оценок демократии и правления власти.

Ключевые слова: демократия, политические бизнес-группы, политическая культура, традиционные социальные ценности, Монголия.

APPROACHES TO THE THOUGHTS AND PERCEPTION ON DEMOCRACY OF MONGOLIANS
(Comparative analysis with research results of the Asia Barometer Survey and Democratic Governance Indicators)

Khatanbold Oidov

PhD, researcher at the political science department, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Mongolia
77 Zhukova, building 1, Ulan-Bator, 13343 Mongolia

The academic article attempts to share our findings and current state of democracy approaches and perception for the youth in Mongolia with making comparison to the other Asian countries facilities. This approach is based on the newly conducted survey findings and initial comparative research analysis on the perception and understanding of democracy in Mongolian youth approaches such as affected by the past, present and future changes of their substantive circumstances of the democracy development processing etc. The researcher endeavored their research conditionality and analytical comments in advancing the democracy development and its current stabilities in the negative and positive advantages to sharing with other countries' socio-political and substantive possibilities.

Keywords: democracy, political business-group, political culture, traditional social values, Mongolia.

За более двадцатилетний период перехода Монголии на демократический путь преобразований понятия и представления о демократии у монголов менялись специфическим образом. Если в начале преобладало представление, что демократия — это свобода, то впоследствии начало главенствовать убеждение, что демократия — это свободные и справедливые выборы. Широкое распространение таких негативных явлений, как политические бизнес-группы и сращивание бизнеса и политики, отрицательно влияет на ход развития демократии. В результате получило широкое распространение понимание демократии как «непосредственного участия граждан в установлении справедливой демократической системы».

С того момента как монголы начали говорить и писать о демократии, исследовать ее, мы вначале придерживались учения о «пролетарской или социалистической демократии» марксистского толка, а затем немарксистской теории «либеральная демократия». Попытки реализации социалистической демократии в конце 1980-х гг. дали сбой и прекратились. Либеральная демократия хотя и продолжается, но в последние годы наблюдается ряд трудностей, связанных с нехваткой рационального подхода, низкой политической культурой в обществе. Демократия имеет природную ценность не только в жизни граждан, но и в решении политических проблем. Все эти обстоятельства требуют необходимости тщательного и комплексного изучения демократии.

Изменения в представлениях монголов о демократии

Согласно исследованиям Азиатского барометра, проведенным в Монголии в 2003 и 2006 гг., выяснилось, что свыше 91 % населения выступают за демократию, 61,2 % считают установленную структуру правления наилучшей, 63,4 % удовлетворены ходом демократии, 58,2 % считают, что хотя существуют некоторые проблемы, в целом Монголия — демократическая страна. Наряду с этим для оценки степени демократизации системы правления применялась 10-балльная шкала. Для Монголии эти цифры составили 6,6 в 2003 г. и 6,7 в 2006 г. [1, с. 65].

По итогам исследования Азиатского барометра в 2010 г. степень удовлетворения демократией среди монголов измерялась по четырем шкалам. Из корреляционного коэффициента трех сравнений следует, что предположения монголов о демократии не так уж влияют на их отношение к демократии. А это является выражением того, что монголы в основном оценивают качество демократии ниже, а ожидания граждан — выше. Неудовлетворенность нынешним положением показывает, что монголам необходимы взаимный отчет, контроль за коррупцией, подчинение закону, а уровень интереса политикой и пользование ею зависимы от поддержки демократии.

Таблица 1

Грани диапазона в оценке демократии [2]

Довольны ли вы реализацией демократии в нашей стране?			Какова правильность сегодняшней формы власти?			Соответствует ли поэтапная демократия в отношении Монголии?		
2003	2006	2010	2003	2006	2010	2003	2006	2010
2,78	2,73	1,41	6,63	6,65	6,7	8,13	8,39	9,61

Из данных таблицы можно сделать следующие выводы:

- ход развития демократии оценен низко;
- знания о демократии среди населения и деятельность по повышению политического и гражданского образования неудовлетворительны;
- сохраняется тенденция понимания демократии как только прав и свобод.

Рис. 1. До какой степени демократична Монголия, по вашему мнению

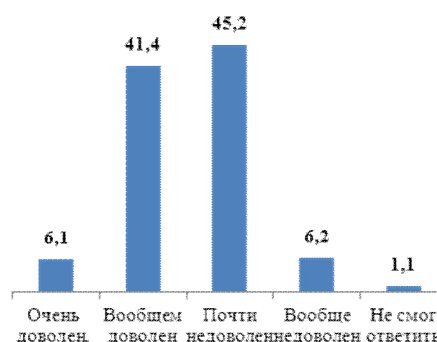

Рис. 2. Довольны ли вы реализацией демократии в нашей стране

Больше половины граждан недовольны реализацией монгольской демократии. Главными проявлениями этого являются падение интереса к политике, недоверие политикам и политическим партиям.

Мы проанализировали результаты исследований по теме «Критерии демократического правления: состояние и оценки власти в Монголии», проведенных в 2006-2013 гг. При этом в основе исследования были оценки монгольских экспертов. Общему состоянию монгольской демократии и демократической власти эксперты дали следующие баллы: 3,02 (2005 г.), 3,0 (2008 г.), 3,01 (2010 г.) [3, с. 179].

Это показывает, что «демократические и недемократические характеры сочетаются в близкой степени, сохраняют критическое состояние и могут развернуться в любую сторону».

Таблица 2

Итоги оценок экспертов о состоянии демократии и правления власти (по 5-балльной шкале) [6, 7]

Вопросы оценивания	Средний балл экспертов			Выявленные изменения	Выявленные изменения
	2005	2008	2010	2008–2010	2005–2010
Гражданство, закон и право	2,8	3,2	3,14	0,39	0,64
Ответственная государственная власть в лице представителя	2,64	2,8	2,69	-0,05	0,17
Гражданское общество и участие народа	2,84	2,93	2,67	-0,10	0,01
Демократия за пределами страны	3,8	3,7	4,00	0,30	0,20
Общая оценка демократической власти	3,02	3,0	3,01	0,01	-0,01

Эти данные показывают, что оценки экспертов в основном совпадают с представлениями граждан о демократии. Например, среднестатистический опрос граждан о развитии демократии непосредственно на местах их проживания показал, что критическое отношение к демократии остается высоким.

Таблица 3

Каково развитие демократии по стране и на местах проживания граждан? (в сравнении с 2005–2013 гг.) [7]

	2005	2008	2010	2013
Каково развитие демократии в нашей стране	2,71	2,9	3,09	3,48
Каково развитие демократии на месте вашего проживания	2,85	3,14	2,86	3,27

Показатели демократической власти: состояние власти в Монголии. Доклад. Улан-Батор 2006; Перемены, произошедшие в состоянии демократической власти — 2007/2008. Доклад. Улан-Батор, 2010 г.; Оценки монгольской демократии, развитие демократии, процессы формирования / Отчет социальных исследований. Улан-Батор, 2013.

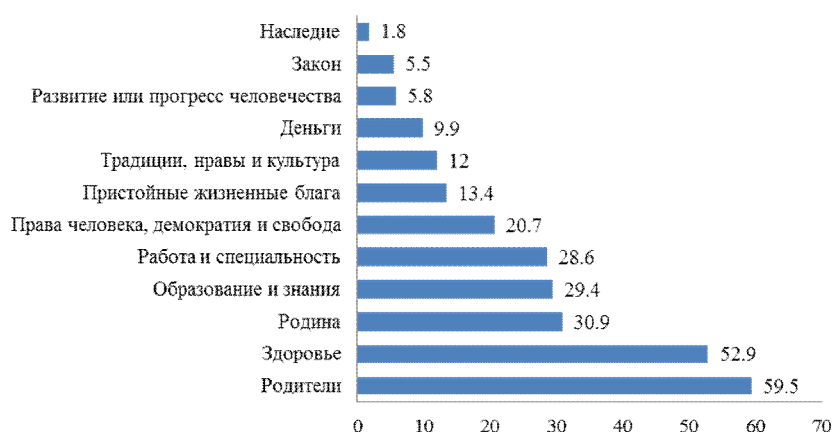

Рис. 3. Главные ценности молодежи

В рамках исследований Барометра Восточной Азии и Азиатского барометра были выявлены основные причины укрепления современных демократических ценностей. Среди них важное место занимает молодежный фактор. Из результатов исследования «Цель жизни молодежи, качественное изменение ценностей», проведенного в 2010 г. Институтом философии, социологии и права Академии

наук Монголии, следует, что для монгольской молодежи самыми главными являются приобретение знаний, спокойная жизнь в безопасном и свободном обществе, а не материальное благосостояние. Другими словами, в зависимости от социальной среды и положения в обществе система молодежных ценностей неодинакова, традиции в культурной среде сохраняются в малой степени, а изменения в мышлении происходят в быстром темпе.

Если сравнить итоги социологических исследований по тематике «Оценка монгольской демократии, ее развитие и процесс становления» (2013) с предыдущими, то представление монголов о развитии демократии в последние годы хотя немного колеблется, но общая картина все-таки сохраняется. Если 52,9 % граждан, участвовавших в исследованиях в 2005 г., давали развитию демократии оценку «посредственно», то в 2008 г. их количество увеличилось до 54,7 %, т. е. на 8 баллов. По итогам 2010 г. этот показатель был равен 53,3 %. Такое небольшое колебание связано с неудовлетворительным выполнением предвыборных обещаний политических партий. По итогам исследований 2013 г. посредственная оценка развитию демократии составила 40,8 % (рис. 4).

Рис. 4. Представления о развитии демократии

При ответе на вопрос о том, с чем ассоциируется демократия, большинство участников опроса определили ее как свободу в выражении своих взглядов. На втором месте понимание демократии как справедливости. В последние годы наблюдается некоторый рост такого понятия. Также стоит отметить, что каждые 15-16 из 100 человек не могут дать какого-либо ответа о демократии, что демонстрирует отсутствие политического образования и недостаток информации.

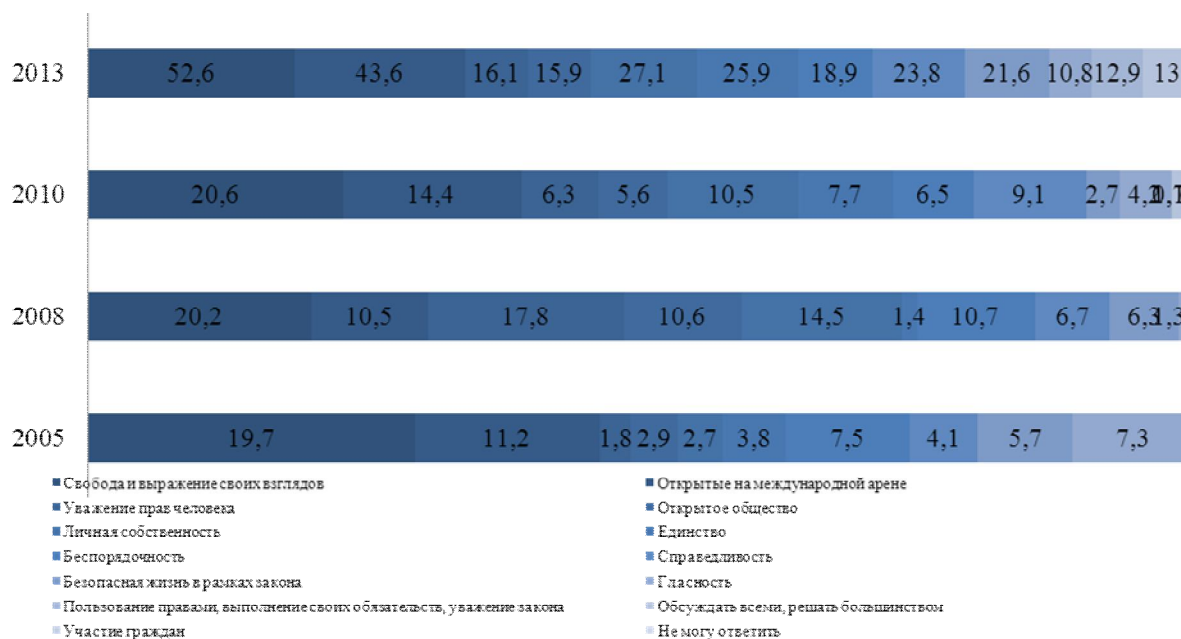

Рис. 5. Понятие общества о демократии (ответы 2005–2013 гг. в %)

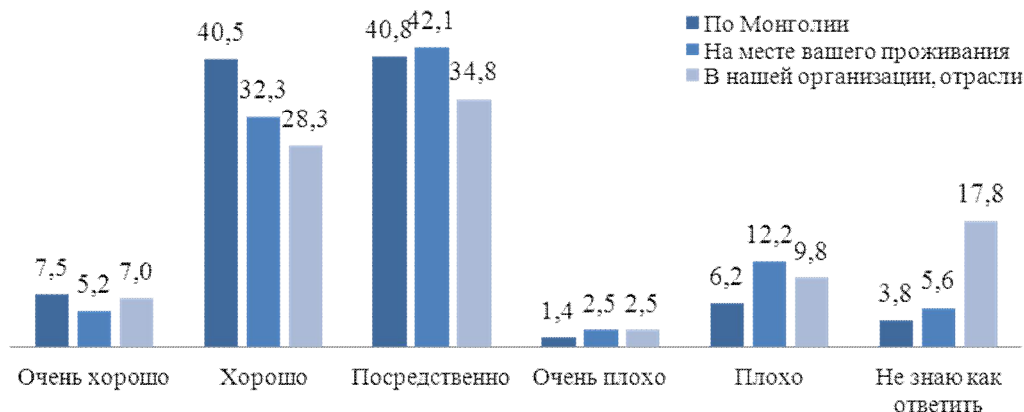

Рис. 6. Как сегодня развивается демократия в нашей стране?

Из рисунка 6 видно, что, по мнению граждан, развитие демократии в Монголии в целом находится на достаточно хорошем (40,5 %) уровне, тогда как на местном уровне и уровне организации этот показатель почти на 10 и 12 % ниже. Это свидетельствует о наличии главных проблем, связанных с развитием демократии, на низовом уровне.

Большинство опрошенных граждан главной проблемой, отрицательно влияющей на развитие демократии, считает нехватку общеобразовательного и политического образования граждан. Такое положение наблюдалось и в предыдущих исследованиях. Также не менее важной проблемой называют проявления несправедливости, что связано с увеличением разницы между богатыми и бедными, недобросовестным распределением общественного богатства и государственных ресурсов, отсутствием фактического уменьшения коррупции.

Таблица 4
Оценки экспертов о препятствиях, мешающих развитию монгольской демократии [5, с.19]

код	Ответные оценки	Ответы	Процент случайности
1	Слабое правовое сознание граждан	6,2	10,0
2	Поверхность политического образования, низкая нравственность	12,5	20,0
3	Большой разрыв между богатыми и бедными	12,5	20,0
4	Подтверждение политических партий в законе о выборах Президента	6,2	10,0
5	Неправильность подсчета голосов избирателей автоматикой	6,2	10,0
6	Переход на электронную демократию и электронную власть	6,2	10,0
7	Равномерное развитие прямой демократии	6,2	10,0
8	Ввести в закон сокращения и ограничения правительственных расходов	6,2	10,0
9	Реализация целенаправленной политики реформ для повышения взаимной ответственности	6,2	10,0
10	Амбициозная демократия	6,2	10,0
11	Пустые обещания политических партий	6,2	10,0
12	Разделения на партии	6,2	10,0
13	Много коррупции	6,2	10,0
14	Увеличение роста творческого мышления	6,2	10,0
Все		100,0	160,0

Демократичность власти можно более конкретизировать через ее главные институты. По данным исследования в 2013 г., в деле развития демократии роль основных институтов власти была оценена как посредственная.

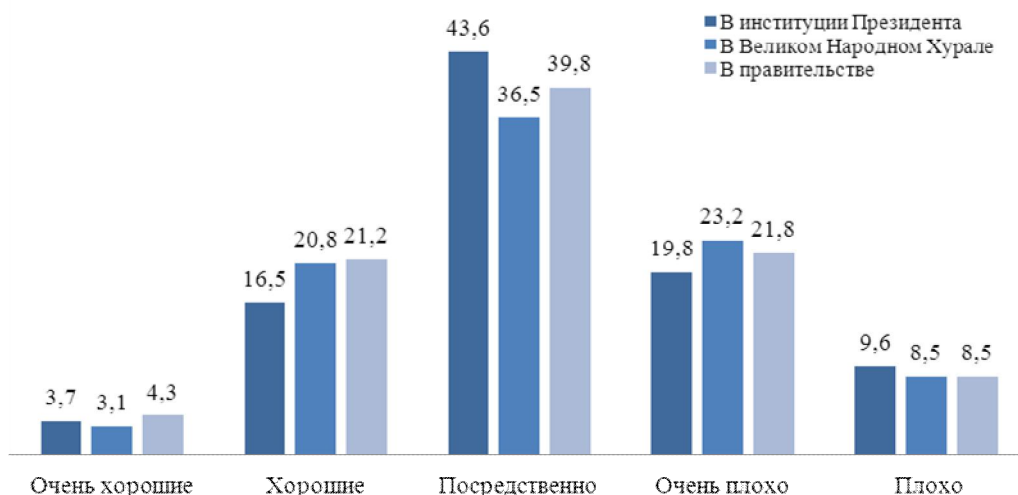

Рис. 7. Оценки экспертов о развитии демократии в следующих организациях [5]

Следует обратить внимание на развитие демократии в работе местных органов власти, губернаторов, а также во взаимоотношениях политических организаций.

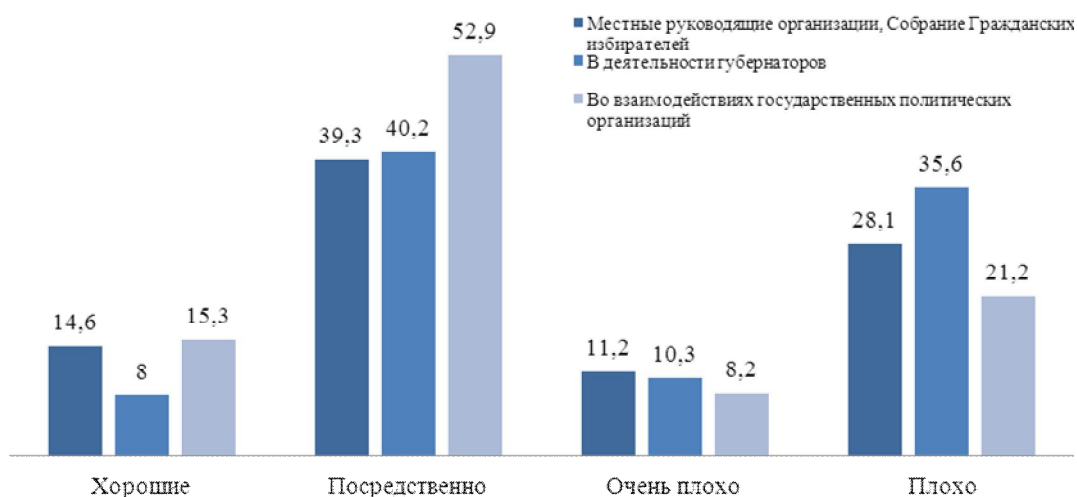

Рис. 8. Оценки экспертов о развитии демократии в следующих местных органах самоуправления [4]

Выводы

На сегодняшний день нет сомнений в том, что демократия в Монголии — это необратимый процесс. В то же время понятия и представления монгольских граждан о демократии свидетельствуют о недостаточности качества демократии и демократических институтов. На это влияют объективные факторы:

- при реализации монгольской демократии преобладают формальность, показуха, популизм;
- процесс обновления состава политических партий замедлился, что привело к застою и формированию фракционных группировок, подрывающих доверие к партиям;

– резкий рост участия государства в экономике также оказывает пагубное влияние на качество демократии;

– так как политическое образование, культура граждан находятся на низком уровне, а приверженность к демократическим ценностям, идеалам является слишком общим, то демократические институты, демократические механизмы не могут реализоваться;

– в связи с тем, что со стороны государственной власти не проводится конкретной системной политики для повышения политического образования, знаний о демократии граждан, не могут быть созданы условия для демократического развития.

Литература

1. Ганбат Д. Демократические события и оценки монголов. Задачи тысячелетнего развития демократической власти: сб. тр. национ. конф. Улан-Батор, 2008.
2. Ганбат Д. Оценка качества демократии в Монголии // Общественные и политические перемены в условиях глобализации: материалы междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2010.
3. Изменения в состоянии демократической власти — 2009–2010. Проект Института философии, социологии и права. Улан-Батор, 2010.
4. Обзор предположений общества о демократии и нынешнем положении демократической власти. Критерии демократического правления. Улан-Батор, 2013.
5. Оценки монгольской демократии, ход развития демократии. Улан-Батор, 2013.
6. Перемены, произошедшие в состоянии демократической власти — 2007–2008. Улан-Батор, 2010.
7. Показатели демократической власти: состояние власти в Монголии. Улан-Батор, 2006.
8. Формирование монгольской демократии / ред. Г. Чулуунбаатар. Улан-Батор, 2010. С. 8.

УДК 37(091)+327(517.3)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛИИ© *Хишигжаргал Гандандорж*

аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

В статье рассматривается история школы, созданной с целью изучения русского языка во Внешней Монголии в середине XIX в. После подписания российско-китайских договоров и появления в столице Внешней Монголии (г. Урга) российского консульства в Монголию стали прибывать русскоязычные торговцы, чиновники, крестьяне из России. Русское консульство и цинская администрация в Монголии стали решать проблемы урегулирования монголо-русских отношений, в связи с чем естественно возник вопрос о создании школы переводчиков в Урге. Сложный процесс создания первой школы рассмотрен на основе анализа архивных документов.

Ключевые слова: Монголия, русский, маньчжурский, китайский, язык, школа, торговля, архив, документы.

THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE STUDYING IN MONGOLIA*Hishigjargal G.*

Research assistant of department of history of BSU
4 Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article discusses the history of the formation of the Russian language school in Outer Mongolia in the middle of XIX century. After the signing of the Russian — Chinese treaties and foundation of the Russian consulate in Urga city — the capital of Outer Mongolia, Russian-speaking merchants, officials, peasants began to arrive in Mongolia. This fact put the problem of regulation of Mongolian-Russian relations before the Russian consulate and Qing administration in Mongolia and therefore the question arose of creating a school of translators in Urga. The complex process of creating the first school is considered based on the analysis of archival documents.

Keywords: Mongolia, Russian, Manchu, Chinese, language, school, stores, archives, documents.

В середине XIX в. между Цинским государством и Россией были подписаны Тяньзинский (1858) и Пекинский (1860) договоры, разрешавшие русским свободную торговлю на территории Монголии. «...в Монголию стали прибывать купцы всех трех гильдий из Кяхты, Троицкосавска, Верхнеудинска, Иркутска, Бийска, Минусинска, Барнаула, Москвы и других городов, ... но и также крестьяне из Владимирской, Смоленской и Казанской губерний, ... активно включалось в торговлю с Монголией и инородческое население России — татары, буряты, калмыки...» [2, с. 88–89].

Цинская администрация в Монголии стала решать проблемы урегулирования отношений с русскими поселенцами, контроля их торговой деятельности, в связи с чем естественно возник вопрос о преодолении языкового барьера, который также был актуален для России и ее представительства. По словам российского консула Я. П. Шишмарева, служившего в Монголии полвека, «... появление русских в Монголии остро поставило проблему языкового барьера, ибо накопленных знаний в языке было недостаточно для общения при все расширяющихся контактах между русскими и монголами» [4, с. 31]. В таком положении оказались как консульские работники, так и торговцы. Исключение составили сам П. Я. Шишмарев и Н. Гомбоев, работавший в Ургинском консульстве в 1961–1964 гг. В переводчиках нуждалась и администрация Восточной Сибири.

Потребность в переводчиках привела к постановке вопроса о создании школы переводчиков и толмачей в Урге. Как видно из отчёта, инициатива исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова, который дал указание ургинскому русскому консулу подготовить хотя бы нескольких переводчиков. В ответ на это П. Я. Шишмарев представил целый доклад, где обосновывалось создание школы и определены расходы на ее содержание. В 1864 г., с направлением первых четырех учеников, было положено начало созданию школы переводчиков и толмачей в Урге, которая просуществовала 56 лет [6, с. 112]. Об этой школе мы находим отрывочные и краткие упоминания у И. М. Майского [3] и П. Е. Скачкова [5], а более подробно о ней писала Е. М. Даревская [1].

По ее исследованиям, основанным на богатых архивных источниках, мы имеем возможность уточнить дату представленного И. П. Шишмаревым доклада — 1 мая 1864 г., фамилии первых уче-

ников и время их приезда в Ургу — 1 ноября [1, с. 132]. Последнее может стать датой обоснования самой школы, куда для преподавания монгольского и маньчжурского языков по просьбе П. Я. Шишмарева в феврале 1865 г., были командированы ургинским амбанем 2 монгольских чиновника-писари Наянтай и Чивандорж. Первый выпуск был в августе 1865 г., хотя все официальные материалы свидетельствовали об открытии школы в 1865 г.

Несмотря на то, что Ургинская школа готовила переводчиков монгольского, маньчжурского и отчасти китайского языков сугубо для работы в консульстве и сибирских городах, она оказала большое просветительское влияние, так как была первым культурным учреждением России в Монголии.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что благодаря усилиям знатока Монголии П. Я. Шишмарева, не раз представлявшего проекты ее реорганизации с учётом, наверное, и местных условий, побудила цинские власти Монголии приступить к обучению монголов русскому языку.

По имеющимся источникам, вопрос о подготовке монгольских детей впервые был поставлен цинскими властями в 1894 г. Так, в письме ургинского амбана российскому генеральному консулу П. Я. Шишмарёву говорится: «... получив от учреждения уважаемого консула письмо с разъяснением доводов обучить мальчиков некоторых монгольских школ русской и китайской письменностям для пользы в решении служебных дел, наш ямынь предпочитает выяснить, каким путем осуществить дело в интересах дел обоих государств... Исстари Урга имела сношения с Россией. Существует установленное правило для сношения и перевода бумаг и писем. В сношениях между Срединным /Цинским/ государством и Россией испокон веков не встречались препятствия, да и ныне у нашего ямыня нет надобности особо устанавливать...» [7, с. 217–218].

Таким образом, маньчжурской властью в Монголии было дано официальное разрешение на создание в Урге школы русской письменности. Но помимо объективных условий и подготовительной работы это затянулось еще на 2–3 года из-за нежелания цинских властей создать школу незамедлительно.

Об этом свидетельствует письмо российского генконсула Я. П. Шишмарева от 14 августа 1901 г., адресованное цинским властям. В нем говорилось, что «...поныне в пределах двух государств возникает множество раздоров и возбуждаются тяжбы, и в этом деле наши русские чиновники и переводчики понимают монгольскую грамоту. Однако же монгольские чиновники и официальные лица не знают русскую грамоту и слова, что составляет преграждение в решении дел сторонами. Причиной тому является незнание языка в их сношениях.

Потому следует поставить в Урге школьные юрты, дабы, собрав детей из четырех аймаков, учить их русской письменности, сообразуя подготовить чиновников со знанием русского языка для пользы в решении дальнейших дел наших двух государств» [7, с. 218–219].

Ходатайство отражало настоящее положение дел и цинский наместник в Урге первым делом принял решение привлечь к этому делу хошуны Тушетухановского и Сэцэнхановского аймаков, имевших непосредственное сношение с Россией. Иными словами, потребности времени вынудили цинские власти принять меры. Так, в послании, отправленном в вышеназванные аймаки, было дано указание — «...изучить вопрос настоятельно, для реализации установить в сообразии условиям своих мест, а при согласии поставить юрты и обучить монгольских юношей русской письменности, предоставить подробный список имен тех, кто каждым из аймаков был определен для учёбы» [7, с. 219]. Цинские власти хотели выяснить мнение хошунных правителей о создании школ русской письменности и в итоге получили весьма желанный ответ, ибо дзасаки хошунов в большинстве своем ответили, что они «не знают, как быть» [8, с. 315]. Учитывая положение дел, ургинский амбань решил отложить создание школы русской письменности на время [7, с. 220]. Можно выделить несколько причин такого положения дел. Во-первых, у властей отсутствовал интерес обучения монголов русскому языку. Во-вторых, местные правители воспринимали открытие русской школы как наложение дополнительных повинностей. Поскольку для содержания школ обучения монгольскому, маньчжурскому и китайскому языкам хошуны облагались повинностями в виде поставки продуктов, верховых лошадей, средств на приобретение письменных принадлежностей и т. д. Учащимся выдавалось жалованье.

Расходы первоначально распределялись по хошунам, но со временем деньги стали брать у Шанзодбы ямыня и аймачных сеймов в виде пожертвований и податей. «Деньги, преподнесенные ванами, гунами, тайджими, чиновниками, хутухтами и ламами из Тушетухановского и Сэцэнхановского аймаков, не покрывают расходы на содержание учеников. Стоит выделить дополнительные средства и продукты» [7, с. 156].

Из сказанного видно, что создание школ русской письменности как составной части развития школьного дела во Внешней Монголии не поддерживалось цинскими властями, а местной властью воспринималось как наложение дополнительных повинностей.

Литература

1. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX века. Иркутск, 1994.
2. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). Иркутск, 2008.
3. Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 94.
4. Русский консул в Урге. Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
5. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
6. Майский И. М. Орчин үеийн Монгол (Современная Монголия). Хоёрдахь хэвлэл. Орос хэлнээс орчуулсан Ц. Отгон. Улан-Батор, 2005.
7. Манжийн дарангуйллын үеийн монгол сургууль (1776–1911) (*Школы периода маньчжурского господства 1776–1911*). Эх бичгийн эмхтгэл. Эмхтгэсэн Ц. Шархүү. Улан-Батор, 1965.
8. Монгол улсын Үндэсний Түүхийн Төв Архив (*Монгольский национальный исторический архив*). М-5. ФА-1826. ХН-16. Нугалбар 315.

УДК 24 (517.3)

БУДДИЗМ И ВОСПРОИЗВОДСТВО БУДДИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОНГОЛИИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта международного конкурса РГНФ — МОН Монголии «Постсоветское общество и буддийская сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии» № 15-23-03002

© **Цэцэнбилэг Цэвээнй**

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии
Монголия, 13343, г. Улан-Батор, ул. Жукова, 77, корпус 1
E-mail: tsetsebileg@yahoo.com

© **Бадмацыренов Тимур Баторович**

кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: batorovitch@mail.ru

© **Родионов Владимир Александрович**

кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: vladimir198025@yahoo.com

Статья посвящена вопросу воспроизводства буддийской идентичности в современной Монголии. В постсоциалистической Монголии религия занимает важное место в политической жизни, а воспроизводство национальной политической идентичности весьма тесно сопрягается с этнорелигиозным компонентом. Монгольское государство неоднократно подчеркивало свое особое отношение к буддизму как «национальной традиционной религии». Отмечается рост числа организаций новых для страны школ и направлений «глобального» буддизма. При этом значительный слой монгольских граждан на протяжении всего постсоциалистического периода не соотносит себя с какой-либо религией. Это определяется, прежде всего, светским характером государства и открытостью Монголии для внешнего влияния. В связи с этим монгольская сангха занимает консервативные «охранительные» позиции защиты интересов «национальной религии монголов».

Ключевые слова: буддизм, религиозная идентичность, Монголия, сангха.

BUDDHISM AND REPRODUCTION OF BUDDHIST IDENTITY IN MONGOLIA

Tsetsenbileg Tseveenii

PhD in Sociology, senior researcher, Institute of Philosophy,
Mongolian Academy of Sciences
77 Zhukova St., building 1, Ulan-Bator, 13343 Mongolia

Timur B. Badmatsyrenov

PhD in Sociology, associate professor, doctoral, Department of Politology and Sociology
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Vladimir A. Rodionov

PhD (political science), associate professor, History and Regional Studies of Asia chair,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The paper is devoted to the reproduction of Buddhist identity in modern Mongolia. In postsocialist Mongolia religion occupies an important place in the political life and the reproduction of a national political identity is very closely mates with ethno-religious component. The Mongolian government has repeatedly stressed its special relationship to Buddhism as a «national traditional religion.» There is a growing number of organizations are new to the country's schools and directions «global» Buddhism. At the same time a significant layer of Mongolian

citizens throughout the post-socialist period did not correlate itself with any religion. First of all, it is determined by Mongolia's secularism and openness to foreign influence. In this connection, the Mongolian Sangha takes conservative «watchdog» position to protect the interests of «national religion of the Mongols».

Keywords: Buddhism, religion identity, Mongolia, sangha

В мире отмечается возрастающее влияние буддизма, особенно школы Гелуг, на международный политический процесс. С конца XIX в. начинается становление «глобального» буддизма, когда он проникает в европейскую культуру и обретает в ней новые черты и организационные формы, зачатую лишаясь религиозного содержания и усиливая философский компонент. К концу же XX в. буддизм выступил одним из символов культурной глобализации. С другой стороны, события 50-х гг. XX в. в Тибете, тибетская диаспора на Западе и активная международная деятельность Далай-ламы XIV способствовали существенной политизации буддизма и признанию его как значимого фактора международных отношений. В России в этот период даже применяется термин «необуддийская эйфория», который был призван отразить восприятие буддизма в регионах его нетрадиционного распространения.

В современной Монголии религия занимает важное место в политической жизни, а воспроизводство национальной политической идентичности весьма тесно сопрягается с этнорелигиозным компонентом. Так или иначе вопросы, связанные с религией, выступают объектом общественной дискуссии, рефреном обсуждаются в СМИ, затрагиваются в выступлениях политических деятелей. Даже в условиях радикального, по оценке ряда экспертов, либерального законодательства в отношении религии буддизм занимает место «объективированного» культурного «фона» во взаимодействии политических акторов Монголии [1]. В данной статье авторы рассматривают социально-политическую роль буддизма в истории Монголии.

В буддийский период истории Монголии большую роль начинает играть институт церкви, верховные иерархи которой объявлялись святыми «перерожденцами» персонажей пантеона и видных деятелей буддийской религии. Институт тулку-перерожденцев сформировался в Тибете, в рамках развития теократического тибетского государства, для «легитимации светской и духовной власти в условиях безбрачия ее носителей» как «новая форма легитимации права на земельную собственность». Пользуясь поддержкой монгольских ханов, таких как Алтан-хан и Гуши-хан, а затем, используя протекторат Цин, школа Гелуг в результате длительной борьбы концентрирует государственную власть в Тибете в рамках церковных институтов, важнейшую роль среди которых играли Далай-ламы. В период распространения буддизма в Монголии церковь развивается по схожей схеме использования поддержки монгольской аристократии и императорской власти Цинской династии. При этом децентрализация Монголии в результате внутренних условий развития монгольского государства и влияния цинской политики сопровождалась созданием децентрализованной монгольской церкви, поскольку вне действия централизующего политического влияния буддийские сообщества обладают сравнительно высоким уровнем автономии, даже в рамках единой традиции или церковной организации. Так, разные конкурирующие группы монгольской аристократии интегрируются в структуру церкви, экономически и политически поддерживая конкретные родовые и княжеские монастыри и линии хубилганов через родовые связи. Например, первый Джебцун Дамба-хутухта был сыном одного тушету-хана Гомбодорджи и братом другого — Чихундорджи, и подобная практика «нахождения» влиятельных хубилганов в господствующих аристократических семьях была весьма распространена. Вместе с тем Цинская империя через Лифаньюань, опираясь на Джебцун Дамбу-хутухту, осуществляла контроль над церковной организацией, и «в той мере, в какой Внешняя Монголия являлась единой в рамках Цинской империи, существовало и единство церковной организации, контролируемой Пекином». Кроме того, происходит усиление позиций духовенства во многих сферах общества, прежде всего за счет тесных связей с аристократическими элитами, монастыри становятся ведущими торгово-экономическими центрами, складывается монастырская образовательная монополия, что позволяет транслировать буддийские идеи и ценности как господствующие. В результате к началу XX в. крупнейшим духовным, политическим и экономическим авторитетом выступал институт богдо-гэгэнов. Не случайно, что именно Богдо-гэгэн VIII (Джебцун Дамба-хутухта) стал лидером освободительного движения Внешней Монголии в начале XX века и возглавил монгольское теократическое государство, провозглашенное в 1911 г. Таким образом, власть и политика в дореволюционной Монголии считались делом избранных (чингисиды, перерожденцы) и неизменно носили са-

кральный характер, что, согласно классической веберовской типологизации, может быть отнесено к традиционному типу господства.

Одним из основных атрибутов демократизации Монголии на рубеже 1980-1990 гг. стало возвращение религии и ее институтов в публичное пространство. Данный процесс нередко именуется как «религиозное возрождение». Начавшись с отдельных лозунгов и газетных публикаций эпохи монгольской перестройки, требовавших введения реальной свободы вероисповедания и реабилитации буддийской церкви, рассматриваемый процесс вскоре получил институциональное оформление.

В условиях нынешней политической системы существует совокупность устойчивых идей, отражающих ведущую роль буддизма в современном монгольском обществе, они закреплены в целом ряде основополагающих нормативных правовых актов и программных документах политических партий.

В 1990 г. был основан Союз Верующих, целью которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей в худоне. В 1992 г. в Монголии было открыто около 100 буддийских храмов. Наконец, в конституции, принятой 13 января 1992 г., помимо прочих свобод провозглашалась свобода вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 51), а также запрещалась дискриминация по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2) [2].

Наряду с буддистами в начале 1990-х гг. открыто заявили о своих правах представители других религий Монголии — шаманизма и ислама. Кроме того, в этот же период в Монголии начали свою деятельность т.н. «нетрадиционные конфессии» — различные христианские церкви и общины, мормоны, бахаи и другие. В целом монгольское постсоциалистическое общество оказалось глубоко увлечено религией, рассматривая ее как часть восстановленной традиции, подвергшейся забвению в социалистическую эпоху.

Признание буддизма национальной религией Монголии стало частью процесса трансформации монгольской национальной идентичности. Члены МНРП, оставшиеся в массе своей у власти в начале 1990-х гг., практически единогласно поддержали идею буддизма как национальной религии монголов. На фоне критики социалистического прошлого в общественном сознании населения укоренилось представление о неразрывной связи между государственным суверенитетом монголов и сохранением национальных, в том числе религиозных, традиций [6, 7].

Несмотря на объявляемые и закрепленные в конституции страны религиозные свободы и равенство всех религий, государство неоднократно подчеркивало свое особое отношение к буддизму как «национальной традиционной религии». Особый статус буддизма был прописан в «Заоне, регулирующем отношения между государством и церковью». В частности, в статье 4 закона указывается: «Монголия уважает доминирующее положение (зонхилох байр суурь) буддизма, обеспечивающего единство народа и являющегося частью культурной истории» [8]. Также буддийская церковь приобрела юридический статус и ей было возвращено движимое и недвижимое имущество, конфискованное в эпоху социализма.

Наконец, особое отношение к буддизму и шаманизму со стороны лидеров государства проявляется в регулярных посещениях и поддержке религиозных церемоний. Первый президент Монголии П. Очирбат участвовал в церемонии открытия статуи бодхисаттвы Жанрайсэг в монастыре Гандантэгченлин в 1996 г. Под патронажем Министерства окружающей среды прошла церемония открытия статуи Будды у подножья горы Богдохан в 2005 г. Ламы и шаманы регулярно приглашаются на государственные церемонии-благословления священных гор в Монголии. Президент Монголии Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви в 1998 г., отметил особый статус «национальной традиционной религии» (үндэсний уламжлалт шашин) и сильные стороны буддизма [3]. Нынешний президент Монголии Ц. Элбэгдорж совершил широко освещенные прессой восхождения на священные горы Бурхан-Халдун и Богдохан.

Таким образом, религия (прежде всего буддизм) в постсоциалистической Монголии стала фактором, оказывающим влияние на общественное сознание, что, в свою очередь, воздействует на политический процесс.

Воспроизводство религиозной идентичности в политическом отношении происходит через реконструкцию буддийских «смыслов» и эксплуатацию буддийских образов в политической практике. Нельзя не отметить существование определенного противоречия в том, что современное монгольское государство, которое конструировалось как светское, более того, марксистское, и прямо противопоставлялось предшествующему опыту буддийского теократического развития, на новом, демократическом, витке своего развития довольно активно использует буддийскую семантику.

В период становления демократического режима реабилитация буддизма в качестве одного из столпов национальной культуры совпало со все возрастающим влиянием буддизма, особенно школы Гелуг, на международный политический процесс. Вместе с тем политическая роль собственно санхги в современной Монголии, хотя она принимает активное участие в международных организациях и, несмотря на успехи религиозного возрождения последних двадцати лет, не сравнима с историческим политическим значением периода становления независимого монгольского государства. Буддизм и буддийское духовенство находятся в современной Монголии в совершенно иных политических, социально-экономических и культурных условиях, что проявляется и в функционировании современной монгольской санхги, которая руководствуется организационными принципами, в целом выработанными в течение социалистического периода, и значительно отличающимися от организации церкви до 30-х гг. XX в.

В настоящее время, после кончины Джебзун Дамба-хутухты, возникает проблема дальнейшего развития буддийской церкви в свете отношений Монголии, Китая и тибетской диаспоры. Позиция Далай-ламы XIV, который представил в 1991 г. Джебзун Дамба-хутухту IX, может весьма существенно сказаться на развитии монголо-китайских отношений. С другой стороны, весьма вероятно стремление по крайней мере части монгольской политической элиты к использованию ситуации с поиском Джебзун Дамба-хутухты. Нельзя не отметить пристальный интерес и со стороны российских буддистов, которые также могут занять неоднородные позиции.

Воспроизводство буддийской идентичности сопряжено также с изменениями в массовой религиозности населения Монголии. По материалам многих исследований, большинство жителей по-прежнему относят себя к буддистам, хотя отмечается устойчивый рост доли верующих иных конфессий. По данным монгольских социологов, формальная религиозность в стране за последние 30 лет несколько раз претерпевала волнообразные изменения.

Таблица 1

Религиозность населения Монголии [10] (в %)

	1986	1994	2013	Данные переписи 2010 года [9]
Верующие	17,8	71,1	62,9	61,4
Не верующие	80,4	26,5	30,1	38,6
Без ответа	1,8	2,4	7,0	0,0

При этом значительный слой монгольских граждан на протяжении всего постсоциалистического периода не соотносит себя с какой-либо религией. В ходе мониторинга общественного мнения, проведенного социологическим фондом «Сант Марал» в марте-апреле 2015 г., гражданам Монголии среди прочего был задан вопрос, касающийся их представления о должной роли религии в общественной жизни.

Таблица 2

Представление граждан о должной роли религии [11]

	В вашей жизни (%)	В образовании (%)	В политике (%)
Очень сильная	4,1	3,3	1,8
Сильная	13,6	5,6	5,6
Средняя	29,3	15,8	13,0
Небольшая	26,3	19,7	16,1
Совсем нет	24,5	40,8	44,2
Не ответили	0,5	1,1	1,3
Не знают	1,7	13,8	18,2

Отмечается рост числа организаций новых для страны школ и направлений «глобального» буддизма, таких как Кагью, Дзогчен, Ньигма. В таблице 3 приведены статистические данные о количестве числу церквей различных религий в Монголии.

Таблица 3

Число церквей различных религий в Монголии (2004–2014) [5]

Религия	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Буддийская	225	240	245	249	228	232	234	327	338	322	336
Христианская	137	157	150	138	116	113	127	142	148	146	141
Ислам	63	70	85	89	90	110	96	161	157	151	164
Остальные	22	7	7	20	15	5	6	18	24	20	25
Всего	3	6	3	2	7	4	5	6	9	5	6

Таблица 4

*Процентное соотношение церквей различных религий в Монголии (2004–2014)**

Религия	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Буддийская	61	65	61	55	51	49	54	43	44	45	42
Христианская	28	29	35	36	39	47	41	49	46	47	49
Ислам	10	3	3	8	7	2	3	6	7	6	7
Остальные	1	3	1	1	3	2	2	2	3	2	2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

*Подсчеты авторов на основе таблицы 3

Отметим, что для постсоветских государств характерна схожая связь демократических ценностей с буддизмом. Это может служить доказательством кризиса традиционной религиозности как объективного следствия развития монгольского общества. В этом контексте монгольская сангха занимает в большей или меньшей степени консервативные «охранительные» позиции защиты интересов национальной церкви.

Литература

1. Бадмацыренов Т. Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 14: Философия, социология, политология, культурология. С. 143.
2. Конституция Монголии, принята 13 января 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: www.worldconstitutions.ru/?p=33
3. Приветственное слово Президента Н. Багабанди на конференции, посвященной отношениям государства и церкви (Төр, сүм хийдийн харилцаа: орчин үе). Улаанбаатар, 1998. Х. 6–10.
4. Родионов В. А. Буддизм в политическом процессе постсоциалистической Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 6а: Философия, социология, политология, культурология. С. 81.
5. Число церквей по видам религий. Госкомстат Монголии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1212.mn>
6. Сүхбаатар Д. Монголын бурхны шашны сэргэлт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.mn/content/62057.shtml>
7. Хангал М. Харийн шашин оюуны соёлыг устгаж байна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olloo.mn/modules.php?name=News&file=article&sid=1161048>
8. Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль // Ардын эрх. 1993. №196.
9. Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн. Улаанбаатар, 2011. Х.34.
10. Цэдэндамба С. Нийгмийн интеграци ба задралын үйл явц дахь шаны хучин зүйл // Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах. Улаанбаатар, 2014.
11. URL: [http://www.santmaral.mn/sites/default/files/SMPBE15 %20Apr.pdf](http://www.santmaral.mn/sites/default/files/SMPBE15%20Apr.pdf)

УДК 94(517.1)

**О «ЗАБЛУЖДЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**© *Энхжин Сухбаатар*

доцент кафедры истории Монгольского государственного педагогического университета
Mongolia, 210648, Ulaanbaatar, Baga Toiruu-14
E-mail: soyoljin@mail.ru

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. и Хорлоо Чойбалсана в 1952 г. начались обсуждение и оценка их деятельности во всех сферах политической и социальной жизни двух стран. В результате прозвучала критика для устранения ошибок на государственных и экономико-промышленных предприятиях со стороны членов партии и рядовых граждан после XX съезда КПСС и IV пленарного заседания Центрального Комитета МНРП. Таким образом, выражение свободных взглядов на развитие страны стало основой «заблуждения интеллигенции».

Ключевые слова: история Монголии, культ личности, конституция Монголии.

**ABOUT «MISLEADING OF INTELLIGENTSIA»: THE TRANSFORMATION
OF PERSONALITY CULT IN PEOPLE'S REPUBLIC OF MONGOLIA***Sukhbaatar Enzhin*

Associate Professor of History
Mongolian State Pedagogical University
Baga Toiruu-14, Ulaanbaatar, 210648 Mongolia

The Central Committee of the Mongolian People's Revolutionary Party (MPRP) issued a secret Resolution № 413 on the 5th of December 1956 under the title of «On occurrence of the ideas, speeches and critics against the party policy». Nowadays it is significant to conduct analysis on the speeches, reports, works and concepts of the officials, charged in the issue of the Resolution, especially Yu. Tsendenbal and D. Tömör-Ochir, and to run inter-related research and expand its scope as well as covering the extinction of the national democratic initiation flame, sparkled due to the «Intellectuals' confusion», using the Constitution of Mongolia of 1960.

Keywords: history of Mongolia, personality cult, Constitution of Mongolia.

Многие научно-исследовательские работы были посвящены событию под названием «Заблуждение интеллигенции», и проблем, связанных с этим, а также ситуации в политической и социальной сфере Монгольской Народной Республики в 1950-е годы. Проблемы, касающиеся «заблуждения интеллигенции», были отражены в трудах многих ученых — Ч. Дашдаваа [1], Ж. Болдбаатар [2], Б. Баттөмөр [3], Ч. Мижээхуу [4], Н. Дамба [5]. Данная статья посвящена анализу «заблуждения интеллигенции» на основе соответствующих документов, связанных с процессом планирования и оформления указа 413, его представления для всенародного обсуждения.

После смерти лидера советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина в 1953 г. и лидера монгольского народа, страстного борца за независимость Монгольской Народной Республики Хорлоо Чойбалсана в 1952 г. начались обсуждение и оценка их деятельности во всех сферах политической и социальной жизни двух стран. В результате прозвучала критика для устранения оплошностей и ошибок на государственных и экономико-промышленных предприятиях со стороны членов партии и рядовых граждан после XX съезда КПСС и IV пленарного заседания Центрального Комитета МНРП. Таким образом, выражение свободных взглядов на развитие страны стало основой «заблуждения интеллигенции».

Осветим ситуацию, в которой произошли эти события.

1. До начала 1950-х годов Монгольская народная революционная партия (МНРП), создавшая свой статус как ядро политической системы и возглавляемая сила общества Монголии, взяла на себя функции управления государственными органами, пережив культ и влияние Х. Чойбалсана, начало переходного периода однопартийной системы. Во время этого периода возник новый конфликт между двумя группами людей: с одной стороны, круг старых партийных руководителей, не желающих потерять свои должности, с другой — новые претенденты, увидевшие благоприятные условия для развития карьеры.

2. В связи с установлением основ социализма на XII съезде МНРП (МНП) появилось новое поколение интеллигенции, предлагающее свои точки зрения, теории и концепции путей построения социализма. С другой стороны, идея проведения реформ в связи с критикой создавшейся ситуации в Монголии в рамках создания основы социализма, с учетом движений и протестов в Венгрии, была вызвана сомнениями в теории марксизма-ленинизма и осуждением процесса и способа ее внедрения в качестве модели развития в некоторых социалистических странах, таких как Венгрия и Югославия.

В силу этих обстоятельств руководство МНРП(МНП) приняло решение узнать мнение народа о социально-экономическом развитии страны. 11 марта 1956 г. была создана рабочая группа, в состав которой вошли члены ЦК МНРП, секретарь Главного комитета партии, заместитель Совета Министров и другие высокопоставленные должностные лица, в задачу которой входила организация встреч с интеллигенцией. Затем Политбюро ЦК МНРП издало секретный указ 413 от 5 декабря 1956 г. «О появлении идей, разговоров и критики, противостоящих политике партии». В результате анализа документов и протоколов выясняется, что встречи с интеллектуалами проводились в два этапа. Поэтому можно выделить два отдельных типа встреч — до указа и после указа. Первые встречи были проведены между 10 и 20 ноября 1956 г. Процесс планирования и оформления указа начался 20 ноября на собрании городского парткома с участием 69 руководителей низовых партийных организаций. На этом собрании была озвучена идея о заблуждении интеллигенции, была осуждена большая часть критики и мыслей, высказанных во время встреч с интеллигенцией. После этого было отдано распоряжение об указе «О появлении идей, разговоров и критики, противостоящих политике партии» и его огласке партийным низовым комитетам в тот же день. Затем были назначены ответственные лица, которых обязали представить данный указ на собраниях низовых партийных организаций для обсуждения (в архиве столичного партийного комитета хранятся документы, напечатанные на 9 листах бумаги [6]). К сожалению, не удалось уточнить реальную дату представления указа, изданного в 5 декабря, так как не поставлена дата на протоколе. Поэтому можно полагать, что собрания проводилось одновременно в один и тот же день, на основе того факта, что если бы они прошли в разные дни в другие часы, то городской комитет партии должен был отметить соответствующие даты на их протоколах.

Городской комитет партии привел список присутствующих на собраниях всех членов партии, проведенных в 23 основных партийных подкомитетах и 290 низовых первичных отделениях. Из 10 976 членов приняли участие 10 286, из них 24,3 % высказали свои мнения и замечания. В то время 5 % являлись членами партийного бюро ЦК МНРП, 8,6 % — членами партийного бюро городской партийной организации, 86,4 % — ответственными лицами городского центрального комитета партии, а также административной структуры городского комитета партии. Они представили протоколы собраний, включающие отчеты об участии присутствующих, их мнения и замечания в горком. Далее составлен общий заключительный отчет о проведенных собраниях для представления к ЦК МНРП 12 декабря 1956 г. В этом же отчете приведены строгие идеологические взгляды без учета мнений и примечаний рядовых членов и активистов. Например, «Участники собраний посчитали 413-й указ ЦК МНРП (МНП) и Политкома важным решением, которое вышло своевременно, высоко оценили значение монголо-советской дружбы и щедрой помощи советского народа. Далее они выразили презрение к неправильному пониманию некоторых интеллектуалов, которые отвергли большие успехи с помощью руководства партии и советского народа, кроме того, сделали ценные предложения о дальнейшем улучшении партийных идеологических мероприятий и общественных работ, о развитии промышленных предприятий до степени удовлетворения потребностей трудящихся» [7]. Список тем бесед, проведенных ЦК МНРП, отразил не только узкие интересы партийной идеологии, но и эгоистические мнения групп людей, которые уже обладали властью и экономическим благополучием. Все это наблюдается в протоколах собраний.

Судя по протоколам собраний, рядовые члены и кандидаты храбро выражали сомнения и критику по поводу указа и методов партийной деятельности:

Об управлении партии: из-за разрыва связи партийного управления с общественностью возникло заблуждение не только среди интеллигенции, но и внутри всего народа, поэтому партия должна относиться критично к себе и отметить свою вину в указе;

Об установлении демократии: выражалось недовольство по многим пунктам указа, и высказывались мнения, что указ имеет диктаторский тон, выражает мнение меньшинства, не давая возможности всенародного обсуждения. А также указ имеет такие недостатки, как отсутствие ясного отражения мнений и критических замечаний, высказанных на собраниях; пренебрежение принципами демокра-

тии и догматическое сопровождение решений верхушки партии; слепое выполнение решений ЦК. Дальше они высказали, что применение мер против некоторых людей, таких как Содномцэрэн, является способом давления, в результате чего люди будут опасаться высказывать свои мнения. В действительности должна быть обеспечена свобода обмена точек зрения. В связи с этим предлагалось создать специальный журнал.

О застое партийной идеологии и деятельности: люди высказывали мнения о том, что некоторые управленцы нарочно заводили разговоры со свободно мыслящими интеллектуалами и затем оценивали их мнения и критику как идеологию капитализма. Кроме того, вместе того чтобы обратить внимание на осмысление и исправление существующих проблем, искажали факты.

О советско-монгольских отношениях: в указе отмечено, что «без советской помощи Монголия не сможет существовать», этот факт слишком отрицает роль монгольского народа; пропагандисты партии читают лекции и на семинарах партийных организаций говорят только о развитии Советского Союза, а когда задаются вопросы об экономике и государственной политике Монголии, ответы не даются.

О национальной истории и культурном наследии: на собраниях требовали дать четкое объяснение, почему необходимо следовать идеалам социализма через подавление патриотизма и исторической памяти, обвинять людей за патриотизм, когда они считают нужным сохранить культурное наследие. Выражение мнений рядовых членов партии, народа и интеллигенции отражало проявление их инициативы и энтузиазма, их силу воли и стремление учесть знания и опыт, уроки из истории и культуры Монголии.

20 ноября были проведены семинары для руководителей партийных ячеек, а также встречи со студентами университета, протоколы которых были записаны в должном образе. В отчете наблюдается, что организаторы специально предлагали студентам критиковать своих профессоров университета и делали заметки, чтобы затем использовать их как повод для искажения мыслей и предложений преподавателей. Именно это приводит к мысли, что целью указа являлась организация гонений преподавателей и исследователей, ставящих жизненно важные проблемы перед страной и партийным руководством, требующие решений. Нынешняя ситуация в политической и социально-экономической жизни Монголии предупреждает нас о повторении «заблуждения интеллигенции», так как сегодня Монголия сталкивается с той же ситуацией, в которой не только игнорируются мнения и взгляды национальной интеллигенции и ученых, но и немалая часть политиков находится под влиянием внешних экономических и политических групп с перспективными и долгосрочными планами. Именно поэтому «Заблуждение интеллигенции» станет для Монголии ценным уроком.

Поверхностный анализ «заблуждения интеллигенции» показывает, что много людей пострадало в ходе кампании. На самом деле, с одной стороны, ограничивалась свобода мысли творческой интеллигенции, с другой стороны, было неправильное восприятие патриотических мыслей народа в отношении наследия национальной культуры, истории и ценностей Монголии. Например, неоднократное обвинение ученого и писателя Ц. Дамдинсуре́на как пропагандиста национализма и лидера националистов, или писателя Ш. Гаадамба, как сторонника свободной литературы, привело к стандартной боязни писать о национальной идее, о Чингисхане и спасении культурного наследия монгольского народа.

Данное обстоятельство порождает необходимость пересмотра целесообразности исторического термина «заблуждение интеллигенции». Ввиду того, что представление указа 413 было проведено на партийных собраниях, организованных на почти 110 учреждениях, хозяйственных и промышленных предприятиях с участием более 9600 людей, ограничение диапазона события только интеллигенцией не соответствует действительности.

«Заблуждение интеллигенции» проходило с применением той же процедуры, которая широко использовалась во время массовой репрессии. В то время после арестов видных и известных лидеров, таких как А. Амар, организовали собрания среди народа, на которых велась агитация, чтобы внушить людям, что арестованные были врагами народа, японскими шпионами и антисоветскими персонами.

В работах академика Ж. Болдбаатара, доктора наук Ч. Дашдаваа приводятся слова лиц, имеющих отношение к разработке и планированию указа, которые утверждают, что «обязанность на подготовку документа для издания указа возложена на члена Политбюро ЦК Самдана, и редакция осуществлена Ю. Цеденбалом» [8]. По заявлению Д. Дамба, в процессе разработки данного указа приняли участие Ю. Цеденбал, Д. Тумур-Очир, Ширэндэв и Самдан, но когда указ окончательно утверждали, Ширэндэв отказался, заявив: «Я не буду участвовать в нем ...». Однако Самдан упоминал, что он пы-

тался решить вопрос всерьез «...Хотя я предлагал им подумать снова и пересмотреть базовые материалы, они все же продолжали поступать по-своему. Трудно было работать», в то же время Ширэндэв рассказал в своих мемуарах, что «... указ был разработан Ю. Цеденбалом и Д. Тумур-Очиром, и они привлекли меня в этой работе...». Эти факты вызывают интерес. Судя по записям, можно предполагать, что указ был разработан в основном Ю. Цеденбалом и Д. Тумур-Очиром. Это может подтвердиться на основе некоторых фактов. На первой сессии 4-го выбора Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал выступил с речью «О внесении изменений в Конституцию Монгольской Народной Республики» [9]. Основная концепция, содержание и подборка слов и фраз этой речи имеют большие сходства к указу № 413 от 1956 года.

Его позиция ярко освещается в его докладе следующим образом «... существенная правда в том, что победа социализма и коммунизма не могла бы достигнута без руководства революционной партии, следующей учению марксизма-ленинизма во всех видах своей деятельности, подтверждается еще раз», «в настоящее время наше общество состоит из совокупности двух частей, одна из них включает рабочий класс и кооператоров, другая, хотя не формирует полноценный класс, но имеет статус социального слоя — интеллигенция», «ныне рабочий класс имеет главенствующую роль в нашей стране, что справедливо отражается в Конституции», «жизненно важные особенности новой Конституции — она выражает идею интернационализма четко и резко», «только человек-интернационалист может быть признан настоящим патриотом», «отступ югославских лидеров от марксистско-ленинского учения ярко показывает, что всяческий уклон от принципов пролетарского интернационализма сможет привести к предательству национальных интересов и невосполнимым потерям в делах социализма», и наконец, «трудящиеся нашей страны с глубокой гордостью понимают, что если бы мы не имели братской помощи героического советского народа, не смогли бы достичь громадных достижений в борьбе за переход в социализм на основе учения Ленина, и наша страна не могла бы иметь свободу и независимость».

В заключение надо отметить, что мы не преследуем цель обвинять Ю. Цеденбала, наоборот, предлагаем провести анализ его выступлений, работ и концепций, а также лиц, имеющих отношение к указу, особенно Д. Тумур-Очира, в том числе его соучастие в удалении Дамба, и конфликт между Ю. Цеденбалом и Д. Тумур-Очиром, а также изучать вопрос взаимосвязи кампании о «заблуждении интеллигенции» с Конституцией 1960 года.

Литература

1. Дашдаваа Ч. История, культура и политика. Улаанбаатар, 1995.
2. Болдбаатар Ж., Дашдаваа Ч. Движение инновации и его судьба (1952–1966). Улан-Батор, 2005; Болдбаатар Ж., Дашдулам Д. История Монгольской народной революционной партии. Улан-Батор, 2011. Т. 4.
3. Баттумур Б. Процесс, результат и уроки идеологизации общества Монголии (1940–1966). Улан-Батор, 2010.
4. О заблуждении интеллигенции (обзор ист. фактов) // Унэн газета. 1989. № 223.
5. Заблуждение интеллигенции / Исследовательский центр политической репрессии; под ред. Н. Дамба. Улан-Батор, 2006.
6. Ф-24. Т-3.ХН-854.Т. 70–79.
7. Ф-24. Т-3.ХН-854
8. Речь Ю. Цеденбала «О внесении изменений в Конституцию Монгольской Народной Республики» на первой сессии 4-го выбора Народного Хурала МНР. Улан-Батор, 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Аюшеева Н. Г.</i> «Литература родных краев» на Тайване. Основные представители и тематика произведений.....	3
<i>Бадмацыренова Н. Б.</i> Дейктические глаголы монгольского языка.....	7
<i>Бадмаева О. М.</i> Традиционное и новое в драматургии С. Буяннэмэха (на примере пьесы «Юноша-богатырь Тэмуджин»).....	10
<i>Бальжинимаева Б. Д.</i> Названия шорных изделий в монгольских языках северо-восточного ареала Центральной Азии.....	15
<i>Бальжинимаева Б. Д.</i> Названия женских и мужских украшений в монгольском и бурятском языках.....	19
<i>Биликова М. З.</i> Причастия будущего времени монгольского и турецкого языков.....	23
<i>Бодоева А. А.</i> «Одиночество» в поэзии Гу Чэна (1956–1993).....	26
<i>Дашеева В. В.</i> Фонетико-фонологические универсалии (на материале антропонимии китайского и монгольского языков).....	31
<i>Дашеева В. В.</i> Харизматическая функция китайских антропонимов.....	36
<i>Дашибалова Д. В.</i> О неизвестной рукописи Н. Н. Поппе «Бурят-монгольский героический эпос».....	40
<i>Дондокова М. Ю.</i> Образ птицы как символ времени в поэзии Н. Нимбуева и Хань Дуна..	44
<i>Жавхлан М.-Э.</i> Об одном иероглифе, использованном при транскрибировании «Современного сказания монголов».....	48
<i>Мархеева Т. В.</i> Классификация японской эргонимической лексики.....	53
<i>Мункуева Н. С.</i> Особенности выражения значения итератива в современном корейском языке.....	58
<i>Тугулова О. Д.</i> Стратегия поэтического текста Юй Цзяня (на материале стихотворения «Улица Шанъи, 6»).....	62
<i>Хайдапова М. Б.-О.</i> О средствах выразительности китайского языка (на примере поэтического текста).....	67
<i>Хайдапова М. Б.-О.</i> Графическая структура современных китайских иероглифов.....	72
<i>Хайдапова М. Б.-О., Цыренов Б.Д.</i> Китаизмы в Большом монголо-русском академическом словаре.....	78
<i>Хубракова И. В.</i> Фонетические процессы: количественные характеристики гласных переднего ряда в связной речи.....	82
<i>Цыбикова В. В.</i> Традиционные мотивы китайской классической поэзии в творчестве Хайцзы.....	88
<i>Шахаева А. А.</i> Культурно-национальные особенности социокультурного пространства столиц Внутренней Азии (на примере г. Улан-Удэ и г. Хух-Хото).....	93

ФИЛОСОФИЯ

<i>Ветлужская Л. Л.</i> Сотериология буддизма Ваджраяны	96
<i>Ветлужская Л. Л.</i> Формирование текстового корпуса Ваджраяны в Китае.....	101
<i>Дзжао Шу Ин, Пэн Лин.</i> «Канон сыновней почтительности» — конфуцианский трактат о преданности родителям.....	105

ИСТОРИЯ

<i>Бадараев Д. Д.</i> Кризисные зоны в модернизации монгольского общества.....	110
<i>Базаров Б. А., Миягашев Д. А.</i> Об одном из вариантов топографической характеристики расположения хуннских могильников.....	115
<i>Ботоев И. К., Тугулова О. Д.</i> Инвестиционный образ России (о присутствии китайского и японского бизнеса в Сибири и на Дальнем Востоке).....	118
<i>Бураев А. И.</i> Номады Центральной Азии (этногенетический аспект).....	129
<i>Бураев Д. И., Бадархаев Д. В.</i> Модернизация Республики Корея в 1960-х — 1970-х гг.: идеи президента Пак Чжонхи.....	139
<i>Бутова Т. Г., Багаев М. С.</i> Совершенствование инструментов маркетинга в интернет-продажах для B2B.	144
<i>Бухоголова С. Б.</i> Этническая идентичность новых баргутов Китая.....	150

<i>Буянтуева Г. Ц.-Д.</i> Роль семьи в развитии современной бурятской и монгольской молодежи.....	154
<i>Васильева Д. Н.-Д.</i> Монгольская народная игра дэмбээ.....	157
<i>Гарри И. Р.</i> Тибетский буддизм в современных реалиях Китая.....	160
<i>Гармаханов М. Ц.</i> «Корейская волна» в Японии.....	164
<i>Дашибалов Э. Б.</i> Сотрудничество Республики Бурятия с Республикой Корея на современном этапе.....	168
<i>Дамдинова Е. Г. Н. О. Шаракшинова</i> – выдающийся исследователь бурятского фольклора (к 100-летию со дня рождения).....	173
<i>Коновалов П. Б., Базаров Б. А., Миягашев Д. А.</i> Хуннологические исследования в Забайкалье: некоторые итоги и перспективы	176
<i>Маланов И. А.</i> Образовательное пространство бурят-монгольской кочевой цивилизации: ценности и смыслы.....	182
<i>Родионов В. А.</i> О перспективах нового российско-монгольского союза	190
<i>Трегубова Д. Д.</i> Современная языковая идентификация в этнической Бурятии.....	197
<i>Федорова Е. А.</i> Специфика функционирования Интернета в Китае	200
<i>Хатанболд О.</i> Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения.....	205
<i>Хишигжаргал Г.</i> К истории изучения русского языка в Монголии.....	212
<i>Цэцэнбилэг Ц., Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А.</i> Буддизм и воспроизводство буддийской идентичности в Монголии.....	215
<i>Энхжин С. О.</i> О «заблуждении интеллигенции»: трансформация культа личности в Монгольской Народной Республике.....	220

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Ayusheeva N. G.</i> "Nativist literature " in Taiwan. The main representatives and themes.....	3
<i>Badmatsyrenova N. B.</i> Deictic verbs of the Mongolian language	7
<i>Badmaeva O. M.</i> Traditional and new in Buyannemekh's drama works (on example of play «The young man bogatyr Temujin»).....	10
<i>Balzhinimaeva B. D.</i> The names of the saddlery wares in Mongolian languages of the Northeast area of Central Asia	15
<i>Balzhinimaeva B. D.</i> The names of female and male jewelries in Mongolian and Buryat languages	19
<i>Bilikova M. Z.</i> Future participles in the modern Mongolian and Turkish	23
<i>Bodoeva A. A.</i> The name of loneliness in Chinese poetry of Gu Cheng (1956–1993).....	26
<i>Dasheeva V.V.</i> Phonetic and phonological universals (on the basis of Chinese and Mongolian anthroponyms).....	31
<i>Dasheeva V. V.</i> Charismatic function of Chinese names	36
<i>Dashibalova D. V.</i> On an unknown copy of Nicholas Poppe's work "The heroic epic of Buryat Mongols"	40
<i>Dondokova M.Yu.</i> The bird imagines as a time symbol in n. Nimbuev's and Han Dong's poetry	44
<i>Javkhlan M.-E.</i> About the one element which used to transcribe the secret history of the Mongols	48
<i>Markheeva T.V.</i> Classification of Japanese ergonomic vocabulary.....	53
<i>Munkueva N. S.</i> Peculiarities of iterative meaning expression in modern Korean language.....	58
<i>Tugulova O. D.</i> The strategy of the Yu Jian's poetic text (based on the poem "No.6 Shangyi Street").....	62
<i>Khaydapova M. B-O.</i> About means of expression in Chinese language (on the example of poetic text).....	67
<i>Khaydapova M. B-O.</i> Graphic structure of modern Chinese characters.....	72
<i>Khaydapova M. B-O., Tsyrenov B. D.</i> Sinologisms in the big academic Mongolian-Russian dictionary.....	78
<i>Khubrakova I. V.</i> Phonetic processes: quattative characteristics of the front row vowels in the coherent speech	82
<i>Tsybikova V. V.</i> Traditional motive of Chinese classical poetry in Haizi's works art.....	88
<i>Shakhaeva A. A.</i> Cultural and national characteristics social and cultural space of Inner Asia's capitals (the example of Ulan-Ude city and Huh-Hot city).....	93

PHILOSOPHY

<i>Vetluzhskaya L. L.</i> The soteriology of Vajrayana Buddhism	96
<i>Vetluzhskaya L. L.</i> The formation of textual corps of Vajrayana Buddhism in China	101
<i>Zhao Shu In, Pen Lin</i> "Canon of filial piety" — the Confucian treatise on devotion to parents....	105

HICTORY

<i>Badaraev D. D.</i> Crisis zones in modernization of the Mongolian society.....	110
<i>Bazarov B. A., Miyagashev D. A.</i> One of the variants of the topographic characteristics of the location of Xiongnu burial grounds.....	115
<i>Botoev I. K., Tugulova O. D.</i> Investment image of Russia: (about the presence of Chinese and Japanese business in the Siberian and Far-eastern regions).....	118
<i>Buraev A. I.</i> The nomads of central Asia (ethnogenetic aspect).....	129
<i>Buraev D.I., Badarkhaev D.V.</i> Modernization of the republic of Korea in 1960-s — 1970-s: president Park Chung Hee's ideas.....	139
<i>Butova T. G., Bagaev M. S.</i> B2B online tools enhancement.....	144
<i>Buchogolova S. B.</i> Ethnic identity new Barguts of China.....	150
<i>Buyantueva G. Ts.-D.</i> The role of family in the development of the modern Buryat and Mongolian youth.....	154
<i>Vasilieva D. N-D.</i> The Mongolian folk game dembee.....	157
<i>Garry I. R.</i> Tibetan Buddhism in contemporary China.....	160
<i>Garmahanov M. Ts.</i> "Korean wave" in Japan.....	164

<i>Dashibalov E. B.</i> Cooperation of the republic Buryatia and the republic of Korea at the present stage.....	168
<i>Damdinova E. G.</i> About an outstanding researcher of Buryatian folklore N. O. Sharakshinova (dedicated to her 100 th anniversary).....	173
<i>Konovalov P. B., Bazarov B. A., Miyagashev D. A.</i> Xiongnu studies in Transbaikalia: some results and perspectives.....	176
<i>Malanov I. A.</i> Educational space of Buryat-Mongolian nomadic civilization: values and meanings.....	182
<i>Rodionov V. A.</i> New Russia-Mongolia alliance prospects.....	190
<i>Tregubova D. D.</i> Contemporary language identification in Ethnic Buryatia.....	197
<i>Fedorova E. A.</i> The specificity of the functioning of the Chinese Internet.....	200
<i>Khatanbold O.</i> Approaches to the thoughts and perception on democracy of Mongolians (Comparative analysis with research results of the Asia Barometer Survey and Democratic Governance Indicators).....	205
<i>Hishigjargal G.</i> The history of the Russian language studying in Mongolia.....	212
<i>Tsetsenbileg Ts., Badmatsyrenov T. B., Rodionov V. A.</i> Buddhism and reproduction of Buddhist identity in Mongolia.....	215
<i>Enhzhin S.</i> About "misleading of intelligentsia": the transformation of personality cult in People's Republic of Mongolia.....	220

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Максарова Дарима Дамбаевна – тел. 21-03-48

эл. адрес: d.maksarova@mail.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; mar1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отразить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.